РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

№ 3

МОСКВА
2024

ISSN 2311-150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор
А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:
А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
А. Р. Пестова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Р. И. Розина, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:
А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия); Е. В. Какорина, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Л. П. Крысин, доктор филол. наук (Москва, Россия); А. Р. Пестова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Н. Н. Розанова, канд. филол. наук (Москва, Россия); Р. И. Розина, доктор филол. наук (Москва, Россия);
О. А. Шарыкина, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:
А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь
канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024
© Авторы, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

№ 3

MOSCOW
2024

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief
Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue
A. V. Zanadvorova, Ph. D. (Moscow, Russia);
A. R. Pestova Ph. D. (Moscow, Russia);
R. I. Rozina, D. Sc. (Moscow, Russia)

Editorial Board of the issue
A. V. Zanadvorova, Ph. D. (Moscow, Russia); E. V. Kakorina, Ph. D. (Moscow, Russia);
L. P. Krysin, D. Sc. (Moscow, Russia): A. R. Pestova, Ph. D. (Moscow, Russia);
N. N. Rozanova, Ph. D. (Moscow, Russia); R. I. Rozina, D. Sc. (Moscow, Russia);
O. A. Sharykina, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board
Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nesset, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary
Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2024
© by Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Антонова О. В., Гриченкова Д. Ю. (Москва)
Динамика в акцентуации существительных м. р. 2-го склонения в современном русском литературном языке 11

Бабаева Е. Э. (Москва)
Мадам: коннотативный потенциал одного заимствования 27

Багеева О. О. (Москва)
Классификация типов пунктуационного поведения малограмотных авторов 36

Базаров Е. Э. (Москва)
О синкретизме некоторых стилистических помет (на примере помет *разг.* и *проф.*) 51

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (Москва)
Динамика функционирования фразеологизмов-конструкций (по материалам НКРЯ) 62

Букринская И. А., Кармакова О. Е. (Москва)
Региональная лексика в словарях XXI века 75

Занадворова А. В. (Москва)
О терминах «письменная разговорная речь» и «непринужденная письменная речь» 86

Какорина Е. В. (Москва)
Семантические конденсаты как особые типы номинаций в современном русском языке 97

Каленчук М. Л. (Москва)
Разговорная фонетика и лексикография 118

Кара-Мурза Е. С. (Москва)
Стилистический спектр российской журналистики стиля жизни через оппозицию разговорности и книжности 129

Киреев Н. И. (Москва; Париж)
Хорошо забытые старые слова в современной речи: случай *ибо* и *дабы* 146

Киселева К. Л., Козеренко А. Д. (Москва)
Изи катка, ван лав, Добби свободен и другие частотные разговорные неологизмы: источники и механизмы идиоматизации 170

Клушина Н. И. (Москва)
Русская разговорная речь в Интернете: от категории разговорности к «новой устности» 185

Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. (Москва)
Функции паяязыковых единиц в русских текстах 193

Крысин Л. П. (Москва)
«Жестовые» слова и их описание в толковом словаре 204

Крючкова О. Ю. (Саратов)
Некодифицированные лексические элементы в речи диалектоносителей 213

Кулева А. С. (Москва)
Стилистический статус и лексикографическая фиксация разговорных названий растений 221

Мечковская Н. Б. (Минск)
Первый академический проект исследования разговорной русской речи: лингвистические открытия и социокультурные следствия.....230

Норман Б. Ю. (Минск)
Эйджизм в русском фольклоре (тема «старость» в анекдотах).....244

Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. (Москва)
Языковая небрежность или коммуникативный прием?.....258

Пестова А. Р. (Москва)
Изменение стилистического статуса слова в свете корпусных данных.....269

Приёмышева М. Н. (Санкт-Петербург)
Лингвокреативный потенциал русской разговорной речи (по материалам «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»).....279

Пурицкая Е. В. (Санкт-Петербург)
Диалектная лексика в толковых словарях и ее функционирование в современном языке.....295

Раскина А. А. (Новый Орлеан)
«Вам наслайсать или писом?».....303

Розанова Н. Н. (Москва)
«Имена ситуации» как особый тип номинации в разговорной речи и проблемы их словарного описания.....310

Розина Р. И. (Москва)
Скованные одной цепью: междометия и глаголы в русской разговорной речи.....323

Северская О. И. (Москва)
«*Сюда я больше ... не едок?*» (Об экспансии императива *едь*! в разговорной речи последних десятилетий).....334

Фуфаева И. В., Згировская О. Г. (Москва)
Проблемы лексикографического описания разговорных феминитивов.....349

Шарыкина О. А. (Москва)
Глаголы со значением ‘упасть’ и ‘удариться’ в «Толковом словаре русской разговорной речи».....365

Шмелев А. Д. (Москва)
Прагматикализация в разговорной речи.....374

Шмелева Е. Я. (Москва)
Утвердительные частицы *ок* и *ага* в интернет-коммуникации.....389

CONTENTS

Antonova O. V., Grichenkova D. Yu. (Moscow)
Dynamics in the accentuation of masculine nouns of the 2nd declination in modern Russian standard language 11

Babaeva E. E. (Moscow)
Madam: The connotative potential of a loanword 27

Bageeva O. O. (Moscow)
On the syncretism of some stylistic labels (with respect to the labels colloquial and professional) 36

Bazarov E. E. (Moscow)
On the syncretism of some stylistic marks (using the example of the mark *colloquial* and *professional*) 51

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (Moscow)
Constructural phrasemes: dynamics and functioning (based on RNC data) 62

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. (Moscow)
Regional vocabulary in dictionaries of the XXI century 75

Zanadvorova A. V. (Moscow)
About the terms "written colloquial speech" and "casual written speech" 86

Kakorina E. V. (Moscow)
Semantic condensates as special types of nominations in modern Russian language (stylistic status, functioning in usage, problems of dictionary description) 97

Kalenchuk M. L. (Moscow)
Colloquial phonetics and lexicography 118

Kara-Murza E. S. (Moscow)
The stylistic spectrum of Russian lifestyle journalism through the opposition of colloquialism and bookishness 129

Kireyev N. I. (Moscow; Paris)
Well-forgotten words in present-day colloquial speech: the case of *ibo* and *daby* 146

Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. (Moscow)
Izi katka, van lav, Dobby svoboden and the other neologisms: sources and mechanisms of idiomatization 170

Klushina N. I. (Moscow)
Russian colloquial speech in the Internet: from the category of colloquiality to the "new orality" 185

Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. (Moscow)
Functions of paralinguistic units in Russian texts 193

Krysin L. P. (Moscow)
Sign words and their description in the explanatory dictionary 204

Kryuchkova O. Yu. (Saratov)
Noncodified lexical elements in the speech of dialect speakers 213

Kuleva A. S. (Moscow)
Stylistic status and lexicographic fixation of colloquial plant names 221

Mechkovskaya N. B. (Minsk)
The first academic research project on spoken Russian:
Linguistic discoveries and socio-cultural consequences 230

Norman B. Yu. (Minsk)
Ageism in Russian folklore (the topic of "the old age" in jokes) 244

Onipenko N. K., Nikitina E. N. (Moscow)
Speech negligence or a communicative technique?
(semantic and syntactic analysis of internet news headlines) 258

Pestova A R. (Moscow)
Change in the stylistic status of words based on corpus data 269

Priemysheva M. N. (Sankt-Petersburg)
Lingvo-creative potential of Russian colloquial speech 279

Puritskaya E. V. (Sankt-Petersburg)
Dialectal lexis in explanatory dictionaries and its functioning in modern language 295

Raskina A. A. (New Orlean)
"Vam naslaisat' ili pisom?" 303

Rozanova N. N. (Moscow)
"Names of a situation" as a special type of nominations in colloquial speech
and problems of their vocabulary description 310

Rozina R. I. (Moscow)
Chained to each other: interjections and verbs in Russian everyday speech 323

Severskaya O. I. (Moscow)
«*Syuda ya bol'she… ne yedok?*» (about the expansion of the imperative *yed'* (go)
in the colloquial speech of the XXI century) 334

Fufaeva I. V., Zgirovskaya O. G. (Moscow)
Problems of lexicographic description of colloquial gender-specific job titles 349

Sharykina O. A. (Moscow)
Verbs meaning 'to fall' and 'to be hurt' in the explanatory dictionary
of Russian everyday speech 365

Shmelev A. D. (Moscow)
Pragmaticalization in everyday speech 374

Shmeleva E. Ya. (Moscow)
Affirmative particles *ok* and *aga* in internet communication 389

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.1

О. В. Антонова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ovantonova@gmail.com
Д. Ю. Гриченкова
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
dgrichenkova159@gmail.com

ДИНАМИКА В АКЦЕНТУАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ М. Р. 2-ГО СКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Одной из базовых задач современной орфоэпии является описание колебаний внутри старых акцентных парадигм (АП), так как именно на этом участке системы наблюдается значительная динамика. В рамках исследования предпринята попытка проследить некоторые аспекты развитие акцентной системы в современном русском литературном языке, определить закономерности в акцентуации, выявить детали взаимодействия акцентных парадигм, важные для характеристики современной нормы. Так, в настоящей работе описана динамика акцентуации существительных м. р. 2-го скл., рассмотрены активные процессы в именном формообразовании (на основании экспериментальных данных) и акцентные изменения существительных м. р. 2-го скл. в сравнении со старыми акцентными парадигмами. Особое внимание уделено определению новых закономерностей постановки ударения и выявлению особенностей реализации акцентных парадигм, важных для характеристики современной нормы. Динамика АП сущ. м. р. 2-го склонения заключается в перестройке старых акцентных парадигм и установлению новых закономерностей. При этом тенденция грамматикализации (противопоставления парадигм ед. и мн. ч. не только грамматическими средствами (с помощью флексий), но и с помощью разной акцентуации) реализуется непоследовательно. Одни лексемы вовлекаются в тенденцию, другие же, напротив, отвергают ее, зачастую вследствие влияния прагматического фактора.

Ключевые слова: динамика акцентуации, имена существительные 2-го склонения, числовые подпарадигмы, орфоэпия, орфоэпический эксперимент

1. Введение

Известно, что новые акцентные варианты появляются прежде всего в узусе говорящих, а точнее — в разговорной речи (в том смысле, в которой понимали ее авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь», а именно: «термин “разговорная речь” употребляется для названия непринужденной речи носителей литературного языка» [Земская (ред.) 1973: 5]. Не в последнюю очередь это происходит потому, что именно в рамках РР носитель СРЛЯ чувствует себя достаточно непринужденно, чтобы снизить внимание, направленное на собственное произношение. Однако, как известно, не всегда это процесс протекает линейно (т е. не всегда некий старый вариант сменяется новым, но имеет место целый ряд разновидностей такого перехода). И все такие случаи требуют отражения в словаре с соответствующим комментарием. Одной из напряженных точек современной орфоэпии является динамика в акцентуации существительных м. р. 2-го скл. в подпарадигмах ед. и мн. ч.

Для полноценного описания динамики в акцентуации существительных м. р. 2-го склонения прежде всего необходимо затронуть акцентную историю имен этой группы, а именно данные, относящиеся к периоду формирования современного русского литературного языка (XVII–XX вв.), т. к. различные процессы, происходившие в этот период, оказали закономерное влияние на текущее состояние акцентных парадигм. «С. И. Ожегов справедливо говорил об отсутствии обобщающих теоретических работ, посвященных изучению исторических закономерностей развития русского ударения» [Воронцова 1979: 3]. Однако в последние десятилетия в связи с появлением новых публикаций ситуация изменилась. На данный момент существует ряд фундаментальных работ, в которых были предприняты попытки описать развитие ударения и проследить основные закономерности и тенденции в истории русского ударения, такие как [Еськова 1967; Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979; Зализняк 1985; Касаткин 2006; Каленчук; Савинов; Скачедубова 2021; Каленчук 2021; Антонова 2021] и др. Однако еще далеко не все участки системы подверглись детальному исследовано, что и определило интерес авторов к вопросу об акцентуации существительных м. рода 2-го склонения в наши дни.

Следует особо отметить: для современного этапа развития орфоэпии как науки крайне важным представляется очертить различия между понятиями *норма* и *узус* и определить, что под ними понимается. Понятие *норма* многозначно. «В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов... В узком смысле норма — результат целенаправленной кодификации языка [Крысин 2010: 10]. При таком подходе норма в первом значении по сути приравнена к понятию узуса — традиционно принятых в речевой практике способов использования языковых средств и связана с дескриптивным подходом, а во втором значении — к процессу официального закрепления и пропагандирования определенных правил использования языковых средств» [Каленчук 2021: 4]. В науке долгое время понимали норму в узком смысле ее определения и отличали ее от узуса — «традиционно принятых в речевой практике способов использования языковых средств...» [Косериу 1963: 175]. (т. о. *норма* зафиксирована в словарях

и справочниках, а *узус* характеризует общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц: слов, устойчивых оборотов, форм и пр.). В настоящей же работе, вслед за [Каленчук 2021], мы противопоставляем в рамках литературного языка *кодифицированные* нормы *узуальным* нормам[1].

2. Из истории вопроса

Известно, что исследователи русского ударения по-разному описывали акцентные парадигмы существительных м. р. 2-го скл. В древнерусском языке эти существительные были распределены между тремя акцентными парадигмами[2]: баритонированной (ударение на основе в начальной форме и в остальных формах при формообразовании), окситонированной (ударение на флексии) и подвижной[3]. Н. И. Хренова на материале памятников деловой письменности XVII — нач. XVIII в. выделяет акцентные типы A, B и C с большим количеством дополнительных подтипов [Воронцова 1979: 80][4]. Одновременное существование в узусе носителей литературного языка акцентных вариантов определяет необходимость дальнейшего исследования реальной орфоэпической ситуации на этом участке системы. В частности, представляется важным изучить, продолжается ли движение[5]

---

[1] «... мы используем термины кодифицированные нормы и узуальные нормы. При этом под кодифицированными произносительными нормами понимаются официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц. Не случайно понятие кодификации в работах многих западных лингвистов заменяется термином культивирование, нелингвистическое значение которого — «выращивание, разведение, развитие чего-либо в искусственных условиях». Результат принятия любой кодификационной рекомендации всегда рукотворен и в силу этого в определенной мере искусственен. ... Для литературного языка как в общелитературном, так и в региональных его вариантах под узуальными нормами ... понимаются предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ. Эти предпочтения могут быть как осознанными, так и интуитивными» [Каленчук 2021: 7].

[2] Под акцентуационной (акцентной) парадигмой понимается «характерная для определённой группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода “акцентуационная кривая” грамматической парадигмы» [Воронцова 1979: 11].

[3] В подвижную АП исторически объединялись все формы одного слова с любым типом разноместного ударения [Иллич-Свитыч 1963; Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979], однако с течением времени характеристики детализировались.

[4] А. А. Зализняк разработал более детальную классификацию [Зализняк 1967], выделив типы a, b, c, d, d^1 и др. Необходимо особо отменить схему, предложенную Л. Л. Касаткиным, которая удобна наличием отдельного буквенного обозначения для каждой из подпарадигм ед. и мн. ч. По мысли автора, «неподвижное ударение на основе обозначается буквой А, неподвижное ударение на окончании — буквой В, подвижное ударение — буквой С, место ударения указывается отдельно для форм единственного и форм множественного числа» [Касаткин 2006: 67]. Благодаря такой схеме можно наглядно наблюдать, как реализуется тенденция грамматикализации, отмеченная В. Н. Сидоровым: ударение, наряду с флексией — средство различения форм единственного и множественного числа существительных [Антонова 2021: 11].

[5] «Под движением мы имеем в виду как изменение состава слов, акцентуируемых по данному типу в тот или иной период, так и изменения в самой совокупности акцентных отношений» [Воронцова 1979: 10–11].

акцентуационных норм существительных м. р. 2-го склонения и сохраняются ли в современном русском литературном языке тенденции, отмеченные предыдущими исследователями. Обратимся к распределению существительных по трем акцентным парадигмам (подвижной, окситонированной и баритонированной) и проанализируем особенности и развитие каждой из них.

Основные тенденции динамики акцентуации сущ. м. р. 2-го склонения в древнерусском языке и в XVIII–XX вв. таковы:

1. В древнерусском языке наиболее существенные колебания происходили во время перехода слов от окситонии к подвижности с последующей акцентной перестройкой (см. [Воронцова 1979: 100]).
2. В начале XVIII века происходило постоянное пополнение подвижной АП за счет широкого распространения флексии -а (-я) (нетривиального склонения) и вытеснения ею флексии -ы (-и) в форме им. падежа мн. ч. существительных м. р. Этот процесс, как указывает В. Л. Воронцова, происходил в языке «с нарастающей быстротой» [Воронцова 1979: 90] (например, различное употребление в речи форм *погребá — пóгребы*).
3. Среди заимствований осуществлялся переход от неподвижного ударения на основе к подвижности типа *с* или *е* (*бал, балл, борт, бот, буй, бунт, пан, плуг, порт, пуд, приз, сорт, спирт, суп, том*) [Кипарский 1950]. При этом наблюдалось и «более массовое явление среди ненормированной речи (например, «*балл — баллы́, баллóв; грипп — гриппы́, гриппóв; зонд — зонды́, зондóв...*» [Воронцова 1979: 90]).
4. Постепенно происходит расширение слов с подвижностью типа *с* (*пóле, пóля — мн. поля́, поля́м*) за счет слов с подвижностью типа *е* (*волк, вóлка — мн. вóлки, волкáм*), т. е. процесс заключался в «дальнейшем обобщении ударения на флексии в им.-вин. падежах мн. числа» [Воронцова 1979: 84][6].
5. Была реализована тенденция неподвижного накоренного ударения у книжных, редко употребительных слов (например, к концу XX в. слово *град* приобрело неподвижное ударение на корне) [Воронцова 1979]).

В отношении последующего развития акцентуации существительных м. р. 2-го склонения исследователи прогнозировали дальнейшее расширение подвижной АП. Есть основания предполагать, что ударение в существительных м. р. 2-го склонения будет стремиться к противопоставлению парадигм по ед. и мн. ч. Н. Н. Дурново отмечал, что русский язык в целом имеет тенденцию к колонному[7] ударению, которое в результате послужило для усиления противопоставления между субпарадигмами мн. и ед. ч. «По мнению большинства современных исследователей, главным критерием, регулирующим варьирование в акцентных

[6] Это движение поддерживалось и продолжает поддерживаться за счет активности формы им. падежа мн. числа на *-а* (*-я*), ср. [Антонова 2021].

[7] «Колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала» [Зализняк 1985: 9].

парадигмах (АП) при формообразовании, следует признать морфологический фактор» [Дурново 1971: 93–95] (см. также [Антонова 2021: 27–28]). Представляется важным проверить, реализуется ли в современности в динамике существительных 2-го скл. м. р. тенденция Сидорова — тенденция противопоставления существительных ед. ч. и мн. ч. по акцентному признаку, или тенденция грамматикализации [Антонова 2021: 27–30]. На современном этапе это ставит перед исследователем задачу описания изменений нормы за последние десятилетия. Для этого обратимся к эксперименту.

3. Анализ экспериментальных данных

В настоящее время в фонетике большое значение имеют статистические данные, полученные в результате экспериментов. Однако так было не всегда — долгое время лексикографы ориентировались на собственные лингвистические знания и интуицию, а в орфоэпии, по словам М. В. Панова, был прогрессивен традиционализм. Исследователи в большинстве своем придерживались идеи, которую точно отражает следующая мысль: «Только человек, выключенный из культуры, может радоваться тому, что орфоэпические нормы быстро меняются» [Панов 1979: 200]. Таким образом, во главу угла ставилось следование орфоэпическим традициям. Однако уже в начале XXI в. у исследователей возникает и иное мнение: «Самая трудная задача в деле создания орфоэпических рекомендаций — это своевременное признание тех новых вариантов, которые идут на смену старым» [Пожарицкая 2004: 237;]. В ряде современных работ также отмечается необходимость использования в орфоэпии статистических данных, полученных от информантов — носителей литературного языка, см., к примеру [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2021; Каленчук 2021; Антонова 2021] и мн. др.

Для выявления современного состояния колебаний, зарегистрированных ранее в русском литературном языке, мы опираемся на проведенный Е. С. Скачедубовой и Т. Н. Коробейниковой в 2017–2019 гг. орфоэпический эксперимент, в котором приняли участие 120 информантов-москвичей трех возрастных групп: старшая группа (старше 50 лет), средняя группа (25–50 лет) и младшая (младше 25 лет). Испытуемые по условиям эксперимента должны были иметь высшее или неоконченное высшее образование. Гендерная принадлежность респондентов не учитывалась. Испытуемым предлагались для прочтения специально составленные контексты, в которые были включены 11 имен существительных (точнее — 13 словоформ) м. р. 2-го склонения с возможными вариантами ударения. Словоформы отбирались как по современным орфоэпическим словарям, так и по наибольшему количеству зафиксированных в живой речи образованных людей существенных отступлений от акцентуации, прежде считавшейся общепринятой.

Полученные данные были сгруппированы с точки зрения общности грамматической формы, а именно разделены на 5 групп по падежам (от И. п. к Д. п.) и по положению ударения в словоформе (наосновное или флексионное). Таблицы упорядочены по процентному убыванию выбора информантами той или иной словоформы

от младшей группы к старшей[8]. Чтобы выявить динамику норм, по каждой словоформе собраны данные из орфоэпических словарей: Орфоэпического словаря русского языка под ред. Р. И. Аванесова 1983 г. (ОС 1983) [Аванесов (ред.) 1983], отражающего фиксацию нормы на предыдущем этапе развития русского литературного языка; Орфоэпического словаря русского языка под ред. Н. А. Еськовой 2015 г. (ОС 2015) [Еськова (ред.) 2015] и Большого орфоэпического словаря русского языка под ред. Л. Л. Касаткина 2018 г. (БОС 2018) [Касаткин (ред.) 2018], отражающих установленную норму на современном этапе. В шапке таблиц приведены сокращенные названия словарей.

Табл. 1. Формы И. п.[9] с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
плуг ист.: баритонир. АП	**плуг**, -а, *мн.* плуги́, -о́в	**плуг**, -а, *мн.* плуги́, -о́в	**ПЛУГ**, плу́га, *мн.* плуги́, плуга́м.	плу́ги плуги́	100%	100%	100%
Примечание. Данные словарей не совпадают с результатами, полученными в эксперименте. В узусе во всех трех возрастных группах единственно возможной является форма *плу́ги*, в то время как словари рекомендует флексионное ударение *плуги́*. Очевидно, что по результатам эксперимента форма *плу́ги* должна быть нормирована, а форма *плуги́* — сохранена с пометой *устар.*[10]. Возможно, наосновное ударение в словоформе *плу́ги* могло развиться в результате снижения частотности слова, и, как следствие, закономерной утраты им некоторой акцентной свободы.							
пан ист.: окситонир. АП	**пан**, -а, *мн.* паны́, -о́в	**пан**, -а, *мн.* паны́, -о́в	**ПАН**, па́на, *мн.* паны́, пана́м (! не рек. па́ны, па́нам...).	па́ны паны́	80% 20%	90% 10%	100%
Примечание. Форма *па́ны*, которую не рекомендуют все словари, в узусе младшей группы получила 100%. Ввиду высокой степени распространенности форма может быть нормирована как основная (см. [Антонова 2022]).							

[8] Несмотря на то, что в эксперименте принимали участие три группы испытуемых, результаты исследования и кодификационные рекомендации были сгруппированы в основном с опорой на показатели младшей группы (хотя известно, что не всегда в перспективе именно младшая норма выбирается носителями языка в качестве предпочтительной).

[9] Л. Л. Касаткин, исследуя типы акцентуации, пришел к выводу, что тип ударения существительного можно определить по четырем формам: винительного падежа и любого другого с гласным в окончании в ед. ч. и именительного падежа и любого другого (кроме формы винительного падежа, совпадающей с формой именительного падежа) с гласным в окончании во мн. ч. [Касаткин 2006: 67]. Однако в рамках настоящего исследования было признано целесообразным исследовать те падежные формы, в которых были отмечены акцентные колебания.

[10] Следует отменить, что главными факторами принятия кодификационных решений были 1) соответствие орфоэпического факта внутреннему языковому закону или тенденции и 2) распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10].

Окончание табл. 1

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
сват ист.: баритонир. АП	**сват**, -а, *мн.* -ы, -ов ! *неправ. мн.* сваты́, -о́в	**сват**, -а, *мн.* -ы, -ов ! *неправ. мн.* сваты́ , -о́в	—	сва́ты сваты́	80% 20%	100%	90% 10%
Примечание. Узуальные данные подтвердили словарные рекомендации. Форма с наосновным ударением *сва́ты* широко распространена в старшей и младшей группах и произносится в 100% случаях в средней группе. Слово *сват* отсутствует в (БОС 2018), однако, как представляется, исключение формы было преждевременным (ср. популярный телесериал последних лет, название которого (в том числе в средствах массовой информации) часто произносят «Сваты́».							

В группе И. п. с преимущественно наосновным ударением в подпарадигмах ед. и мн. ч. колебаний практически нет (*плу́г — плу́ги, пан — па́ны, сват — сва́ты*). Эти лексемы не следуют тенденции грамматикализации, и формы ед. и мн. ч, не противопоставлены акцентно. При этом словарные рекомендации (*плуги́, паны́*) не соответствует реальному положению дел в узусе носителей литературного языка.

Табл. 2. Формы И. п. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
погреб ист.: подвижная АП	**по́греб**, -а, *мн.* погреба́, -о́в	**по́греб**, -а, *мн.* погреба́, -о́в	**ПО́ГРЕБ**, по́греба, *мн.* погреба́, погреба́м \\ **по́[г]реб**.	погреба́ по́гребы	90% 10%	90% 10%	60% 40%
Примечание. Узус в младшей группе колеблется, хотя 60% информантов младшей группы выбирают форму *погреба́*, совпадающую со словарными рекомендациями. Этот пример иллюстрирует тенденцию грамматикализации, которая закреплена как в узуальном употреблении, так и в словарях.							
сторож ист.: подвижная АП	**сто́рож**, -а, *мн.* сторожа́, -е́й	**сто́рож**, -а, *мн.* сторожа́, -е́й	—	сторожа́ сто́рожи	90% 10%	100%	50% 50%
Примечание. Наблюдаются существенные колебания в младшей группе (в отличие от средней и старшей). Причем слово *сторож* присутствует в ОС 1983 и ОС 2015 с флексионным ударением, но отсутствует в БОС 2018. Поскольку колебания в акцентуации до сих пор сохраняются, очевидно, что лексема была удалена из словаря преждевременно.							

В группе И. п. с преимущественно флексионным ударением наблюдаются колебания. В словоформе *погреба́* эти колебания, однако, совпадают со словарной нормой и соответствуют тенденции грамматикализации. В форме *сторожа́* наблюдаются существенные колебания в младшей группе, и это невозможно игнорировать.

Табл. 3. Формы Р. п. с преимущественно наосновным ударением (мн. ч.)

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
ястреб	**я́стреб**, -а, *мн.* ястреба́, -о́в *и* я́стребы	**я́стреб**, -а, *мн.* ястреба́, -о́в *и* я́стребы, -ов	**Я́СТРЕБ**, я́стреба, *мн.* я́стребы, я́стребам *и* ястреба́, ястреба́м \\ **я́[ст]реб**	я́стребов ястребо́в	60% 40%	60% 40%	60% 40%
Примечание. Во всех возрастных группах наблюдаются одинаковые колебания, которые полностью совпадают с рекомендациями словарей.							

Табл. 4. Формы Р. п. с преимущественно флексионным ударением (ед. и мн. ч.)

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
гусь	**гусь**, гу́ся *и доп.* гуся́, *мн.* гу́си, гусе́й ◇ как с гу́ся вода́	**гусь**, гу́ся *и допуст.* гуся́, *мн.* гу́си, гусе́й ◊ как с гу́ся вода́ (*поговорка*)	**ГУСЬ**, гу́ся *и допуст.* гуся́ ◊ как с гу́ся вода́, *мн.* гу́си, гуся́м (! *неправ.* гу́сям...).	гу́ся гуся́	70% 30%	40% 60%	40% 60%
Примечание. Отмечаются колебания во всех группах. Вариант с наосновным ударением явно имеет поддержку за счет популярной поговорки.							
вор ист.: подвижная АП	**вор**, -а, *мн.* во́ры, воро́в ◇ во́р у вора́ дуби́нку украл *(поговорка)* ! *не рек. им. мн.* воры́; *неправ. ед.* вора́	**вор**, -а, мн. во́ры, воро́в ◊ во́р у вора́ дуби́нку украл *(поговорка)* ! *не рек. им. мн.* воры́; *неправ. ед.* вора́; *неправ. мн.* во́ров	**ВОР**, во́ра (! *неправ.* вора́), но ◊ вор у вора́ дуби́нку украл, *мн.* во́ры, вора́м (! *не рек.* воры́, во́рам).	во́ров воро́в	20% 80%	10% 90%	100%
Примечание. Преимущественно флексионное ударение демонстрирует соответствие тенденции грамматикализации. Узус совпадает со словарной фиксацией.							

Окончание табл. 4

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
ветер	**ве́тер**, ве́тра, *мн.* ве́тры, ветро́в *и* ве́тров ◇ до ве́тру; ро́за ветро́в (*метеорологч. понятие*); по́ ветру и по ве́тру (лете́ть; пусти́ть, развея́ть *и т. д.*); броса́ть слова́ на́ ветер *и доп.* на ве́тер; на ветру́ (*в ветреном месте*) || *в поэтич. речи возм. им. мн.* ветра́	**ве́тер**, ве́тра, *мн.* ве́тры, ветро́в *и* ве́тров ◊ пойти по ве́тру; на ветру́ (*в ветреном месте*); ро́за ветро́в (*метеорологч. понятие*); по ветру и по ве́тру (лете́ть; пусти́ть, развея́ть *и т. д.*); броса́ть слова́ на ветер *и допуст.* на ве́тер; || *в худож. текстах возм. им. мн.* ветра́	**ВЕ́ТЕР**, ве́тра, на ветру́ *и допуст. младш.* на ве́тре, *но* о ве́тре, *мн.* ве́тры, ве́трам *и допуст.* ветра́, ветра́м...	ве́тров ветро́в	20% 80%	20% 80%	100%
Примечание. В младшей группе 100% респондентов отдали предпочтение варианту с ударением *ветро́в*, что сходно с данными эксперимента относительно формы *воро́в*. Эти сведения также соответствуют тенденции грамматикализации.							
тетерев	**те́терев**, -а, *мн.* тетерева́, -о́в	**те́терев**, -а, *мн.* тетерева́, -о́в	**ТЕ́ТЕРЕВ**, те́терева, *мн.* тетерева́, тетерева́м.	те́терев тетерево́в	20% 80%	10% 90%	10% 90%
Примечание. Узус совпадает со словарной фиксацией. Выстраивание колонного ударения (наосновного в ед. ч., флескионного во мн. ч.) для этой лексемы кажется практически завершенной.							
короб	**ко́роб**, -а, *мн.* короба́, -о́в *и* ко́робы, -ов	**ко́роб**, -а, *мн.* короба́, -о́в *и* ко́робы, -ов	**КО́РОБ**, ко́роба, *мн.* короба́, коробам *и допуст.* ко́робы, ко́робам	ко́робов коробо́в	20% 80%	100%	30% 70%
Примечание. Узус частью совпадает со словарной фиксацией, но и соответствует тенденции грамматикализации.							

В группе форм Р. п. явное стремление к поставновке ударения на флексии во мн. ч. соответствует тенденции, отмеченной Н. Н. Дурново и В. Н. Сидоровым.

Табл. 5. Формы Д. п. с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч. (иск. тип уд.)	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
пан ист.: окситонир. АП	**пан**, -а, *мн.* паны́, -о́в	**пан**, -а, *мн.* паны́, -о́в	**ПАН**, па́на, *мн.* паны́, пана́м (! *не рек.* па́ны, па́нам...).	па́нам пана́м	90% 10%	100%	90% 10%
Примечание. Преимущественно ударение на основе, существенных колебаний не наблюдаются. В связи с этим требуются корректировки нормативных рекомендаций.							
сват ист.: баритонир. АП	**сват**, -а, *мн.* -ы, -ов ! *неправ. мн.* сваты́, -о́в	**сват**, -а, *мн.* -ы, -ов ! *неправ. мн.* сваты́ , -о́в	—	сва́там сватам́	80% 20%	90% 10%	80% 20%
Примечание. Предпочтение наосновного ударения при отсутствии существенных колебаний. Лексема *сват*, как говорилось выше (см. Табл. 1.), отсутствует в БОС 2018, что может быть объяснено решением составителей словаря об окончательном установлении в словоформе *сва́ты* ударения на основе, что здесь более обоснованно, чем в форме И. п. мн. ч., т. к. колебания в этом случае менее выраженные.							

В группе форм Д. п. мн.ч. с преимущественно наосновным ударением нет существенных колебаний. Материал в целом показывает движение в направлениии, противоположном направлению тенденции грамматикализации, и стремление к установлению неподвижного ударения на основе по всей парадигме очевидно (ср.: *па́нам* — 90%, *сва́там* — 80%).

4. Выводы

Ниже представлены результаты анализа по группам слов и приведены наиболее показательные примеры из каждой группы, соответствующие тенденции грамматикализации или противоречащие ей. Процентные значения представлены по младшей группе (т. к. именно они, на взгляд авторов, являются наиболее показательными).

В форме И. п. в эксперименте представлено 5 примеров. Следующие формы употребляются с ударением на основе практически без колебаний: *па́ны* (100%)[11], *плу́ги* (100%), *сва́ты* (90%). Динамика противоречит тенденции грамматикализации.

В форме Р. п. мн. ч. всего представлено 6 примеров. Из них целых 5 употребляются с ударением на флексии (*воро́в*, *ветро́в* — 100%; *тетерево́в* — 90%). С ударением на основе и колебаниями употребляется словоформа *я́стребов* (60%). Динамика соответствует тенденции грамматикализации.

[11] Здесь и далее указаны проценты, соответствующие младшей группе информантов.

В форме Д. п. представлено лишь 2 примера. Все они употребляются преимущественно с ударением на основе: *пáнам* (90%), *свáтам* (80%). В данном случае динамика противоречит тенденции грамматикализации.

Итак, в эксперименте были рассмотрены 13 словоформ, и только в 1 из них была представлена в форме косвенного падежа ед. ч. (*гуся*). Внутри массива мн.ч., состоящего из 12 словоформ, стремятся к наосновному ударению 6 словоформ, а другие 6 отчетливо тяготеет к флексионному (что соответствует следованию тенденции грамматикализации). В первой группе ясно продлеживается тенденция к установлению (а в ряде случаев — к возвращению) наосновного ударения во всех числовых парадигмах, и связано это с влиянием прагматического фактора, а именно — утраты лексемами частотности ввиду исчезновения реалий, которые ими обозначены.

В результате анализа каждой группы можно сделать следующие выводы о динамике акцентуации сущ. м. р. 2-го склонения в современном русском литературном языке.

1. Динамика парадигм сущ. м. р. 2-го склонения продолжается. Она заключается в перестройке старых акцентных парадигм и установлению новых закономерностей.
2. Тенденция грамматикализации (противопоставления парадигм ед. и мн. ч. не только грамматическими средствами (с помощью флексий), но и с помощью разной акцентуации) реализуется непоследовательно. Одни лексемы вовлекаются в тенденцию, другие же, напротив, отвергают ее, зачастую вследствие влияния прагматического фактора.
3. В современной лингвистике целесообразнее уточнять орфоэпическую норму, исходя не только из лингвистических знаний составителей словарей, но и опираясь на живую речь образованных людей (узус), сведения о которой возможно почерпнуть не только из точечных наблюдений, но и из массивов экспериментальных данных.
4. Узуальные употребления акцентных вариантов, а именно употребление таких вариантов в рамках разговорной речи (где они проходят своеобразную апробацию) и детальный анализ этих случаев ставят перед лингвистами целый ряд задач, важнейшей из которых представляется устранение на современном этапе противоречий между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих, владеющих нормами русского литературного произношения.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: 1983.

Антонова О. В. Акцентуация имен существительных ж. р. на –а (-я) // Норма произношения в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: 2021. С. 26–57.

Антонова О. В. Варианты русского ударения: кодификация и узус (паж, пан, партер) // Русская речь. 2022. № 6. С. 7–21.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. — [2-е изд.]. — Санкт-Петербург : тип. И. Глазунова, 1831. XXIV, 408 с., 3 л. табл. ; 21. — .

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб.: 1899. С. 290–353.

Дурново Н. Н. О склонении в современном великорусском и литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 90–103.

Еськова Н. А. Картотека по современному русскому ударению // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М.: 1967. С. 167–177.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / [Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова]; под ред. Н. А. Еськовой. — 10-е изд., испр. и доп. — Москва: АСТ, Lingua, 2015. — 1007 с. — С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 373 с.

Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 428 с.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. I. 848 с.

Земская Е. А. (ред.) Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 486 с.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., Изд-во АН СССР, 1963. 182 с.

Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения Историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 4–25.

М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова. Акцентуации имен прилагательных // Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 106–131.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Издательский центр Академия, 2006. 256 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп., 2018. 1020 с.

Кипарский В. Р. О колебаниях ударения в русском литературном языке. I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950. 123 с.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972. 225 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.

Крысин Л. П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Русский язык сегодня. М.: ЯСК, 2010. С. 9–31.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955. С. 5–33.

Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия; идея и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М.: 2004. С. 231–238.

Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М.: 1973. 170 с.

Хренова Н. И. Ударение имен существительных мужского рода в русском языке XVII–XVIII вв. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М.: Наука, 1971. С. 290–299.

O. V. Antonova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ovantonova@gmail.com

D. Yu. Grichenkova
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
dgrichenkova159@gmail.com

DYNAMICS IN THE ACCENTUATION OF MASCULINE NOUNS OF THE 2ND DECLINATION IN MODERN RUSSIAN STANDARD LANGUAGE

One of the basic tasks of modern phonetics in the field of orthoepy is the description of fluctuations within accentual paradigms since this part of the system reveals significant dynamics.

Within the framework of this study, we attempted to trace the development of the accentual system of masculine nouns in the Modern Russian standard language to determine patterns in the accentuation of masculine nouns of the second declension and to identify the ways, in which accentual paradigms interact, as it is important for characterizing the modern norm.

Thus, the work describes the dynamics of accentuation of masculine nouns of the second declension and considers active accentual processes in nominal formation (based on experimental data) and the changes of accent in masculine nouns of the second declension in comparison with older accentual paradigms. Particular attention is paid to defining new patterns of stress placement and identifying the features of the accent paradigm implementation that are important for characterizing the modern norm.

The dynamics of accentuation of masculine nouns of the second declension consists in restructuring old accent paradigms and establishing new patterns. At the same time, the tendency of grammaticalization (contrasting the singular and plural paradigms not only by grammatical means (i. e. by inflections), but also with the help of different accentuations) is implemented inconsistently. Some lexemes are involved in the trend, while others, on the contrary, reject it, often due to the influence of the pragmatic factor.

Keywords: dynamics of accentuation, nouns of the 2nd declension, numerical subparadigms, orthoepy, orthoepic experiment

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo iazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983.

Antonova O. V. [Accentuation of feminine nouns with a stem in -a (-ya)]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021, pp. 26–57. (In Russ.)

Antonova O. V. Variants of Stress in Russian Language: Codification and Usage (*page, pan, parterre*). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 6. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170023733-5. (In Russ.)

Coseriu E. *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya* [Synchrony, diachrony and history]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 3. Moscow, 1963, pp. 143–343. (In Russ.)

Durnovo N. N. [On declension in the modern Great Russian literary language]. *Voprosy iazykoznaniya*, no. 4. Moscow, 1971. pp. 90–103. (In Russ.)

Es'kova N. A. *Kartoteka po sovremennomu russkomu udareniyu* [Card index of modern Russian stress]. *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka* [Linguistic sources. Funds of the Russian Language Institute]. Moscow, 1967, pp. 167–177. (In Russ.)

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo iazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015.

Grot Ya. K. *O glagolakh s podvizhnym udareniem* [On the verbs with the mobile stress]. Trudy, vol. 2. Filologicheskie razyskaniya. Saint-Petersburg, 1899. Pp. 290–353.

Illich-Svitych V. M. *Imennaya aktsentuatsiya v baltiiskom i slavyanskom* [Nominal accentuation in Baltic and Slavic]. Moscow, 1963. 182 p.

Kalenchuk M. L. [Pronunciation norms in living speech and in dictionaries]. *Trudy Otdeleniya Istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2016, pp. 262–270. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (34). Moscow, 2017, pp. 9–28. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. *Uzual'nye i kodifitsirovannye proiznositel'nye normy* [Usual and codified pronunciation norms]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021, pp. 4–25 (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. *Aktsentuatsii imen prilagatel'nykh* [Accentuation of adjectives]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021, pp. 106–131 (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii iazyk. Fonetika: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedenii* [Modern Russian language. Phonetics: textbook. manual for stud. philol. fac. higher. study. institutions.]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ., 2006.

Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo iazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [Comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1020 p.

Khazagerov T. G. [Stress as a means of grammatical differentiation of forms]. *Voprosy iazykoznaniya*, no. 4. Moscow, 1973, pp. 98–108. (In Russ.)

Khazagerov T. G. *Razvitie tipov udareniya v sisteme russkogo imennogo skloneniya* [Development of stress types in the Russian nominal declension system]. Moscow, 1973. 170 p.

Khrenova N. I. *Udarenie imen sushchestvitel'nykh muzhskogo roda v russkom yazyke XVII–XVIII vv*. [Stress of masculine nouns in the Russian language of the 17th–18th centuries]. *Problemy istorii i dialektologii slavyanskikh yazykov* [Problems of history and dialectology of Slavic languages]. (In Russian) Nauka Publ., 1971. Pp. 290–299.

Kiparsky V. R. *O kolebaniyakh udareniya v russkom literaturnom yazyke* [On stress fluctuations in the Russian literary language]. *I. Odnoslozhnye imena sushchestvitel'nye* [I. Monosyllabic nouns]. Helsinki, 1950.

Kolesov V. V. *Istoriya russkogo udareniya. Imennaya aktsentuatsiya v drevnerusskom iazyke* [History of Russian stress. Nominal accentuation in the Old Russian language]. Leningrad, 1972. 225 p.

Krysin L. P. *Problema sootnosheniya yazykovoi sistemy, normy i uzusa* [The problem of the relationship between the language system, norms and usage]. Russian language today. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2010, pp. 9–31. (In Russ.)

Ozhegov S. I. *Ocherednye voprosy kul'tury rechi* [Next issues of speech culture]. In the book: Issues of speech culture, vol. 1. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. Pp. 5–33.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow, Higher School Publ., 1979.

Pozharitskaya S. K. *Orfoepiya; ideya i praktika* [Orthoepia; idea and practice]. *Yazyk i rech': problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and speech: problems and solutions. Collection of scientific works for the anniversary of Professor L. V. Zlatoustova]. Moscow, 2004, pp. 231–238. (In Russ.)

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Saint-Petersburg, 1831.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 373 p.

Zaliznyak A. A. [Patterns of accentuation of Russian monosyllabic masculine nouns]. In the book: Problems of theoretical and experimental linguistics. Moscow State University Publishing House, 1977. Pp. 71–119. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy* [From pre-Slavonic accentuation to Russian one]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 428 p.

Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2010. Vol. I. 848 p.

Zemskaya E. A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 486 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.2

Е. Э. Бабаева
МГУ им. М.В. Ломоносова,
ИРЯз им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
llevidova@gmail.com

МАДАМ: КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

К середине XVIII века русский двор усвоил модель французского придворного и, шире, светского мира. Еще в начале XVIII в. слово *madame* заимствуется в качестве титула в форме *мадама* (1705), *мадам* (1708) и *мадаме* (1728). Расширяя свое функционирование на протяжении XVIII–XIX вв., заимствованное существительное *мадам* использовалось как в статусных, так и в нестатусных значениях. Маркируя разные социальные роли, оно отражало и собственно русские реалии (гувернантка, компаньонка-иностранка, модистка, коммерсантка), но, в отличие от французского языка, не развило никаких специфических коннотаций. Однако в современном языке слово *мадам* может использоваться в маркированных иронических контекстах, особенно в сочетании с именем собственным. Истоки этих употреблений восходят, по всей видимости, к 20-м годам XX в., в частности, к знаменитому роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Особые коннотации слова *мадам* в современном русском языке объясняются двойственностью его восприятия: с одной стороны, привычностью слова для русского уха, а с другой стороны, его очевидной для всех соотнесенностью с чужим социальным словарем.

Ключевые слова: семантика, лексикология, заимствования, история понятий, социальный словарь

В современном узусе слово *мадам* может употребляться иронически[1], особенно применительно к имени собственному; ср. примеры из НКРЯ: *Мадам Васильева, творившая в Министерстве обороны финансовые чудеса, в действительности, не столь уж и уникальное явление в мировом масштабе* (В. Я. Тучков. Русский холод. Надуманное. 2016); *На трибуне мадам Иванова, / Критикесса застойных годов* (М. К. Кантор. Дом на пустыре. 2011); *А у нас пламенная*

[1] О коммуникативных стратегиях в связи с употреблением слова *мадам* при обращении см. в: [Зуга 2018].

в иронии и ироничная в пламенности мадам Латынина приравняла полемические выпады против Александра Исаевича к литературному рэкету (Л. А. Левицкий. Дневник. 1994).

Можно предположить, что такие употребления имеют прямое отношение к механизму «остранения» (термин В. В. Шкловского), который ломает механизм восприятия и создает особый эффект ви́дения объекта. Семантика данного существительного связана также с оппозицией *свой* VS *чужой*, которая, как показал А. Б. Пеньковский, имеет множественную реализацию в языке [Пеньковский 2004]. Новое «ви́дение» объекта, его «остранение» сопрягается с отчуждением, что и порождает особый стилистический эффект. Характерно, что слово *мадам* частотно в сочетании со словами *одна, некая, какая-то,* которые, представляя объект как неопределенный, как бы «дискредитируют его от- и раз-личительные признаки» [Там же: 29]; ср.: *Слышал недавно, как одна мадам соседке похвасталась: «Уж мои-то дети в армию не пойдут»* («Пермский строитель», 28.02.2003); *Однажды звонит: «Виктора Григорьевича, пожалуйста». — «Виктора Григорьевича, — говорю, — нет дома». — «Ах, извините», — вешает трубку. Приходит муж, я ему говорю: «Тебе какая-то мадам звонила»* (Д. Каралис. Роман с героиней. 2001). На употребления слова *мадам* в сочетании с местоимениями *эта, какая-то* обращается внимание только в словаре русской разговорно-обиходной речи [Химик 1: 418]. Можно сказать, что особый стилистический эффект таких «отчуждающих» контекстов порождается, с одной стороны, привычностью слова для русского уха, а с другой стороны, с его очевидной для всех соотнесенностью с чужим социальным словарем. Интересно попытаться понять, как и когда возникло подобное употребление слова *мадам*.

Устанавливая связи с иностранными дворами в XVIII в., Россия в области придворных чинов ориентировалась на Германию. Так, в табели о рангах появляются *обер-камергер*, *обер-гофмаршал*, *обер-церемониймейстер*, *камергер, кондитер* [Оффорд, Ржеуцкий, Арджент 2022: 220]. Вместе с тем к середине XVIII века русский двор усвоил модель французского придворного и, шире, светского мира. Во французском языке семантика слова *madame* соотносилась с семантикой слова *mademoiselle*.[2]

1. madame VS. mademoiselle (как маркеры принадлежности к высшей аристократии). Во Франции слово *madame* применялось к женам и дочерям родовитых особ, с XVII века оно являлось титулом дочерей короля, его сестер или старшей дочери наследника престола. Этот титул использовался и при обращении к ним, в том числе с присоединением имени собственного (обычно писался с прописной буквы). Слово *mademoiselle*, в отличие от *madame*, относилось к особам благородного происхождения, но не имевшим титула. Употребление слова *madame*, принятое в классическом французском, отражается и в русском языке: *Мадам Элизабет*; *Мадам Мать Императора* [титул Марии Летиции Рамолино, матери Наполеона I]; *Это*

[2] Описание употреблений франц. madame основано на материалах словаря Trésor de la langue française informatisé [TLFi — http://atilf.atilf.fr].

случилось при дворе Людовика XIV и было записано Боссюэ [...]*: «О, ночь ужасная, когда вдруг, как удар грома, пронеслась поразительная новость: «Мадам умерла»* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека. 2001) [о смерти дочери Карла I]. Данный титул мог писаться по-французски: *Приемом государыни все довольны, говорят, будто бы она не велит себя иначе называть, как madame, разговаривала просто о вещах дельных, не так, как прежняя государыня* (В. С. Аксакова. Дневник. 1854.) Слово *madame* в качестве титула заимствуется в начале XVIII в. в форме *мадама* (1705), *мадам* (1708) и *мадаме* (1728) [СРЯз XVIII в. 12: 33]. В качестве титула закрепилось слово *мадам,* которое не склонялось, поскольку, как известно, не склонялись и русские титулы, например, *князь*: *Генералисимуса князь Федора Юрьевича бомбардир* (Письма и бумаги имп. Петра Великого 1688–1712). Во французско-русском лексиконе 1762 г. сообщалось, что словом *Madame* французы называют «королевских Принцесс, а особливо старшую королеву» [Полной французской и российской лексикон II: 54]; ср. также: «Титло во Франции, которое прежде сего собственно принадлежало Королевам, дочерям Королевским, супругам Принцов и знаменитейшаго дворянства» [Яновский II: 642].

2. madame = mademoiselle (как маркеры принадлежности к аристократии). Во французском языке с XV в. слово *madame* могло распространяться на любых женщин, занимавших высокое положение в обществе (с присоединением слова, указывающего на социальное положение): *мадам маркиза <графиня>* и использоваться, таким образом, как синонимичное к *mademoiselle.* С 60-х гг. XVII в. словом *madame* прислуга называет хозяйку дома (ср. известную формулу *Madame est servie*). Н. Яновский сообщает, что в России «ныне» все женщины «без разбору» пользуются словом *мадам* [Там же]. Использование слова *мадам* в функции обращения обсуждалось на рубеже XVIII и XIX вв. Так, героиня пьесы А. Сумарокова «Ссора у мужа с женой» Дюфиза сообщает, что составила «прожект» о том, «чтобы «сударь» и «сударыня» не говорить, а говорить бы monsieur и madame», на что Деламида отвечает: «Это бы всего лутче было, ежели б это в разговоры ввесть было можно, да, полно, кто этот варварской обычай выведет, чтоб «сударь» и «сударыня» перестать говорить?» [Сумароков 1950: 80]; ср. еще: *Как европейское поставить в параллель // С национальным — странно что-то! // Ну как перевести мадам и мадмуазель? Ужли сударыня!* [Грибоедов 1971: 140]. Н. Тургенев, рассуждая в книге «О России и русских» об изоляции дворянства от «остальной нации», указывает на то, что одним из разделительных «барьеров» являлось плохое владение родным языком: «Даже беседа (я имею в виду дружескую и любезную беседу) не всегда возможна на русском языке для тех, кто, усвоив иностранный язык, усвоил также иностранные обороты и манеры речи. По-русски никак нельзя сказать: madame, monsieur и пр.» [Тургенев 2001: 191].

3. madame VS mademoiselle (как маркеры семейного положения). С XIII в. оппозиция *madame* VS *mademoiselle* осмыслялась во французском языке также как оппозиция *замужняя* VS *незамужняя* женщина. С XVII в. слово *madame* употребляется по отношению к любой женщине, если она достигла возраста замужества. В дореволюционной России оно могло использоваться наряду со словом *госпожа*

применительно к женщинам, вышедшим замуж за дворянина или мещанина: *Сейчас же после фейерверка Сипягин с мадам Грибоедовой открыл бал полонезом* (К. Ф. Аделунг. Письма отцу. 1828); *Он* [Ситников] *и мадам Кукшина нисколько не карикатуры и не портреты* (М. Н. Катков. Роман Тургенева и его критики. 1862). Во французском языке существовали шутливые употребления, в которых слово *madame* сочеталось со словами *épouse, femme*, как если бы это был титул: *madame mon épouse, madame votre femme*. В русском языке XIX и XX вв. встречаются употребления типа: *Пришел сосед со своей мадам*; ср.: *Терпеть я не могу сплетен, — Шешковский покраснел и оглянулся, — но ввиду дуэли я нахожу нужным сообщить вам. Вчера вечером он в доме Мюридова застал свою мадам с... одним* господином (А. П. Чехов. Дуэль. 1891); *Зато Маня приезжала к ней, и тогда Сергей приходил со своей Мадам, и Маня раздавала свои сувениры, по куску сала каждому, по баночке малинового варенья, и все строго поровну — Лидии и Сергею* (Г. Щербакова. Ах, Маня... 2002).

Французское слово *madame* имело некоторые коннотации. Так, существовало выражение *faire la madame* (изображать даму), которое указывало на то, что женщина, не имеющая высокого социального статуса, ведет себя высокомерно[3], а также *jouer à la madame* (играть в даму), обозначающее имитацию поведения, свойственного или как бы свойственного аристократке, — преимущественно в детской игре, когда девочки разыгрывают ситуацию приема гостей[4]. Начиная с XVIII в., данное выражение переводится во французско-русских словарях как *повести себя госпожею*, *брать на себя вид госпожи*, *вести себя барынею, корчить из себя барыню; играть в кумушки*[5]; ср., например: «Faire la Madame, повести себя госпожею, брать на себя вид госпожи [...] Jouer à la madame (дѣтская игра, когда они будто другъ друга угощаютъ), въ кумушки играть» [Полной французской и российской лексикон II: 54]; «Faire la [madame], вести себя барынею, корчить из себя барыню. Jouer à la [madame], играть въ кумушки» [Макаров 1900: 658]. Характерно, что слово *мадам* не участвует в переводах французских фразем. По всей видимости, оно не обладало необходимыми для их понимания коннотациями. Как показывают материалы НКРЯ, представление об особой аристократичности поведения находит отражение в русском языке при использовании слова *мадам* крайне редко; ср.: *— Мадам Рябинская, спокойно! — ответил Гера. Это «мадам Рябинская» принесла в их дом соседка, парикмахерша Галя. [...] Возможно, она и других так называла, но в маме Геры есть что-то действительно «мадамское»: осанка, манеры и упорное нежелание переходить на современный сленг, будто она дворянка потомственная (на самом деле папа был из колхозников), вечно обрывает Геру, когда он говорит «прикольно», «круто»* (А. И. Слаповский. Большая книга Перемен. 2010); *«Интересно, а как на*

[3] Согласно словарю TLFi, « affecter un air supérieur, une noblesse de manières habituelle aux dames. Elle fait la madame » («изображать высокомерие, благородство манер, свойственное дамам. *Она корчит мадам*»).

[4] Согласно словарю TLFi, «contrefaire le comportement, les manières distinguées des dames» (« копировать поведение и изысканные манеры дам »).

[5] Ср. в словаре В. Даля: «Куму надо угощать во всякое время, когда ни придет» [Даль II: 218].

самом деле Гуровы живут?» — попыталась представить она. Валя медленно шла по пыльной дороге от автолавки. «Они тоже ходят по магазинам, стоят в очередях? Нет, невозможно представить Марьяну или мадам Гурову, например, что они давятся в очереди за вареной колбасой. Просто невозможно! Скорее всего, у них есть для этих целей какая-нибудь домработница..» (Т. М. Тронина. Русалка для интимных встреч. 2004).

В XVIII в. в русском узусе слова *мадам* и *мадама* стали применяться к гувернантке при детях, а также к компаньонке-иностранке. В последней трети XVIII в. оба существительных становятся номинацией для изготовительницы модных нарядов и шляпок.[6] С появлением новых магазинов — *магазинов мод* (фр. *magasin de nouvautés*) словом *madame* начали называть хозяйку такого магазина. Наконец, в XIX в. слово *мадам* использовалось применительно к хозяйке какого-л. учреждения, обычно трактира, гостиницы или меблированных комнат, а также к содержательнице публичного дома. Таким образом, можно сказать, что слово *мадам,* отражавшее как чужие, так и собственно русские реалии, маркировало разные социальные статусы и роли; вместе с тем оно практически не развило устойчивых положительных или отрицательных коннотаций.

Если обратиться к современному языковому узусу, то обращают на себя употребления, в которых слово *мадам* вводит представление об особом типе внешности и поведения женщин, ср.: *Курящие, стало быть, все, кроме отца и деда Сергея, норовили закурить. Грудастая мадам в перманенте, из-за стойки: «Охальники!!! Милиция!!!» Деда-Коль: «Пардон, мадам! Ребя, десантируемся!»* (Г. Вдовин. Памяти парадов. 2013); *Нынче ваш брат провинциал Москву не жалует. Теперь их в городе пропасть. Вон, к примеру, мадам голосует — руку подняла, а на пальцах бриллианты горят, как катафоты.* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени. 2008); *Несколько дней спустя он отправился в Свердловский райвоенкомат — по месту жительства. Выяснил, что без вести пропавшими и погибшими на войне занимается одна из помощниц начальника второго отделения. Дождался приема... — Я не совсем понимаю, чего вы от нас хотите, — заявила пергидрольная мадам бальзаковского возраста, бегло просмотрев распечатанные документы «Мемориала»* (Ф. Ошевнев. Билет на тот свет. 2015); *Молоденький мальчик приехал из Новгородской области, работать не хотел и прекрасно устроился на содержании у сорокалетней барменши — женщины весьма интересной, очень хорошо сохранившейся и чрезвычайно обеспеченной. Через полгодика он мадам наскучил* (Е. Топильская. Помни о смерти (memento mori). 2005); *Подхожу — навстречу мне мадам лет 55 с претензией — то есть с облупленным ярко-рыжим маникюром и с черными стрелами от глаз до ушек*. (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум). 2005). Если обобщить существующие контексты, можно сказать, что это крупная женщина определенного возраста (который может обозначаться как *бальзаковский)*, располагающая средствами к существованию и претендующая на особый статус и оттого высокомерная;

[6] Слова *модист, модистка* появляются в самом начале XIX в. [СРЯз XVIII в. 12: 242].

кроме того, это, как правило, одинокая женщина, которая находится в поиске подходящего спутника жизни.

Можно с некоторой осторожностью предположить, что подобные употребления восходят к 20-м годам XX века. Исследователями отмечалось, что для этого времени характерна некоторая лоскутность узуса, «стилистическая разноголосица», отчасти достигавшаяся «рециклизацией» старых языковых единиц [Щеглов 2009: 22–23]. Это эпоха своего рода «гипноза» слов, когда, как замечает Ю. К. Щеглов, старые и новые стереотипы сосуществуют, но на разных правах[7]. «Напористый» новый язык 20-х годов естественным образом переосмыслял разного рода инородность, в том числе, конечно, социальную, связанную с противопоставлением аристократов и плебеев. Несомненно, в эту воронку были затянуты и способы обращения к людям различных старых и новых социальных статусов (отдельные яркие примеры именования людей при обращении приведены в: [Там же: 226, 229–230]); ср. еще: *Толстая тетка лезла в трамвай у Сухаревой башни, но поместиться в вагон не смогла и встала на подножку. Кондуктор стал просить ее сойти с подножки, ругал, уговаривал, но ничего не помогало. Тетка с подножки сойти не желала. И лишь после того, как кондуктор обратился к ней по старорежимному вежливо: «Мадам, нравственно прошу вас сойти с трамвая», она сошла* (Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. 2008).

В качестве своего рода катализатора для иронических употреблений слова *мадам* применительно к женщине особого типа, вполне мог повлиять образ «знойной женщины» *мадам Грицацуевой* из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», впервые опубликованного в 1928 г. и сразу же ставшего необыкновенно популярным: *Молодая была уже не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет. Природа одарила ее щедро. Тут было все: арбузные груди, нос — обухом, расписные щеки и мощный затылок* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. 1927). Известно также, что *мадам Грицацуева* была нэпманшей: она владела лавкой[8]. *Мадам Грицацуева* может непосредственно упоминаться в текстах как «ярлык» узнаваемого типа женщин: *К примеру, мадам Грицацуеву я нашла у нас на рынке. Пирожками она торговала.* [...] *Такая мощь у нее, такая фактура!* (М. Б. Бару. Замок с музыкой. 2013). Таким образом, речь идет о коммерсантке, однако, по сравнению с XIX в. она сильно продвинулась по социальной лестнице и как бы заняла место аристократки, которая, наоборот, утратила свои позиции; ср.: *Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место*

[7] Как замечает Ю. К. Щеглов, «профанации подвергается не только советский мир, но и дореволюционный. Соавторы и их герой с одинаковой непринужденностью жонглируют ходовыми фразами того и другого. Это естественно, если учесть, что засилье штампа, лозунга и других форм «патетической лжи и условности» (Бахтин) началось в России задолго до революции. И монархия, и ее враги в одинаковой мере полагались на гипноз слов» [Щеглов 2009: 18].

[8] Ю. К. Щеглов обращает также внимание на использующееся *мадам Грицацуевой* просторечное слово *изменщик*, которое встречается, в частности, в литературе о купцах [Щеглов 2009: 257].

(М. М. Зощенко. Аристократка. 1923), *Семен Иванович присмотрел двух дам: одна — черноглазая блондинка в берете и в шелковом платье, сшитом из занавеси; другая — сухонькая — в огромной шляпе с перьями. «Аристократки», — решил он и, по-столичному приподняв соломенный картузик, сказал: — Все один да один. Позвольте представиться: конт Симон де Незор. Не откажитесь вместе поужинать. Аристократки не выразили ни удивления, ни сомнения и сейчас же пошли вместе с Симоном де Незором в кабинет* (А. Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус. 1924). Повышение статуса коммерсантки новых времен сопровождается возникновением некоторых «претензий» с ее стороны и «изобретением» соответствующего поведения.

Таким образом, можно предположить, что довольно распространенные в современном языке иронические и оценочные употребления слова *мадам* (особенно в сочетании с именем собственным) возникли на основе коннотаций этого слова, сформировавшихся в 20-е годы XX в., вероятно, не без влияния знаменитого романа И. Ильфа и Е. Петрова. В целом функционирование слова *мадам* в современном русском языке позволяет также предположить, что среди заимствований существуют такие, в которых представлены одновременно две лексические системы: употребляя заимствование в соответствии со своим узусом, носители языка — в силу лингвистических и/или экстралингвистических причин — хорошо представляют себе объем их семантики (хотя бы фрагментарно) в языке-источнике. Подобная двойственность может приводить к возникновению особых «отчуждающих» контекстов, как это происходит с хорошо знакомым всем словом *мадам*.

Литература

Грибоедов А. С. Горе от ума // А. С. Грибоедов. Сочинения в двух томах. Т. 1. Москва: Издательство «Правда», 1971. С. 57–164.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

Зуга О. В. «Мадам!» Оскорбление или вежливое обращение? // Вестник Удмурдского университета. Серия История и Филология. Т. 28, вып. 2, 2018. С. 248–253.

Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь. Изд. 10-е. С.-Петербург, изд. Наследников Н. П. Макарова, 1900.

Оффорт Дерек, Ржеуцкий Владислав, Арджент Гезине. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 888 с. (Серия Studia Europaea).

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–50.

Полной французской и российской лексикон. Dictionnaire complet françois et russe, с последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей. — В Санкт-Петербурге : печатано в Императорской типографии, 1786. Ч. I–II.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–22–. Л.; СПб., 1984–2019–.

Сумароков А. П. Ссора у мужа с женой // Русская комедия и комическая опера XVIII в. Редакция текста и вступительная статья П. Н. Беркова. Москва, Ленинград: Государственное издательство «Искусство», 1950. С. 67–85.

Тургенев Н. И. Россия и русские / Перевод с французского и статья С. В. Житоимирской. Комментарии А. Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. 744 с.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. Т. 1–2. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.

Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины СПб.: Тип. Акад. наук, 1803–1806. Т. 1–3.

E. E. Babaeva
Lomonosov Moscow State University,
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
llevidova@gmail.com

MADAM: THE CONNOTATIVE POTENTIAL OF A LOANWORD

By the middle of the eighteenth century the Russian court had assimilated the model of the French court and, more broadly, of the secular world. As early as the beginning of the 18th century the word madame was borrowed as a title in the forms *мадама* (1705), *мадам* (1708) and *мадаме* (1728). Expanding its functioning throughout the 18th and 19th centuries, the borrowed noun *мадам* was used in both status and non-status meanings. Marking different social roles, it also reflected Russian realities proper (governess, foreign companion, modiste, merchant), but, unlike in French, it did not develop any specific connotations. However, in modern language the word *мадам* can be used in marked ironic contexts, especially in combination with a proper name. The origins of these uses date back, apparently, to the 20s of the 20th century, in particular, to the famous novel «The Twelve Chairs» by I. Ilf and E. Petrov. Specific connotations of the word madam in the modern Russian language are explained by the duality of its perception: on the one hand, the familiarity of the word to the Russian ear, and on the other hand, its obvious correlation with a foreign social vocabulary.

Keywords: semantics, lexicology, borrowings, history of concepts, social vocabulary

References

Griboedov A. S. [Woe from Wit] *A. S. Griboedov. Sochineniya v dvuh tomah. T. 1.* [A. S. Griboedov. Works in two volumes. vol. 1]. Moscow. Pravda Publ., 1971. Pp. 57–164.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. I–IV* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vols. I–IV.]. Moscow. 1955.

Himik V. V. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-obihodnoi rechi. T. 1–2.* [Explanatory dictionary of Russian colloquial and everyday speech. Vols. 1–2]. SPb.: Zlatoust, 2017. 532 p.

Janovskii N. M. *Novyi slovotolkovatel', raspolozhennyi po alfavitu: soderzhashhii raznye v rossiiskom yazyke vstrechaiushhiesya inostrannye recheniya i tehnicheskie terminy* [New interpreter, arranged alphabetically: containing different foreign sayings and technical terms found in the Russian language]. Sankt-Petersburg. Tip. Akad. nauk, 1803–1806. T. 1–3.

Makarov N. P. *Polnyi francuzsko-russkii slovar'. Izd. 10-e.* [Complete French-Russian dictionary. Ed. 10th.]. S.-Peterburg, izd. Naslednikov N. P. Makarova, 1900.

Offord Derek, Rzheuckij Vladislav, Argent Gesine. *Francuzskii yazyk v Rossii. Social'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [French language in Russia. Social, political, cultural and literary history]. Moscow. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022. 888 p. (Seriya Studia Europaea).

Pen'kovskii A. B. [On the semantic category of "foreignness" in the Russian language]. Pen'kovskii A. B. *Ocherki po russkoi semantike* [Essays on Russian semantics] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. Pp. 13–50.

Polnoi francuzskoi i rossiiskoi leksikon. Dictionnaire complet françois et russe, s poslednyago izdaniya leksikona Francuzskoi akademii na rossiiskoi yazyk perevedennyi Sobraniem uchenyh lyudei [ ]. — V Sankt-Peterburge: pechatano v Imperatorskoi tipografii, 1786. Ch.I–II.

Slovar' russkogo jazyka XVIII v. Vyp. 1–22– [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Vol. 1–22]. Leningrad. — Spb., 1984–2019–.

Sumarokov A. P. [A quarrel between a husband and his wife] *Russkaya komediya i komicheskaya opera XVIII v. Redakciya teksta i vstupitel'naya stat'ya P. N. Berkova* [Russian comedy and comic opera of the 18th century. Editing of the text and introductory article by P. N. Berkov]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Iskusstvo», 1950. Pp. 67–85.

Turgenev N. I. *Rossiya i russkie / (perevod s francuzskogo i stat'ya S. V. Zhitoimirskoi. Kommentarii A. R. Kurilkina).* [Russia and Russians / (translation from French and article by S. V. Zhitomirskaya. Comments by A. R. Kurilkin)]. Moscow. OGI, 2001. 744 p.

Shheglov Ju. K. *Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya. 3-e izd., ispr. i dop*. [Novels by Ilf and Petrov. Reader's Companion. 3rd ed.]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2009. 656 p.

Zuga O. V. [Madam! Insult or polite treatment?] *Vestnik Udmurdskogo universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*. T. 28, vyp. 2, 2018. Pp. 248–253.

DOI: 10.319122/pvrli-2024.3.3

О. О. Багеева
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
olga-bageeva@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ПУНКТУАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МАЛОГРАМОТНЫХ АВТОРОВ

В статье представлены результаты анализа употребления пунктуации в корпусе эпистолярных текстов малограмотных авторов. Под пунктуацией понимается множество знаков, включающее как традиционные знаки препинания, так и дополнительные графические средства — знаки периферии пунктуационной системы. Многообразие стратегий употребления пунктуационных знаков в малограмотных письмах сводится к классификации, основанной на семи противопоставлениях: 1) использование/неиспользование пунктуации, 2) использование одного / более одного знака, 3) использование/неиспользование знаков препинания во всем тексте письма, 4) использование/неиспользование знаков препинания в содержательной части письма, 5) систематическое/спорадическое употребление знаков препинания в содержательной части письма, 6) системное/несистемное употребление пунктуационных знаков, 7) традиционное/свободное употребление пунктуационных знаков. Последние звенья классификации представляют собой теоретически возможные типы пунктуационного поведения малограмотных авторов, которые могут быть также описаны с помощью анкет, содержащих информацию об инвентаре знаков, относительной частоте употребления знаков препинания в содержательной части письма и функционировании знаков. В исследуемом корпусе выявлены 15 типов пунктуационного поведения. Самыми непродуктивными из них являются те, при которых пунктуация используется регулярно и системно либо совсем или почти совсем не используется. Самый продуктивный тип пунктуационного поведения характеризуется 1) использованием в письме нескольких пунктуационных знаков, 2) относительно систематическим употреблением знаков препинания в содержательной части письма и 3) несистемным употреблением одного или нескольких знаков.

Ключевые слова: русский язык, письма, пунктуация, классификация, малограмотность

В настоящее время мы постоянно сталкиваемся с различными отклонениями от пунктуационной нормы, как сознательными, так и бессознательными. В случае сознательного нарушения нормы, как правило, речь идет об авторской пунктуации,

при бессознательном нарушении — о пунктуации ошибочной, являющейся следствием дисграфии или недостатков школьного обучения. Промежуточный тип отклонения от пунктуационной нормы обнаруживается в интернет-коммуникации: сознательное нарушение правил, вызванное стремлением экономить время и потребностью выражать определенные эмоции, закрепляется в практике и приводит к регулярной ошибочной постановке знаков, их опущению или замене на другие, например, на различные комбинации знаков препинания (далее ЗП), эмотиконы или эмодзи. Пунктуационные ошибки исследуются в XXI веке в рамках различных подходов: лингводидактического [Шутан 2017; Apuhin et al. 2023], психолингвистического [Сигал 2023], функционально-стилистического [Валгина 2004; Martus 2012] и коммуникативно-прагматического [Нашхоева 2011; Карпухина 2021]. Интерес современных российских и зарубежных ученых к пунктуационным нарушениям и необходимость их изучения на различном текстовом материале и обусловливают актуальность данной работы.

В настоящей статье в фокусе внимания находится пунктуационный узус пожилых малограмотных носителей русского языка, являющийся ярким примером отклонений от пунктуационной нормы. В рамках данной работы малограмотными считаются люди с минимумом образования, умеющие читать и писать, но не обладающие теоретическими знаниями по русскому языку и опытом написания текстов.

Наша цель — выявить и систематически представить специфику употребления пунктуации в корпусе писем малограмотных авторов. Корпус, насчитывающий 100 писем, был отобран путем случайной выборки в 2003 году в архиве Фонда взаимопонимания и примирения при правительстве РФ и опубликован в двух частях [Багеева 2008, Багеева 2010].

В ходе исследования мы стремились решить следующие задачи: 1) ввести понятие «пунктуационное поведение», 2) представить этапы анализа пунктуационного узуса малограмотных авторов в виде оппозиций общей классификации, 3) представить описание типов пунктуационного поведения малограмотных авторов, 4) выявить самые продуктивные и непродуктивные типы пунктуационного поведения в исследуемом корпусе.

В основе нашего исследования лежат в первую очередь классические труды известных отечественных языковедов, в которых вводятся и разрабатываются понятия периферии пунктуационной системы, общей и частной функции знаков, пунктуационной нормы и отклонения от нее [Реформатский 1933; Шварцкопф, 1988]. Для понимания специфики иерархической структуры писем были привлечены также некоторые работы из области лингвистики текста [Гиндин 1978, Дейк 1989, Ermert 1979].

Полный анализ употребления пунктуации в текстах малограмотных носителей языка предполагает изучение пунктуации в трех аспектах. Первый аспект исследования — набор пунктуационных знаков, используемый в письме; второй аспект — систематичность употребления ЗП; третий аспект — функции знаков в тексте. Все три аспекта составляют то, что можно назвать **пунктуационным поведением**.

В рамках данной работы мы будем рассматривать пунктуацию в широком смысле, т. е. как множество знаков, к которому относятся не только ЗП, но и дополнительные графические средства — знаки периферии пунктуационной системы. При этом следует учесть, что в малограмотных письмах знак «точка» реализуется в трех вариантах: одиночная точка (точка в конце предложения, после которого новое предложение начинается со строчной буквы), одиночная прописная буква (прописная буква, которой не предшествует точка в конце предыдущего предложения) и сочетание точки и прописной буквы. Точка при сокращении слов и первая прописная буква в начале текста пунктуационными не считаются.

Отметим, что периферийные знаки встречаются как в печатных, так и в рукописных текстах. В исследуемом корпусе обнаруживаются:

— ***композиционно-пространственные знаки***: знак стыка абзацев (ЗСА); изменение колонки текста (ИКТ), т. е. изменение «площади» текста, разное расположение групп строк; отбивка — увеличенный межстрочный интервал; увеличенный пробел между словами (УПМС);
— ***аналог шрифтовых знаков***: выделительная прописная буква (ВПБ); увеличенный кегль, т.е. написание слова сплошными прописными буквами;
— ***лексико-пунктуационные знаки*:** начинательные союзы «и» и «а», метатекстовые маркеры — лексические элементы в пунктуационной функции;
— ***перечень с рубрицированием*** — пунктуационно-орфографический комплекс, включающий ЗП и цифры;
— ***дефис*** в соединительно-разграничительной пунктуационной функции;
— ***индивидуальные знаки и сочетания знаков*** («.,», %...%) [Багеева 2019].

Многообразие типов пунктуационного поведения можно свести к классификации, основанной на 7 противопоставлениях. Первые три оппозиции касаются набора знаков, четвертая и пятая оппозиции демонстрируют различия в систематичности употребления ЗП, шестая и седьмая оппозиции связаны с функционированием пунктуации в письмах малограмотных авторов.

1. Первая оппозиция — это противопоставление текстов, в которых употребляется пунктуация, и текстов, в которых она не употребляется. Примерами первого противопоставления являются соответственно тексты П-1[1] и П-41 (рис. 1). В П-1 используются точка, запятая и знаки периферии: ЗСА, УПМС, отбивка, ИКТ. В П-41 пунктуации нет.

2. Второй оппозицией является использование одного пунктуационного знака или использование более одного пунктуационного знака. Среди малограмотных текстов с пунктуацией встречаются такие, в которых используется несколько разных знаков. Им можно противопоставить письма, в которых нет пунктуационного разнообразия.

Иллюстрацией второго противопоставления могут быть, например, тексты П-68 и П-4 соответственно (рис. 2). В П-68 используется только один знак — точка,

[1] Примеры с соответствующей нумерацией взяты из публикации корпуса.

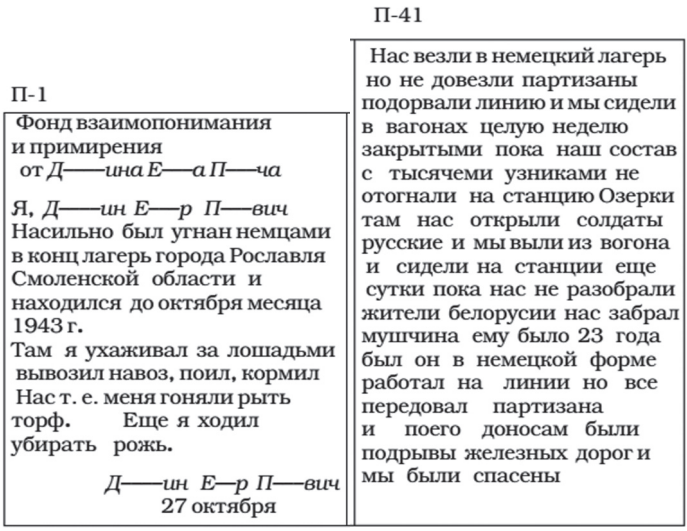


Рис. 1

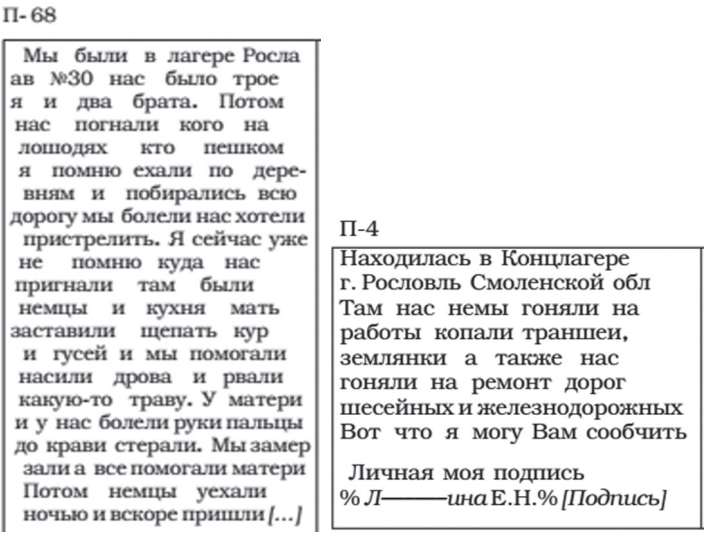


Рис. 2

причем употребляются два варианта этого тройственного знака: одиночная прописная буква и сочетание точки и прописной буквы. В П-4 используется несколько знаков: точка (вариант прописная буква), запятая, отбивка и индивидуальный знак «%... %».

3. Далее тексты противопоставляются по использованию или неиспользованию ЗП. Назначение данной оппозиции — отметить принципиальное различие текстов, в которых присутствуют изучаемые в школе ЗП, и текстов, в которых

их нет. Стоит отметить, что в исследуемом корпусе только в одном тексте с пунктуацией нет ЗП — в П-6 (рис. 3). В П-6 используется только один периферийный знак — ИКТ: по центру располагается композиционная часть письма «дата».

П-6

25 октября
уважаемая комисия документ
я ваш получила и пишу ответ
когда нас вокуировали гнали в
переди стоя подоружеем
пригнали нас налинею скома
доволи нам увогон был товар
ный вогон и повезли привезли
нас урослов и нашу машину на
какой я ехола повернули кцер
кве заколючею провлоку и нам
скомадоволи вылизть ити заним
навторой этаж мы пришли там
была очинь много народа уже
привезены а напервом этаже
были наши солдаты пленнои
и вот мы там долгое время
были пока пошол тиф много
умерло кудата их вывозили
так как холод и голод

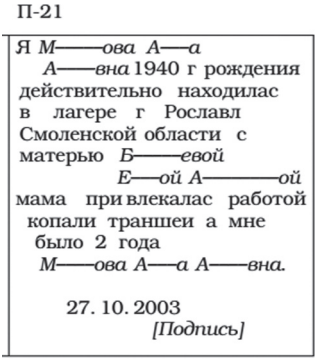
Рис. 3

На основании первых трех признаков классификации можно выделить четыре основных **пунктуационных репертуара** знаков, совместно употребляемых в пределах одного текста. **Расширенный репертуар** характеризуется использованием нескольких разных пунктуационных знаков. **Минимальный репертуар** представлен в текстах с одним ЗП, этим единственным знаком всегда является точка или запятая. К **периферийному репертуару** мы относим единственный текст корпуса (см. П-6 на рис. 3), в котором нет ЗП, но имеется периферийный пунктуационный знак. **Нулевой репертуар** характеризуется отсутствием пунктуации в тексте (см. П-41 на рис. 1).

Следующие две оппозиции связаны с систематичностью употребления ЗП. Судить о том, много или мало знаков в тексте, можно лишь относительно существующей нормы, определяемой только 1) для ЗП, поскольку употребление периферийных знаков зависит не столько от общепринятых пунктуационных правил, сколько от жанра и содержания текста, и носит часто индивидуальный характер, и 2) для основной части письма, поскольку оформление коммуникативной рамки (реквизитов) в плане частоты использования пунктуации изначально сильно отличается от пунктуационного оформления основного содержания текста. Стоит уточнить, что в рамках данного исследования пространственно не отделенные формулы начала и конца письма включаются в основную часть текста.

4. Указанные ограничения приводят к **четвертой оппозиции классификации: использование или неиспользование ЗП в основной части письма.** Иллюстрацией писем с ЗП в основной части являются, в частности, тексты П-1, П-4,

П-1/68 (см. выше рис. 1 и 2). Примером письма с ЗП только в коммуникативной рамке будет письмо П-21 (рис. 4), в котором единственная точка употребляется в конце текста в полной подписи, пространственно отделенной от основной части с помощью периферийного знака ЗСА.


П-21

Я *М——ова А——а*
А——вна 1940 г рождения
действительно находилас
в лагере г Рославл
Смоленской области с
матерью *Б——евой*
Е——ой А————ой
мама привлекалас работой
копали траншеи а мне
было 2 года
М——ова А——а А——вна.

27. 10. 2003
[Подпись]

Рис. 4

5. Пятая оппозиция значима только для писем с ЗП в основной части: употребление ЗП в основной части письма с определенной систематичностью (с нормальной частотой) vs. спорадическое употребление ЗП (с низкой частотой). Предварительно для определения нормальной относительной частоты употребления ЗП в письмах были рассмотрены эпистолярные тексты грамотных людей. Было сделано несколько выборок текстов писем, созданных известными литераторами и учеными и относящихся к различным периодам XX века. Суммарно рассмотрено 205 текстов объемом не более одной книжной страницы соответствующего издания, по 50–55 писем на один временной период. Первый период (1900–1910 гг.) представлен письмами А. П. Чехова и М. А. Волошина [Чехов 1957, Волошин 1991]. Второй период (1930–1940 гг.) — письмами Н. И. Вавилова и его корреспондентов [Вавилов 1987, Н. И. Вавилов ... 2002]. Третий период (1960–1970 гг.) представляют письма А. Т. Твардовского и письма из переписки К. И. Чуковского с Л. К. Чуковской [Твардовский 1983, Чуковский 2004]. Четвертый период (1990–2000 гг.) представлен письмами М. Л. Гаспарова [Гаспаров 2006].

В каждой из указанных четырех выборок текстов была вычислена относительная частота употребления ЗП: общее число ЗП в текстах выборки делилось на общее число словоформ. Были получены следующие результаты. В первом, третьем и четвертом временном периоде на один ЗП приходится 4–5 словоформ (относительная частота — 0,231, 0,254 и 0,234 соответственно). Во втором периоде — на один ЗП приходится 6–7 словоформ (относительная частота 0,154). Таким образом, в текстах Н. И. Вавилова и его корреспондентов обнаружилась самая низкая «нормальная» относительная частота употребления ЗП. Величину 0,154 можно признать нижней границей нормальной частоты, а частоту, которая меньше 0,154 считать низкой.

Однако частота 0,154 не может считаться в равной степени нормальной для грамотных текстов и для малограмотных текстов, в которых нормой является большое количество пропусков пунктуационных знаков. Поэтому для малограмотных текстов была определена собственная нормальная относительная частоту употребления ЗП. В качестве нижнего порога нормальной частоты в малограмотном тексте была условно признана величина вдвое меньше минимальной нормальной частоты в грамотном тексте, т. е. 0,08.

Было, однако, замечено, что в письмах Н. И. Вавилова систематически употребляются точка и запятая, и, следовательно, полученный показатель 0,154 распределяется, в основном, на два знака, а в малограмотном тексте может использоваться всего один знак. Для такого случая был также определен нижний порог нормальной частоты для текстов с одним знаком, составивший 0,04. С учетом вышеизложенного, относительная частота употребления ЗП в малограмотных текстах была определена так:

— от 0,08 и выше — нормальная частота для текстов с несколькими основными знаками;
— от 0 до 0,08 — низкая частота для текстов с несколькими основными знаками;
— от 0,04 и выше — нормальная частота для текстов с одним основным знаком;
— от 0 до 0,04 — низкая частота для текстов с одним основным знаком.

Различия в частоте употребления знаков в основной части письма можно показать на примерах текстов П-8 и П-5 (рис. 5). В П-8 ЗП употребляются систематично. На 26 словоформы основного текста (всё, кроме подписи) приходится 6 употреблений вариантов точки, относительная частота употребления ЗП нормальная — 0,23. В П-5 ЗП употребляются спорадически. На 42 словоформы основной части письма приходится всего 2 знака — точка и тире. Относительная частота употребления знаков низкая — 0,05.

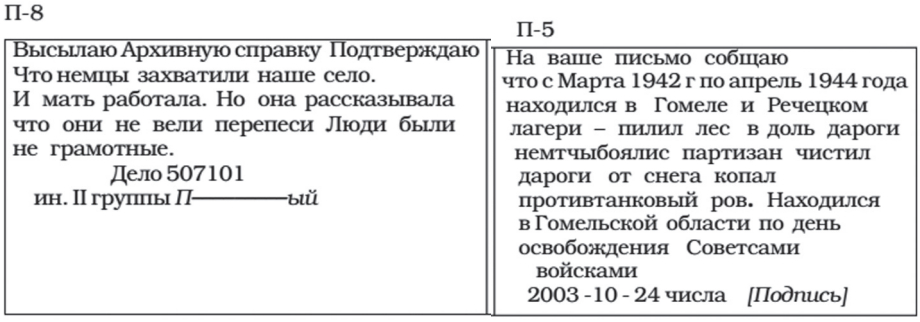


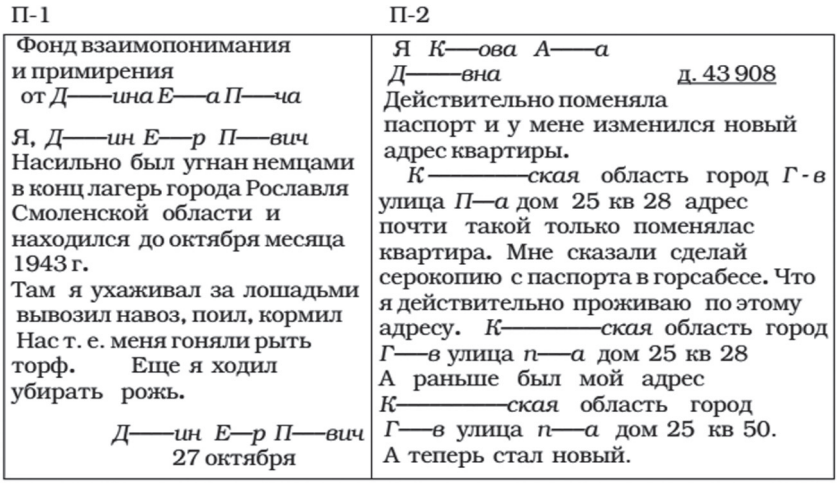
Рис. 5

Два последних противопоставления классификации касаются третьего аспекта изучения пунктуации — функционирования знаков. При анализе функционирования пунктуации в малограмотных письмах мы 1) считаем ЗП и знаки периферии

равноценными; 2) учитываем весь текст письма, включающий и основную часть, и коммуникативную рамку; 3) рассматриваем 4 уровня организации текста: уровень суперструктуры (жанровая структура письма), сверхфразовый уровень (тематические единства в содержательной части письма); фразовый и внутрифразовый уровни (предложение и его части рассматриваются в рамках традиционной терминологии, использующейся в современных справочниках по пунктуации).

6. Шестой признак классификации — системное или несистемное употребление пунктуационных знаков. Под системностью здесь подразумевается такая постановка знаков, при которой функции знаков разграничены, и пунктуация отражает иерархичность структуры текста. Пунктуационные знаки, распределенные по своему назначению, могут «действовать» на разных уровнях организации текста. Разграничение функций означает также, что некоторый знак может употребляться в пределах одной композиционной части письма только на одном уровне. Исключением являются универсальные знаки, например, скобки или кавычки, в природе которых заложена универсальность сферы употребления: с их помощью могут выделяться фрагменты текста различной длины.

Например, в П-1 (рис. 6) используются следующие знаки: точка, запятая, ЗСА, ИКТ, отбивка и УПМС. Все знаки применяются с дифференцированными целями. Запятая употребляется на внутрифразовом уровне, точка и УПМС — на фразовом, ЗСА (недописанная строка) — на сверхфразовом, а отбивка и ИКТ — на уровне суперструктуры. От писем с дифференцированным употреблением пунктуационных знаков значимо отличаются тексты с неустоявшимся, несистемным употреблением пунктуации. Авторы таких писем употребляют несколько знаков в одной функции или один знак в нескольких функциях. Так, например, в П-2 автор не разграничивает функции точки и ЗСА, употребляя оба знака и на внутрифразовом, и на фразовом уровне.



П-1

Фонд взаимопонимания
и примирения
от *Д——ина Е——а П——ча*

Я, Д——ин Е——р П——вич
Насильно был угнан немцами
в конц лагерь города Рославля
Смоленской области и
находился до октября месяца
1943 г.
Там я ухаживал за лошадьми
вывозил навоз, поил, кормил
Нас т. е. меня гоняли рыть
торф. Еще я ходил
убирать рожь.

Д——ин Е—р П——вич
27 октября

П-2

Я К——ова А——а
Д——вна д. 43 908
Действительно поменяла
паспорт и у мене изменился новый
адрес квартиры.
К————ская область город *Г-в*
улица *П—а* дом 25 кв 28 адрес
почти такой только поменялас
квартира. Мне сказали сделай
серокопию с паспорта в горсабесе. Что
я действительно проживаю по этому
адресу. *К————ская* область город
Г——в улица *п——а* дом 25 кв 28
А раньше был мой адрес
К————ская область город
Г——в улица *п——а* дом 25 кв 50.
А теперь стал новый.

Рис. 6

7. Последняя оппозиция предлагаемой классификации выглядит так: традиционное vs. свободное употребление пунктуационных знаков.

Данная оппозиция относится только к текстам, в которых пунктуационные знаки употребляются системно, и позволяет выделить случай самого «грамотного» употребления пунктуации, а именно, употребления знаков в традиционно закрепленных за ними функциях. Отметим, что закрепленные функции есть у всех ЗП, правила постановки которых собраны в кодифицирующих изданиях [Правила ... 2022]. Что касается периферийных знаков, то не для всех из них описаны и кодифицированы правила употребления, некоторые правила существуют в имплицитной форме или имеют вид рекомендаций. В связи с этим на основе анализа источников, содержащих описание устоявшихся функций (прежде всего в эпистолярном жанре) периферийных знаков, найденных в корпусе, были выявлены их «закрепленные» функции. Например, одна из закрепленных функций ЗСА — обозначение перехода к новой теме [Веселов 1993: 21]. ИКТ указывает на наличие в коммуникативной рамке письма заголовка, приветствия, обращения, формулы прощания, даты и т. п., а УПМС разделяет подпись на части [Акишина, Формановская 1981: 184–188].

Примером письма, в котором знаки употребляются в закрепленных функциях, служит П-80 (рис. 7). Все знаки в этом тексте ставятся традиционным образом: ЗСА отделяет часть заданной фондом тематической структуры письма «имя бывшего узника», точка ставится на границе предложений, а запятая между частями сложных предложений. Примером текста, в котором пунктуация употребляется

П-12

З———ина А———а А———вна
В 1942 г были со своими родителими насильно угнали нас немцы из своих домов, мы находились в лагере г Рослов немцы заставляли насильно работать гоняли нас взрослых и подросков чистит на дорогах снег, мы были усталые голодние целыми днеми не долеко от лагеря наши пленные капали здоровую яму, их охроняли немцы с собаками пленные падоли нас заставляли чистит дальше площадь, не так долеко от лагеря в сарай были коровы наверно отберали у нашех людей, нас немцы застав ляли ухашивать за тими коровоми взрослие даили и тоже убирали, мы тоже вынасили навоз насили воду насили сено, с нами *[…]*

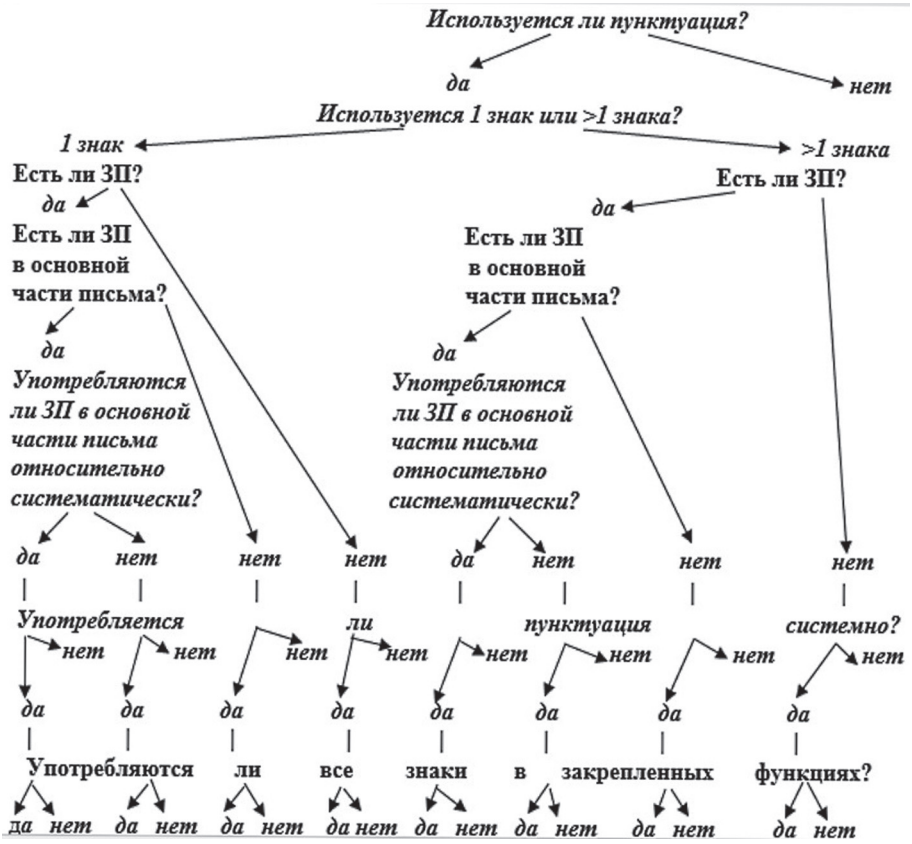
П-80

Я А———ов А———ий Я———вц[ч]
Отвечаю на ваше письм Лагерь наш располо гался где-то окол тюрьмы Я был тогда несовешеннолетним, но в детской моей памяти осталось, то что нас гоняли работать на железную дорогу и еще мы копали окопы. Сколько мне было тогда лет я незнаю да я и сейчас точно незнаю сколько мне лет. Только мне кажется что я родил не 1931 году, так как до войны я окончил 4 класа. Учится в школе мне больше не пришлось. Матери моей было невочто нас обуть и одеть и накормить. Года мне устанавливала коммисия, так как докумены все сгорели вместе с домом Я помню до войны мы жили в поселке у самого леса к нам приходили партизаны и это было большой ненавистью для немцев. Отец мой был на войне и там он погиб. Мать с четверыми детьми, самой маленькой девочки тогда не было одного года и весь наш поселок выгнали из домов и подожгли дома. Мать незнала куда деться с той оравой у нас ничего неосталось невочто переодеться нечем нас накормить. Потом низнаю как мы окозались в деревне Малая Лутна

Рис. 7

системно, но некоторые/все знаки ставятся не по правилам, будет письмо П-12. В нем единственная точка (вариант прописная буква) употребляется на сверхфразовом уровне: знак отделяет тематическую часть «имя малолетнего узника» от тематической части «время угона». Запятая в данном письме используется как знак конца предложения.

В итоге графически общая классификация будет выглядеть так:



Последние звенья общей классификации и представляют собой теоретически возможные типы пунктуационного поведения малограмотных авторов. При этом кажется также целесообразным описывать эти типы в виде анкет, содержащих три вопроса, связанных соответственно с тремя аспектами исследования пунктуационного узуса в малограмотных письмах:

1) Какой пунктуационный репертуар используется в письме?

2) Употребляются ли ЗП в основной части письма систематически, спорадически или не употребляются совсем?

3) Употребляются ли знаки системно/несистемно, свободно / в закрепленных функциях?

Каждому тексту корпуса будет тогда соответствовать некоторая анкета с ответами на указанные три вопроса.

В исследуемом корпусе мы выявили 15 типов пунктуационного поведения. Анализ их реализации показал, что наименее продуктивны типы пунктуационного поведения, которые расположены в начале и конце шкалы условной грамотности, т.е. такие типы, при которых пунктуация используется регулярно и системно либо совсем или почти совсем не используется. Самые непродуктивные типы пунктуационного поведения имеют следующие характеристики: «***расширенный репертуар, относительно систематичное употребление ЗП в основной части письма, системное употребление знаков в закрепленных функциях***» (3 текста), «***минимальный репертуар, относительно систематичное употребление ЗП в основной части письма, системное употребление знака в закрепленных функциях***» (1 текст), «***отсутствие пунктуации***» (2 текста), «***расширенный репертуар, отсутствие ЗП в основной части, несистемное употребление знаков в коммуникативной рамке***» (1 текст).

Напротив, реализация некоторых типов середины шкалы грамотности оказывается достаточно высокой. Самым продуктивным в корпусе является тип пунктуационного поведения с характеристикой «***расширенный репертуар, относительно систематичное употребление ЗП в основной части письма, несистемное употребление одного или нескольких знаков***» (41 текст). Достаточно продуктивны (по 15 текстов) также типы, где используется расширенный репертуар знаков при спорадическом употреблении ЗП в основной части письма и свободном или несистемном употреблении знаков.

Литература

Акишина А. А., Формановская Н. И. Этикет русского письма. М.: Русский язык, 1981. 199 с.

Багеева О. О. Письма малограмотных авторов начала XXI века — источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 1-я // Вестник РГГУ. 2008. № 6. С. 227–245.

Багеева О. О. Письма малограмотных авторов начала XXI века — источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 2-я // Вестник РГГУ. 2010. № 9. С. 273–296.

Багеева О. О. Традиционные и периферийные пунктуационные знаки в письмах малограмотных авторов и их отражение в публикациях // Многообразие коммуникации и традиции отечественной лингвистики: Материалы конференции. Москва, 4–5 июня 2019 г. М.: РГГУ, 2019. С. 71–84. [электронный ресурс] URL: https://liber.rsuh.ru/elib/000013897.

Вавилов Н. И. Из эпистолярного наследия, 1929–1940 гг. М.: Наука, 1987. 499 с.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.

Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М.: ИВЦ «Маркетинг», 1993. 79 с.

Волошин М. А. Из литературного наследия. Т. 1. СПб.: Наука, 1991. 332 с.

Гаспаров М. Л. «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М. Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981–2004 гг. // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 145–259.

Гиндин С. И. Позиционные методы автоматического фрагментирования текста, их теоретико-текстовые и психолингвистические предпосылки // Семиотика и информатика. 1978. Вып. 10. С. 32–73.

Дейк Т. А. ван. Структура новостей в прессе // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 228–267.

Карпухина В. Н. «Новая система» знаков препинания в ситуациях texting / messaging: финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 2 (46). С. 9–19.

Нашхоева М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 12. С. 321–326.

Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах: Международная переписка. Т. V: 1936–1937. М.: Наука, 2002. 478 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2022. 432 с.

Реформатский А. А. Техническая редакция книги: Теория и методика работы. Л.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. 414 с.

Сигал К. Я. Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «тире между подлежащим и сказуемым») // Научный диалог. 2023. № 1. С. 90–111.

Твардовский А. Т. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. Письма (1932–1970). М.: Художественная литература, 1983. 671 с.

Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 12: Письма 1893–1904. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. 868 с.

Корней Чуковский, Лидия Чуковская. Переписка: 1912–1969. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 586 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Шутан М. И. Систематизация пунктуационного материала в X–XI классах. Русский язык в школе. 2017. № 10. С. 8–13.

Apuhin K., Arnaiz A., Bayon-on E., Deita C., Dequino A., Lee A., Magbanua R., Montecastro S. Analytical Study on Punctuation Errors in the Persuasive Writing of English Language Learners // International Journal of Social Science and Human Research. 06. 2023. Pp. 3439–3451.

Ermert K. Briefsorten: Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation/ hrsg. von Max Niemeyer Verlag. Tübingen.1979. 226 p.

Martus S. G. Punkte // Die Poesie der Zeichensetzung // Studien zur Stilistik der Interpunktion/ hrsg. von A. Nebrig, C. Spornhase. Berlin, 2012. Pp. 295–329.

O. O. Bageeva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
olga-bageeva@mail.ru

CLASSIFICATION OF TYPES OF PUNCTUATION BEHAVIOUR OF THE SEMILITERATE AUTHORS

The article presents the results of an analysis of using punctuation in a corpus of epistolary texts written by semiliterate authors. Punctuation refers to a variety of characters, including both traditional punctuation marks and additional graphic means — signs of the periphery of the punctuation system. The variety of strategies of using punctuation marks comes down to a classification based on seven oppositions: 1) use/non-use of punctuation, 2) use of one / more than one punctuation mark, 3) use/non-use of traditional punctuation marks throughout the text of the letter, 4) use/non-use of traditional punctuation marks in the body of the letter, 5) regular/sporadic use of traditional punctuation marks in the body of the letter, 6) systematic/non-systematic use of punctuation, 7) traditional / free use of punctuation. The last links of the classification represent theoretically possible types of punctuation behavior of semiliterate authors, which can also be described using questionnaires containing information about the inventory of punctuation marks, the relative frequency of using punctuation marks in the body of the letter and the functioning of punctuation. The study identified 15 types of punctuation behavior. The most unproductive of them are those in which punctuation is used regularly and systematically, or is not used at all or almost not at all. The most productive type of punctuation behavior is characterized by 1) the use of several punctuation marks in a letter, 2) the relatively regular use of traditional punctuation marks in the body of a letter, and 3) the unsystematic use of one or more punctuation marks.

Keywords: Russian language, letters, punctuation, classification, illiteracy

References

Akishina A. A., Formanovskaya N. I. *Etiket russkogo pis'ma* [Russian writing etiquette]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981. 199 p.

Apuhin K., Arnaiz A., Bayon-on E., Deita C., Dequino A., Lee A., Magbanua R., Montecastro S. Analytical Study on Punctuation Errors in the Persuasive Writing of English Language Learners // International Journal of Social Science and Human Research. 06. 2023. DOI: https://doi.org/10.47191/ijsshr/v6-i6-27

Bageeva O. O. [Letters from semiliterate authors of the early 21st century as a source for studyng punctuation usage. Publication 1]. *Vestnik RGGU,* 2008, no. 6, pp. 227–245. (In Russ.)

Bageeva O. O. [Letters from semiliterate authors of the early 21st century as a source for studyng punctuation usage. Publication 2]. *Vestnik RGGU,* 2010, no. 9, pp. 273–296. (In Russ.)

Bageeva O. O. [Traditional and peripheral punctuation marks in letters from semiliterate authors and their reflection in publications] *Mnogoobrazie kommunikatsii i traditsii otechestvennoi lingvistiki: Materialy konferentsii. Moskva, 4–5 iyunya 2019g.* [Diversity of communication and traditions of Russian linguistics: Conference proceedings. Moscow, June 4–5, 2019]. Moscow, RSUH, 2019, pp. 71–84. (In Russ.) Available at: https://liber.rsuh.ru/elib/000013897 (accessed 10.02.2024)

Chekhov A. P. *Sobranie sochinenii. T. 12: Pis'ma 1893–1904* [Collected works. Vol. 12: Letters 1893–1904]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1957. 868 p. (In Russ.)

Chukovskii K., Chukovskaya L. *Perepiska:1912–1969* [Correspondence: 1912–1969]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 586 p. (In Russ.)

Dijk Teun A. van. Structures of News in the Press // Discourse and Communication. Berlin / New York: De Gruyter, 1985, pp. 69–93. (Russ. ed.: Deik T. A. van. *Struktura novostei v presse // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya.* Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 228–267.

Ermert K. Briefsorten: Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation/ hrsg. von Max Niemeyer Verlag. Tübingen.1979. 226 p.

Gasparov M. L. ["No one is interested in reading me in a row ...": Letters from M. L. Gasparov to Marie-Louise Bott, 1981–2004]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, no. 77, pp. 145–259. (In Russ.)

Gindin S. I. [Positional methods of automatic text fragmentation, their text-theoretical and psycholinguistic premises]. *Semiotika i informatika*, 1978, no. 10, pp. 32–73. (In Russ.)

Karpukhina V. N. ["New system" of punctuation marks in texting/messaging situations: the final punctuation mark of a statement as an emotional factor]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 2 (46), pp. 9–19. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/karpuhina-v-n-novaya-sistema-znakov-prepinaniya-v-situatsiyah-texting-messaging-finalnyy-punktuatsionnyy-znak-vyskazyvaniya-kak (accessed 01. 04.2024)

Martus S. G. Punkte // Die Poesie der Zeichensetzung // Studien zur Stilistik der Interpunktion/ hrsg. von A. Nebrig, C. Spornhase. Berlin, 2012. Pp. 295–329.

Nashkhoeva M. R. [Interaction of punctuation marks and emoticons in forum texts]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011, no. 12, pp. 321–326. (In Russ.)

Nikolai Ivanovich Vavilov: Nauchnoe nasledie v pis'makh: Mezhdunarodnaya perepiska. T. V:1936–1937 [Nikolai Ivanovich Vavilov: Scientific heritage in letters: International correspondence. Vol. V: 1936–1937]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 478 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik. / Pod red. V. V. Lopatina [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book. / Ed. V. V. Lopatin]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2022. 432 p.

Reformatskii A. A. *Tekhnicheskaya redaktsiya knigi: Teoriya i metodika raboty* [Technical edition of the book: Theory and methods of work]. Leningrad, State Publishing House of Light Industry, 1933. 414 p.

Sigal K. Ya. [Punctuation errors of adult Russian speakers from the point of view of psycholinguistics (based on the punctogram “dash between subject and predicate”)]. Nauchnyi dialog, 2023, no. 1, pp. 90–111. (In Russ.) Available at: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111 (accessed 01. 04.2024).

Shutan M. I. [Systematization of punctuation material in grades X–XI]. *Russkii yazyk v shkole*, 2017, no. 10, pp. 8–13. (In Russ.)

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: Sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: System and its functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)

Tvardovskii A.T. *Sobranie sochinenii. V 6-ti t. T. 6. Pis’ma* (1932–1970) [Collected works. In 6 volumes. Vol. 6. Letters (1932–1970)]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1983. 671 p. (In Russ.)

Valgina N. S. *Aktual’nye problemy sovremennoi russkoi punktuatsii: uchebnoe posobie.* [Current problems of modern Russian punctuation: textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 259 p.

Vavilov N. I. *Iz epistolyarnogo naslediya, 1929–1940 gg.* [From the epistolary heritage, 1929–1940]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 499 p.

Veselov P. V. *Aksiomy delovogo pis’ma: kul’tura delovogo obshcheniya i ofitsial’noi perepiski* [Axioms of business writing: culture of business communication and official correspondence]. Moscow, IVTs «Marketing» Publ., 1993. 79 p. (In Russ.)

Voloshin M. A. *Iz literaturnogo naslediya. T. 1.* [From the literary heritage. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 332 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.4

Е. Э. Базаров
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
eubaz@yandex.ru

О СИНКРЕТИЗМЕ НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ (НА ПРИМЕРЕ ПОМЕТ *РАЗГ.* И *ПРОФ.*)

В статье рассматриваются особенности словарного представления стилистически маркированной лексики современного русского языка (на материале «Академического толкового словаря русского языка» и «Словаря русского языка» под. ред. А. П. Евгеньевой). Безусловно, стилистические пометы — в частности, пометы, которые маркируют сниженные лексические единицы — информируют пользователя словаря о сфере употребления описываемого слова или значения слова (разговорная речь, просторечие, социальные или профессиональные жаргоны и т. п.). В статье анализируются отдельные лексические значения, маркированные пометами *разг.* и *проф.* К примеру, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой слово *гололед* представлено как синоним слова *гололедица*, однако специалисты в области метеорологии понимают под этими словами разные погодные явления; в «Академическом толковом словаре русского языка» в качестве основных приведены значения слов *гололед* и *гололедица*, которые соответствуют их энциклопедическому определению, при этом значение ‘гололедица’ у слова *гололед* и, соответственно, значение ‘гололед’ у слова *гололедица* маркированы как разговорные употребления. Автор полагает, что некоторым пометам, маркирующим сниженную лексику, свойствен синкретизм функций: они служат, с одной стороны, для обозначения подсистемы, в пределах которой используется данное слово или значение, с другой — для предостережения пользователя словаря от словоупотреблений, которые не соответствует тому, как данная лексическая единица используется в какой-либо сфере — отрасли науки, деловых документах и т. д.

Ключевые слова: лексикография, толковая лексикография, стилистические пометы, толковый словарь, разговорная речь, просторечие, профессионализм

Словарное представление современной русской лексики предполагает адекватное описание не только лексического значения слова, но и его стилистических особенностей. Задача стилистической стратификации лексики в особенности актуальна, когда речь идет о нормативных толковых словарях, к числу которых относится

«Академический толковый словарь русского языка» [далее — АТоС], издаваемый в настоящее время в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Основой АТоСа служит «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1–4; М., 1981–1984) [далее — МАС]. Безусловно, АТоС отражает изменения, произошедшие в лексике современного русского языка после издания МАСа, в том числе изменение стилистического статуса того или иного слова. В соответствии с традициями толковой лексикографии русского языка в АТоСе описывается не только нейтральная, но и стилистически маркированная лексика и фразеология литературного языка (разговорные, просторечные, жаргонные, областные и т. д. слова и значения). Составители словаря отмечают, что описание сниженной лексики полезно «в культурно-речевом отношении» [Цумарев и др. 2017: 3].

В АТоСе, в дополнение к пометам МАСа, маркирующим лексические единицы сниженной стилистической окраски (*разг.*, *прост.*, *обл.*), появились новые пометы — *проф.*, *жарг.*, *сленг.* Во вводной части словаря охарактеризована суть некоторых помет: «*прост*. — просторечное слово или значение слова; приписывается словам, которые на воображаемой шкале стилистических различий занимают место ниже разговорных и употребляются в эмоционально раскованной повседневной речи»; «*жарг.* — жаргонное слово или значение слова; приписывается словам, которые пришли в литературный язык из социальных жаргонов и сохраняют следы своего жаргонного происхождения, то есть связь с уголовным, студенческим, школьным и т. п. жаргонами»; «*сленг.* — сленговое слово или значение слова; приписывается словам, которые пришли в литературный язык из жаргонной речи, но не имеют ясно определяемой связи с каким-либо конкретным жаргоном — напр., уголовным, студенческим, школьным и т. п.» [АТоС: 30–36]. Подобная, более разветвленная система помет позволяет точнее описывать функциональные возможности слова.

Нововведенными пометами *жарг.*, *сленг.* и *проф.* в АТоСе, как правило, снабжены новые слова и значения, не описанные в МАСе: жаргонные — *англичанин* / *англичанка* ‘преподаватель английского языка’, *бабки* ‘деньги’, *бомбить* ‘подрабатывать частным извозом’, *бомбила*, *борзеть*, *грохнуть* ‘убить, застрелить’ и др.; сленговые — *баксы*, *балдеть* ‘приятно проводить время’, *въехать* ‘понять, сообразить’ и др.; профессиональные — *болванка* ‘артиллерийский снаряд без взрывчатого вещества’, *ввестись* ‘принять участие в чем-л. (обычно об актерской игре)’ (ср.: *ввестись в спектакль*), *вещдок* и др.

В отличие от помет *жарг.*, *сленг.* и *проф.*, пометы *разг.* и *прост.* сопровождают как новые лексические единицы, включенные в словник АТоСа, так и слова, которые были зафиксированы в МАСе, но, судя по всему, с течением времени изменили свой стилистический статус. Помета *разг.* в АТоСе сопровождает такие новые слова и значения, как *автосервис*, *бартер, безнадёга, безнал*, *боулинг* ‘место, зал для игры в боулинг’, *бутылка* ‘о спиртном’, *бюджетник*, *водолазка*, *встречка* ‘сторона дороги, предназначенная для встречного движения’, *гаишник* и т. п. Вместе с тем помета *разг.* в АТоСе регулярно сопровождает слова и значения, которые в МАСе квалифицировались как просторечные, однако со временем повысили стилистический

статус; ср: *аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный’, *бесстыжий*, *вагон* ‘очень много’, *вкуснота*, *внаклонку*, *высоченный*, *галдеть* и др. Пометой *прост.* маркированы новые лексические единицы *алкаш*, *бодун* ‘похмелье’, *бомжатник*, *бомжевать*, *внапряг*, *водяра* и т. п.; гораздо реже эта помета сопровождает слова, которые, очевидно, со временем понизили стилистический статус: к примеру, слова *взад* ‘назад’, *внакладку*, в МАСе маркированные как разговорные, или лексемы *брать* ‘собирать’ (ср.: *брать грибы*, *ягоды*, *орехи*), *взъезд* ‘место подъема, въезда’, в МАСе представленные как стилистически нейтральные, в АТоСе квалифицированы как просторечные. Сопоставление МАСа и АТоСа позволяет наблюдать за стилистическими изменениями, которые происходят в результате взаимодействия разговорной речи и просторечия. Составители АТоСа проводили исследование, посвященное словарному представлению различных групп лексики современного русского языка[1]; отдельно была изучена разговорная лексика просторечного происхождения. Как показало исследование, больша́я часть слов, которые в МАСе были маркированы пометой *прост.*, повысила свой стилистический статус и квалифицируется в АТоСе как разговорная лексика (подробнее об этом — в диссертации А. Р. Пестовой [Пестова 2022], а также в статьях [Пестова 2019], [Кулева, Шестакова 2021] [Базаров и др. 2021] и др.).

Словарные пометы, сопровождающие стилистически маркированную лексику, выполняют свою основную функцию — содержат указание «на различные сферы и особенности употребления описываемой единицы в речи в составе литературного языка... либо за пределами (на границе) лит. языка...» [Цумарев 2020: 517]. Однако в некоторых случаях такие пометы имеют характер запретительной пометы, поскольку в АТоСе не используются собственно запретительные пометы типа *неправ.* — неправильно, *не рек.* — не рекомендуется и т. п. Помета *прост.* выполняет функцию запретительной, к примеру, в словарной статье *занять* (статья будет опубликована в 3-м томе АТоСа, который в настоящее время находится в печати):

> **2.** *обычно кому* и *без доп. Прост*. Дать взаймы; одолжить. — *Займи, бога ради! — сказал Лаевский, видя по лицу Самойленка, что он хочет дать ему денег и непременно даст. — Займи, а я непременно отдам. Вышлю из Петербурга, как только приеду туда*. А. Чехов. Дуэль. *Конечно, если бы вы выиграли сто тысяч, то, вероятно, заняли бы мне целую пятерку*. И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. *Ты знаешь Вовку Золотарева из моего подъезда, конечно? Он тебе займет денег. У него всегда деньги есть*. Э. Лимонов. Подросток Савенко.

Обычно употребление глагола *занять* в значении ‘одолжить’ считается нарушением литературной нормы (вероятно, именно поэтому такое значение не было описано в МАСе, притом что глагол, судя по примерам, использовался в этом зна-

[1] Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17-29-09063 офи_м «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре» (руководитель проекта — Л. Л. Шестакова). Страница проекта: https://ruslang.ru/rffi-stratifikaciya-leksiki-sovremennogo-russkogo-yazyka.

чении еще в конце XIX в.); помета *прост.* в этом случае показывает, что такое употребление не является нормативным.

В некотором смысле запретительной (точнее было бы сказать — предупредительной, предостерегающей), но менее категоричной, в сравнении с пометой *прост.*, является, на наш взгляд, помета *разг.*, которая в ряде случаев служит не столько для безусловного запрещения, сколько для предупреждения не вполне корректного употребления слов.

В качестве примера рассмотрим слова *гололед* и *гололедица*, о терминологическом значении которых знает далеко не каждый носитель русского языка. В сети Интернет пользователи регулярно задают вопрос о разнице между этими словами (ср.: вопросы на сайтах разных форумов: «Есть ли разница между понятиями “гололед” и “гололедица” или это синонимы?» (сайт вопросов и ответов «Русский язык»[2]); «В чем разница между гололедом и гололедицей?» (сайт вопросов и ответов «Большой вопрос»[3]) и т. п.); также доступно множество научно-популярных статей и заметок на эту тему, например, статья кандидата географических наук М. Софера «Изморозь и иней, гололед и гололедица»[4], заметка «Гололед и гололедица» во вкладке «Метеословарь» на официальном сайте Гидрометцентра России[5], заметка «“Гололёд” и “гололедица”: в чём отличия?» на сайте популярного интернет-издания «Мел»[6] и др.

В МАСе статья *гололедица* представлена следующим образом:

> **ГОЛОЛЕ́ДИЦА**, -ы, *ж.* Ледяная корка на поверхности земли, деревьях, проводах и т. п. *Снег на пригорке сдуло, и, перебегая от калитки к калитке в валенках, я беспрестанно скользил и падал на гололедице.* Фет, Ранние годы моей жизни. *Вот ворвалась она [буря] в осиновый лесок... Тронула покрытые гололедицей сучья, зашатала корявые деревья.* Эртель, Записки степняка. || Состояние погоды, когда поверхность земли покрыта ледяной коркой. *На дворе была гололедица, и с неба сыпалась крупа.* Чехов, У Зелениных. *По разбитым военным дорогам в гололедицу и метель мы проехали в этот день больше ста километров.* Б. Полевой, Елка.

В статье *гололёд* без каких-либо помет и уточнений указано ‘То же, что г о л о л е д и ц а’, то есть в МАСе эти слова были представлены как абсолютные синонимы. Однако подобное словарное описание кажется неоправданным, оно не соот-

---

[2] Электронный ресурс. URL: https://rus.stackexchange.com/search?q=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B4+%D0%B8+%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B0.

[3] Электронный ресурс. URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/152654-v-chem-raznica-mezhdu-gololedom-i-gololedicej.html#answer9207461.

[4] *Софер М.* Изморозь и иней, гололед и гололедица» // Наука и жизнь», № 3, 2004. Электронный ресурс. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/4347/.

[5] Электронный ресурс. URL: https://meteoinfo.ru/glossary/4598-2012-02-04-16-31-07.

[6] Электронный ресурс. URL: https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/3586471-gololed-i-gololeditsa-v-chem-otlichiya.

ветствует тому, что понимают специалисты под терминами *гололед* и *гололедица*. В АТоСе структура обеих статей была значительно преобразована:

ГОЛОЛЁД, -а, *м.* **1.** Слой льда на поверхности земли, на деревьях, на проводах и т. п., образовавшийся после замерзания на них капель переохлажденного дождя, тумана. *Взгляните на ветки деревьев, покрытые стекловидной коркой гололёда, и вы невольно представите себе гигантские хрустальные люстры.* М. Софер. Изморозь и иней, гололёд и гололедица. *За последние пятнадцать лет гололёд на высоковольтных линиях стал возникать всё чаще.* В. Каганов. Как расплавить лед на проводах ЛЭП.

2. *Разг.* То же, что г о л о л е д и ц а (в 1 знач.). *В середине марта всё растаяло, а потом подморозило, и образовался гололёд.* В. Токарева. Любовь и путешествия. — *Он этой зимой ногу сломал. На гололёде.* А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. [*Лыжные мази*] *применяют в оттепель, в гололёд, на насте.* М. Гуревич, В. Кляцкин. Не подмажешь — не поедешь.

ГОЛОЛЁДИЦА, -ы, *ж.* **1.** Слой льда на поверхности земли, образовавшийся из талой или дождевой воды при замерзании. *Снег на пригорке сдуло, и, перебегая от калитки к калитке в валенках, я беспрестанно скользил и падал на гололедице.* А. Фет. Ранние годы моей жизни. *С утра — снег огромными хлопьями, потом солнце проталкивается сквозь облака, тает, с крыш вода, под ногами лужи, проталины, ручьи. Потом резкий холодный ветер, гололедица, сосульки.* А. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку. || Состояние погоды, а также время, когда образуется такой слой льда. *В гололедицу скользят подковы коней, падают всадники*. Ю. Анненков. Повесть о пустяках.

2. *Разг.* То же, что г о л о л ё д (в 1 знач.). *Вот ворвалась она* [*буря*] *в осиновый лесок... Тронула покрытые гололедицей сучья, зашатала корявые деревья.* А. Эртель. Записки степняка.

Представленная в АТоСе формулировка основных значений лексем *гололед* и *гололедица* приведена в соответствие с научным пониманием этих терминов. Такое изменение дефиниций кажется нам оправданным, поскольку словарь объективно отражает более точные сведения, которые содержатся в энциклопедических источниках, например в «Большом энциклопедическом словаре» под ред. А. М. Прохорова [БЭС 1993: 318]; несомненно, научное понимание терминов должно быть первично при их описании в толковом словаре. Наряду с этим, нельзя не обратить внимание и на то, что в АТоСе у слова *гололед* выделено значение ‘гололедица’, равно как и у слова *гололедица* выделено значение ‘гололед’, то есть отмечается синонимичность, взаимозаменяемость этих лексем, однако такое употребление маркировано в словаре как разговорное. В данном случае помета *разг.* в большей степени предупреждает читателя о том, что подобное употребление слов *гололед* и *гололедица* не вполне соответствует их основным, терминологическим значениям, не является безусловно общепринятым, и в меньшей степени указывает на

сферу функционирования слов *гололед* и *гололедица* как синонимичных — устная литературная речь (похоже, что такое употребление регулярно встречается и в письменной речи — в художественной литературе (см. приведенные в словаре цитаты из произведений А. И. Эртеля, В. С. Токаревой, А. Н. и Б. Н. Стругацких), публицистике (статья «Не подмажешь — не поедешь» М. Гуревича и В. Кляцкина была опубликована в журнале «Химия и жизнь» (1967; № 1)).

Рассмотрим другой пример. В МАСе у слова *буква* выделено значение ‘Письменный знак в азбуке данного языка, обычно соответствующий определенному звуку’ (примеры: *Буква „п“. Строчная буква. Прописная буква*).

В АТоСе при основном значении выделено два оттенка; лексикографическое описание этого слова выглядит следующим образом:

> **БУ́КВА,** -ы, *ж.* **1.** Графический знак в алфавите данного языка, обычно соответствующий определенному звуку речи. *Строчная буква. Прописная (заглавная) буква. Буква «я» обозначает два звука. Надпись латинскими буквами.* <...> || О чём-л. напоминающем по форме определенную букву. *У служебного здания на низких скамейках, поставленных буквой «П», расположились люди с чемоданами в ожидании вылета.* И. Грекова. На испытаниях. — *И не нависайте над прилавком буквой «г» — это неприлично.* А. Житков. Супермаркет. || *Разг.* О звуке речи. *У Пецы настоящее имя Петька, но он не выговаривает букву «т», и, когда называет свое имя, получается «Пецка».* Г. Белых. Дом веселых нищих. — *Всего четыре? — удивилась Аля. — Ты очень хорошо говоришь. — Я все буквы умею говорить, — гордо согласился он. — В нашу группу приходил логопед, и все какие-нибудь буквы не выговаривают, а я умею даже «ры».* А. Берсенева. Полет над разлукой.

Составители АТоСа изменили формулировку основного значения, приблизили ее к лингвистическому определению термина *буква*. Отдельно в словарной статье представлен оттенок значения ‘О звуке речи’ (с пометой *разг.*). Известно, что многие рядовые носители русского языка не разграничивают понятия *звук* (звук речи) и *буква* и используют слово *буква* в его нетерминологическом значении — ‘звук речи’ (ср. с многочисленными примерами: *В Майкопе я был майкопским мальчиком, старался* ***букву «г»*** *произносить как немецкое «h» и стеснялся, что у меня светлые глаза, тогда как у всех вокруг — карие.* (Е. Л. Шварц. Дневник); *Из комедии Аристофана становится известно, что афинский государственный деятель Алквиад картавил, т. е. произносил* ***букву «р»*** *как «л».* (С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков); — *Ещё она вся в зелёнке от ветрянки/ и вообще/ толстенькая такая/* ***букву «р»*** *не выговаривает* (из к/ф «Прогулка», 2003); *Малыш, который пытается сказать первые слова, никогда не произносит отдельные* ***буквы****, чтобы потом их соединить* (Аргументы и факты, 15.02.2006) [НКРЯ] и др.). Описание этого значения в словаре представляется справедливым потому, что подобное употребление слова *буква*, которое не соответствует его научному определению, достаточно продуктивно не только в устной, но и в письменной (публицистической,

газетной) речи. В этом случае помета *разг.* служит не столько для обозначения сферы функционирования выделенного значения, сколько для маркирования нетерминологического значения.

Приведем еще один пример использования пометы *разг.* в качестве предостерегающей. В АТоСе в статье *вредность* выделено следующее значение:

> **ВРЕ́ДНОСТЬ,** -и, *ж.* <...> **2.** *без доп. Разг.* Вредные условия работы. *Сокращение рабочего дня из-за вредности производства*. □ *— Масло кругом, вонища, дышать нечем... — А молоко не дают за вредность? — Пропади они со своим молоком!* С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров». *Мать вышла на пенсию по вредности в 50 лет.* А. Спасский. Отсрочка.

Это же значение было описано в МАСе без каких-либо помет, то есть как стилистически нейтральное. Более того, в «Большом академическом словаре русского языка» [далее — БАС] указывается, что употребление слова *вредность* в данном значении свойственно официальной речи (ср.: ‘Вредные для здоровья человека условия производства (обычно в официальной речи)’); в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [далее — БТС], в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой [далее — ТСРЯ] это значение снабжено пометой *офиц.* Однако в официальных текстах используется не слово *вредность*, а терминологическое сочетание *вредные условия труда* (ср.: в Трудовом кодексе РФ *— ст. 117. Ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск работникам, занятым на работах с* ***вредными*** *и (или) опасными* ***условиями труда***; *ст. 147. Оплата труда работников, занятых на работах с* ***вредными*** *и (или) опасными* ***условиями труда***). Употребление слова *вредность* в значении ‘вредные условия работы’ свойственно не только разговорной, но и письменной речи (ср.: *Кошки обитали в отделе фотокопирования, тоже располагавшемся под землей. Работники отдела пошли их молоком, которое получали* ***за вредность*** (Столица, 28.10.1997); *Домой Геннадий приносит 8–9 тысяч, с учетом доплаты* ***за вредность****, за работу в праздники, за знание английского и т. д.* (Известия, 23.12.2002); примечательно, что в некоторых случаях слово *вредность* (чаще — предложно-падежная форма *за вредность*) заключается в кавычки, вероятно, в связи с тем, что слово оценивается автором как иностилевое: *Помогают снизить опасное воздействие сметана и творог — они более эффективны, чем молоко, которое дают* ***«за вредность»*** (Аргументы и факты, 26.07.2007) [НКРЯ]). Помета *разг.* указывает на то, что слово *вредность* в значении ‘вредные условия работы’ не является официальным термином.

Сходным образом для разграничения употреблений, которые соответствуют / не соответствуют официальной терминологии, используется помета *проф.* В качестве примера приведем слово *бой*. В МАСе в статье *бой* было выделено следующее значение:

> **7.** *собир.* Разбитая, расколотая на куски стеклянная, глиняная и т. п. посуда, разбитые предметы. *Кирпичный бой.*

Как стилистически нейтральное это значение описано и в БАСе (ср.: **10.** То, что разбито, раздавлено (стекло, керамика, щебень, разбитые яйца и т. п. *Бой из посудного цеха. Купить яйца-бой. Стеклянный бой* [БАС]). В ТСРЯ и БТС сочетание *яйца-бой* снабжено пометой *спец.* [см. ТСРЯ, БТС]. В АТоСе это значение было разделено на основное значение и оттенок значения следующим образом:

> **БОЙ**[1] <...> 7**.** *собир*. (в б о́ е). Разбитая, расколотая на куски стеклянная, глиняная и т. п. посуда, разбитые предметы. *Кирпичный бой. Бой стеклотары.* || *Проф.* Хрупкие сухие продукты, раздробленные на мелкие кусочки вследствие неправильного хранения, перевозки и т. п., а также битые яйца. *Шоколадный бой. Бой печенья. Яйца-бой. Бой на птицефабрике утилизируется.*

В деловых документах содержатся примеры употребления слова *бой* в приведенном выше основном значении (*керамический бой, бой кирпича*; ср.: код Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 7001 00 100 0 — ***бой стеклянный****, скрап и прочие отходы стекла* [Консультант]), однако сочетания типа *яйца-бой*, *бой печенья* и т. п. в официальных текстах не используются, в связи с этим для обозначения употребления, которое не соответствует официальной терминологии, составители АТоСа использовали помету *проф.*

Рассмотренные выше примеры использования в АТоСе помет *разг.* и *проф.* показывают, что в некоторых случаях эти пометы могут считаться синкретичными, совмещающими разные функции: на первый взгляд, помета очерчивает сферу употребления слова или значения, маркированного данной пометой, указывает на подсистему, в пределах которой это слово или значение обычно употребляется; вместе с тем при словарном описании значения, которое каким-либо образом отличается от того, как это значение функционирует в рамках определенной терминологической сферы, эта помета выполняет функцию предупредительной, предостерегающей (что важно, не строго запретительной, какой является помета *прост.*) пометы, она помогает разделить словоупотребление на терминологическое / нетерминологическое, официальное / неофициальное. Как кажется, пометы *разг.*, *проф.* / *прост.* как запретительные различаются степенью категоричности: пометы *разг.* и *проф.* сопровождают слова, которые функционируют как термины в пределах какой-либо области, в то время как пометой *прост.* снабжены общеизвестные значения, употребление которых считается нарушением языковой нормы.

Литература

АТоС — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять; Т. 2: Вина — Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Базаров Е. Э., Кулева А. С., Пестова А. Р., Шестакова Л. Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 42–61.

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. М.; СПб.: Наука, 2004–.

БЭС — Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: «Советская энциклопедия»; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. 1628 с.

Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Просторечная лексика в динамике ее словарного описания // Русская речь. 2021. № 3. С. 67–82.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Пестова А. Р. Стилистические процессы в лексике и их отражение в словарях (на примере пометы прост. в академических толковых словарях) // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции / под ред. А. Н. Еремина. Калуга, 2019. С. 182–197.

Пестова А. Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половине XX — нач. XXI в.: дис. ... канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. 165 с.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

Цумарев А. Э. Помета // Русский язык: Энциклопедия / под ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 517–518.

Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Нечаева И. В., Кулева А. С., Грунченко О. М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное о новое // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.

E. E. Bazarov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
eubaz@yandex.ru

ON THE SYNCRETISM OF SOME STYLISTIC LABELS (WITH RESPECT TO THE LABELS *COLLOQUIAL* AND *PROFESSIONAL*)

The article examines the features of the lexicographic representation of stylistically marked vocabulary of the Modern Russian language (based on the material of the “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language” and “The Dictionary of the Russian Language” edited by A. P. Evgenieva). Stylistic labels — especially labels of substandard lexical units — inform the dictionary user about the scope of the word use being described or the meaning of the word (everyday speech, vernacular, social or professional jargon, etc.). The article analyzes some lexical meanings labeled as “colloquial” and “professional’. For example, in “The Dictionary of the Russian Language”, edited by A. P. Evgenieva, the word *gololed* is presented as a synonym for the word

gololeditsa, but these words refer to different weather phenomena. In the "Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language" the basic meanings of the words *gololed* and *gololeditsa* correspond to their encyclopedic definition, while the meaning 'gololed' in the word *gololeditsa* and, accordingly, the meaning 'gololeditsa' in the word *gololed* are labeled as colloquial uses. The author believes that characteristic of some stylistic labels marking substandard vocabulary is the syncretism of their functions: they serve, on the one hand, to designate the subsystem to which a given word belongs, on the other hand, their function is to warn the dictionary user against the word usage that does not correspond to how a given word is used in any field — a branch of science, business documents, etc.

Keywords: lexicography, explanatory lexicography, stylistic labels, explanatory dictionary, everyday speech, professionalism

References

Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. A — Vilyat'; Vol. 2. Vina — Gyaur / Ed. by Krysin L. P. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 2016. (In Russ.)

Bazarov E. E., Kuleva A. S., Pestova A. R., Shestakova L. L. [Substandard Vocabulary in the Modern Explanatory Dictionary: Changes in the Use of Vernacular Lexemes] *Stilisticheski snizhennaya leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniya v upotreblenii prostorechnoi leksiki*. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka,* 2021, vol. 80, no. 1, pp. 42–61. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004–. (In Russ.)

Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Large encyclopedic dictionary]. Ed. by Prokhorov A. M. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ.; Saint Petersburg, Leningradskaya galereya Fund., 1993. 1628 p.

Kuleva A. S., Shestakova L. L. [Colloquial Vocabulary in the Dynamics of its Dictionary Description] *Prostorechnaya leksika v dinamike ee slovarnogo opisaniya. Russkaya rech'*. 2021, no. 3, pp. 67–82. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru.

Pestova A. R. [Stylistic Processes in the Lexicon and their Reflection in dictionaries (on the Example of the "Simple Litters" in Academic dictionaries)] *Stilisticheskie protsessy v leksike i ikh otrazhenie v slovaryakh (na primere pomety "prost." v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh)*. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ed. by A. N. Eremin. Kaluga, 2019, pp. 182–197. (In Russ.)

Pestova A. R. S*tilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh kak otrazhenie leksiko-stilisticheskikh protsessov v russkom yazyke vtoroi polovine XX — nach. XXI v.: dis. ... kand. filol. nauk* [Stylistic marks in explanatory dictionaries as a Reflection of Lexico-stylistic processes in the Russian Language in the second half of the 20th — early 21st centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2022. 165 p.

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Ed. by Evgen'eva A. P. Vol. 1–4. Moscow, 1981–1984.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Information on Word Origin.]. Ed. by Shvedova N. Yu. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, 1175 p.

Tsumarev A. E. [Stylistic Mark] *Pometa*. [Encyclopedia "Russian language"] *Russkii yazyk: Entsiklopediya*. Ed. by Moldovan, A. M. Moscow, AST-PRESS ShKOLA Publ., 2020, pp. 517–518. (In Russ.)

Tsumarev A. E., Shestakova L. L., Nechaeva I. V., Kuleva A. S., Grunchenko O. M. ["Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language": the Traditional and the New] *«Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka»: traditsionnoe o novoe*. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka,* 2017. Vol. 76, no. 5, pp. 5–21. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.5

А. Н. Баранов
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
baranov_anatoly@hotmail.com
Д. О. Добровольский
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НКРЯ)

Фразеологизмы-конструкции представляют собой особый класс фразеологизмов в русском языке. Центральную часть этой категории образуют речевые формы устойчивого лексического состава, в которых не заполнены некоторые валентности, а в значении отсутствует образная составляющая. В качестве пропущенных элементов могут выступать как простые, так и пропозициональные актанты. Идиоматичность фразеологизмов-конструкций распространяется на саму структуру и на ее фиксированную часть, а не на те лексические единицы, которые вводятся в нее, заполняя «пустые места».

Анализ корпусных материалов показывает, что многие фразеологизмы-конструкции образовались из выражений аналогичного состава, компоненты которых используются общепринятых значениях. Переход таких неидиоматичных выражений во фразеологические единицы, как правило, сопровождается возрастанием частоты употребления в дискурсе.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы-конструкции, русский язык XIX в., развитие русской фразеологии, корпусный подход

К фразеологическим единицам принято относить словосочетания, характеризующиеся устойчивостью и нерегулярностью семантики (идиоматичностью) [Баранов, Добровольский 2013: 43]. Наряду с общепринятыми разрядами фразеологизмов, такими как идиомы, пословицы и коллокации, иногда выделяются устойчивые синтаксические конструкции, в которых происходит варьирование некоторых лексических элементов. Это, так сказать, шаблоны с «пустыми местами», которые за-

полняются в зависимости от контекста и коммуникативного намерения автора[1]. Ср. выражения следующего типа:

***вот тебе и* Р/Х**

Не успел утром с кровати встать — день уже и кончился. ***Вот тебе и*** *выходной!;* ***Вот тебе и*** *съездили на дачу — все время в пробках простояли;*

***очень/больно нужно/надо* Р/Х**

Больно нужны *нам эти нанотехнологии;* ***Очень нужно*** *было в это дело влезать;* ***Очень надо*** *в тошниловку вашу ходить! Жрите сами!*

Х — *это* Y *для бедных*

Шаурма — суши ***для бедных***; *Вегина упрекали — слишком уж подражает тому, кого называл то наставником, то кумиром, кто-то даже назвал его обидно «Вознесенским* ***для бедных»***. [И. Вирабов. Андрей Вознесенский]; *Протест — это бесплатный гламур* ***для бедных***. [В. Пелевин. Бэтман Аполло]; *Я бы без сомнений назвал молодого автора «Набоковым* ***для бедных»***. [Е. Новицкий. Mefистофель Forever // «Волга»]

Х Х-*ом* (типа *дурак дураком*)[2]

Ну, я еще потоптался рядом, ***дурак дураком****, выпил с горя чашку кофе, плюнул, да и ушел*. [Д. Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)]; *Не обижайтесь, я прямо скажу: человек вы в годах, здоровье не ахти какое, не ровен час... всякое может случиться... И опять мальчик* ***сирота сиротой*** *останется. А он еще птенец бескрылый да неоперенный...* [А. Мусатов. Стожары (1948)]

Х Х-*ом, а/но...* (типа *дружба дружбой, а...*)[3]

Кризис кризисом, а *живем мы здесь и сейчас.* [Неделя. Письма // «Огонек», 2015]; ***Отдых отдыхом, но*** *не стоит отставать от жизни.* [Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)]

Х *на* Х-*е (сидит) (и Х-ом погоняет)*

— Ныне гадать... таких кроссвордов еще никогда не было. ***Новое на новом и новым погоняет****. Кто же вы? — уже свободней и настойчивей переспрашивает он.* [В. Распутин. Новая профессия (1998)]

Х *как* Х

— Да, где? — сказал Тенброк, когда Таулис внес кофе, водку и сандвичи. — ***Кофе как кофе****... —* ***Водка как водка****, — подхватил Спангид, — и сандвичи тоже без географии.* [А. Грин. Пари (1933)]

---

[1] Фразеологизмы-конструкции похожи на то, что в логике называется «пропозициональной формой» — пропозицией, в которой некоторые места при предикатах остаются незаполненными — «пустыми».

[2] Подробнее об этой конструкции см., например, [Israeli 2014; Janda, Kopotev, Nesset 2020].

[3] Как один из способов выражения уступительности эта конструкция разбирается в [Булыгина, Шмелев 1997] и [Апресян 2015]. Ей посвящены и отдельные исследования, ср., например, [Добровольский 2019; Cotta Ramusino 2022].

Р — *не хочу*

А жратвы-то, жратвы, ***ешь — не хочу****!* [Б. Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]

Из приведенных примеров видно, что фразеологизмы-конструкции (далее — ФК) — это абстрактный феномен, который представлен на поверхностном уровне своими реализациями, в которых переменные заполняются соответствующими актантами. Не случайно в отношении ФК естественно использовать термины «схема» и «шаблон». В отличие от любой синтаксической схемы типа NP + VP или (в терминах синтаксических структур Н. Ю. Шведовой) N1 — Vf для предложений типа *Лес шумит*, схемы, лежащие в основе ФК менее абстрактны, поскольку обладают более конкретной семантикой. Например, *X в X* (*минута в минуту, тютелька в тютельку*) передает идею точности, соответствия.

Таким образом, в отличие от фразеологизмов других типов, ФК — это выражения, построенные по определенной модели, в которой фиксируется некоторое лексическое значение. При этом реализация схемы предполагает заполнение некоторых пропущенных мест — валентностей. Эти пропущенные места заполняются как простыми, так и пропозициональными актантами. Ср. *тоже мне* ***поэт****!* и *где уж нам* ***по европам ездить****!*[4]

Как видно из примеров, в некоторых случаях «пустыми» оказываются практически все актантные позиции — остаются неизменными только грамматические характеристики соответствующей формы. Например, в конструкции *X X-ом* фиксированы категориальные характеристики переменной X (существительное) и ее падежные свойства (им. падеж — тв. падеж).

Идиоматичность ФК распространяется именно на саму структуру и на ее фиксированную часть, а не на те лексические единицы, которые вводятся в нее, заполняя «пустые места». То есть в выражении *тоже мне поэт* слово *поэт* употреблено в прямом значении и не является частью ФК в точном смысле. Это не означает, однако, что отсутствуют семантические ограничения на заполнение этих пустых мест. Так, странно было бы сказать ???*тоже мне подлец* или ???*тоже мне болван.* Неудачность приведенных фраз объясняется тем, что данная конструкция связана с негативной оценкой, причем если слово в сфере действия *тоже мне* уже имеет в семантике негативный компонент смысла, то форма *тоже мне* указывает на неумелость, на неспособность хорошо выполнять соответствующие функции (ср. *Тоже мне убийца*). Поэтому, например, форма *тоже мне* естественно сочетается с именами известных литературных персонажей, которые осмысляются в русскоязычном сообществе как эталоны некоторых свойств:

(1) *<...> а вы, я гляжу, преуспели, — оглянулся начмед со смертной скукой в глазах. —* ***Тоже мне Чичиков****... Обещайте, что ли «Волгу», ну или «Жи-*

[4] Пропозициональный актант — это актант, выраженный пропозицией. На поверхностном уровне он может быть выражен придаточным предложением (*Больно надо, чтобы вы мне помогали*), инфинитивной группой (*Больно надо в забегаловку вашу ходить*), неполной номинализацией, предикатом и пр.

гули». Действуйте со столичным размахом! [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней]

(2) *Таня тормошила Кянукука. — Выпей, Витька! Ну что ты сидишь и сопишь?* ***Тоже мне Чайльд Гарольд*** *с хроническим насморком*. [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

(3) *Вчера я слышал, как В. В. сказал кому-то по телефону: «Нужно оградить нашу науку от выскочек». — Напрасно думаешь, что шеф тебя поддержит. —* ***Тоже мне, Дон Кихот.*** *— Шефа это тоже не погладит по самолюбию. — Хорошо, раз ты решил чудить — чуди, но почему ты лезешь с докладом на эту сессию?* [В. Аксенов. Звездный билет]

Действительно, Чичиков — эталон хитрости. Выражение сомнения в соответствии этому эталону передается в примере (1). С другой стороны, Чайльд Гарольд — образец романического героя, однако насморк плохо сочетается с романтичностью. Словосочетание *тоже мне Чайльд Гарольд* — пример (2) — указывает на очевидную ущербность представления о романтичности героя по имени *Витька*. Фраза *тоже мне Дон Кихот* в примере (3) говорит о неуместности борьбы за правду в рассматриваемой ситуации.

В сфере действия рассматриваемого ФК может быть и целая предикация:

(4) *— Я смотрю на нее и думаю — а как мама могла так долго сюда ходить?* ***Тоже мне — нашла себя в жизни****. Учитель французского языка. Они ведь тоже знали, что у нее больное сердце. И все равно болтали в учительской обо мне*. [А. Геласимов. Жанна (2001)]

В приведенном примере говорящий считает, что профессия школьного учителя французского языка не самый лучший способ найти свое место в жизни.

Фиксированная часть ФК вместе с ее грамматикой обладают высокой степенью идиоматичности, хотя и не обязательно основаны на образности. Действительно, семантика форм *тоже мне, где уж нам, вот тебе и...,* X X-*ом* и под. сформирована не под влиянием образа (метафоры или метонимии), а под влиянием немотивированного соположения лексических единиц, наделения граммем специфической семантикой, что фиксируется в узусе в виде дискурсивной практики.

ФК можно дать следующее определение:

> **Фразеологизмы-конструкции** — это выражения устойчивого компонентного состава, в основе которых лежит схема с незаполненными валентностями, сама по себе обладающая лексическим значением, не сводимым к тропеическим преобразованиям.

Под «схемой» мы понимаем отображение синтаксической структуры с возможным заполнением частей этой структуры лексическими единицами. Обязательным элементом такой схемы являются переменные с фиксированными грамматическими характеристиками.

По своим дискурсивным свойствам ФК, преимущественно, относятся к разговорному языку. При этом их идиоматичность связана не с образом, как в случае идиом, а со специфической и нерегулярной семантикой, присущей лежащей в их основе схеме.

В отличие от идиом, ФК по большей части не допускают изменение по грамматическим категориям. Так, форма *не хочу* в ФК Р — *не хочу* жестко фиксирована. Нельзя сказать *Р — *не буду хотеть,* *Р — *не хотел,* *Р — *не хотим.* Ср., впрочем, *тот еще* Х, *та еще* Х, *те еще* Х: *тот еще фрукт, та еще штучка, те еще демократы*.

ФК изучаются в рамках Грамматики конструкций, развиваемой Ч. Филлмором, А. Голдберг и их последователями. Однако в целом объект исследования Грамматики конструкций шире. Так, она изучает, в том числе, те формы, которые Д. Н. Шмелев назвал «фразеосхемами». Он относил к этой категории продуктивные синтаксические конструкции русского языка, которые, однако, не являются ФК в рассматриваемом понимании. Например, под фразеосхемами понимались продуктивные синтаксические модели с широким лексическим наполнением типа «сначала делай то-то, потом делай то-то» (*ты сначала узнай, а тогда уж говори; сначала научитесь вежливости, а потом уж разговаривайте с людьми*)[5]. Он приводит и другие примеры фразеосхем, которые не относятся к ФК. Так, по схеме «*хоть* + форма повел. накл. 2 л. ед. ч.» образованы выражения *хоть пруд пруди, хоть отбавляй, хоть шаром покати, хоть в петлю лезь* [Шмелев 1977: 327–330]. Такие единицы следует считать идиомами, а не ФК. Дело в том, что эти выражения в целом переосмыслены (идиоматичны) и частотны. Они целиком являются частью лексикона русского языка. При этом сформулированная схема «*хоть* + форма повел. накл. 2 л. ед. ч.» не обладает признаками лексического значения и задает слишком широкий класс выражений, многие из которых образованы регулярным образом. Ср. *Хоть работай весь день, а результата нет* или *Хоть зайди к ней поговори*.

Следует отметить, что ФК, будучи воспроизводимыми моделями, в некоторых случаях при определенном лексическом заполнении переменных формируют идиомы; ср., например, выражение *тютелька в тютельку*, образованное по схеме *Х в Х*. В этом смысле следует различать близкие по форме выражения *туча тучей*, с одной стороны, и *дурак дураком, дура дурой* — с другой. Понятно, что все эти выражения по Д. Н. Шмелеву следует относить к фразеосхемам, однако выражения типа *дурак дураком* действительно относительно продуктивны и характеризуют глупого человека. Ср., в частности, формы *болван болваном, идиот идиотом, лох лохом*. Образование таких ФК допустимо для слов, в значение которых входит идея ущербности, а сама конструкция интенсифицирует соответствующую негативную характеристику (вид лексической функции Magn). Иными словами, эти выражения слабо идиоматичны. С другой стороны, семантика

[5] Именно такие феномены составляют один из основных объектов исследования Грамматики конструкций.

выражения *туча тучей* отнюдь не сводится к обозначению тучи, а характеризует психическое состояние человека: *быть туча тучей* = ‘(после произошедшей неудачи, неприятности или беспричинно) находиться в подавленном психологическом состоянии, которое по внешним признакам заметно окружающим *и уподобляется грозовому облаку*’[6]. В силу этого выражение *туча тучей* оказывается не ФК, а идиомой. Следует иметь в виду, что одно и то же выражение может употребляться и как ФК (*она росла **сирота сиротой***), и как идиома (*сижу без Интернета **сирота сиротой***).

Аналогично форма *из* X-*а в* Y является типичной конструкцией (ср. ***из** полковников **в** покойники, **из** генералов **в** капралы*), однако в варианте *из грязи в князи* относится к идиомам. Модель, лежащая в основе ФК, в некоторых случаях порождает пословицы. Такова, например, модель *на то и* X, *чтобы* Y, которая в вариантах лексического заполнения ***На то и** законы, **чтобы** их нарушать; **На то и** депутат, **чтоб** водку пить* является конструкцией, а в варианте *на то и щука, чтобы карась не дремал* реализует семантику пословицы.

Как и другие элементы фразеологической системы, ФК обнаруживают выраженную динамику. Отметим, что мотивация этой динамики представляет существенную проблему. Так, в связи с исследованием конструкции *тот еще X* в [Левонтина 2016: 162] отмечается, что это выражение возникло в послереволюционную эпоху:

> «Действительно, в дореволюционных текстах такого не попадается. Если вдуматься, в общем, даже понятно, откуда это взялось. После 1917 года жизнь раскололась на “до” и “после”, причем само упоминание о “до” стало рискованным: А ваши кто родители? Чем вы занимались до семнадцатого года? Ну и далее по тексту. Поэтому совершенно естественно распространение выражений типа *из бывших* или — как в нашем случае — *тот еще*, в смысле “дореволюционный, из прошлой жизни”».

Между тем, по корпусным данным выражение *тот еще X* в значении ФК начинает употребляться с 60-х гг. XX в., то есть непосредственно к постреволюционной эпохе отношения не имеет. Ср. одно из первых употреблений в основном корпусе НКРЯ:

(5) *Всё провернули в невероятно короткий срок — в две недели. Работка была «**та еще**», как говорит Великий Электромонтер Сявый, которого, кстати, нам разыскал Костя. Будь здоров была работка!* [М. Анчаров. Теория невероятности (1965)]

Кавычки при оформлении выражения *тот еще* указывают на недостаточную его освоенность как дискурсивной практики.

---

[6] По правилам оформления толкования идиом в АСРФ компонент толкования, эксплицирующий внутреннюю форму, выделяется курсивом.

Результаты поиска в НКРЯ выражения «*тот еще* + существительное» могут создать впечатление, что оно использовалось уже, начиная с XVIII в. (на самом деле может быть и раньше, просто в корпусе нет соответствующих текстов):

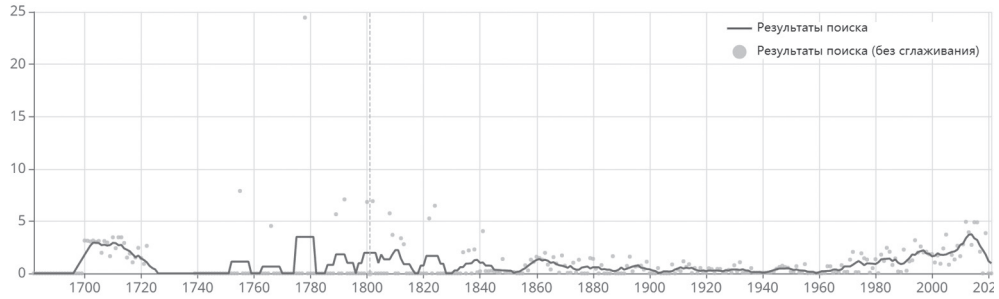


График 1. Динамика употребления формы «*тот еще* + существительное» по основному корпусу НКРЯ

Однако до 60-х гг. XX в. выражение *тот еще* используется неидиоматично — не как фразеологизм. Ср. характерные примеры:

(6) *На сия Христос, аз, глаголет, Отец твой: и абие откры ему язвы ручныя и ножныя и преботенныя ребра, из язв* ***тех еще кровь*** *текла*. [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)]

(7) *Онъ славенъ былъ и въ* ***то еще время****, когда Митридатовы флоты покрывали Черное мор*е. [И. Голиков. Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женевца, Франца Яковлевича (Франциска Іякова) Лефорта (1800)]

(8) *— Да отчего ж это, Конон, воры не любят, чтоб их называли ворами? Да* ***тот еще вор****, кто не спросясь чужое берет; а я всегда спрашивался у своего хозяина.* [А. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)]

(9) *Даша была в* ***том еще возрасте****, когда видят и слышат плохо: слух оглушен шумом крови, а глаза повсюду, — будь даже это человеческое лицо, — видят, как в зеркале, только свое изображение*. [А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)]

(10) *Мысль о том, что здесь должен быть парк, возникла среди старых комсомольцев —* ***тех еще поколений****, что помнили «бешеного барина», поселок Ярманкин, первую немецкую оккупацию и гражданскую войну*. [А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)]

(11) *— Итак, я сочинитель... хотя и со чрезмерной пристальностью, попрекают, в том единственном смысле, что о потайных корнях человека любопытствую, об отходах истории и о* ***тех еще сокровищах****, что хранятся не в показных витринах, а в потаенных запасниках культуры*. [Л. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927, 1959)]

В XXI в. ФК *тот еще X* — окончательно сформировавшаяся дискурсивная практика разговорного русского языка:

(12) [Егоровна (жен)] *Героиня **та еще психопатка**, и потому финал, с моей точки зрения, совершенно нелогичен*. [Отель «Гранд Будапешт» (23.03.2014)]
(13) *Да и Петрушка, как известно, **тот еще охальник***. [М. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013]
(14) *Всяк сверчок знай свой шесток. Девчонка была **тот еще подарочек***. [А. Китаева. Белый танец (2014)]
(15) *У них там зам по производству, с кондитерской фамилией, — **тот еще хмырь**...* [М. Окунь. Колечки (2014) // «Волга», 2015]

Анализ контекстов показывает, что на 100 произвольно взятых употреблений в период с 2000 по 2023 приходится 1 употребление в значении не ФК. Иными словами, фразеологизованные употребления вытесняют буквальные. По крайней мере, тенденция к этому в корпусе очевидна.

График употреблений в указанный период времени показывает, что пик употреблений этого выражения как ФК приходится на 2013–2014 гг.:

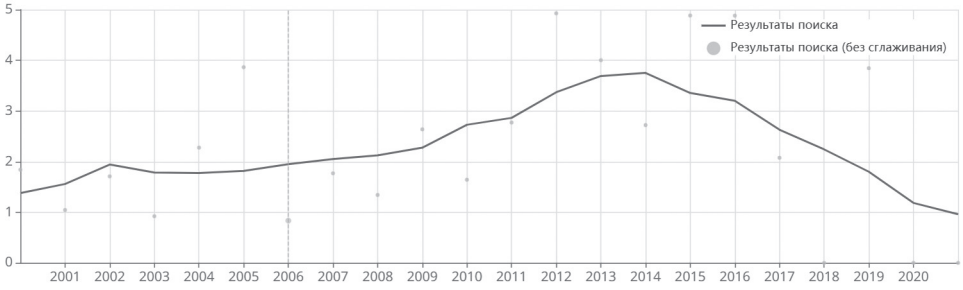


График 2. Динамика использования формы «*тот еще* + существительное» по основному корпусу НКРЯ в XXI в.

Не следует думать, что ФК как дискурсивные практики только повышают частоту употребления. Как и другие лексемы, они могут и снижать частотность с течением времени. Такова ФК *где уж нам P*:

(16) *Раз попробовала, да что-то не понимаю... **где уж нам** ученостью заниматься*. [А. Плещеев. Пашинцев (1859)]
(17) *«Не бывать войне, какая война, **где уж нам** воевать: просто военная прогулка и маневры, с тратой сотен миллионов, для поддержания чести»*. [Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)]
(18) *— Пошлет господь и простенького медку, и за то благодарни суще славим великие и богатые его милости. **Где уж нам** с резедами возиться!..* [П. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)]

(19) — *Вот моя бабушка, она в церковь ходит, свечки ставит и говорит: «**Где уж нам** по-божьи жить, мы люди грешные»*. [А. Гольденвейзер. Дневник (1910)]

Пик частотности *где уж нам Р* приходится на 70–80 гг. XIX в.:

График 3. Динамика использования формы *где уж нам* по основному корпусу НКРЯ

Некоторые ФК сохраняют стабильность на протяжении веков. Такова ФК *вот тебе и Р*:

(20) — *Он прежде посидит в русской тюрьме, так **вот тебе и** а Пари.* [Е. Дашкова. Тоисиоков. Комедия в пяти действиях (1786)]

(21) *Яким, проводивши за ворота дорогого гостя и в сотый раз повторив просьбу не минать их хутора, возвращался в хату, бормоча про себя: **Вот тебе и** москаль! **Вот тебе и** улан!* [Т. Шевченко. Наймичка (1844)]

(22) — *Вот какие чудеса творились у нас за спиной. **Вот тебе и** наша бдительность!* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)]

(23) *Успеем, говорит... Вот тебе и успели: шестой*. [А. Волос. Недвижимость (2000)]

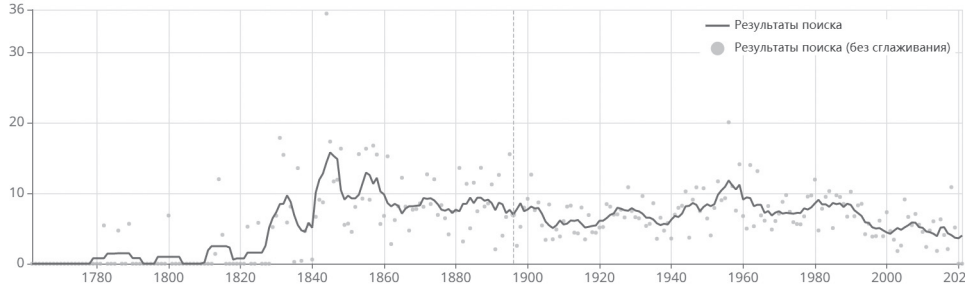


График 4. Динамика использования формы *вот тебе и* по основному корпусу НКРЯ

Наконец, ФК может с течением времени выйти из употребления. Так, форма *много-много если Р* со значением ‘хорошо если, да и то не факт’ сравнительно часто употреблялась в XIX в., но в XX и XXI вв. как дискурсивная практика отсутствует — ср. график 5:

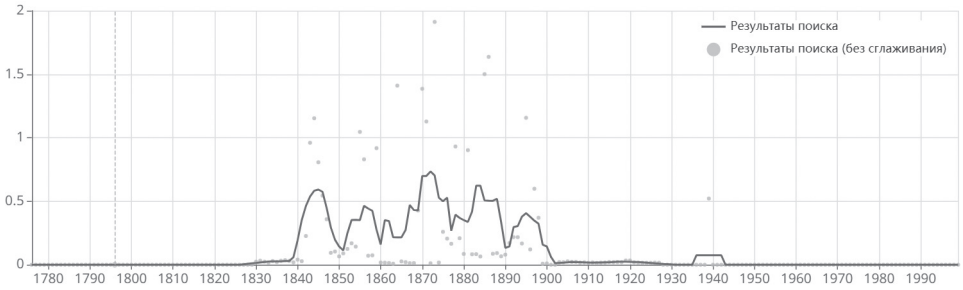


График 5. Динамика использования формы *много-много если* по основному корпусу НКРЯ

Незначительное увеличение частоты в районе 1940 г. на графике объясняется примером из «Русской идеологии» архиепископа Серафима, воспроизводящим цитату из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, в которой он передает слова А. С. Пушкина, вероятно, сказанные в личной беседе. Остальные примеры в основном корпусе НКРЯ приходятся на 40–90-е годы XIX в. Ср.:

(24) *Но и это утешение отнято у меня; на завод не станешь ездить каждый день;* ***много-много если*** *раз в неделю заглянешь*. [И. Гончаров. Письма (1842–1859)]

(25) <...> *хотя бурмистр неоднократно докладывал ей, что Степан Владимирыч «нехорош», но доклады эти проскальзывали мимо ушей, не оставляя в ее уме никакого впечатления.* ***Много-много если*** *она отвечала на них стереотипною фразой: — Небось отдышится, еще нас с тобой переживет!* [М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)]

(26) *Будьте увѣрены, что скучному серьезному человѣку не простятъ и сотой доли того, что сходитъ съ рукъ «душѣ общества»,* ***много-много, если*** *навлечетъ на него полуласкательный эпитетъ «шельмеца» и «бестiя»*. [О. Шапир. Без любви // «Вестник Европы», № 2–№ 5, СПб.: 1886]

(27) *Это был молчаливый человек, занятый какими-то своими мыслями.* ***Много-много, если*** *взглянет на кого, а то и так сойдет*. [Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)]

* * *

Проведенное исследование показывает, что речевой потенциал каждой ФК непредсказуем. Некоторые выражения с течением времени приобретают статус ФК и, осваиваясь носителем языка как дискурсивные практики, постепенно повышают

свою дискурсивную активность (как ФК *тот еще X*), другие — снижают употребительность (как ФК *где уж нам P*), а третьи — сохраняют стабильность в употреблении (как ФК *вот тебе и P*).

Таким образом, предсказать формирование ФК и их употребительность в речи невозможно. Это в целом относится и ко всей фразеологии за исключением идеологически обусловленных форм типа *светлое будущее, прекрасная Россия будущего, опиум для народа* или *продажная девка империализма*, которые исчезают из дискурса со сменой одного политического режима другим. Впрочем, и здесь есть свои исключения: идиома *вот тебе бабушка и Юрьев день* привязана по внутренней форме к соответствующим историческим событиям, но вневременной характер актуального значения обеспечивает ее выживаемость в дискурсе.

Отсутствие у фразеологизмов-конструкций образной составляющей в традиционном понимании выводит этот тип фразеологизмов из-под действия идеологических и исторических влияний, однако не мешает их динамике, которая обеспечивается какими-то иными, пока еще не изученными факторами.

Литература

Апресян В. Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Лексрус, 2020. 896 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: Флинта; Наука, 2013. 312 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Добровольский Д. О. Показатели безразличия в русско-немецком корпусе параллельных текстов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. 2019. С. 202–213.

Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 464 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

Cotta Ramusino P. Zakon zakonom, a zhizn' diktuet svoe: the function in discourse of the construction [X_1–X_1om, a/no] // Русский язык в научном освещении, 2022. № 2 (44). С. 242–262.

Israeli A. Russian repetition as excoriation: nominative plus instrumental // M. Dalmas, E. Piirainen in cooperation with N. Filatkina (eds.). Figurative Language. Festschrift für Dmitrij O. Dobrovol'skij (= Stauffenburg Linguistik, Bd. 83). Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2014. P. 251–256.

Janda L., Kopotev M., Nesset T. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two' // Russian Linguistics. Vol. 44. 2020. No. 2. P. 109–127.

A. N. Baranov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
baranov_anatoly@hotmail.com
D. O. Dobrovol'skij
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

CONSTRUCTIONAL PHRASEMES: DYNAMICS AND FUNCTIONING (BASED ON RNC DATA)

Constructional phrasemes are a special class of phraseological units in Russian. The central part of this category consists of speech forms with a stable lexical composition in which certain valencies are not filled, and the image component is absent in meaning. The omitted elements can be both simple and propositional actants. The idiomaticity of idiomatic constructions extends to the structure itself and its fixed part, rather than to the lexical units that are introduced into it, filling the empty slots.

The analysis of corpus data shows that many constructional phrasemes have emerged on the bases of expressions with similar structure, the components of which are used in their common meanings presented in discourse. The transition of such non-idiomatic expressions into phraseological units is usually accompanied by an increase in frequency of use in discourse.

Keywords: phraseology, constructional phrasemes, Russian language of the 19th century, dynamics in the Russian phraseology, corpus approach

References

Apresyan V. Ju. *Ustupitel'nost'. Mexanizmy obrazovanija i vzaimodejstvija složnyx značenij v jazyke* [Concession. Mechanisms of formation and interaction of complex meanings]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. (In Russ.)

ASRF — *Akademičeskij slovar' russkoj frazeologii* [Academy Dictionary of Russian Phraseology]. Ed. by A. N. Baranov and D. O. Dobrovol'skij. 3rd revised and enlarged edition. Moscow: Leksrus, 2020. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Škola "Jazyki slavjanskoj kul'tury", 1997. (In Russ.)

Cotta Ramusino P. *Zakon zakonom, a zhizn' diktuet svoe:* the function in discourse of the construction [X_1–X_1om, a/no]. *Russkij jazyk v naucnom osvescenii*, 2022. No. 2 (44). P. 242–262.

Dobrovol'skij D. O. Pokazateli bezrazličija v russko-nemeckom korpuse parallel'nyx tekstov [Indicators of indifference in the Russian-German parallel corpus]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Vol. 21. 2019. P. 202–213. (In Russ.)

Israeli A. Russian repetition as excoriation: nominative plus instrumental. *Figurative Language. Festschrift für Dmitrij O. Dobrovol'skij*, ed. by M. Dalmas, E. Piirainen in cooperation with N. Filatkina. (= Stauffenburg Linguistik, Bd. 83). Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2014. P. 251–256.

Janda L., Kopotev M., Nesset T. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two'. *Russian Linguistics*. Vol. 44. 2020. No. 2. P. 109–127.

Levontina I. B. *Russkij so slovarem* [Russian with dictionary]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2016. (In Russ.)

Šmelev D. N. *Sovremennyj russkij jazyk. Leksika* [Modern Russian. Lexis]. Moscow: Prosveščenie Publ., 1977. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.6

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
(Россия, Москва)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЯХ XXI в.

В статье рассматриваются словари регионализмов, созданные в рамках Интернет-проектов «Язык Городов и Людей», «Как говорится: местные слова в разных регионах России», материалом для которых послужили тексты региональных СМИ, социальных сетей, опросов участников форумов. При их подготовке были использованы возможности Интернета, позволяющие верифицировать семантику слов, уточнять их локализацию. Достаточно подробно авторы анализируют и любительские словари Урала и Перми. Подобные публикации вызваны желанием составителей подчеркнуть свою региональную идентичность и уникальность языка, носителями которого они выступают. Появление таких изданий вновь актуализировало обсуждение понятия региональной нормы, типов регионализмов, описание нейтральной, сленговой и экспрессивной лексики.

Авторы считают, что материалом для изучения регионализмов может служить любой источник, в том числе сувенирные словари, поскольку они отражают метаязыковую деятельность носителя языка, представление о территориальной маркированности языковой единицы и ее самобытности. Особый интерес при этом представляют региональные экспрессивные слова, отражающие действующие в языке механизмы экспрессивности, подробно описанные А. А. Зализняком, который полагает, что экспрессивная установка осознанно или неосознанно в большинстве случаев повышает престиж говорящего, помогает выразить его позицию «сверху вниз».

Ключевые слова: регионализмы, Интернет-словари, любительские словари, экспрессивная лексика

«... никакого “русского русского” нет, а есть костромской русский, тверской, питерский, пермский. И знакомиться с ними так же интересно, как с иностранными языками...» Эта цитата взята из [Пермско-английский разговорник 2015: 4]. Подобные сувенирные словари с установкой на юмор появились в разных регионах страны. Конечно, в утверждении, что существует особый уральский или костромской

язык чувствуется желание эпатировать читателя. Однако в таком подходе отразилась яркая современная тенденция рефлексировать по поводу языка, сравнивать его с языком соседних регионов и столицы и таким образом подчеркивать свою самобытность. Это проявилось в создании разнообразных местных сайтов и форумов, где обсуждаются материалы по истории, этнографии края, но в пепрвую очередь диалектные и региональные слова. Обзор и анализ интернет-ресурсов в связи с изучением лексических регионализмов дан в [Ахметова 2014]. Автор делает важное наблюдение о собирательской деятельности пользователей Интернета: «... с одной стороны, она наследует практикам по сбору местных диалектизмов в образовательных и культурных институциях (школы, вузы, кружки при краеведческих музеях и т. д.), а с другой — обусловлена популярностью жанра словаря (энциклопедии, азбуки и пр.) в массовой культуре начала XXI в.» [Там же: 161]. Об этом свидетельствует не только Интернет, но и публикация большого количества любительских («народных») словарей, отражающих диалектную, региональную, экспрессивно-просторечную лексику — всё то, что, по мнению составителей, характеризует их местный язык и не входит в литературный. Авторами подобных словарей могут быть писатели, учителя, журналисты, библиотекари, клубные работники, а некоторые составлены и диалектоносителями. Естественно, что подобные словари привлекли внимание лингвистов и в настоящее время существует много работ, анализирующих их [Березович 1998; Букринская, Кармакова 2020а; Бондаренко 2021; Боброва 2022 и др.].

Народные, любительские, в том числе сувенирные словари отражают современную ситуацию, связанную с демократизацией литературного языка, трансформацией диалектов, появлением региолектов как особого лингвистического образования, ослаблением границ между литературным, экспрессивно-разговорным, просторечным и региональным пластами национального языка,

М. В. Панов, изучавший историю русского литературного произношения, выявил важную закономерность в его развитии: «В течение всех трех веков, XVIII–XX, идет волнообразная смена установки на экспрессию и установки на норму. Если господствует экспрессивная фонетика, то в речи много вставок из иносистем — для выразительности, эмоциональной свежести, для «остранения» речи. В высказывания вносятся и диалектно-произнесенное словцо, и фонетически-причудливый неологизм, и недоосвоенный барбаризм (притягательна сама внезапность зарубежных звукосочетаний), и образно-наглядные звукоподражания, и особые индивидуальные наименования...» [Панов 1990: 205]. Так, последние 20 лет, нам кажется, длится период «установки на экспрессию» и связанное с этим расшатывание языковых норм, что отмечается многими лингвистами.

В речевой практике больших и малых городов мы наблюдаем функционирование регионально окрашенных вариантов литературного языка, в которых представлено некоторое количество фонетических признаков, присущих окружающим диалектам, и регионализмы [Букринская, Кармакова 2020б] Сейчас в научном сообществе достаточно четко обозначилось различение регионализмов

и диалектизмов. Под ***лексическими регионализмами***[1] ***понимаются специфические для конкретного города или региона (географического ареала) языковые единицы, которые активно используются жителями вне зависимости от их социального, образовательного, профессионального, гендерного и возрастного статуса.***

Изучением речи горожан, в том числе территориальным и социальным варьированием лексики, давно и плодотворно занимаются во многих научных центрах России: Архангельске, Екатеринбурге, Красноярске, Новосибирске, Саратове, Томске и др. центрах. Значительным вкладом в лексикографическое описание разговорной речи городских жителей стал «Словарь современного русского города» (Омск) под редакцией Б. И. Осипова [Осипов 2003]. Особо хочется отметить Пермскую социолингвистическую школу во главе с Т. И. Ерофеевой, ее представители успешно исследуют живую спонтанную речь разных социальных страт населения Перми, городов Прикамья и Урала [Ерофеева 1979; Грузберг 1989; Ерофеева, Скитова 1992 и др.], в 2020 г. как результат многоаспектного изучения региональной лексики и языкового сознания ее носителей вышла работа «Социолингвистический глоссарий пермских локализмов[2]: 60–90-ые гг. XX в.» [Ерофеева 2020].

Новые возможности изучения территориально маркированного лингвистического пространства даёт Интернет, где за последние годы, как уже говорилось, появилось большое количество словарей местных слов и выражений, назовем наиболее значимые, с нашей точки зрения, работы. Так, хорошо известен проект, созданный под научным руководством В. И. Беликова и В. П. Селегея «Языки российских городов». Задача, которую ставили авторы, — «определение масштаба и типологии регионального варьирования РЯ...», введение и обсуждение понятия региональной нормы [Беликов и др. 2021: 2]. База проекта — тексты региональных СМИ и социальных сетей. Особенностью этой работы явилось широкое обсуждение значения слов, их географической привязки на форуме «Городские диалекты». Впоследствии его наследником стал новый проект «Язык Городов и Людей», который до 2021 г. реализовывался на базе ГИКРЯ (Генерального Интернет-корпуса русского языка). С сентября 2021 г. проект приостановлен, но информация о завершенных статьях доступна по ссылке: https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php.

В 2021 г. ко Дню русского языка появился проект Яндекса «Как говорится: местные слова в разных регионах России» (далее «Местные слова») — https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words. Для составления словника, а он включает почти 4 тыс. слов, использовались данные блог-платформы Яндекс.Дзен. В разработке методики сбора материала и интерпретации полученных данных принимал участие сотрудник ИРЯ РАН Б. Л. Йомдин и другие лингвисты. Интерес, на наш взгляд, представляют 5 интерактивных карт, которые дают некоторое географическое представление о бытовании лексем, хотя и не всегда точное. Проект

[1] Некоторые лингвисты различают термины локализм (имеет более узкий ареал распространения) и регилнализм, см. [Ахметова 2014; Попов 2019].

[2] Пермские исследователи использвуют термин локализм в том же значении, что регионализм.

обладает определенной научной ценностью, при этом он содержит материал, нуждающийся в дальнейшем пополнении и уточнении. Составители понимают, что далеко не все регионализмы получили отражение в словнике, это связано с темами, актуальными для местных авторов, а в каких-то регионах живет мало интернет-пользователей и, соответственно, получено мало данных.

В качестве такого примера можно привести материал по Тверской области. В статье О. А. Культепиной [Культепина 2018], которая целенаправленно отбирала слова и респондентов для эксперимента, выделено около 30 тверских регионализмов, а в проекте «Местные слова» отмечено всего 7 тверских слов, из них совпали со списком только два: *схýдиться* ‘становиться плохо’ и *стёрка* ‘ластик’, правда, последнее не является собственно тверским: в ряде толковых словарей русского языка приводится с пометой *разг.* Проверка по словнику «Языки Городов и Людей» показала, что в нем содержится 20 из 30 тверских слов.

Надо заметить, что исследование Культепиной дало неожиданные результаты, оно показало, что «не существует различий в употреблении городской регионально маркированной лексики в речи разных поколений», а сами регионализмы относительно стабильны и не уходят из употребления жителей города, как автор предполагала изначально [Культепина 2018: 37]. Вывод исследователя, конечно же, нуждается в верификации на материале других территорий. Лишь при сопоставлении нескольких источников — словарей регионализмов, интернет-проектов, специальных исследований — мы получаем надежный материал, характеризующий территориальную маркированность и употребительность слова.

Рассмотрим пример со словом *голбец.* В проекте «Местные слова» оно попало в словник**:** голбец—подпол. *У нас в деревене все себе на первом этаже голбцы делали.* Вологодская обл., Пермский край, Свердловская область. Лексема дана и в Глоссарии Т. И. Ерофеевой с указаниями на то, что используется наряду со словами *подполье*, *подвал* и, несмотря на то что обозначает реалию деревенской жизни, широко употребляется в речи горожан, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. И это отражает языковую ситуацию конца XX в. При этом на форуме «Городские диалекты» при обсуждении слова участники дискуссии, как правило, воспринимают его как «деревенское», устаревшее. Оно имеет широкий ареал распространения: Вологодск., Костромск., Ярославс., часть Арханг. Пермский край, Урал, Сибирь, но попало в городскую среду и стало регионализмом, видимо, только на Урале. Современными жителями города, судя по обсуждению, скорее осознается как устаревшее. Таким образом, сравнение данных разных словарей позволяет проследить ареал бытования регионализма и динамику его употребления.

При фиксации местных слов в различных источниках возникает вопрос: насколько активно они должны употребляться, чтобы рассматриваться в качестве регионализмов? Технология поиска слова, его верификация, инкорпорированность в местный узус, определение региональной вариативности не только в узусе, но и в норме, выявление ареала употребления, типология регионализмов и их

лексикографическое описание подробно рассмотрены на конкретных примерах в программной статье [Беликов и др. 2021].

Практика составления словарей региональной лексики показала необходимость разработки, помимо принципов описания, типологии регионализмов: по происхождению и исторической динамике, по фиксации в толковых словарях, по сфере употребления и экспрессивной окраске (жарг., проф., администр.), по территориальной приуроченности, осознаваемости носителями, для полинациональных районов — по этнографической отнесенности и др. [Ливинская 2015; Майоров 2016; Попов 2020]. Большинство лингвистов считает необходимым включать в региональные словари и народные микротопонимы или урбанонимы.

Желание подчеркнуть свою региональную идентичность и уникальность языка стимулировало появление небольших по формату сувенирных словарей, как любительских, так и составленных специалистами: словарь «По-пермски говоря» [2013], И. Ливинская, А. Матвеев «Словарь региональной лексики и народных топонимов г.Новосибирска» [2015], уже цитированный вначале «Пермско-английского разговорник» [2015], «Слова Урала» [2018]. Они представляют интерес для изучения тенденций в разговорной речи, так как отражают установку разговорного языка на эмоциональность, экспрессивность и использование молодежного жаргона. В словарях, созданных на базе Интернет-ресурсов, о которых говорилось выше, экспрессивных языковых единиц не так много по вполне понятным причинам: они реже попадают в региональные СМИ, поэтому сувенирные словари интересны именно для изучения региональной экспрессивной лексики.

Нами был рассмотрен состав уральского словаря, который включает 150 единиц с толкованием, иллюстративным материалом и, как его характеризуют авторы, юмористической направленностью. Естественно, что подобные словари в целях привлечения внимания потребителя ориентированы на раскованность и браваду при подаче материала, потому в них так много просторечных, жаргонных и грубых слов (*просрал, рукожопый, сговнякать, швабра* — обращение к женщине). Авторы ироничны, формулируя некоторые дефиниции и приводя перевод «с уральского» на русский в примерах: «Ватока́т — человек вяложивущий, прокрастирующий. *Прим*. Мне Вася-ватокат все сроки просрал. — Василий сорвал наш дедлайн, до чего медленный человек!» [Словарь Урала: 5]. Словарь вызвал бурную дискуссию в Интернете и не только, звучало много протестных отзывов в связи с большим количеством жаргонной лексики и, как считают многие пользователи, неправильным представлением, которое дает словарь о языке уральцев. Но, нам кажется, издания подобного рода содержат полезную для лингвистов информацию о современных языковых тенденциях.

Мы постарались проверить вошедшие в него слова по другим источникам[3]. Итак, в этот словарь вошло небольшое число регионализмов диалектного происхождения, некоторые из них известны не только на Урале: *баско́й* ‘красивый’,

[3] Приносим глубокую благодарность профессору Уральского федерального университете М. Э. Рут за помощь в уточнении толкования и стилистической окраски слов.

вехóтка[4] ‘мочалка‘, *губни́ца* ‘грибной суп’, *дикоша́рый* ‘невоспитанный, непослушный, озорной’, *е́йный* ‘её’, *ро́бить* ‘работать’, *сворóтка* ‘поворот налево или направо’, а другие непосредственно уральские: *куля́стать* ‘неправильно или некачественно что-то делать’, *рямки́ (рямóк)* 1. ‘старая неопрятная или немодная одежда’, 2. ‘поистрепавшийся человек’; новые регионализмы: *лентя́йка* ‘швабра‘, *однёрка* ‘цифра один, трамвайный маршрут’, *ЕЖК* ‘майонез’ (производства Екатеринбургского жирового комбината), в том числе урбанонимы: *Индýстрия* ‘ул. Индустрии’, *Киро́вский* (*Ки́рчик)* ‘магазин «Кировский»’. В словаре приведено значительное количество общерусской экспрессивно-просторечной и жаргонной лексики — около 50 слов, например: *байда́* 'что-то неудачное, некачественное‘, *зашке́риться, шке́риться* ‘спрятаться’ (пришло из уголовного жаргона), *квадра́т* ‘квартира’, *уéсть* 'уязвить‘, *шкандыба́ть* ‘ходить‘. То, что в словарь попало значительное количество подобной лексики, неудивительно, такую же картину мы наблюдаем и в других любительских словарях, как уже говорилось, составители очень четко ощущают ее «нелитературность». А в «Пермско-английском разговорнике»[5], хотя составители все время подчеркивают, что их цель — показать «сочное пермское словцо», общерусская экспрессивная и жаргонная лексика преобладает: *впахивать, лям отдал, не мельтеши, пивасика купи, с какого перепуга, уродоваться* и др., а обещанных местных слов приведено не так много: *Баско*! Зыбанско! ‘классно’, Хочу кошку-*богатку* взять ‘хочу взять разноцветную кошку’, Ну и *гайно* у тебя ‘ну у тебя и беспорядок’, *мяргать* ‘мяукать’, *Посику́нчиков*[6] хочешь? ‘нет аналогов’, *Ега́рма* ‘несимпатичная женщина со сложным характером’, *Дунька с Бахаревки* ‘чучело, безвкусно одетая девушка’, *рассекать по Компросу* ‘гулять по Комсомольскому проспекту’ и др. Эти же слова отмечены и в словаре «По-пермски говоря», который содержит 310 лексических единиц. Судя по подбору слов с толкованием и рисункам к ним, словарь тоже имеет юмористический характер и желание подчеркнуть экспрессивное своеобразие пермской речи.

По мнению А. А. Зализняка, экспрессивная установка осознанно или неосознанно в большинстве случаев повышает престиж говорящего: «Можно выделить два основных механизма выражения позиции «сверху вниз» у говорящего.

Первый механизм — использование вместо нейтрального наименования обсуждаемого предмета некоторого другого слова, за которым в языке уже закреплена стилистическая окраска фамильярности, грубости, просторечия, жаргонности и т. п., или того же слова с добавлением экспрессивного суффикса...

---

[4] Лексема *вехотка* широко распространена в диалектах: в северном наречии, части среднерусских говоров (Новг., Псков., Твер.), по всей Сибири, Уралу, Пермскому краю, а также в Екатеринбурге [СРНГ 4].

[5] В разговорнике приводятся не столько слова, сколько фразеологизмы, ситуативные выражения, дается их перевод на русский и английский языки, и нет традиционных толкований, в нем выдерживается тематический принцип подачи материала, при этом перед каждой темой помещается вступление авторов иронического характера.

[6] Маленькие жареные пирожки с мясной начинкой.

Другой механизм — уменьшение роли основного наименования предмета, а именно либо его полное или частичное устранение, либо тот или иной способ его ослабления...» [Зализняк 2012: 653].

Языковыми способами выражения такой экспрессии является выбор слов, выбор морфем, выбор ударения. Все эти способы отражены в отборе языковых единиц для названных словарей. Использование суффиксов, которые отражают оттенки значений (уменьшительные, насмешливые, пренебрежительные, презрительные), понижает статус упоминаемых предметов, таким образом повышая статус говорящего. Так же работают и жаргонные слова, свидетельствующие о принадлежности говорящего к какой-то, с его точки зрения, престижной группе.

В сувенирных словарях интерес представляют именно региональные экспрессивные и сленговые слова, при этом всякий раз трудно поручиться, что слово является именно региональным и не входит в общемолодежный жаргон, не является окказионализмом или принадлежностью небольшой группы людей. Приведем примеры.

1. Отбор жаргонных слов: *обло́мы* ‘сухарики, чипсы и прочая закуска к пиву’, *ужа́лить* ‘взять чужую еду с тарелки’, *присуха́рить* ‘отложить на потом’ (не о еде), *пы́рить* ‘глазеть’, *синячить* ‘пьянствовать’, *чухо́нить* ‘обижать’.
2. Использование слов с экспрессивным суффиксом: *игру́ха* ‘компьютерная игра’, *сгу́ха* ‘сгущенка’, *урву́ха* ‘нечаянная удача’, *малу́шка* ‘небольшой гостевой домик’, *авто́бик* ‘автобус’, *тро́мвик* ‘трамвай’, *ки́нчик* ‘кино’, *клубешник* ‘клуб’, *Пермя́га* ‘название города Перми’, *сквозану́ть* 1. ‘отправиться в путешествие’; 2. ‘убежать’, *стоно́та* ‘нытик’, *чута́рик* ‘немного’.
3. Полное или частичное устранение наименования предмета: *доставля́ть* сокращение от ‘доставлять удовольствие’ (видимо, общерусское), *исполня́ть* ‘делать глупости’, *ущёрб* ‘ущербный человек’.
4. Перенос ударения на окончание: *пудра́, румяна́*, *меды́* ‘что-то приятное, что доставляет’. Перенос ударения, как считает А. А. Зализняк, «убирает из зоны внимания корень, т. е. главную часть слова», смысл сминается, таким образом слово приобретает пренебрежительный оттенок [Зализняк 2012: 658].

Все перечисленные экспрессивные слова подчеркивают высокую степень освоенности идиома носителем, а также его главенствующее положение. Говорящий, в нашем случае составитель, может быть, даже бессознательно демонстрирует своё снисходительно-покровительственное отношение к объектам и словам, их обозначающим.

Таким образом, регионализмы как объект исследования всё больше привлекают внимание лингвистов, которые широко используют возможности Интернета, позволяющие не только фиксировать местные слова, но и верифицировать их семантику, ударение, локализацию. При изучении регионального слова для лингвиста интересен любой источник, включая сувенирные словари, поскольку они отражают метаязыковую деятельность носителя языка, его представление о территориальной маркированности слова и его самобытности, а включенная в словарь

лексика отражает общеязыковые тенденции, в частности, механизмы экспрессивности. Интенция составителей — показать читателю языковую уникальность, особенность региона, познакомить с фрагментом своего кода и хотя бы частично приобщить к нему чужого. В заключение хочется привести еще одну цитату из «Пермско-английского разговорника»: «А пермский говор стал настоящим территориальным брендом, и более того, стал сильным мотиватором для посещения пермского края, его отдельной достопримечательностью» [Пермско-английский разговорник: 5].

Литература

Ахметова М. В. Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете: проблемы сбора материала // Русский язык и новые технологии / под ред. М. В. Ахметовой и В. И. Беликова. М., Новое литературное обозрение, 2014. С. 156–171.

Беликов В. И. Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. — Улан-Удэ: 2013. — С. 7–9.

Беликов В. И., *Дубяга А. О., Рванова Л. Ю. Селегей В. П.* Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты. https://www.dialog-21.ru/media/5559/belikovviplusetal060.pdf

Березович Е. Л. М. С. Устинова как языковая личность. Публикация авторского диалектного словаря. // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры. 1995–1996 г. С. 128–137.

Боброва М. В. Наивные словари как диалектный источник // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2022, под ред. С. А. Мызникова. СПб., ИЛИ РАН, 2022. С. 23–46.

Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М., Индрик. 2021. 584.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Взгляд лингвиста на любительские диалектные словари. // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2020, под ред. С. А. Мызникова. СПб., ИЛИ РАН, 2020. С. 108–120.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности русской речи // Русская речь, № 4, 2020 г. С. 7–18.

Грузберг Л. А. О разграничении устной литературной речи и городского просторечия // Живое слово в русской речи Прикамья / ред. Ф. Л. Скитова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1989. С. 26–31.

Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: пособие по спецкурсу. Пермский госуниверситет. Пермь, 1979. 92 с.

Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-ые годы XX в. Пермь, 2020.239 с.

Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермский госуниверситет, Пермь. 1992. 92 с.

Зализняк А. А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650–664

Культепина О. А. Социолингвистическое исследование городской лексики Твери // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 29–39.

Ливинская И. В. «Словарь региональной лексики и неофициальных топонимов г. Новосибирска»: основные принципы и этапы составления // Вести Волгоградского гос.университета. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5. С. 40–44.

Ливинская И. В., Матвеев А. И. Словарь региональной лексики и народных топонимов г. Новосибирска. Новосибирск. 2015. 160 с.

Майоров А. П. Регионолект и регионализиы в современной языковой ситуации России // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2016. Т. 75, № 1. С. 51—54.

Пермско-английский разговорник с переводом на русский язык. Пермь, 2015. 112 с.

По-пермски говоря (словарь). Пермь, 2013.

Панов М. В. О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка // Филологические исследования: Памяти академика Г. В. Степанова. — М., 1990. С. 200–207.

Попов Р. В. Городские локализмы в региональной речи Северодвинска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019, т. 12. № 4. С. 173–177.

Попов Р. В. Регионолектный словарь как словарь нового типа // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1 (435). Филологические науки. Вып. 119. С. 133–141.

Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969.

Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. — М., 2003.

Словарь Урала. Екатеринбург, 2018. 64 с.

I. A. Bukrinskaya, O. E. Karmakova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

REGIONAL LEXIC IN DICTIONARIES OF THE XXI CENTURY

The article examines dictionaries of regionalisms created within the framework of the Internet projects “Language of Cities and People”, “As they say: local words in different regions of Russia”, the material for which was the texts of regional media, social networks, surveys of forum participants. During their preparation, the Internet capabilities were used to verify the semantics of words and clarify their localization. The authors

analyze amateur dictionaries of the Urals and Perm in sufficient detail. Such publications are caused by the desire of the compilers to emphasize their regional identity and the uniqueness of the language of which they are native speakers.

The appearance of such publications has re-actualized the discussion of the concept of regional norms, types of regionalisms, description of neutral, slang and expressive vocabulary.

The authors believe that any source, including souvenir dictionaries, can serve as a material for studying regionalisms, since they reflect the metalanguage activity of a native speaker, the idea of the territorial marking of a linguistic unit and its identity. Of particular interest are regional expressive words reflecting the mechanisms of expressivity operating in the language, described in detail by A. A. Zaliznyak, who believes that an expressive attitude consciously or unconsciously in most cases increases the prestige of the speaker, helps to express his position "from top to bottom".

Keywords: regionalisms, Internet dictionaries, amateur dictionaries, expressive vocabulary

References

Axmetova M. V. [Lexical regionalisms and localisms in the Russian-language Internet: problems of collecting material] // Russkij yazy`k i novy`e texnologii. Pod red. M. V. Axmetovoi i V. I. Belikova. Moscow. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014. pp. 156–171. (In Russ.)

Belikov V. I. [Regional variants of the Russian language and traditional rural dialects] Regional`nye varianty nacionalnogo yazyka: materialy vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii / Nauch. red. A. P. Majorov. Ulan-Ude: 2013. pp. 7–9.

Belikov V. I., Dubyaga A. O., Rvanova L. Yu. Selegej V. P. [Corpus regional lexicography: principles, methods and preliminary results] https://www.dialog-21.ru/media/5559/belikovviplusetal060.pdf

Berezovich E. L. [M. S. Ustinova as a linguistic personality. Publication of the author's dialect dictionary]. *Ezhegodnik nauchno-issledovatel`skogo instituta russkoj kul`tury*. 1995–1996. pp. 128–137. (In Russ.)

Bobrova M. V. [Naive dictionaries as a dialect source] *Leksicheskij atlas russkix narodnyx govorov. Materialy i issledovaniya 2022*. Pod red. S. A. Myznikova. SPb., 2022. pp. 23–46. (In Russ.)

Bondarenko E. D. *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie*. [Naive linguistics and dialect language consciousness]. Moscow. 2021. 584 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Linguist's view on amateur dialect dictionaries] *Leksicheskij atlas russkix narodnyx govorov. Materialy i issledovaniya 2020. Pod red. S. A. Myznikova*. SPb., 2020. pp. 108–120. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Regional varieties of Russian speech] *Russkaya rech`*, № 4, 2020. pp. 7–18. (In Russ.)

Gruzberg L. A. [On the differentiation of oral literary speech and urban vernacular]. *Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam`ya / red. F. L. Skitova*; [The living word in the Russian speech of Prikam`ye (ed. by F.L Skitova)]. Perm`, 1989. pp. 26–31. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Lokal`naya okrashennost` literaturnoi razgovornoi rechi: posobie po speczkursu* [Local coloring of literary colloquial speech: a manual for a special course]. Permskii gosuniversitet. Perm`, 1979. 92 p.

Erofeeva T. I. *Sociolingvisticheskii glossarii permskih lokalizmov: 60–90-ye gody XX v.* [Sociolinguistic glossary of Permian localisms: 60–90s of the XX century]. Perm`, 2020. 239 p.

Erofeeva T. I., Skitova F. L. *Lokalizmy v literaturnoi rechi gorozhan.* [Localisms in the literary speech of citizens], Perm'. Permskii gosuniversitet Publ., 1992. 92 p.

Zaliznyak A. A. [Mechanisms of expressiveness in language]. *Smysly, teksty i drugie zahvatyvayushhie syuzhety. Sb. statei v chest` 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, texts and other exciting stories. Coll. of articles in honor of the 80th anniversary of I. A. Mel'chuk]. Moscow. YaSK Publ, 2012. pp. 650–664. (In Russ.)

Kul'tepina O. A. [Sociolinguistic study of the urban vocabulary of Tver]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2018. № 435. pp. 29–39. (In Russ.)

Livinskaya I. V. ["Dictionary of regional vocabulary and unofficial toponyms of Novosibirsk": basic principles and stages of compilation]. *Vesti Volgogradskogo gos. universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie*. 2015. № 5. pp. 40–44. (In Russ.)

Livinskaya I. V., Matveev A. I. *Slovar' regionalnoi leksiki i narodnyh toponimov g. Novosibirska* [Dictionary of regional vocabulary and folk toponyms of Novosibirsk]. Novosibirsk. 2015. 160 p.

Maiorov A. P. [Regiolect and regionalisms in the modern language situation in Russia]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Ser. literatury i yazyka*. 2016. T. 75, № 1. pp. 51–54. (In Russ.)

Permsko-angliiskii razgovornik s perevodom na russkii yazyk [Perm-English phrasebook with translation into Russian]. Perm`, 2015. 112 p.

Po-permski govorya (slovar'). [Speaking Permian (dictionary)] Perm`, 2013.

Panov M. V. [On the balance of internal and external dependencies in language development] *Filologicheskie issledovaniya: Pamyati akademika G. V. Stepanova*. Moscow. 1990. pp. 200–207.

Popov R. V. [Urban localities in the regional speech of Severodvinsk]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2019, t. 12. № 4. Pp. 173–177. (In Russ.)

Popov R. V. [Regiolect dictionary as a new type of dictionary]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 1 (435). *Filologicheskie nauki*. Vyp. 119. pp. 133–141.

Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 4. [Dictionary of Russian Dialects. Vol. 4] Leningrad, 1969.

Slovar' Urala [Dictionary of the Urals]. Ekaterinburg, 2018. 64 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.7

А. В. Занадворова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annazann@gmail.com

О ТЕРМИНАХ «ПИСЬМЕННАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ» И «НЕПРИНУЖДЕННАЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ»

Широкое распространение электронных средств связи значительно изменило характер повседневной речевой коммуникации. Кроме общения в соцсетях, которое является распространенной, но необязательной составляющей современной коммуникации, в нашу жизнь вошли различные мессенджеры, без которых жизнь человека в XXI веке уже трудно себе представить.

Ученые по-разному определяют этот феномен, так М. А. Кронгауз говорит о «новой промежуточной форме языка», С. Ф. Барышева предлагает называть это «устно-письменной формой речи», Е. И. Литневская использует термин «письменная разговорная речь», Н. И. Клушина говорит о возникновении феномена «новой устности», т. е. письменная речь намеренно передает черты разговорной речи на письме. Наиболее точным представляется термин «спонтанная письменная речь», который встречается в работе Анны А. Зализняк и И. Микаэлян, или даже скорее «непринужденная письменная речь».

Эти два вида общения — непринужденное устное и непринужденное письменное общение имеют много схожих черт и, безусловно, испытывают **взаимовлияние**. Однако на всех уровнях языковой системы между ними есть ряд существенных различий, которые в первую очередь объясняются условиями общения и разницей в канале восприятия (слух vs зрение). Так, например, в непринужденной письменной речи для увеличесния скорости письма используется множество устойчивых сокращений, состоящих из одних согласных: *спс* (спасибо), *мб* (может быть), *чб* (чтобы), а также множество спонтанных сокращений слов, значение которых понятно из контекста. Подобные сокращения не встречаются в устной речи. Многие синтаксические особенности разговорной речи (например, экспансия именительного падежа) не встречаются в непринужденной письменной речи.

Ключевые слова: разговорная печь, устная речь, письменная речь, язык интернета, непринужденная письменная речь

Кричишь? В чем дело?
КАПСЛОКС ЗАЕЛО
Герман Лукомников

В последнее десятилетие в связи с широким распространением интернета и смартфонов в нашу повседневную жизнь вошло общение в соцсетях и различных мессенджерах (вотсап, телеграмм и др.). В отличие от соцсетей, которые являются распространенной, но не обязательной составляющей современной коммуникации, общение в мессенджерах является неотъемлемой частью повседневного общения. Оно во многом заменило те функции, которые выполняли звонки по телефону, а также приобрело новые (через мессенджеры доступно общение в группах сразу с несколькими адресатами, такой функции телефонное общение никогда не выполняло).

Язык общения в чатах и мессенджерах имеет общие черты с разговорным языком — в тех случаях, когда это неофициальное непринужденное общение равных по статусу людей. Оно часто является спонтанным, если переписка происходит в реальном времени в быстром темпе. В таких случаях человек обычно сначала пишет и отсылает сообщение, а затем иногда, перечитав написанное, при необходимости его корректирует.

Для этого нового явления предлагались различные названия. Н. И. Клушина говорит о возникновении феномена «новой устности», т. е. письменная речь намеренно передает черты разговорной речи на письме [Клушина 2024 (в печати)]. М. А. Кронгауз классифицирует такое общение как «новый промежуточный тип коммуникации и новую промежуточную форму языка» [Кронгауз, 2013: 44]. С. Ф. Барышева называет это «устно-письменной формой речи [Барышева 2013], а Е. И. Литневская использует термин «письменная разговорная речь» [Литневская 2021].

Следует сделать важную оговорку, практически все способы связи — электронная почта, вотсап, телеграмм, зум, скайп и др. — могут использоваться как для делового, так и для личного общения. Люди могут общаться как в реальном времени, так и обмениваться сообщениями, не рассчитанными на мгновенное прочтение. Релевантным будет сравнение устной коммуникации и письменного общения посредством мессенджеров для неофициального общения в реальном времени.

Наиболее адекватным представляется термин, который используют Анна А. Зализняк и И. Микаэлян, в одной из пионерских работ, посвященной интернет-общению, описывая коммуникацию по электронной почте, ср.: «Тексты электронной переписки являются ценным свидетельством **спонтанной письменной речи** — феномена, не ставшего пока самостоятельным объектом лингвистического анализа» [Зализняк, Микаэлян 2009].

Возможно, даже точнее говорить о «непринужденной письменной речи», зачастую, при быстром темпе общения, она является и спонтанной, но это необязательное условие подобной коммуникации, некоторый элемент подготовленности (т. е. перечитывания сообщения перед отправкой), все равно не делает ее формальной или официальной.

Однако, несмотря на близость к непринужденной разговорной речи, письменная форма накладывает свой отпечаток на характер общения. Это проявляется на всех уровнях языковой системы.

Также различия касаются и речевого поведения. Собеседники в письменном непринужденном общении «исправляются»; гораздо чаще, чем в устном. Для этого используется даже специальный значок — звездочка. Существуют многочисленные эмодзи, которые могут служить аналогом интонации, уже не раз описанные в лингвистической литературе. Письменная форма предоставляет свои возможности для выражения экспрессии — обилие пунктуационных знаков, а также использование заглавных букв (капс локс). Многие люди воспринимают текст, написанный прописными буквами, как крик.

Эти два вида общения — непринужденное устное и непринужденное письменное общение имеют много схожих черт и, безусловно, испытывают **взаимовлияние**. Однако между ними есть ряд существенных различий, которые в первую очередь объясняются условиями общения и разницей в канале восприятия (слух vs зрение). В устной коммуникации мы обычно видим говорящего (тем самым воспринимаем его невербальные сигналы — мимику, жесты, позы) и слышим его речь (то есть помимо слов слышим также и интонацию, с которой он говорит). В письменном общении — мы видим только текст, поэтому, как неоднократно отмечали исследователи, роль мимики, жестов и интонации здесь играют эмодзи, знаки пунктуации, заглавные буквы, а также приемы передачи произносительных особенностей на письме — растяжка гласных, повтор согласных и т. п.

Рассмотрим подробнее сходства и различия непринужденного устного и письменного общения на разных уровнях языковой системы.

Графический уровень

Редукция гласных и другие фонетические процессы, характерные для разговорной речи, детально изучены и описаны, см., например, работы Г. А. Бариновой, Н. Н. Розановой и др. [РРР 1973; РРР 1982]. Существует ряд частотных для разговорной речи искажений фонетического облика слова, например, *када* (когда), *тада* (тогда), *тыща* (тысяча), *щас* (сейчас) и др., которые часто используются и в непринужденном письменном общении, ср. соответствующие словарные статьи в Толковом словаре русской разговорной речи [ТСРР 2014–2022].

Редукция внешней оболочки слова в непринужденном письменном общении происходит по другим законам. Произносительной небрежности в устной речи соответствует графическая небрежность — многочисленные ошибки и опечатки в словах, но облик итоговых слов существенно различается. Опечатки обычно связаны с тем, что палец попал на соседнюю букву (опечатки, порой неприличные, возникающие из-за близости некоторых букв, даже обыгрываются в анекдотах[1]). Ряд искажений вызывается автокоррекцией (автозаменой) текста, о которой ниже будет сказано подробнее. Также важным фактором является экономия времени, пишущие, чтобы ответить побыстрее, часто пользуются готовыми вариантами сокращения слов либо сокращают слова, которые будут понятны адресату из контекста или благодаря общим фоновым знаниям, например, вместо имен используют только инициалы общих знакомых.

[1] Ср., например, анекдот: «Уважаемые производители клавиатур! Пожалуйста, отодвиньте друг от друга на клавиатуре буквы Б и Ю, а также З и Х. С уважением. Юля Зуева».

Лексика

Язык письменного непринужденного общения в мессенджерах очень активно использует единицы исконно разговорной речи. Однако, происходит постоянный **взаимообмен** — многие единицы, зародившиеся в жаргоне пионеров интернет-общения (фидошников) и последующих поколений, проникают в разговорную речь и расширяют сферу употребления, то есть переходят в разряд сленговых слов (*клава, прога, винда, баг, фича* и др.). Тем не менее, есть единицы, которые употребляются преимущественно в одной из сфер, и есть единицы, которые могут употребляться только в непринужденном письменном общении и никогда не употребляются в разговорной речи.

Так, существует множество **аббревиатур**, которые позволяют сэкономить время при письме, многие из них пришли из компьютерного жаргона. Некоторые из них, например, *lol* (*лол*), *rofl* (*рофл, рофлить*) проникли в разговорную речь. Другие, употребляются только в непринужденном письменном общении, но не в устной речи, например, *ИМХО* (сокращение от английского *In my humble opinion* — по моему скромному мнению, русский аналог *КМК* (как мне кажется), ЗЫ вместо P.S. Возможно, поскольку они являются в первую очередь атрибутами письменного текста. Эти слова вводят или завершают мысль пишущего.

Главным препятствием для проникновения сокращений в устную речь является отсутствие гласных, в письменной речи же такие слова легко «прочитываются» — воспринимаются глазами. При общении в мессенджерах активно используются общепринятые сокращения слов, например, названия городов: *Мск* — вместо Москва, *СПб* — Санкт-Петербург; названия соцсетей и мессенджеров (*ВК* — ВКонтакте, *ТГ* — телеграмм, *ФБ* — Фейсбук и др.), дни недели — *пн*, *вт*, *ср*, *чт* и т. д. Ср.: *я сегодня в **Мск**, завтра улетаю*; *Давай в **пн**) завтра не смогу; Напиши мне в **ВК**, у меня **ФБ** глючит.*

Подобным образом сокращаются и этикетные формулы: *спс* (спасибо), *пож — пожалуйста, плз — плиз* (пожалуйста) и другие частотные слова, например, оценочные реакции — *отл — отлично*, *суп — супер*, *оч — очень*, *пон — понятно* и другие частотные слова и словосочетания: *мб — может быть*, *след — следующий, англ — английский* и т. п. Ср.: *Попробуй **мб** вечером! поеду на **след** неделе; напиши ее **тел** плиз я потеряла; не **оч** поздно звонить? Или завтра.*

Также употребляется масса спонтанных сокращений, когда люди для экономии времени сокращают слова, которые легко восстановить из контекста, например: *К кофе если что-то хочешь, у меня **НИч** нет; **спок** ночи ... ложись давай уже!; Давай пораньше **чб*** [чтобы] *кофе успеть попить; А мне **нрав*** [нравится].

В использовании сокращений помимо языковых закономерностей действует много случайных прагматических факторов. Так понятно, почему в устной речи не используется *спс* (спасибо), но в речи молодежи используется форма *пасиб* (спасибо). Однако, не вполне понятно, почему, например, употребляются слова *норм* (нормальный, нормально), *пон* — (понятно, понял, поняла), а слова *пож* (пожалуйста) и *тел* (телефон), в разговорной речи не встречаются. При этом слово *чел* (человек), которое фонетически похоже на *тел*, очень популярно. Форму *оч* (вместо

очень) можно встретить в быстрой разговорной речи: *Мне ужасно, прямо* ***оч*** *понравилось!*, а вот *спок ночи* в устной речи не говорят, хотя выражение *будь спок!* (будь спокойным = ‘не беспокойся’) появилось и употреблялось задолго до появления интернета.

В отличие от сокращений, аббревиатуры, довольно активно употребляются и в устной, и в непринужденной письменной речи, так как в них названия букв содержат гласные и позволяют, тем самым, их произнести, ср., например, *дэ-зэ* (ДЗ), *эс-эм-эс* (смс), *хэзэ* (хз), *хэбэ* (х/б), цэу (ЦУ) и др., многие из них даже включены в словарь разговорной речи [ТСРР 2014–2022].

Синтаксис

Особенности разговорного синтаксиса и смежные явления детально описаны в специальных статьях и монографиях, например, в работах Е. Н. Ширяева [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981], Е. В. Красильниковой [Красильникова 1990], О. А. Лаптевой [Лаптева 1976] и др.

Среди основных особенностей можно назвать экспансию именительного падежа (*Достоевский/ когда-то в школе читала*// или *Кремль/ как пройти?*), «склеивание» двух конструкций, которое возникает, если говорящий посреди высказывания пытается его перестроить (например, *Они ушли/ на Сретенку/ завернули*//), лексические повторы, заполняющие паузы хезитации, когда человек подыскивает слова *И вот он приехал/ приехал/ и говорит*// и под. Эти особенности обусловлены спонтанностью речи, необходимостью думать «на ходу». Отмечается также высокая эллиптичность высказываний — очень большую роль играет контекст и ситуация, также часть информация передается с помощью мимики и жестов.

Синтаксис непринужденных форм письменного общения значительно отличается от синтаксиса устных высказываний. Принципиальные отличия непринуждённой письменной речи от устной заданы условиями порождения реплики и ситуацией общения.

В условиях устного общения очень частотны паузы хезитации, когда говорящий пытается выиграть время, часто заполняя паузы словами-паразитами или различного рода междометиями — *нуу, эээ, кароч, в общем* и др. Часто повторяется одно и тоже слово или часть фразы с небольшими вариациями.

В условиях непринужденного письменного общения, даже если оно идет в высоком темпе, и у человека нет времени обдумывать высказывания, ему не надо заполнять паузы, тянуть время, подыскивая слова. Наоборот, обычно пишущий стремится быть предельно кратким, чтобы сэкономить время и ответить скорее, для сохранения темпа беседы, поэтому он обычно не тратит время на «словесный мусор», на малоинформативные слова.

Если пишущий вынужден отвлечься или понимает, что не сможет ответить быстро, он может показать в сообщении, что он не выпал из коммуникации, а просто отвечает развернуто, предварив свой ответ репликами вроде: *Ща* (сейчас); *Сек* (секундочку) и т. п. Хотя и это не обязательно, т. к. человек, ждущий ответа, видит, что его «собеседник» печатает ответ (об этом ему сообщает программа).

Он также может писать, не дожидаясь ответа. Часто при переписке через мессенджер реплики-реакции идут внахлест, одновременно развивается несколько тем. Существует специальная опция ответа на определенную реплику, если пишущий боится, что читающий не поймет, про что он пишет.

Как пишет Н. И. Клушина, тексты в мессенджерах часто намерено копируют черты разговорной речи (Н. И. Клушина использует для этого термин «новая устность»), например, приводится пример изображения паузы хезитации: «1. В интернет-общении активно имитируются паузы хезитации для стилизации спонтанности речи: *Думаю, как это объяснить поточнее... **эээ** ... даже не знаю, как правильно назвать»* [Клушина 2024 (в печати)]. Однако в подобных примерах речь идет именно об имитации заполнения пауз хезитации словами-паразитами. Как правило, многоточия или параязыковые единицы, вроде *ээээ, ммммм, ыыыы* обозначают сомнения пишущего (или выражают другие эмоции), а не заполняют паузы при подборе слова.

Повторы и удлинения слов также встречаются в непринужденном письменном общении, но здесь они выполняют другую функцию. Как правило, они служат для выражения экспрессии (например, *Хочу хочу хочуууу!!!!*).

Большое количество «словесного мусора», ненормированные удлинения слов, намного превосходящие удлинения, характерные для разговорной речи (ср.: *нееееееееееееееет!*), или просто бессмысленные наборы букв и знаков встречаются в фатическом общении. Подобное общение в мессенджерах характерно для школьников (младшая и средняя школа), в таком случае эти «слова» несут чисто эмоциональную нагрузку.

Эллипсис с опорой на ситуацию встречается и в разговорной, и в непринужденной письменной речи. Ср., например: ***Этаж***? (вместо *Какой у тебя этаж?*); *Может возьмешь билеты пока? **Александра Шехтер*** (вместо *билеты оставлены на имя Александры Шехтер*); *Кстати, вы от солнца защищаетесь? Глаза, голову, шею (**тебе**!)*. Пишущий имеет в виду, что глаза и голову надо защищать всем, а шею в первую очередь адресату.

В условиях непринужденного письменного общения очень важным фактором является скорость. Пишущий спешит как можно быстрее отреагировать на реплику собеседника, чтобы не терять темп общения. Поэтому в подобном общении очень часто встречается **парцелляция**. Одна мысль разбивается на несколько сообщений. В отличие от парцелляции в литературном языке, парцеллированные части высказывания часто не разделяются точками и не пишутся с заглавной буквы, границами между ними служат границы сообщения. Ср., например, ответ на предложение коллеги:

Да
Хочу!
Захвати мне парочку
Или подожди
Оставь, я сама зайду

Коммуникативные особенности общения в мессенджерах

В современных мессенджерах, в отличие от устного общения, появляется **третий** участник коммуникации — посредник, автозамена или Т9 (автоматическое исправление орфографии). Он порождает большое количество комических, а часто и досадных ошибок, искажающих смысл написанного, которые часто вынужденно становятся предметом разговора и попадают в фокус внимания.

Ср. типичные реплики возмущения: *Да что ж такое, он мне все время меняет!*; *Безумная автозамена/ все время предлоги отделяет/ вместо надень делает — на/ день//* или оправдания: *Ой, мне телефон исправил!; Телефон пишет что захочет* и т. п.

Есть даже специальный значок — звездочка (*), который помечает слово, которое пишущий исправляет.

Не страшно, завтра ***встретится***
**** встретимся***

Но встречаются исправления и без звездочки.

Ты ***напоминаю*** *плиз Маше про пьесы*
Напоминай*...*

Встречается и эксплицитное исправление ошибок:

Саше надо ***формировать*** *старое задание ... потому что есть новое* ***ФОРСИРОВАТЬ****, а не формировать!*

Спроси ***Машу****, будет ли он суп.*
Сашу *конечно. Он мне все время сашу на Машу заменяет((*

Экспрессивные средства и речевой этикет

Чаты и мессенджеры, как и разговорная речь, являются сферой непринужденного неофициального общения, здесь нет фиксированных норм. Однако существуют правила хорошего тона, которые разные участники коммуникации, в зависимости от социальных характеристик могут понимать по-разному.

Нередко пользователи очень болезненно реагируют, когда в переписку вклиниваются голосовые сообщения (*голосовухи*). Голосовые сообщения экономят время пишущего, поэтому удобны и извинительны в ситуации, когда у человека заняты руки, например, если он находится за рулем. Но, часто пишущие осознают, что переключение каналов общения для адресата часто требует дополнительных усилий (и не всегда удобно прослушивание сообщения в общественном месте). Поэтому такие сообщения часто предваряются извинениями и объяснением причин, по которым человек прибегает к звуковой форме сообщения.

Дискуссионным также является вопрос необходимости соблюдения орфографических и пунктуационных норм.

По отзывам активных пользователей различных мессенджеров, орфографические ошибки в большей степени режут глаз, чем пунктуационные. Но тут степень контроля за своим текстом и оценка собеседника во многом зависит от условий

общения, отношений между пишущими и скорости общения. В дружеском и семейном общении, в ситуации временно́го дефицита (например, когда нужно срочно договориться о встрече или передать важную информацию), уровень самоконтроля ниже, так как. для обоих коммуникантов важнее достижение цели общения, а не внешняя форма. Когда речь идет об общении в коллективных чатах (например, в чате родителей класса или в общедомовом чате), то требования к форме и соблюдению правил орфографии выше.

По всей видимости, пунктуационные ошибки в меньшей степени раздражают читающих. Во всяком случае даже грамотные и образованные люди (кандидаты и доктора наук) систематически нарушают пунктуационные нормы в непринужденном письменном общении. Интересны наблюдения Анны А. Зализняк и И. Микаэлян при описании особенностей общения по электронной почте. Похожие явления наблюдаются и при общении в чатах.

«6. Особенности пунктуации. В электронной переписке имеются две тенденции отклонения от правил пунктуации, отчасти противоположные, но по существу служащие одной и той же цели — передаче релевантной информации. А именно, с одной стороны, опускаются не служащие смыслоразличению знаки препинания (чаще всего — запятые и кавычки), ср. отсутствие выделения запятыми придаточного предложения в предложении *А новостей с тех пор как мы говорили никаких нет*; отсутствие выделения вводного слова *кстати*. С другой стороны, те же знаки препинания могут использоваться, независимо от существующих правил, для передачи актуальных для пишущего смыслов. Так, кавычки широко употребляются в электронной переписке как показатели «чужого слова» всех типов <...> Запятые используются для обозначения интонационных барьеров, а также при «нанизывании» предложений, характерном для стиля электронного письма» [Зализняк, Микаэлян 2009: 159].

Так же существуют поколенческие различия в речевом поведении в чатах и в восприятии «ошибок». Это касается, в том числе, и знаков препинания. Несколько лет назад широко развернулась дискуссия об употреблении точки, завершающей сообщение в чате. Представители молодого поколения писали, что точка в конце сообщения, по их мнению, выражает пассивную агрессию. Люди 40–50 лет и старше этого не ощущают.

Заключение

Итак, можно отметить, что две составляющие общения современного горожанина — разговорная речь и непринужденная письменная коммуникация оказывают большое влияние друг на друга. Они имеют ряд общих черт, но важно также понимать, что между ними есть существенные отличия. Так например, в непринужденной письменной речи активно используются как устойчивые, так и спонтанные сокращения слов, которые не употребляются в устной речи тех же людей.

На уровне синтаксиса и для разговорной речи, и для непринужденной письменной речи характерны такие общие черты, как краткость, эллиптированность высказываний, опора на ситуацию и общие фоновые знания говорящих/пишущих,

парцелляция. Однако в непринужденной письменной речи не наблюдается экспансии именительного падежа (во всяком случае в инициальной позиции в высказывании), нет пауз хезитации, который говорящий заполняет местоимениями (*ээээ, ммм* и под.) или словами-паразитами.

Литература

Барышева С. Ф. Приемы фонетизации письма как проявление лингвокреативности блогосферы Интернета // Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 12–14.

Барышева С. Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 34–47 (http://tverlingua.ru/archive/064/3_64.pdf)

Зализняк Анна А., *Микаэлян И.* Переписка по электронной почте как лингвистический объект // Труды международной конференции. Диалог 2006. С. 157–162.

Занадворова А. В. Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 93–113.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.

Иванов Л. Ю. Язык интернета. 2000 // Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковник, 2000. С. 56–62.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2014. 322 с.

Клушина Н.И. Русская разговорная речь в Интернете: от категории разговорности к «новой устности» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, № 3, 2024. С. 185–192.

Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М.: Наука. 1990. 128 с.

Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 416 с.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука. 1976. 397 с.

Литневская Е. И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. 2011, № 5. https://cyberleninka.ru/article/n/pismennaya-razgovornaya-rech-mif-ili-realnost/viewer

Русская разговорная речь. Общие вопросы (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973, 293 с.

Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: ЯСК, 2014. 328 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Под ред. Л. П. Крысина. Выпуск 1–4. М.: ЯСК. Вып.5. М. — СПб: Нестор-История, 2014–2022.

Чернова Ю. В. Концепции письменности и устности в чате// Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2010.

A. V. Zanadvorova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
annazann@gmail.com

ABOUT THE TERMS "WRITTEN COLLOQUIAL SPEECH" AND "CASUAL WRITTEN SPEECH"

The widespread use of electronic communications has significantly changed the nature of everyday speech communication. In addition to communication on social networks, which is widespread but not mandatory, various messengers have entered our lives, without which modern communication is difficult to imagine.

Scholars define this phenomenon differently, e. g. M. A. Krongauz speaks of a "new intermediate form of language", S. F. Barysheva suggests calling it "an oral-written form of speech", E. I. Litnevskaya uses the term "written colloquial speech", N. I. Klushina talks about the emergence of the phenomenon of "new orality". The most accurate term seems to be "spontaneous written speech," which is found in the work of Anna A. Zaliznyak and I. Mikaelyan, or even rather "casual written speech."

These two types of communication — casual oral and casual written communication have many similarities and undoubtedly influence each other. However, at all levels of the language system there are a number of significant differences between them, which are primarily explained by the conditions of communication and the difference in the channel of perception (hearing vs vision). Thus, in casual written speech, to increase the speed of writing many stable abbreviations are used, consisting of consonants only: *sps* (thank you), *mb* (maybe), *chb* (to), as well as many spontaneous abbreviations of words the meaning of which is clear from the context. Those words are not used in oral speech. Many syntactic features of spoken language (for example, nominative case expansion) are not found in casual written speech.

Keywords: conversational speech, oral speech, written speech, Internet language, casual written speech

References

Barysheva S. F. [Techniques of phoneticization of writing as a manifestation of linguistic creativity of the Internet blogosphere]. *Setevaya kommunikatsiya: novye formaty dlya nauki, obrazovaniya i prodvigayushchikh kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Network communication: new formats for science, education and promotional communications: materials of the International Scientific Forum]. Sankt-Petersburg, Politex-Press, 2020. Pp. 12–14. (In Russ.)

Barysheva S. F. ["Oral-written" form of speech in Internet communication as a manifestation of the tendency towards conversationality and dialogism]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2021. № 2. Pp. 34–47. (In Russ.)

Chernova Yu. V. [Concepts of writing and speaking in chat] *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. IV Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka.*

Trudy i materially [Russian language: historical destinies and modernity. IV International Congress of Russian Language Researchers. Works and materials]. Moscow. 2010.

Ivanov L. Yu. [Language of the Internet] *Slovar' i kul'tura russkoi rechi* [Dictionary and culture of Russian speech]. Moscow. Azbukovnik, 2000. Pp. 56–62. (In Russ.)

Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya (red. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova. 2-e izd.) [Internet communication as a new speech formation (ed. by T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova. 2nd ed.)]. Moscow. Flinta–Nauka Publ., 2014. 322 p.

Klushina N. I. [Russian colloquial speech on the Internet: from the category of colloquiality to "new orality"]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN,* No. 3, 2024 (in press), pp. 185–192. (In Russ.)

Krasilnikova E. V. *Imya sushchestvitel'noe v russkoi razgovornoi rechi. Funktsional'nyi aspekt* [Noun in Russian colloquial speech. Functional aspect]. Moscow. Nauka Publ., 1990. 128 p.

Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo* [Albanian tutorial]. Moscow. AST: CORPUS Publ., 2013. 416 p.

Lapteva O. A. *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian conversational syntax]. Moscow. Nauka Publ. 1976. 397 p.

Litnevskaya E. I. [Written colloquial speech: myth or reality?] *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2011, No. 5.

Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy [Russian colloquial speech. General questions (ed. E. A. Zemskaya)]. Moscow. Nauka Publ., 1973, 293 p.

Sovremennyi russkii yazyk v internete (red. Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina) [Modern Russian language on the Internet (ed. by Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina)]. Moscow. YASK Publ., 2014. 328 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi [A Dictionary of Russian Everyday Speech] Ed. L. P. Krysin. V. 1–4. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. V. 5. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 2014–2022.

Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. [E-mail correspondence as an object of linguistic analysis] *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii. Dialog 2006* [Proceedings of the international conference. Dialogue 2006]. Pp. 157–162. (In Russ.)

Zanadvorova A. V. [Self-regulation in unregulated spheres of Internet communication: speech etiquette in Live Journal] *Sovremennyi russkii yazyk v internete (red. Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina)* [Modern Russian language on the Internet (ed. by Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina)]. Moscow. YASK Publ., 2014. Pp. 93–113. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1981. 278 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.8

Е. В. Какорина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
kakor@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНДЕНСАТЫ КАК ОСОБЫЕ ТИПЫ НОМИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(стилистический статус, функционирование в узусе, проблемы словарного описания)

В современном русском языке можно наблюдать активизацию таких способов словообразования, как универбация и усечение, характерных для разговорной речи и жаргонов. В настоящее время слова данной структуры, относящиеся к семантическим конденсатам, свободно и массово производятся в различных подсистемах языка. Кратное возрастание активности универбов и усечений приводит к изменению их стилистических коннотаций. Семантические конденсаты легко теряют узкогрупповую прикрепленность, яркую стилистическую маркированность, становятся полноправными единицами не только разговорной речи, но и дискурса mass-media, широко используются в различных по жанру публицистических текстах. В этом особенность их современного функционирования. В статье обсуждаются также проблемы, связанные с лексикографическим описанием универбов. Одной из них является отбор единиц для лексикографирования, т. к. в пределах того или иного синхронного среза языка всегда сосуществуют слова-конденсаты разной степени узуальности (и широты распространенности среди говорящих); слова, различающиеся по параметру актуальности (возникшие в разные периоды развития языка). Другая проблема связана с особенностями их семантики. Универбы представляют собой уникальные единицы, имеющие общее и неопределенное значение, которое конкретизируется контекстом и ситуацией, они нередко принадлежат к т. н. словам-«губкам» (типа *зелёнка, вышка, времянка, запрещёнка, нулёвка* и т. п.) и не имеют общепринятой традиции словарной фиксации и толкования. В данной работе показаны возможные варианты их описания на основе материалов «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРР) и других современных словарей.

Ключевые слова: семантика, универбы, усечения, стилистика, омонимия, полисемия, лексикография, разговорная речь, жаргон

1. Универбы и усечения в современном русском языке

В современном русском языке (далее — СРЯ) крайне активны семантические конденсаты: универбы и усечения, позволяющие выражать смыслы кратко и ёмко. Словообразовательные модели замены словосочетания однословным именованием в настоящее время широко используются в разговорной речи (далее — РР), в профессиональной речи и в жаргонах, такие слова свободно проникают в публичную речь и литературный язык: молочные продукты — *молочка*, просроченный товар — *просрочка,* скоропортящиеся продукты — *скоропорт,* наличные деньги — *наличка*, *нал,* безналичный расчёт — *безнал*; ядерное оружие — *ядерка,* заграничный паспорт — *загран, загранник,* шенгенская виза — *Шенген,* горнолыжный курорт — *горнолыжка,* учебный предмет «Окружающий мир» — *окружайка* и мн. др.

В книге «Русский язык в его функциональных разновидностях» Д. Н. Шмелев высказывал мысль о том, что «особенности семантической деривации вообще в наибольшей степени отличают функциональные разновидности языка друг от друга, так же как **применяемые** в них **способы номинации** (выделено нами — Е. К.) [Шмелев 1977: 93]. Универбы (универбаты) и усечения традиционно относят к специфически разговорным типам номинаций, см. например, работы Л. А. Капанадзе, Е. А. Земской, Е. И. Голановой, О. П. Ермаковой и др. исследователей [Земская 1981, Голанова 1982, Ермакова, 1984, Осипова 1999, Дозорова 2018]. Далее мы обсудим особенности функционирования данных номинаций в СРЯ и в РР, а также проблемы их лексикографического описания.

Вслед за Л. А. Капанадзе мы рассматриваем универбы как однословные наименования, созданные путем замены атрибутивного словосочетания существительным, которое выступает эквивалентом словосочетания в целом [Капанадзе 1973: 408]. Суффиксальные универбы — суффиксальные существительные, «образуемые от основ прилагательных на базе словосочетания «прилагательное + существительное» и являющиеся семантической конденсацией последних» [Земская 1981: 120], ср. [Ермакова 1984]. Посмотрим на примеры:

начальная школа — *началка* (*Мы еще в **началке** пока.*)

военный билет — *военник* (***Военник** получил.*)

научный руководитель — *научник* (*Мне мой **научник** эту тему дал.*)

курсовая работа — *курсовик, курсач* (***Курсовик** сдавать надо.*)

физическое лицо — *физик*; юридическое лицо — *юрик* (*От этого закона и **физики** и **юрики** деньги потеряли. С заботой о кошельках **физиков** и счетах **юриков**.*)

развивающая игра или игрушка — *развивашка* (*Купили новую **развивашку**.*)

натуральный корм — *натуралка*; сухой корм — *сушка* (*Хочу кота с **сушки** на **натуралку** перевести.*)

иммунная система — *иммунка* (*Инфекционист сказал, **иммунка** посыпалась.*)

слабоалкогольный напиток — *слабоалкоголка* (*Мы за переход людей на вино. Но не на пиво и **слабоалкоголку*** (Новый регион 2, 24.10.2008.))

бесполезное дело; бесполезный предмет — *бесполезняк* (*Не собираюсь тратить время на **бесполезняк**; Лучше пользоваться спреем, а капли от клещей — это просто **бесполезняк***.)

Перед нами универбы разной структуры, имеющие разные суффиксы, это слова из различных сфер и подсистем языка, неодинаковые по степени распространенности и узуальности, но употребительные в РР. Они могут именовать предметы, лица, явления, ситуации. Универбы создаются как эквиваленты уже имеющихся в языке словосочетаний, при этом они «отзываются» именно на актуальные для носителей языка объекты вещного и нематериального мира.

Примером такой новой актуальной номинации может служить слово *нейронка.* Оно обозначает *искусственную нейронную сеть*, которая, имитируя работу человеческого мозга, моделирует фотографии, пишет музыку и стихи, распознает реальные и графические объекты, самостоятельно совершает разнообразные действия, существенно то, что она умеет обучаться; это новое и значимое изобретение уже получило свое разговорное название.

*Человек, который найдёт собаку, должен сфотографировать её нос, загрузить фото в приложение, и **нейронка** распознает потеряшку среди загруженных профилей* (vk, 16.05.2021).

*Для того, чтобы самостоятельно протестить **нейронку**, достаточно дать ей какую-нибудь «затравку» — фразу, которую она допишет* (vk, 03.04.2021).

*Залипательно: **нейронка** AI Duet подыгрывает вам на пианино, пытаясь угадать и продолжить мотив мелодии* (vk,03.01.2021).

*С каждым годом все сложнее отличать, где человек, а где **нейронка*** (Чат для художников. Telegram, 05.09.2021).

***Нейронка** натренирована на десятках тысяч изображений и продолжает обучаться в процессе работы* (vk, 04.08.2021).

*Ты мне скинул тест, основанный на **нейронке*** (Блоги, 20.06.2020).

В современном обществе актуальна военная тематика и значима такая сфера порождения новых номинаций как военный жаргон. В РР пришли слова *мобик* (мобилизованный (военнослужащий)), *чмобик* (военнослужащий, призванный в рамках «частичной мобилизации»). Среди неологизмов универбы: *беспилотник* (беспилотный летательный аппарат — БПЛА), *передок* (передовая линия фронта (войск)), *открытка* — открытая местность и др. Ср.:

— Например, они [военные] *используют слово «**передок**» (в значении — передовая), и оно звучит не совсем прилично для тех, кто знает его в составе выражения «слаба на передок». Но здесь у новшества две функции. Во-первых, слово сократилось, произносить его удобнее. Во-вторых, юмор помогает справиться со стрессовой ситуацией, то есть вроде как назвал передовую шутливо, и это место уже чуть менее страшное, — считает Галина Мандрикова* (nsk.kp.ru, 19.04.2023).

Еще одна категория слов, которые активно порождаются в современном русском языке, — это усечения. Усечения (от основ прилагательных) — номинации, созданные «путем семантической конденсации сочетания «прилагательное + существительное» и усечения основы прилагательного» [Земская, 1981: 125][1]. Такие усечения можно рассматривать как один из видов универбации: усечение основы прилагательного в сочетании с нулевой суффиксацией.

Примеры:

бюджетное (бесплатное) обучение — *бюджет*
скоропортящийся товар (продукты и т. п.) — *скоропорт*
пальмовое масло — *пальма*
цифровое ТВ, в цифровая среда — *цифра*
пластиковая банковская карта — *пластик*
неадекватный человек — *неадекват*
уникальный человек — *уникал*
заграничный паспорт — *загран*
прифронтовая полоса — *прифронт*
беспросветная ситуация, беспросветное состояние — *беспросвет*

Некоторые иллюстрации употреблений:

*Поступить на **бюджет**, учиться на **бюджете**.*

*Жратву, цветы и прочий **скоропорт** возили только так* (А. Афанасьев. Адепты стужи).

*Достоверных цифр того, какая часть «**скоропорта**» попросту сгнила, ожидая очереди на таможне, пока нет* (NEWSru.com, 16.03.2009).

*Затариваясь оптом, не покупай **скоропорт*** (Комсомольская правда, 28.11.2008).

*В сыре одна **пальма**!* (Запись устной речи, 2023).

*Перейти на **цифру**. Петербург перешел на «**цифру**». Что это значит и как отключить аналоговое вещание. Как понять, «**цифра**» на телевизоре или нет* (tvspb.ru, 14.10.2019).

*Как заказать **пластик** к виртуальной **карте**? Как активировать карту без **пластика**?*

*Рублевый подарочный «**пластик**»* (Реклама).

*Ну он совсем уж **неадекват**/ клоун какой-то!* (Запись устной речи, 2024).

*Тем временем в Одессе какие-то **уникалы** во время воздушной тревоги запустили салют* (Telegram, 25.01.2023).

[1] Мы не анализируем здесь усечения — тождества слову, такие, как *бутерброд — бутер*, *геморрой — гемор* (*перен.*), *контрнаступление — контрнаступ, понятно — пон*, в т. ч. игровые: *У меня **трагедь**, тесто не подошло*; хотя они также характерны для РР и крайне активны в современном узусе.

*Это **беспросвет**. Безнадега. Полное фиаско во всем, карьера, личная жизнь, самоуважение, 7 лет назад со смертью родителей закончилась жизнь, счастливая жизнь* (notdrink.ru, 26.05.2020).

Слова типа *пальма, цифра* имеют особую структуру. С одной стороны, они близки к усечениям-существительным (типа *туса* (тусовка), *шизя* (шизофреник)), а с другой стороны, их можно рассматривать и как замену словосочетания существительным, формально совпадающим со словом, уже имеющимся в языке. Такой тип образования слов Л. А. Капанадзе называла лексико-семантическим. На наш взгляд, слова типа *пальма, цифра* и *бюджет, диплом* не различаются принципиально, после усечения основы прилагательного слово получает систему флексий существительного женского или мужского рода, ср. номинации-усечения муж. рода типа *бюджет* (бюджетное обучение; обучение на бюджетной основе), *диплом* (дипломная работа), *скоропорт* (скоропортящиеся товары). Ср. [Капанадзе 1973: 418, Земская 1981: 125–126].

Слова-усечения характерны как для разговорной, так и для профессиональной речи. Они свободно производятся в узусе, конденсируя семантику достаточно устойчивых словосочетаний. Большинство таких номинаций не обладает оценкой, и обычно такие слова не покидают границ профессионального жаргона: *Доходы на уровне **ключа*** [ключевой ставки]. *Одалживают у финансовых организаций деньги под процент, равный **ключу**, плюс-минус* (РБК, Облигации. Главное, 19.02.2024). Однако сегодня на фоне различных языковых и социальных процессов отмечается новая волна разгерметизации профессиональных и социальных жаргонов, в том числе военного. Жаргонные усечения наполняют как обиходно-разговорный, так и медийный дискурс, ср.: *Покормила бы голодных животных в **прифронте*** [прифронтовой полосе] (Блоги, 23.02.2024); *Десятый год в **прифронте*** (Подзаголовок видео, 08.02.2024); *На минуточку: про блокпосты и досмотры **в прифронте** в зоне СВО* (Видео, Военкор Астрахань, 13.10.2023).

2. Стилистический статус универбов и усечений

Каков же стилистический образ современных универбов и усечений? Прежде всего можно отметить, что кратное возрастание их активности в различных подсистемах языка, включая публичную речь и официальные сферы общения, приводит к изменению их стилистических коннотаций. Полстолетия назад эти слова занимали в системе языка гораздо более периферийное место, чем сегодня. «Существительные-конденсаты — **не полноправные наименования в КЛЯ, а только «приемыши», которые несмело осваивают наименее официальные, самые нестрогие языковые жанры.** Характерно, что в книжной речи почти всегда эти слова даются в кавычках, т.е. как бы не вполне серьезно, со стеснением, авторы подчеркивают этим, что они здесь отдают дань **не совсем строгой языковой привычке** (выделено нами — Е. К.)» [Капанадзе 1973: 411].

Сегодня, напротив, существует своеобразная мода на краткие номинации. Мы наблюдаем процесс значительной активизации словопроизводства слов-конденсатов

различного типа в РР и в жаргонах. Этому сопутствует изменение их стилистических характеристик. Происходит быстрая нейтрализация их сниженности и экспрессивности, снятие стилистических коннотаций принадлежности к профессиональным и социальным жаргонам, узкогрупповой прикрепленности слова. В то же время, несмотря на широкую распространенность таких номинаций в общем речевом обиходе и в СМИ, их некоторая сниженность и разговорность продолжает ощущается говорящими. В этом своем новом качестве (как «разговорные» единицы) слова-конденсаты всё с большей легкостью и «более массово» включаются в тексты mass-media, а также в круг общеупотребительной лексики, наполняя повседневную речевую коммуникацию носителей русского языка. Если мы попытаемся заполнить важные тематические области примерами актуальных слов — универбов и усечений, мы получим достаточно полную, вполне узнаваемую картинку современного социума. Лексика, наследуемая из различных сфер функционирования языка, рисует своеобразный портрет современной эпохи (безусловно, это лишь осколок зеркала, часть мозаики, но весьма показательный и представительный её образ):

Общество и политика: *санкционка* (санкционные товары), *запрещёнка*[2] (запрещенные товары), *дотационка* (дотационный регион), *миграционка* (миграционная карта), *оффшорка* (оффшорная зона), *нефтянка* (нефтяная отрасль), *ядерка* (ядерная бомба), *ювеналка* (ювенальная юстиция), ...

Социальная сфера: *минималка* (минимальный размер оплаты труда, минимальная пенсия), *пенсионка* (пенсионный фонд, пенсионная карта, ...), *коммуналка* (плата за коммунальные услуги), *платёжка* (платёжная квитанция), *безлимитка* (безлимитный проезд, безлимитная транспортная карта), ...

Военная сфера: *срочник* (солдат срочной службы), *срочка* (срочная служба в армии), *военник* (военный билет), *беспилотник* (БПЛА), *передок* (передовая линия (фронта)), *открытка* (открытая местность), ...

Компьютерная сфера: *личка* (личные сообщения), *электронка* (электронная почта), *корпоративка* (корпоративная почта), *пиратка* (пиратская компьютерная программа, любой цифровой контент, используемый незаконно), *безлимитка* (безлимитный тариф (для доступа в Интернет), безлимитная карта), *глобалка* (глобальная сеть); *выделенка* (выделенная линия), *виртуал* (виртуальная реальность; виртуальная личность), *нейронка* (цифровая, искусственная нейронная сеть), ...

Учеба, работа, отдых: *бюджет* (бесплатная форма обучения), *дневник* (о студенте), *дистант* (дистантное обучение), *социалка* (социальная стипендия), *курсач* (курсовая работа), *научник* (научный руководитель); *корпоратив, корпоративка* (корпоративный праздник), *удалёнка* (удаленная форма работы), *штатка* (штатное расписание), *рабочка* (рабочая форма; рабочая почта), *тренажёрка* (тренажерный спортивный зал), ...

[2] Многие универбы многозначны или омонимичны, мы даем не все значения того или иного универба.

Школа: *началка* (начальная школа), *нулёвка* (нулевой класс), *приготовишка* (ученик или ученица приготовительного класса), *окружайка* (окружающий мир), *домашка* (домашняя работа), *административка* (административная контрольная работа), *коррекционка* (коррекционная школа, коррекционное образование/ обучение), ...

Продукты питания: *просрочка* (просроченный товар), *молочка* (молочные продукты; молочный отдел магазина; молочный магазин), *кондитерка* (кондитерские изделия), *натуралка / сушка* (корм для животных), *слабоалкоголка* (слабоалкогольный напиток), ...

Рынок жилья: *недвижка* (недвижимое имущество), *вторичка* (вторичное жильё), *капиталка* (капремонт), *панелька* (панельный дом), *спалка* и *спальник* (о спальном микрорайоне), *недострой* (недостроенное здание, незавершённая стройка), *заброшка* (заброшенное здание), *многоквартирка* (многоквартирный дом), *однушка* (однокомнатная квартира), ...

Автомобильный транспорт: *аварийка* (аварийная сигнализация), *платка* (платный участок дороги), *выделенка* (выделенная полоса дороги), *встречка* (встречная полоса дороги), *переднеприводник* (переднеприводный автомобиль), *ручник* (ручной тормоз), *капиталка* (капитальный ремонт двигателя), *пассажирка* (пассажирский автобус), ...

Медицина: *иммунка* (иммунная система), *инфекционка* (инфекционное заболевание, инфекционное отделение), *побочка* (побочный эффект лекарства), *мерцалка* (мерцательная аритмия), *эпидуралка* (эпидуральная анастезия), *биполярка* (биполярное растройство), *родилка* (родильное отделение), *обменка* (обменная карта для беременных), *ветеринарка* (ветеринарная клиника), ...

Косметика: *тоналка* (тональный крем), *тонак, тональник* (тональный крем), *увлажнялка* (увлажняющий крем), *минералка* (минеральное масло в косметике), *парфюмка* (парфюмерная вода), *туалетка* (туалетная вода), *декоративка* (декоративная косметика), *мицеллярка* (мицеллярная вода), ...

Семья и личные отношения: *многодетки* (многодетные родители), *обиженка* (часто обижающийся человек), *брошенка* (брошенная мужем женщина; ребенок, оставшийся без попечения родителей; домашнее животное, брошенное хозяином), *особёнок, особяшка, особята* (ребенок, дети с особенностями здоровья и развития), *инфантил* (инфантильный человек), *ответка* (ответное действие), *зеркалка* (*перен.* зеркальная ситуация, зеркальный ответ), *потеряшка* (кто-л. потерявшийся или что-л. потерянное), ...

Вещный мир семьи и быта: *двуспалка* (двуспальная кровать), *стиралка* (стиральная машина), *посудомойка* (посудомоечная машина), *мусорка* (мусорное ведро), *зарядка* (зарядное устройство), *туалетка* (туалетная бумага), *спортивки* (спортивные брюки), *демисезонка* (демисезонная одежда), ...

В бытовом общении носители языка активно перерабатывают «номенклатурные» именования вещного мира, «переводя» их на разговорный язык (в том числе

и потому, что в РР всегда существует запрос на экспрессию и новизну). «Переназывание» привычного, обновление имен, ставших нейтральными или «стершимися», а также освоение новой лексики и включение ее в личную сферу говорящего происходит через придание словам ироничных, слегка, пренебрежительных, фамильярных коннотаций, свойственных универбам, и коннотации «новизны». Микроволновая печь становится *микроволновкой*, стиральная машина — *стиралкой* или *машинкой*, мусорное ведро — *мусоркой* (это слово вызывает у части говорящих неодобрение и даже резкий протест).

Универбы активны как в переименовании старого, так и в именовании нового.

Вот как в ходе обсуждения «повседневной темы» участники диалога в социальной сети — простые носители языка — используют различные модели универбации (*индушка* и *индукционка*) для называния нового предмета на кухне:

> *«Вопрос к тем, кто поменял газовую плиту на индукционную. Какая вам нравится больше и почему?» — Мне* ***индукционка*** *больше, моя бела красивая, никакой гари и запаха газа... — Я планирую сменить, на работе стоит* ***индушка****, прелесть* (Группа «В гостях у Кулинахера», Фейсбук, 11.03.2024).

Отметим характерное свойство РР — вариативность номинаций разной степени узуальности, в частности, слово *индукционка* частотно среди представителей данной группы, словом *индушка* пользуется в диалоге только один из собеседников.

Многочисленны в современном узусе и универбы с экспрессивными, стилистически сниженными суффиксами, например *реновашка* (дом, подлежащий реновации), *особяшка* (о ребенке с особенностями здоровья и развития; также о домашнем животном), *декорашка* (собака декоративной породы), однако сегодня такие слова нередко теряют сниженность, могут не иметь ироничной или неодобрительной оценки, способны употребляться в нейтральных контекстах, с положительными коннотациями: *Ведь растить особенного ребенка непросто, а когда в семье и* ***особяшка*** *и нормик, лоббировать между ними не просто* (Отзыв, Союз родителей особенных детей, 2gis.kz, 07.12.2023); *— Из котокафе мы взяли кошку, она тоже* ***особяшка*** *— нет задней лапы* (muz-kar-izo.kz, 2021).

В целом можно сказать, что представление об универбах как о специфически разговорных единицах становится не вполне актуальным. Массовость словопроизводства универбов, усложнение семантики, расширение их денотативного потенциала и изменение «привычных» сфер функционирования в современном русском языке приводят к изменению стилистического статуса этих слов. Универбы, обозначающие общественно-значимые понятия (*нефтянка, ядерка, социалка, пенсионка* и мн. др.) сегодня свободно используются в профессиональной и публицистической речи, в текстах массмедиа. Оценка данного класса слов, справедливая для 90-х гг. XX столетия, сегодня звучит излишне категорично, ср.: «Универбация закреплена за обозначением бытовых предметов и явлений. Сочетание с книжными высокими основами дает резкое снижение» [Земская 1992: 190].

3. Особенности функционирования универбов в СРЯ и РР

3.1. Принадлежность слова к разным синхронным срезам языка

На факт образования в разных синхронных срезах языка номинаций-универбов, совпадающих по форме, но различных по значению, указывали многие лингвисты, в частности, на это обращала внимание в своих работах Т. Г. Винокур [Винокур 1965: 36–37]. Часть подобных номинаций закрепляется и остается в языке, некоторые теряют актуальность и выходят из употребления. Ср. *коммуналка*[1] (коммунальная квартира) и *коммуналка*[2] (жилищно-коммунальные услуги; коммунальные платежи). Подобные слова можно отнести к ключевым словам, своеобразным маркерам разных эпох. Таковы же универбы *спальник*[1] (спальный мешок) и *спальник*[2] (спальный район города), *наружка*[1] (наружное наблюдение) и *наружка*[2] (наружная реклама). Ср. также значения омонимичных универбов из узуса 90-х гг. XX века и узуса первых десятилетий XXI века, входящих в различные парадигматические ряды слов:

бесплатник[1] — сторонник бесплатной приватизации (отмечено в [Земская 1996: 103]) и

бесплатник[2] — тот, кто получает от государства какие-либо бесплатные услуги (о пенсионерах, инвалидах и т. п.); ср. аналог *льготник*;

бесплатник[3] — учащийся вуза, обучающийся на бесплатной основе; синоним: *бюджетник,* антоним: *платник*;

бесплатник[4] — бесплатный вебинар (примеры из современного узуса).

Повышение продуктивности некоторых деривационных моделей внутри словообразовательного типа универбации приводит к увеличению в языке числа формально совпадающих слов-конденсатов, возникнувших в разное время и нередко принадлежащих к различным подсистемам языка. Ср., например, *оперативка*[1] (оперативное совещание), *оперативка*[2] (оперативная память), *оперативка*[3] (оперативная сводка), *оперативка*[4] (оперативная хирургия). На смену утратившим актуальность универбам *персоналка*[1] (персональное дело; персональная пенсия; персональный автомобиль) приходят новые — *персоналка*[2] (персональный компьютер). У слова *открытка*[1] (почтовая карточка для пересылки без конверта) стирается внутренняя форма, появляется новое значение у словосочетания *открытое письмо* (текст, предназначенный для публикации, публично выражающий позицию автора по какой-либо общественно-значимой проблеме), в военном дискурсе возникает новый универб *открытка*[2] (открытая местность). Все эти примеры демонстрируют сложность и разнонаправленность семантических и стилистических процессов, сопровождающих функционирование универбов[3]. Таким образом, мы потенциально всегда имеем в узусе универбы-омонимы из разных синхронных срезов и функциональных сфер языка.

---

[3] Вероятно, можно говорить и об особом типе парадигматических отношений у универбов. Так, например, антонимия внутренней формы слов не дает противопоставления значений, ср. универбы *открытка* в различных значениях и слова *скрытка*[1] (о скрытая комиссия при продаже квартиры), *скрытка*[2] (скрытая камера).

3.2. Узуальность/ неузуальность

Семантические конденсаты нередко создаются «по случаю». Этому способствует удобство модели, ее активность в языке и прозрачность внутренней формы. Часть таких единиц получает широкое распространение в узусе. Например, наряду с известным широкому кругу говорящих словом *минималка* (со значениями «минимальная зарплата», «минимальный размер оплаты труда — МРОТ»; «минимальная пенсия») в современном узусе достаточно регулярно фиксируются универбы с другими значениями: «минимальное количество баллов (при расчете пенсии, при сдаче экзамена)»; «минимальная цена».

Примеры:

Неужели нельзя набрать ***минималку****? МИСиС ответил, что* ***минималка*** *по математике к ним на платное 50 баллов* (eva.ru, Форум, 01.07.2022); *Для расчета пенсии по старости нужно: Умножить ИПК на стоимость одного балла, установленную законом.* ***Минималка*** *баллов для пенсии* (akson.gotodoc.ru, 2024); *Руководство РАР предложило ввести* ***минималку*** *на пиво* (Установка минимальной цены на пиво чревата переходом на «Боярышник» // Московский комсомолец, 05.09.2018).

Такие номинации нельзя назвать неузуальными. Казалось бы, они не имеют каких-либо «содержательных» или прагматических ограничений для роста их употребительности, тем не менее эти новые значения (и универбы) пока менее частотны, чем значение «старого» универба (минимальная зарплата, минимальная оплата труда), который в настоящее время активно используется в СМИ, соцсетях и устной речи (в НКРЯ фиксируется с середины — конца 90-х гг. XX столетия).

Наконец, в узусе создается немало универбов — узкогрупповых слов, которые обычно более специфичны по своей семантике и нередко близки к окказиональным единицам:

*Отечественная литература. Дисциплина, которая пугает во время сессии практически всех гуманитариев. Объемы для студентов — нереальные. «У нас в университете был очень строгий преподаватель по “****отечке****” ... В итоге даже на пересдаче предмет успешно сдали всего 5 человек, остальные приходили еще по 2–3 раза*» (Труд-7, 19.10.2010).

Таким образом, в языке сосуществуют слова-конденсаты разной степени узуальности, разной широты распространенности среди говорящих.

4. Особенности семантики универбов

4.1. Обобщенность и неопределенность значения, открытый ряд номинаций, зависимость от контекста

Прозрачность внутренней формы универба сочетается с фразеологичностью его семантики, что не обеспечивает распознавания значения слова в отрыве от

контекста или ситуации речи. Характеристика именуемого объекта сохранена, а сам объект скрыт, поименован только через признак.

Если усечения, как правило, имеют определенное значение, закрепленное в языке, то универбы, напротив, способны впитывать различные значения, как губки. Часть универбов относится к особому типу слов, т. н. словам-«губкам». Это «слова, имеющие либо чрезвычайно общее значение, либо значение неопределенное, всегда конкретизируемые лишь ситуацией и контекстом» [Капанадзе 1973: 453]. Слова с широким значением приложимы к большому числу ситуаций, явлений и конкретных объектов.

Так, например, у слова *пенсионка* мы выделили 7 основных значений: система пенсионного страхования; пенсионный фонд; пенсионная реформа; пенсионный налог (отчисления в пенсионный фонд); пенсионная карта; отделение пенсионного фонда (конкретный офис); пенсионное удостоверение. По результатам проведенного опроса в [Дозорова 2018: 195–198] у универба *пенсионка* зафиксировано 19 значений, в том числе «лицо пенсионного возраста», «пенсионный возраст» и др.; у слова *социалка* можно выделить 14 значений: социальные выплаты/ социальная программа/ помощь/ защита/ стипендия/ карта/ пенсия/ служба/ реклама/ сеть и др.

Мы видим, что за одним универбом может стоять целый конгломерат денотатов, поименованных через определенный (один и тот же?) признак. Вероятно, универбы следует признать словами с особым типом референции (с неопределенностью интенсионала и открытым рядом экстенсионала). Номинация ограничена типом объектов, явлений, к которым может быть приложим данный признак.

4.2. Полисемия и омонимичность универбов

Многозначность и омонимия являются характерными признаками универбов. Какова же причина этих явлений?

Само прилагательное, мотивирующее тот или иной семантический конденсат (слово-универб) может быть многозначным. Полисемия или омонимия мотивирующих прилагательных задают омонимичность значений универбов, возникающих на их основе. Рассмотрим две группы примеров.

Полисемия мотивирующего слова:

административка[1] — административное правонарушение/ административное наказание (ср. *уголовка* — уголовная ответственность);

административка[2] (административная контрольная работа, т. е. работа, проводимая администрацией школы).

В случае с *административкой*[1] и *административкой*[2] мы имеем дело с разным значением слова *административный*: 1) производимый исполнительной властью (административное наказание) и 2) относящийся к администрации, органам управления (административная контрольная).

Полисемия мотивирующего прилагательного ведет к омонимии универбов.

Омонимия мотивирующих слов:

электронка[1] — электронная почта, *электронка*[2] — электронная сигарета, *электронка*[3] — 1) электронная форма представления каких-либо данных, осуществления каких-либо операций; 2) электронная квитанция и т. п. (например, электронная «платежка» услуг ЖКХ); 3) электронная книга.

На наш взгляд, значения первого и третьего универбов можно рассматривать в рамках одной лексемы (они поименованы через общий признак — прилагательное «электронный» — ‘передающий информацию через глобальную компьютерную сеть’), а вот второй универб (*электронка*[2]) явно не связан с двумя другими, т. к. признак, положенный в основу данной номинации, омонимичен названному общему признаку.

Омонимия мотивирующих прилагательных, естественно, задает омонимию универбов.

Добавим, что в целом РР и жаргоны при свободном образовании новых семантических конденсатов не стремятся избегать омонимии с уже существующими в языке словами. Подпись и комментарии к фотографии в группе La Pomoika сети «Фейсбук»: *Это итальянская* ***блошка*** (блошиный рынок); *Есть разные* ***блошки*** *по качеству, и цены очень отличаются; Девочки, вернусь на* ***блошку*** *эту через пару дней, т. к. была без очков... Хочу найти подарок подруге, повезу в Париж* (Фейсбук, 08.03.2024). Далее пользователи свободно используют эту номинацию при обсуждении блошиных рынков Италии.

(Подруга рассказывает об оздоровительном лагере для детей с РАС и их родителей) *У нас там 30% нормики* [нормальные, нормотипичные, т. е. здоровые дети]*/ это братья и сестры/ а остальные* ***пограничники*** [с пограничными симптомами, находящиеся на пограничной стадии болезни/нормы] (Запись устной речи, 2024).

5. Лексикографический аспект описания универбов

Названные выше особенности: семантическая неопределенность универба, открытый ряд возможных вариантов конкретизации семантики слова, многозначность и омонимия, различная степень узуальности, подвижность стилистических характеристик и сферы функционирования, — определяют трудности лексического описания этой категории слов.

Вопросы разграничения многозначности и омонимии универбов применительно к их словарному представлению мы оставляем за рамками обсуждения. В фокусе нашего внимания далее будут варианты описания в словаре семантической структуры лексемы-универба.

Как отмечала Е. И. Голанова, «в основе различия семантической наполненности («однозначности» или «многозначности») слов-универбов лежат различия в характере семантики мотивирующего прилагательного, в степени обобщенности или конкретности его значения» [Голанова 2019: 31]. Следовательно, по-разному

будут описаны номинации с конкретным и абстрактным значением атрибутивного компонента исходного словосочетания.

Слова, мотивированные сочетанием с прилагательным или причастием, имеющим большой вес конкретного, «вещественного» компонента значения (особенно мотивированные относительными прилагательными), например *ювелирка* (ювелирные изделия), *шведка* (о какой-л. технике, произведённой в Швеции (преимущественно об автомобиле); тип печи, которая имеет варочную панель (плиту) в углублении), *горнолыжка* (горнолыжный курорт), *ядерка* (ядерное оружие), описываются через мотивирующее словосочетание и обычно имеют одно значение или несколько значений с достаточно четко очерченными денотатами.

Наиболее существенны различия в подходах к лексикографированию слов с абстрактной семантикой. Семантические конденсаты, основанные на сочетаниях с качественным прилагательным, потенциально имеют слот самого общего значения: *времянка, вышка, запрещёнка, нулёвка, повседневка, сокращёнка* и т. п. При описании слов, обозначающих абстрактные и общие понятия, можно использовать три стратегии.

Первый вариант: описывается одно, самое общее значение:

ЗАПРЕЩЁНКА — ‘то, что запрещено по разным причинам’. Далее, в иллюстративной зоне словарной статьи даются различные примеры, конкретизирующие общее значение: запрещённые для продажи или ввоза товары (ср. *санкционка*); продукты питания, которые по каким-то причинам не следует есть; предметы, которые не принято дарить и др.

Это описание значения от абстрактного к конкретному. Такая стратегия оправдана и экономна, она уместна в академическом толковом словаре. Стоит отметить, однако, что при подобном описании не ставится цель максимально полного отражения актуального состояния языка. Лексикографы не могут предугадать, какие из возникших в данный момент универбов останутся в языке надолго, но следует ли из этого, что лексикографирования «достойны» только наиболее частотные узуальные единицы?

Второй вариант: выделяются и описываются узуально закрепленные значения, а остальные, контекстно- и ситуативно-обусловленные значения даются как примеры употребления слова. Они приводятся без толкования в иллюстративной части словарной статьи. Для этого либо используется зона прагматического комментария, либо выделяется специальное общее значение слова (последний способ представления значения предпочтителен, т.к. описывается собственно семантика лексемы).

В ТСРР преимущественно используется второй вариант лексикографического описания универбов (далее статьи приводятся в сокращенном виде).

ЗАПРЕЩЁНКА.

1. DEF: литературные и публицистические произведения, запрещенные к публикации. *Заглянул в книжный магазин. И там* [книги Б. Акунина] *убрали с полок. Эти книги теперь — **запрещёнка**?* (Блоги, 2023).

2. DEF: продукты, лекарственные препараты и т. п., запрещенные к употреблению по медицинским или спортивным показаниям. *Лежу в больнице втихую ем **запрещёнку**// Пока врач не пришёл//* (Запись устной речи, 2023); *Олимпийский чемпион из ЮАР получил срок за «**запрещёнку**». Весной прошлого года в его допинг-пробе нашли гормоны* (Vesti.ru, 07.02.2020).

3. DEF: товары, запрещенные к ввозу на территорию какой-л. страны. *Российская таможня стала выявлять больше «**запрещёнки**» благодаря дронам* (Известия, 10.09.2019); *Контрабандисты XXI века везут «**запрещёнку**» в Беларусь, а оттуда — уже в Россию* (ВКонтакте, 29.09.2015); *Я вас могу уверить, что никто по дипломатическим паспортам никуда за границу за сырами и другой «**запрещёнкой**» не выезжает* (Lenta.ru, 10.02.2017).

PRAGM: в разговорной речи слово употребляется довольно широко и может быть истолковано как ‘всё, что по каким-л. причинам запрещено’, ср.: *Наши старшие стали есть сосиски и колбасу примерно с трёх лет... Ну и с новогоднего стола младшим частенько перепадает «**запрещёнка**», особенно в многодетных семьях* (Из коллекции НКРЯ, 2020); *Есть вещи, которые нельзя дарить. Среди них — часы, колюще-режущие предметы, тапочки, посуда, пустые вазы (весь список **запрещёнки** не помню). Если дарите, то одаряемый должен символически у вас это купить* (В. Артемчук. Дневники Валентины — Ангела света).

(Проект словарной статьи для ТССР, Вып. 6, автор О. А. Шарыкина).

СОКРАЩЁНКА.

1. DEF: сокращенный режим работы, форма или режим обучения. ***Сокращёнка** сегодня, работаем на час меньше!* (ЖЖ, 30.04.2012); (О сокращенной форме обучения:) — *Что подразумевает сокращенная заочная форма обучения? И почему выставлены списки **сокращёнки** 1 курса, а мне сказали, что **сокращёнка** начинается со 2-го семестра. — ...понятия сокращённого обучения больше нет, есть ускоренное обучение* (forum.unn.ru, 01.11.2014).

2. DEF: сокращенная (короткая) дорога. *Может, было бы лучше ехать до работы по **сокращёнке** через Мурманск?* (ЖЖ, 14.09.2012); *На вершину есть два пути: длинный и «**сокращёнка**»* (ЖЖ, 16.06.2018).

3. DEF: что-л. сокращенное. (Сокращенное обозначение, название:) *До BLB (**сокращёнка** от прозвища BlackBerry) были, в основном, жигули и все б/у* (drive2.ru, 25.03.2020); (Сокращение чего-л.) *Депутатская «**сокращёнка**». Оформляя в Гаспринском поссовете свои земельные участки годами, местные жители сталкиваются со странной тенденцией: депутаты сокращают размеры их наделов по ходу оформления...* (ktelegraf.com.ru, 22.03.2013).

(ТСРР-4, автор словарной статьи Е. В. Какорина)

Иногда в семантической структуре универба разделено общее и абстрактное значение.

ВРЕМЯ́НКА.

1. DEF: временное сооружение (постройка для временного жилья, печка, лестница, дорога и др.). *Тетя вот выдержала// Жила во **времянке** 2–3 года/*

пока не построили этот домище и не дали квартиру// (Из материалов Саратовского университета, 1960–1980); *Печка-**времянка**, маленький стол, а на столе книга, освещенная коптилкой* (С. Пилявская. Грустная книга); *Неподалеку через речку был перекинут деревянный мост-**времянка*** (Ф. Кнорре. Родная кровь).

2. *перен.* DEF: нечто преходящее, недолговечное. *Эти измышления — **времянки**, нечто вроде рабочих гипотез* (К. Чуковский. От двух до пяти); *В масштабе истории сталинщина — всего лишь **времянка*** (Знамя, 1990, № 5); *Вместо столь необходимого сейчас усиления власти Россия получает этакую «**времянку**», что-то вроде системы коллективной ответственности* (КП, 23.10.1996).

(ТСРР-1, автор словарной статьи О. П. Ермакова)

Третий вариант: описываются все возможные значения универба, зафиксированные в узусе.

Посмотрим на слово *нулёвка* из Викисловаря (не описано в ТСРР).

НУЛЁВКА.

1. *разг.* стрижка наголо;
2. *школьн.* подготовительная группа детского сада или класс шестилеток в школе; **нулевой класс** (ср. *подготовишка*);
3. *спорт.* счёт ноль-ноль в спортивных играх; **нулевая ничья;**
4. безалкогольное пиво;
5. безникотиновая жидкость для электронных сигарет;
6. *спец.* тонко-абразивная наждачная бумага М40 (**наждачная бумага нулевой зернистости** по старому ГОСТу);
7. бюстгальтер **нулевого размера**;
8. *фин., экон*. **нулевая отчётность** (отчетность налогоплательщика, временно не осуществляющего финансово-хозяйственную деятельность);
9. *разг., охот., спец.* то же, что регистровая (нулевая) родословная; свидетельство о регистрации собаки без информации о родителях и предках и без права на разведение.

Мы видим, что здесь представлены как общеязыковые, так и периферийные (специальные) значения слова, как «старое», утвердившееся в языке, так и новое. В этом достоинство Викисловаря, и такое описание возможно, в частности, благодаря электронной форме его составления, позволяющей свободно дополнять статью возникающими в узусе значениями и употреблениями слова. При анализе словарной статьи возникает вопрос упорядочения значений, последовательности их подачи. Вероятно, авторы словаря выбирали наиболее актуальные значения в порядке убывания их частотности и значимости и снабдили их соответствующими пометами.

Академические словари фиксируют существенно меньше значений этого разговорного слова. В БТС приводится два толкования: 1. В спортивных играх: счёт ноль-ноль; нулевая ничья. 2. Подготовительная группа детского сада или класс шестилеток в школе.

В словаре Ефремовой [Ефремова 2000] описано четыре значения: 1. Стрижка наголо; 2. Счёт нуль-нуль; нулевая ничья (в спортивных играх). 3. Подготовительная группа детского сада или класс шестилеток в школе. 4. Ничтожный, не имеющий никакого значения человек. (Употребляется как порицающее или бранное слово.)

Мы зафиксировали и другие значения слова *нулёвка* в современном узусе: *творог* ***нулёвка*** (**нулевого процента** жирности); *дробь* ***нулёвка*** (самая крупная), **нулевая отметка** расстояния на какой-либо территории. Вероятно, что подобных номинаций существенно больше, т. к. они свободно производятся в речи.

Каждый из алгоритмов описания значения универбов имеет преимущества и недостатки. Третий, наиболее полный вариант лексикографического описания, безусловно, полезен для системного описания языка. Стратегия максимально полного, «развернутого» представления значений слова сдерживается фактом принципиальной открытости модели, которая может наполняться различными смыслами, их трудно зафиксировать в словаре. Аргументом в пользу выбора первого, «свернутого» принципа описания значения слова (при его заданной многозначности) служит возможность объединить несколько значений общим признаком, общим компонентом значения. Однако при таком подходе приходится «жертвовать» важными для носителей языка единицами их актуального словаря. В ТСРР принята установка на фиксацию и толкование наиболее частотных значений универба.

В академических толковых словарях описываются единицы, имеющие достаточно продолжительную историю существования в языке. В дефинициях универбов используются разные принципы, в целом можно отметить движение описания значений от конкретного к общему. При этом нередко в качестве отдельного конкретного значения на протяжении долгого времени продолжает выделяться то, которое было первым зафиксировано в узусе. Ср.:

ВРЕМЯ́НКА.

(*неол.*). Маленькая печка, устанавливаемая на время в комнате [ТСУш].

1. Небольшая переносная лестница. 2. Временная железная печка, а также всякое временное строение, оборудование [ТСОЖ].

1. Временное строение. 2. Временная железная печка [МАС].

1. Временная, обычно железная печка. **2.** Вообще всякое временное сооружение, оборудование. *Лестница-в. Железнодорожная ветка-в.* [ТСОШ].

Предмет, а также всякое сооружение, постройка, приспособление, предназначенное для временного пользования. *Лестница-в. Печка-в. Жильё-в. Барак-в. Железнодорожная ветка-в.* (РСС).

То, что построено, сделано на время (обычно о деревянной постройке, лестнице, печке). *Топить времянку. Построить времянку. Лестница-времянка.* [БТС].

Еще одна особенность лексикографического описания универбов в академических словарях — осторожное отношение к значениям, пришедшим из специальных (профессиональных и др.) сфер. Ср. различия в толкованиях:

ЗЕЛЁНКА.

1. *Разг.* Спиртовой раствор бриллиантовой зелени (употребляется для смазывания кожи).

2. *Разг*. Зеленый корм для скота, а также культуры, идущие на такой корм [МАС].

Разг. Лекарство — обеззараживающая жидкость зелёного цвета на спирту для лечения царапин, порезов, заболеваний кожи [ТСОШ].

1. *Разг*. Спиртовой раствор бриллиантовой зелени, употребляемый для лечения царапин, порезов и т. п.
2. Гриб группы пластинчатых, имеющий шляпку желтовато-зелёного цвета с тупым бугорком посередине; зеленушка.
3. *Разг*. Зелёный подножный корм для скота.
4. *Разг.* Сельскохозяйственные культуры, идущие на такой корм.
5. *Разг.* Местность с расположенными на ней кустами, деревьями [Ефремова 2000].

1. *Разг*. Спиртовой раствор бриллиантовой зелени, употребляемый наружно как обеззараживающее средство.
2. Зелёный корм для скота; сельскохозяйственная культура, идущая на такой корм.
3. *В речи военных*: местность, поросшая кустарником, деревьями (как возможное место засады, укрытия) [БТС].

Вполне понятно, что в рассмотренных выше словарях не фиксируются жаргонные значения слова (или омонимы) *зелёнка* (молодой человек; валюта, доллары) и современное, новое значение — «товар, купленный по зелёному ценнику (со скидкой)».

Универбы как лексикографические единицы представляют собой уникальный тип слов, требующих специальных подходов к описанию их семантики. Вероятно, что эти подходы будут различаться в специальном и в академическом толковом словаре русского языка. Нередко подобные единицы остаются за пределами словника толкового академического словаря. В ТСРР достаточно широко представлена данная категория слов, т. к. по свой природе универб — это разговорное или жаргонное слово, хотя можно сказать, что оно завоевало в современном русском языке и официальное, и публичное пространство. Существующие опыты создания специальных словарей универбов немногочисленны [Осипова 2000, Устименко 2004]. Создание постоянно пополняющегося электронного словаря «открытого типа» позволило бы фиксировать новые лексемы и новые актуальные значения

семантических конденсатов, большое число которых остается вне какого-либо лексикографического описания.

В целом можно сказать, что лексикографирование универбов — сложная проблема, которая требует дальнейших размышлений, дискуссий и исследований.

Литература

Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка / Под. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1965. С. 29–38.

Голанова Е. И. Производное слово как номинативная единица // Способы номинации в современном русском языке, М.: 1982. С. 159–228.

Голанова Е. И. Многозначность суффиксальных универбов и её отражение в ТСРР // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, № 2 (20), 2019. С. 31–36.

Дозорова Д. В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук.: М., 2018. 209 с.

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Рус. яз., 1984. 152 с.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 90–141.

Земская Е. А. Словообразование // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. / Отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1981. 277 с.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Российская академия наук, Институт русского языка. М.: Наука, 1992. 220 с.

Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1973. С. 403–463.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании: Суффиксальная универбация, усечение: дис. ... доктора филол. наук.: М.: 1999, 506 с.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 167 с.

Словари

БТС — Большой толковый словарь русского языка: словарь / Институт лингвистических исследований; ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Осипова Л. И. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом –к-а. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х гг. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. 230 с.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007.

ТСОЖ — Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой — 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.

ТСОШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Составили Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л П. Крысин / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: 2008.

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А–И / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРР-4 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4, С–Т / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 680 с.

ТСУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка: лексико-словообразоват. / И. А. Устименко. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т; Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2004 (Б. м.: ООО ИПЦ ПОЛИТЕРРА). 271 с.

E. V. Kakorina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
kakor@yandex.ru

SEMANTIC CONDENSATES AS SPECIAL TYPES OF NOMINATIONS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(stylistic status, functioning in usage, problems of dictionary description)

In modern Russian language one can observe the activation of such ways of word formation as univerbation and truncation, characteristic of colloquial speech and jargons. At present, words of this structure being semantic condensates are and massively produced in various subsystems of the language freely and in large quantities. The multiple increase in the activity of univerbs and truncations leads to changes in their stylistic connotations. In the usage of the last decades semantic condensates easily lose their narrow-group attachment, bright stylistic reference, become full-fledged units not only of colloquial speech, but also of mass-media discourse, and are widely used in various genres of publicistic texts. This is the peculiarity of their modern functioning. The article also

discusses problems arising in lexicographic description of univerbs. One of them is the selection of units for including into a dictionary, since within a particular synchronic section of the language there always coexist words-condensates of different degrees of commonality (and of varying degrees of prevalence among speakers); words, different in the nature of relevance (having emerged in different periods of language development). Another problem is related to the peculiarities of their semantics. Univerbs are unique units having a general indefinite meaning, which is determined by the context and the situation; they often belong to the so-called "sponge" words (such as *зелёнка, вышка, времянка, запрещёнка, нулёвка*, etc.) and there is no generally accepted tradition of their dictionary fixation and interpretation. This paper shows possible variants of their description based on the materials of the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (EDRES) and other modern dictionaries.

Keywords: semantics, verbs, truncations, stylistics, homonymy, polysemy, lexicography, colloquial speech, jargon

References

Dozorova, D. V. *Struktura, semantika i funktsii univerbatov v sovremennoi russkoi rechi: dis. ... kand. filol. nauk* [Structure, Semantics and Functions of Univerbs in Modern Russian Speech: Disser. Submitted for the Degree of Cand. of Philol. Sciences]: Moscow, 2018. 209 p.

Ermakova, O. P. *Leksicheskie znacheniya proizvodnykh slov v russkom yazyke* [Lexical Meanings of Derivative Words in the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 152 p.

Golanova, E. I. [Derivative word as a nominative unit]. *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke* [Ways of nomination in the modern Russian language], Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 159–228. (In Russ.)

Golanova, E. I. [Multivalence of suffixal universals and its reflection in the EDRES] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 20. Vzaimodeistvie leksiki i grammatiki* [Works of The V. V. Vinogradov Institute for Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Vol. 20. Interaction of lexis and grammar]. Moscow, 2019, No. 2 (20), pp. 31–36. (In Russ.)

Kapanadze, L. A. [Nomination]. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Everyday Speech]. Otv. red. E. A. Zemskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1973. Pp. 403–463. (In Russ.).

Osipova L. I. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii: Suffiksal'naya univerbatsiya, usechenie: dis. ... doktora filol. nauk* [Active Processes in Modern Russian Word-formation: Suffixal Univerbation, Truncation: diss. ... Doctor of Philological Sciences]. Moscow, 1999, 506 p.

[Russian National Corpus]. Available at: http:// www.ruscorpora.ru. (accessed 23.08.2023).

Shmelev, D. N. *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh (k postanovke problemy)* [Russian Language in its Functional Varieties (to the Statement of the Problem)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 167 p.

Vinokur, T. G. [On elliptical word usage in modern colloquial speech]. *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of the lexicon of the modern Russian language / Edited by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev]; USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language. Moscow, Nauka Publ., 1965. pp. 29–38. (In Russ.)

Zemskaya, E. A. [Active Processes of Modern Word Production]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995), otv. red. E. A. Zemskaya* [The Russian Language of the Late XX Century (1985–1995), ed. by E. A. Zemskaya]. Moscow. YaSK Publ., 1996. Pp. 90–141. (In Russ.)

Zemskaya, E. A. [Word Formation] *Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M. V., Shiryaev, E. N. Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. [Russian Colloquial Speech. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 277 p.

Zemskaya, E. A *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Rossiiskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka. Moscow, Nauka Publ., 1992. 220 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.9

М. Л. Каленчук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
mkalenchuk@yandex.ru

РАЗГОВОРНАЯ ФОНЕТИКА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ[1]

В статье предпринята попытка показать, как современные орфоэпические словари подают факты разговорной фонетики, какие проблемы при этом возникают и можно ли предложить альтернативные лексикографические решения. Почти полное игнорирование современной лексикографией вопросов произносительной специфики разговорной речи не случайно — за этим стоит и неразработанность теоретических аспектов разговорной фонетики, и спорность многих нормативных трактовок, и расплывчатость самого явления. Почти все современные орфоэпические словари используют в том или ином виде помету *разговорное*, связывая ее содержание с экстралингвистическими характеристиками речевой ситуации. Анализ показывает, что информация о разговорных произносительных вариантах в большинстве своем дается в словарях несистемно и представляет собой случайный набор примеров. При использовании противопоставления *разговорная речь — кодифицированный литературный язык* невозможно полно и непротиворечиво описать подобные явления в словарях и для лексикографии этот подход следует признать непродуктивным.

Лингвисты активно обсуждают влияние таких факторов как *темп речи*, *характер фразовых позиций* и *частотность лексики* на появление вариантов произношения с эллипсисом отдельных звуков или их сочетаний, при этом необходимо различать *компрессированные формы слов* (варианты произношения, встречающиеся

---

[1] В статье используются следующие сокращения:

БОС — Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

ОС — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

РОС — *Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. / Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020.

ТСРР — Крысин (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, М.: Языки славянской культуры. 2014.

при быстром темпе речи, в том числе в слабой фразовой позиции) и *компрессивы* (характерны для любого типа речи и разных фразовых позиций, проявляются при любом темпе речи, относятся к сверхчастотной лексике). Как представляется, в орфоэпических словарях должны кодифицироваться именно компрессивы.

Ключевые слова: разговорная речь, лексикография, кодификация, нормы произношения, варианты нормы, компрессированные варианты, компрессивы

1. Проблема описания фактов разговорной фонетики в орфоэпических словарях связана с неоднозначностью и спорностью самого понятия разговорная речь[2], а также со сложностью кодификации сегментных и суперсегментных норм на этом участке звуковой системы русского языка. При достаточно большом количестве исследований, посвященных русской разговорной речи, ее всестороннее лексикографическое описание еще впереди, и на данный момент можно говорить только об описании лексической стороны этой языковой подсистемы, выполненном с той или иной степенью полноты и разнообразием подходов [Курилова 2007; Химик 2004; ТСРР]. В настоящей статье будет предпринята попытка показать, как современные орфоэпические словари подают факты разговорной фонетики, какие проблемы при этом возникают и можно ли предложить альтернативные лексикографические решения.

Почти полное игнорирование современной лексикографией вопросов произносительной специфики разговорной речи не случайно — за этим стоит и неразработанность теоретических аспектов разговорной фонетики, и спорность многих нормативных трактовок, и расплывчатость самого явления. Несомненно, что лексикографическое описание разговорной фонетики зависит от того, на какую концепцию разговорной речи опираются авторы.

2. Противопоставление *разговорная речь — кодифицированный литературный язык*. При этом подходе разговорная речь понимается как одна из двух разновидностей литературного языка, употребляемая в условиях непринужденного общения и противопоставленная кодифицированной. Как и книжная речь, разговорная речь имеет свои нормы. Опора на неязыковую ситуацию, неподготовленность, непосредственность речевого акта, использование жестов и мимики, преимущественное функционирование в устной форме — все эти факторы обуславливают специфические лингвистические особенности разговорной речи [Земская (ред.) 1973].

Как только факты разговорной речи начинают описываться в нормативных словарях, встает вопрос о неудачности привычных терминов. Когда в середине XX века начались системные исследования разговорной речи, даже не обсуждалось включение полученных данных в словари. В наше время, когда многие орфоэпические словари отражают материал о разговорных вариантах, придавая им статус нормы, странно выглядит термин *кодифицированный* по отношению к одной

[2] В литературе параллельно с понятием *разговорная речь* функционирует и термин *разговорный язык*; в настоящей статье используется термин *разговорная речь*

из двух подсистем литературного языка. Под *кодификацией* принято понимать официальное признание языковой нормы и закрепление ее в словарях, справочниках, грамматиках. Получается, что кодифицированными являются все формы литературного языка, в том числе и разговорная речь.

Большинство современных орфоэпических словарей используют в том или ином виде помету *разговорное*, связывая ее содержание с экстралингвистическими характеристиками речевой ситуации, например: «помета *допустимо разговорное* характеризует вариант произношения, допускаемый в литературном языке в ситуациях непринужденного общения» [Каленчук, Касаткина 1997]; варианты, относимые к разговорной речи, связываются с неформальной обстановкой [Резниченко 2021] и т. д.

Рассмотрим подробнее, какая именно информация о разговорных произносительных вариантах содержится в разных лексикографических источниках.

В [ОС 1983 и др. изд.] используется помета *разг. — разговорное*, но в статье «Как пользоваться словарем» не обсуждается, что понимается под нею. Пометой *разговорное* по отношению к произносительной стороне речи снабжены всего несколько слов, например: вообще — *в разг. речи возможно произношение* [*ван*]ще́; сейча́с [*си*^{е}*ча́с*], *в разг. речи возм. произношение* [*щас*]; ты́сяча — *в разг. речи возм.* ты́*ща*.

В [Еськова 2015] помета *разговорное* для маркирования фонетического материала сводится к тем же нескольким примерам, что и в [ОС]: вообще́ — [*ва*]ще́; сейча́с — [*щас*]; ты́сяча — *для передачи разг. произношения возм. написание* ты́ща. Хочется отметить, что разговорный вариант произношения слова *тысяча* почему-то «привязан» только к написанию *тыща.* Надо ли это понимать так, что при написании *тысяча* разговорное произношение невозможно?

В орфоэпическом словаре [Свиридова 2014], информация о нормах произношения в разговорной речи представлена очень скупо: признаются разговорными акцентологические варианты *до́говор*, *отщелка́ть* — и всё. Слова *тысяча* и *вообще*, информация о разговорных вариантах которых обычно приводится в большинстве источников, отсутствуют в этом словаре, а слово *сейчас* приводится только в его полном, нередуцированном виде.

В [Иванова 2005] повторяется все тот же «куцый» набор слов, возможность особого разговорного произношения в которых признается автором (*вообще*, *сейчас*), а вполне явные случаи компрессированного произношения в словах типа *тысяча, пятьдесят* и мн. др. даже не упоминаются.

Необходимо более детально рассмотреть подачу информации о разговорных произносительных вариантах в словаре [Резниченко 2021]. Пометой *в разговорной речи возможно* в этом источнике маркированы многие слова, попробуем сгруппировать подобные факты:

- недавно появившиеся варианты акцентуации отдельных грамматических форм и слов, многим из которых авторитетные словари отказывают в нормативном статусе, но которые широко распространены в узусе (*брало́*, *взорвало́*, *гнало́* и др.; *ба́ловать, камбала́, костюми́рованный, обеспече́ние,*

расклеши́ть, на́зло, на́верх) и др. (ср. в работе [Каленчук 2023] высказывается предположение, что многие новые акцентологические явления «обкатываются» в разговорной речи до того, как приобрести статус полноценной нормы);

- формы существительных им. п. мн. ч на -а, -я, признающиеся в большинстве словарей отступлением от нормы в силу их просторечности: *госпиталя́, джемпера́, договора́, лектора́, почерка́* и др.;
- произношение слов *миллиа́рд*, *миллио́н*, *бриллиа́нт* и др. со вставкой [j] в интервокальной позиции; произношение *наме́ренье, учрежде́нье, изобрете́нье* и др. на месте *наме́рение, учрежде́ние, изобрете́ние* (авторитетные словари признают подобные факты вариантами нормы и не связывают их появление с разговорной речью);
- произношение отдельных слов с диэрезой согласного и упрощением групп согласных (*ка*[д]*а́*, *та*[д]*а́*, *ника*[д]*а́* (*когда, тогда, никогда*), *во́се*[м]*сят* (*восемьдесят*), [щас] (*сейчас*) и др.

К тому, что традиционно оценивается как факты разговорной фонетики, относится только последний пункт, но его реализация в словаре [Резниченко 2021] вызывает большие сомнения. Почему для демонстрации явления разговорного произношения выбрано несколько случайных примеров при наличии большого числа аналогичных случаев (нет указаний на возможное упрощение сочетания звуков в словах *семьдесят* и *пятьдесят*, хотя оно происходит там не реже, чем в *восемьдесят*; диереза согласного звука не показана в словах и словоформах типа *бу*(д)*ет*, *ви*(д)*ите*, *пра*(в)*ильно* и сотнях других, ничем не отличающихся по проявлению указанной особенности произношения, чем упомянутые *когда, тогда* и др. Все остальные случаи, которые автор расценивает как разговорные, нуждаются в интерпретации и доказательствах, которые не предоставлены в данном словаре. Особо фантастичным в [Резниченко 2021] выглядит информация о произношении слова *декольте*, приведенные варианты связаны с распределением *кодифицированное — разговорное*: получается, что один и тот же человек в официальной обстановке произнесет [дэ]*кольте́*, а в непринужденной — [д’и^{э}]*кольте́*. Складывается впечатление, что под общим заголовком *разговорное* автор объединил совершенно разнородные факты, которые не подошли к другим рубрикам классификации.

Необходимо отметить, что в другом словаре того же автора [Резниченко 2003] количество разговорных произносительных вариантов намного меньше и ближе к традиционной подаче в лексикографических изданиях.

Можно было бы продолжать анализировать характер информации о разговорных вариантах и в других орфоэпических словарях, но даже беглый их просмотр показывает, что из словаря в словарь просто повторяются те же факты, что описаны в [ОС].

Проведенный анализ позволяет заключить, что информация о разговорных произносительных вариантах в большинстве своем дается в словарях несистемно и представляет собой случайную выборку примеров. При этом возможны два противоположных сценария: либо данные о разговорной фонетике подаются крайне скупо

и механически переносятся из одного словаря в другой, либо авторы неоправданно расширяют границы этой произносительной подсистемы, относя к ней совершенно разнородные факты, не формулируя основания для такого решения.

Думается, что сложившаяся ситуация с почти полным игнорированием в орфоэпических словарях фактов разговорной фонетики неслучайна, тем более что сами эти факты очень подробно описаны в лингвистической литературе и несомненно знакомы лексикографам. В словаре обычного типа при изолированном предъявлении слова невозможно соотнести те или иные варианты произношения с ситуацией речи, что делает бессмысленным простое перечисление возможных разговорных вариантов. Чтобы описать, что слово *человек* может при определенных условиях произноситься как [ч'эк], необходимо воспроизвести саму ситуацию речи, провоцирующую подобное произношение. Иначе связать произношение [ч'эк] с заголовочным словом *человек* не удастся. В связи с этим целый ряд орфоэпических словарей, например, [БОС 2012; 2022] сознательно не дают информации о разговорных произносительных вариантах и не используют соответствующую помету [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2011].

Постепенно исследователи приходят к выводу, что «пора отказаться от квалификации произносительной составляющей в терминах двух градаций — кодифицированный / разговорный, ибо такой подход чересчур упрощает реальное положение вещей» [Вещикова 2016: 80], что в частности означает, что используя противопоставление *разговорная речь — кодифицированный литературный язык* невозможно полно и непротиворечиво описать подобные явления в словарях и для лексикографии этот подход следует признать непродуктивным.

3. Необходимо отметить, что фонетический материал, которым оперируют исследователи, описывающие так называемую разговорную речь, абсолютно идентичен вне зависимости от избранной ими концепции. Проблема только в интерпретации этого материала, а именно в определении причин того, что одно и то же слово может функционировать в абсолютно разных фонетических обликах, подвергаясь деформациям разной степени. Выше был описан подход, в рамках которого причиной появления произносительных вариантов типа [бу́д'и^{э}т] — [бу́ит], [та^{ъ}гда́] — [та^{ъ}да́] является экстралингвистическая ситуация речи. Рассмотрим другие возможные причины, провоцирующие появление подобных произносительных вариантов. Лингвисты активно обсуждают влияние таких факторов как *темп речи*, *характер фразовых позиций* и *частотность лексики* на появление вариантов произношения с диерезой отдельных звуков или их сочетаний *ви*(д)*ите*, *ба*(б)*ушка*, *пя*(тьд)*есят*, *средст*(в), *то*(ль)*ко*, (в)*стретить*, *пус*(ть) и мн. др., которые ранее приписывали разговорной речи. Такие варианты слов называют по-разному — неполные, компрессированные, редуцированные, эллиптические, аллегровые, компрессивно-аллегровые, сокращенные, усеченные и др., противопоставляя их полным формам или, как говорят некоторые авторы, идеальным формам слов.

Традиционно информация о произношении конкретного слова в словарях даётся так, как будто слово находится в изолированной позиции, т. е. произносится

в замедленном темпе, акцентированно и особо чётко, но в живой речи слово попадает в разные условия произношения, подвергается различным деформациям. Современная наука расценивает подобные факты не как искажение правильного произношения, а как вариант нормы. [БОС] впервые в отечественной практике даёт сведения о вариантах произношения, связанных с нахождением словоформы в разных фразовых позициях. В [БОС] введена специальная помета — *в беглой речи возможно*, которой оцениваются варианты, встречающиеся при быстром темпе речи, в том числе в слабой фразовой позиции, т. е. не под основным ударением фонетической синтагмы или фразы; например: абстракциони́зм — абстракц[ыа]ни́зм, *в беглой речи возможно* абстракц[а]ни́зм; веле́[н’и]е *и* веле́[н’й]е, *в беглой речи возможно* веле́[н’н’]е *и* веле́[н’]е; дли́нный — дли́[нн]ый, *в беглой речи возможно* дли́[н]ый; мадем[уа]зе́ль, *в беглой речи возможно* мадем[а]зе́ль; [сцы^{э}]ни́ческий, *в беглой речи возможно* [ссы^{э}]ни́ческий; чароде́йс[тф], *в беглой речи возможно* чароде́йс[т].

Использование в подобном значении пометы *в беглой речи возможно* нельзя признать удачным, так как значение слова *беглый* — ‘совершаемый быстро’ — «намекает» на то, что подобные варианты характерны только для убыстренного темпа речи, что неверно.

В русском языке есть небольшой круг лексем, которые часто употребляются в компрессированном виде — [п’и^{е}и^{е}]ся́т (*пятьдесят*), [ты́ш’:ə] (*тысяча*), [ско́кə] (*сколько*) и др. Отличие этих фактов от описанных выше орфоэпических вариантов, снабжаемых пометой *в беглой речи возможно*, в том, что компрессивы (термин, предложенный Р. Ф. Касаткиной [Касаткина 2007]) характерны для разных типов речи и разных фразовых позиций. В [БОС] они сопровождаются пометой *в беглой речи обычно*. Несомненно, такая помета является условностью, так как появление компрессивов возможно и не при убыстренном темпе речи, хотя и более характерно для него.

Такой подход действительно дает возможность лексикографам описать и нормативно оценить огромный массив слов, подверженных компрессии. Но это происходит на уровне констатации фактов и почти не объясняет природу подобных явлений.

Как уже было сказано, авторы БОС связывают распределение вариантов произношения с качеством фразовых позиций, в которые попадают слова, а также с темпом речи, считая, что второе часто, но не обязательно сопровождает первое. Но как не раз отмечалось в работах разных исследователей, темп речи вовсе не обязательно влечет за собой наличие/отсутствие звуковых компрессий. Например, С. В. Кодзасов писал, что «утрата части элементов звуковой последовательности не является обязательным следствием ускорения темпа речи», что «фонетический эллипсис наблюдается и в медленной речи» [Кодзасов 1973: 110–111].

Некоторые исследователи считают, что компрессиям подвергаются в первую очередь частотные и особенно сверхчастотные слова, а более редкие — подвергаются редуцированию в меньшей степени. Так, был создан специальный «Словарь редуцированных форм русской речи» [Стойка 2019]. В этом словаре описано произношение всего 100 слов, служебных и знаменательных, сверхчастотных,

подвергающихся в речевом потоке разного рода редукциям и имеющих в большинстве случае письменную фиксацию в компрессированном виде в текстах художественной литературы (*естессно, можбыть, так скать, чесслово* и т. д.). Основой этого словаря стало представление о том, что «и в само́м языковом ядре можно выделить своего рода *“сверхъядро”* — пласт сверхчастотной лексики (служебные слова, имена числительные, некоторые наречия или глагольные формы), которая устойчиво подвергается в речи сильной редукции и функционирует преимущественно не в своих “идеальных” фонетических обликах, а в редуцированных вариантах, иногда даже более распространенных и узнаваемых, чем “идеальные”, “словарные” (ср. *сейча́с* — /š:’ás/, *пятьдеся́т* — /p’ijs’át/, *говори́т* — [g(ъ)r’ít] и т. д.)» [Богданова 2002: 4].

Практически все помещенные в этот словарь единицы соответствуют понятию *компрессивов* — то есть они могут употребляться в деформированном виде в любых обстоятельствах, в разнообразных фразовых позициях, при любом темпе речи и быть не менее, а иногда и более частотными, чем нередуцированные формы слов.

С. В. Кодзасов писал, что «сокращенные формы в какой-то момент перестали быть связаны с быстрым темпом, превратились в самостоятельные явления». Как кажется, представление о том, что отдельные редуцированные слова «превратились в самостоятельные явления», перестав быть производными от быстрого темпа речи и качества позиции, следует относить именно к компрессивам, а не к компрессированным формам слов. Компрессивы стремятся лексикализоваться, они находятся на пути отрыва от исходного фонетически нередуцированного слова и постепенно превращаются в отдельные слова. Например, согласно [РОС], слово *тыща* уже «оторвалось» от *тысяча* и подается в отдельной словарной статье. Все это позволяет противопоставлять их компрессированным формам слов.

Возвращаясь к вопросу о возможности отражения в словарях явлений фонетической компрессии, которые в разных концепциях приписываются разным языковым подсистемам — разговорная речь, устная спонтанная речь, устная литературная речь, хочется высказать предположение, что в орфоэпических словарях обычного типа (а не специализированных, как [Стойка 2019]) следовало бы давать информацию именно о компрессивах, а не о компрессированных формах, в том понимании этих терминов, как было показано выше. К критериям отнесения редуцированных произносительных форм к компрессивам — частотность употребления в сокращенном виде, возможность использования в любых речевых ситуациях, в сильных и слабых фразовых позициях, при любом темпе речи — следует, возможно, добавить еще один — *узнаваемость вне контекста*. Если слово *здравствуйте* редуцировано в потоке речи до [здрас’т’и], [драс’т’и], [здрас’т’], [драс’т’], оно опознается носителем языка без знания контекста и ситуации. Но произношение [дрс’] (а такие факты фиксировались) в изолированном употреблении невозможно связать с исходной полной формой и вряд ли его стоит кодифицировать, оно полностью ситуативно. Простое перечисление в словарной статье всего диапазона возможных сокращенных вариантов не является информативным для пользователя, так как

невозможно в лексикографическом представлении связать ту или иную редукцию с породившими ее факторами. Компрессивы же обычно не обладают большим разнообразием звуковых вариантов и будут адекватно восприниматься читателями при их отражении в словаре, они узнаваемы. Но перед лексикографами при реализации предложенного подхода будет стоять очень сложная задача фиксации всех возможных редуцированных вариантов слова и их деления на *компрессированные формы* и *компрессивы*. Формулирование всех критериев различения указанных групп слов — вопрос будущего.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983. 704 с.

Богданова Н. В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка: автореферат дис... докт. филол. наук. С.-П., 2002. 40 с.

Вещикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М.: Флинта, 2021. 310 с.

Вещикова И. А. Стилистическое измерение в орфоэпии // Актуальные проблемы стилистики. 2016, № 2, сс. 71–83.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с.

Земская Е. А. (ред.) Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1973. 485 с.

Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. М.: Русский язык Медиа, 2005. 892 с.

Каленчук М. Л. Существует ли феномен разговорного ударения? Русская речь, № 2, 2023. С. 21–28.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М.: Русский язык, 1997. 466 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Основные принципы «Большого орфоэпического словаря русского языка» // Слово и язык: Сборник в честь 80-летия Ю. Д. Апресяна, М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 581–592.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.

Касаткина Р. Ф. Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русском языке // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции. Москва, 2007. С. 99–103.

Кодзасов С. В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М. 1973. С. 3–23.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры. 2014. 776 с.

Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М.: Астрель, 2007. 680 с.

Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. / Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020. 896 с.

Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. М.: Астрель, 2003. 1182 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл., М.: АСТ ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 368 с.

Свиридова М. Н. (ред.) Орфоэпический словарь современного русского языка. Под ред. М. Н. Свиридовой. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Стойка Д. А. Словарь редуцированных форм русской речи. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 102 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт 2004. 762 с.

M. L. Kalenchuk
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mkalenchuk@yandex.ru

COLLOQUIAL PHONETICS AND LEXICOGRAPHY

The article attempts to show how modern orthoepic dictionaries present the facts of colloquial phonetics, what problems arise in this case and whether alternative lexicographic solutions can be proposed. An almost complete disregard of the issues of the pronunciation specifics of colloquial speech by modern lexicography is not accidental — it is due to the lack of the development of the theoretical aspects of colloquial phonetics, the controversy of many normative interpretations, and the vagueness of the phenomenon itself. Most modern orthoepic dictionaries use the colloquial tag in one form or another, linking its content with the extralinguistic characteristics of the speech situation. The analysis shows that information about colloquial pronunciation variants is mostly given in dictionaries non-systemically and is a random set of examples. When using the opposition colloquial speech — codified standard language, it is impossible to fully and consistently describe such phenomena in dictionaries and for lexicography this approach should be considered unproductive.

Linguists are actively discussing the influence of factors such as the pace of speech, the nature of phrasal positions and the frequency of vocabulary on the emergence of pronunciation variants with the dieresis of individual sounds or their combinations, while

it is necessary to distinguish between compressed forms of words (pronunciation variants occurring at a fast pace of speech, including speech in a weak phrasal position) and compressions, which are characteristic of different types speech, different phrasal positions, manifest at any pace of speech, and belong to the super-frequency vocabulary. It seems it is compressions that should be codified in orthoepic dictionaries.

Keywords: colloquial speech, lexicography, codification, pronunciation norms, norm variants, compressed variants, compressions

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 704 p. (In Russ.)

Bogdanova N. V. *Fonologicheskaya model' slova v sootnoshenii s leksicheskoi sistemoi russkogo yazyka* [Phonological model of the word in relation to the lexical system of the Russian language]: Diss. ... dokt. filol. nauk. S.-P., 2002. 40 p. (In Russ.)

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical Dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms] / N. A. Es'kova, S. N. Borunova, V. L. Vorontsova; 10-e izd., ispr. i dop. Moscow, AST, Lingua Publ., 2015. 1007 p. (In Russ.)

Ivanova T. F. *Novyi orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [New Orthoepical Dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. Moscow, Russkii yazyk Media Publ., 2005. 892 p. (In Russ.)

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Cheltsova L. K., Nechaeva I. V., Lopatin V. V. Ed. by Lopatin V. V., Ivanova O. E. Moscow, AST-PRESS Publ., 2020. 896 p. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Is there a phenomenon of conversational stress?] *Russkaya rech'*, № 2, 2023, pp. 21–28. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. *Slovar' trudnostei russkogo proiznosheniya* [Dictionary of difficulties of Russian pronunciation]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1997. 466 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. [Basic principles of the "Big Orthoepic Dictionary of the Russian Language"] *Slovo i yazyk: Sbornik v chest' 80-letiya Yu. D. Apresyana*, Moscow, YaSK Publ., 2011, pp. 581–592. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [Comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1008 p.

Kasatkina R. F. [Compressed word forms and phrasal positions in Russian] *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii Vmezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2007, pp. 99–103. (In Russ.)

Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoi ehkspressivnoi rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. SPb.: Norint Publ. 2004. 762 p.

Kodzasov S. V. [Phonetic ellipsis in Russian colloquial speech] *Teoreticheskie i ehksperimental'nye issledovaniya v oblasti strukturnoi i prikladnoi lingvistiki*. M. 1973. pp. 3–23. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian Colloquial speech]. Vyp. 1, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 2014. 776 p.

Kurilova A. D. *Tolkovyi slovar' razgovornogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the 'spoken Russian language]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, 680 p.

Reznichenko I. L. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie* [Orthoepic Dictionary of the Russian language: Pronunciation. Accent]. Moscow, Astrel' Publ., 2003. 1182 p.

Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka. 5–9 kl* [Dictionary of accents and pronunciation of words of the Russian language], Moscow, AST PRESS SHKOLA Publ., 2021, 368 p.

Stoika D. A. *Slovar' redutsirovannykh form russkoi rechi.* [Dictionary of reduced forms of Russian speech].S.-P.: A. I. Gertsen Pedagogical State University Publishing House, 2019. 102 p. (In Russ.)

Sviridova M. N. (ed.) *Orfoehpicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Orthoepical dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 512 p. (In Russ.)

Veshchikova I. A. *Orfoehpiya: osnovy teorii i prikladnye aspekty* [Orthoepy: fundamentals of theory and applied aspects]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 310 p.

Veshchikova I. A. [Stylistic change in orthoepy] *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2016, № 2. P. 71–83. (In Russ.)

Zemskaya E. A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech] / Pod red. E. A. Zemskoi. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.10

Е. С. Кара-Мурза
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
Kara-murza-elena@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СПЕКТР РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ СТИЛЯ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ОППОЗИЦИЮ РАЗГОВОРНОСТИ И КНИЖНОСТИ

В данной работе *разговорность* рассматривается как стилистическая/ риторическая категория, как одна из основных «красок» русского языка в журналистике. *Разговорность* — примета диалогичности как стратегии обратной связи с аудиторией, свидетельство журналистского профессионализма. В то же время, реализуясь через ненормативные элементы языка (просторечие, жаргонизмы), разговорность в СМИ может восприниматься и как показатель невысокого уровня речевой культуры автора или издания. Представляется перспективным рассмотреть данную категорию в оппозиции *разговорность — книжность* как стилистико-типологическую черту, вслед за И. П. Лысаковой, и как культурно-речевую характеристику — на примере российской журналистики стиля жизни. Она дифференцируется, во-первых, по функциям и тематике: новостной и гендерный глянец, фэшн- и трэвел-журналистика, городские журналы, телегиды и гиды выходного дня. Во-вторых, по качеству контента и оформления, по типу и характеру аудитории: «глянец» (массовый, элитарный и таблоидный) и «матовый» лайфстайл. Полюс разговорности занимают таблоиды, а полюс книжности — «матовые издания». Сниженность (как вариант реализации категории разговорности) является социостилистической нормой в молодежном и мужском «глянце» и (на наш взгляд) отклонением от сложившихся традиций — в женском «глянце».

Ключевые слова: разговорность, книжность, журналистика стиля жизни, качественная журналистика, стилистическая типология

В книге «Русский язык в его функциональных разновидностях» Д. Н. Шмелев писал, что «заданная самим характером и назначением речи экспрессивность сближает публицистический стиль с разговорной речью и в отдельных моментах с речью художественной» [Шмелев 1977: 63]. В свою очередь разговорность — это категория стилистическая [Барышева, Клушина 2022: 23–29] или эстетическая в художественной речи и риторическая — в СМИ [Сиротинина 1998: 348–353].

Она изучалась на материале разных направлений СМИ [Власян 2013: 108–111]. В данной работе предметом анализа послужат издания т. н. журналистики стиля жизни (далее ЖСЖ).

Начнем обсуждение с типологической характеристики ЖСЖ, которая задает экстралингвистическую объяснительную рамку. Медиатипология — наука одновременно теоретическая и практическая: типологические описания предназначены не только для изучения существующей медиасистемы, но и для разработки новых изданий, а также для поиска новых эффективных рыночных ниш медиадискурса.

В отечественной теории принято различать новостную, аналитическую, развлекательную/ досуговую журналистику. В досуговую, наряду с другими направлениями, входит журналистика стиля жизни; иначе говоря — лайфстайл-журналистика [Журналистика сферы досуга 2012]. Это сравнительно новое в российских СМИ развивающееся направление, возникновение которого в 90-х гг. XX в. было названо «глянцевым поворотом» [Полонский 2017: 123–136]. И, соответственно, это одна из востребованных вузовских журналистских специальностей [Дускаева, Цветова 2011: 178–183].

ЖСЖ в свою очередь весьма разнообразна: в ней есть новостной (Starhit, Hello!, ОК!) и «нарративный» сегмент (Story, «Караван историй»). Тема моды отражена в fashion-журналистике (Vogue). Социодемографическая дифференциация аудитории отражается в изданиях гендерных: женская (Cosmo, The Voice) и мужская (Maxim, «Медведь»); молодежных (YES!, «Птюч», MINI, «Таврида ART»); городских («Большой Город», Moskvich.Mag). Особый функционал у телегидов («7 дней») и у гидов выходного дня («Афиша», TimeOut), гастрожурналистики и ресторанной критики («Еда») [Кара-Мурза 2023]. «Глянцевые» издания традиционно содержат много рекламы, за что их критикуют читатели и медиаисследователи: ЖСЖ «встроена» в продвигающие коммуникации [Кара-Мурза 2017: 296–297]. Однако за последние десятилетия культура потребления и образ жизни меняются — от потребления демонстративного (в элитах и в массах) к самоограничительному и осознанному. Это проявилось в возникновении нового сегмента ЖСЖ, называемого Slow media или «матовый лайфстайл»; например, в таких зарубежных изданиях, как Kinfolk, и отечественных — Seasons of Life, «Сноб» [Андреева 2019].

В теории журналистики типоформирующими признаками издания считаются учредитель, цели и задачи и читательская аудитория [Типология прессы 2019: 12]. Учитывается и язык — как один из объективно-субъективных параметров: типологическая особенность издания и одновременно его индивидуальная черта. Язык рассматривается как обобщающая характеристика для разных направлений: «журналы в системе СМИ различаются и по такому параметру, как особенности «языка» и методов работы (журналы научные, литературные, научно-популярные, «визуализированные», дайджесты и др.)». [Типология периодической печати 2009: 81]. В 2016 г. руководительница тематического модуля «Журналистика стиля жизни» журфака МГУ С. Ю. Сидорова назвала главными составляющими ЖСЖ тему, язык, читателей, героев, форматы, жанры и технологии [Медленная жизнь лайфстайл-журналистики 2016]. На вопрос интервьюера:

«Каковы особенности языка лайфстайл-журналистики?» — она ответила так: «Все зависит от аудитории. Простой, доступный язык, интересно рассказанная история — вот что останавливает читательское внимание. Писать на языке, понятном ребенку и человеку почтенного возраста, — достоинство издания. На мой взгляд, личная интонация объединяет все лайфстайл-проекты» [Андреева 2019].

В отечественной лингвистике идея языка как типологической характеристики издания была сформулирована И. П. Лысаковой еще в 80-х гг. XX в. на материале раннесоветской (1920-е гг.) и позднесоветской (1970–1980-е гг.) прессы [Лысакова 1981]. Исследовательница предложила понятие языковой модели издания с социолингвистическими переменными. Она писала, что под воздействием экстралингвистических факторов (каковы типологические признаки издания) изменяются такие компоненты выпуска газеты, как наименования тематических полос и рубрик; объем и семантика заголовочных комплексов, а в текстах — соотношение способов изложения, особенностей лексики (соотношение лексики общеупотребительной и специальной, абстрактной и конкретной, нейтральной и эмоциональной, разговорной и книжной) и синтаксиса (разговорные и книжные структуры, компрессия и расчлененность). С учетом двух типов тогдашних авторов (профессиональных журналистов и рабселькоров — при этом напрашивается сравнение с сегодняшними блогерами) автор увидел корреляции между языком издания и его типом и по семантическому параметру «абстрактность/ конкретность содержания», и по стилистическим параметрам «разговорность/ книжность», «оценочность/ нейтральность» [Лысакова 1989]. Эти языковые переменные, как мы покажем в дальнейшем изложении, «работают» — с поправками на смену эпох и медиасистем — и в современной ЖСЖ.

Из идеи И. П. Лысаковой о типологической значимости языка/ стиля выросла наша идея стилистической типологии, которая дополнительна к медиатипологии и способствует лучшему пониманию речевого облика и конкретного издания, и направления в целом. Стилистический выбор мотивирован не только 1) авторской волей, не только 2) законами жанра, но и 3) стилевой концепцией/ языковой моделью издания 4) в рамках направления СМИ. Типологический подход помогает конкретизировать анализ, интерпретацию и оценку медиатекстов [Кара-Мурза 2008: 43–79].

В нашей типологии важный параметр — социолект [Крысин 2021: 36], точнее — отражение в публикациях СМИ социально мотивированных авторских стилей/ идиолектов и стилизация «языков» целевых аудиторий. Из этого складывается язык издания как коллективного ритора (по выражению Ю. А. Рождественского).

Наш анализ показывает, что, в соответствии с разнообразием направлений внутри ЖСЖ, разнообразны их «языки», более или менее определенными видятся стилистические тенденции. А кроме того, у разных изданий даже в пределах одной ниши обнаруживаются разные языковые предпочтения.

Итак, считая, вслед за И. П. Лысаковой, разговорность и книжность парным стилистико-типологическим показателем, опишем его проявления в письменных публикациях нескольких изданий из разных ниш ЖСЖ.

Обратимся к социодемографическим изданиям: здесь этот показатель встраивается в гендерные и молодежные социолекты.

(1) ДЖЕНТЛЬMAN, #1, январь-февраль 1995, редакционная статья главного редактора Михаила Соколова:

«ГОСПОДА ЧИТАТЕЛИ!

Искренне надеясь, что в нашем обществе благородные мужчины еще не перевелись, мы, как и обещали, к Рождеству представляем на ваш суд первое иллюстрированное приложение к журналу «Бизнес-класс».

Новое издание рассказывает о мужчинах и предназначено для них, но, по-видимому, не для всех подряд, а именно для благородных, иными словами, джентльменов, или по крайней мере для тех представителей «сильного пола», кто стремится стать таковыми. (...) На наш взгляд, бизнес — вещь благородная, и делать его должны джентльмены. Джентльмен стал признаком и основой любой цивилизации. Причем позвольте выразить уверенность в том, что в наше время признаком самого джентльмена становится не знатное происхождение, а благородство души, поступков и всего человеческого облика».

В этом обращении предъявляется концепт «маскулинность», выполняется одна из основных функций лайфстайл-журналистики — формируется образ жизни, обусловленный гендерной идентичностью целевой аудитории. Данное издание предлагает его в «сословном» понимании и в книжной стилистике: поиски новой, постсоветской идентичности россиян (в том числе в гендерном аспекте) часто велись в предыдущих исторических эпохах или в инокультурных пространствах (как это проявилось в первом российском деловом издании «КоммерсантЪ»).

(2) *«Настоящий мужской журнал **МЕДВЕДЬ**»* — такова самохарактеристика еще одного российского издания, которое выходило с 1995 до 2023 г.

В #4(19) за 1997 г., рубрика *Internetновости,* публикация с заголовком ***Net@address***: *«Менять адреса, как старый большевик-подпольщик, теперь сможет каждый любитель «Интернета». В Сети появилось множество служб, готовых предоставить всем подключенным к «Интернету» бесплатный адрес e-mail. На WWW-страницах, предоставляющих почтовые услуги, можно читать и редактировать письма, сортировать почту по «папкам», а также скачивать с них свежую корреспонденцию на свой компьютер. (...) Вот только существо с толстой сумкой (кенгуру?) в дверь больше не постучит; так бывает, когда слишком часто меняешь адреса. Чтобы друзьям и близким каждый день не приходилось заучивать ваш новый электронный адрес, лучше позаботиться о постоянных координатах в «Интернете». Этого можно добиться с помощью странички http://www.netforward.com. Эта служба будет бесплатно поддерживать для вас «вечный» адрес типа: НаДеревню@Дедушке.com. (...) За бесплатными адресами обращайтесь на серверы: http://www.hotmail.com., http://www.netaddress.com. http://www.juno.com., http://www.geocities.com.*

Текст посвящен техническим новинкам — «мужским игрушкам», поэтому здесь много соответствующей терминологии как маркера мужского гендерлекта, общего для журналистов и читателей. Новость имеет продвигающий характер, построена как квазидиалог, как совет читателям и подана юмористически: новации в почтовой службе (*существо с толстой сумкой (кенгуру?) в дверь больше не постучит*) описываются через отсылку к стихотворению «Почта» известного советского поэта С. Я. Маршака (1927); гипотетический «вечный адрес» формулируется по А. П. Чехову — «на деревню дедушке Константин Макарычу». Многоуровневая аллюзия демонстрирует высокий образовательный уровень автора и целевой аудитории; стилистически здесь также доминирует книжность.

Разговорность/ сниженность как признак мужского журнала реализуется за счет жаргонизмов — яркой нонконформистской краски.

(3) Российский вариант интернет-издания MAXIM Online позиционирует себя «как путеводитель по миру мужских фантазий, идей и героев». В рубрике «ИСТОРИИ» 4 февраля 2020 г. опубликована просветительская статья про русские жаргоны (републикация статьи 2010 г.). Вот ее заголовок и лид:

Слова паразитов: как рос и хорошел молодежный жаргон последние 60 лет. *Мы надринчились до крейзы и решили отследить метаморфозы молодежного сленга за последние полвека. По ходу вышло круто. Втыкай! https://www.maximonline.ru/longreads/slova-parazitov-kak-ros-i-khoroshel-molodezhnyi-zhargon-poslednie-60-let-id480674/*

Публикация ироничная, что характерно для этого издания. Автор текста, Гай Серегин, сделал из устойчивого выражения «слова-паразиты» псевдокритическое обозначение молодежного жаргона как языка *«паразитов»* — с отсылкой к советскому идеологическому штампу; а формулировка «рос и хорошел» отсылает к мему про Москву, которая «хорошеет». Автор пишет на молодежном жаргоне, в котором есть и англицизмы, и русские слова в переносном значении, как в призыве-совете: *«Втыкай!»*. Он показывает хорошее знакомство с темой и обнаруживает диглоссию, владение несколькими функциональными разновидностями русского языка как родного — умение, профессионально важное для журналиста.

(4) Приметы женского гендерлекта мы видим в раннем отечественном глянце — в журнале *«ОНА стремится к совершенству»*, рубрика «МОДА» публикация под заголовком «ПЕСТРЫЙ МИР», 1999, # 3, март:

«Как здорово, что жизнь так стремительна и многолика, что мы живем в таком пестром мире, что мода изменчива и полна сюрпризов, а к концу века особенно капризна. У нас есть великолепная возможность выбирать из этого буйства свой образ стиль или бесконечно его менять. Экспериментируйте!»

В названии журнала совмещены обозначение целевой аудитории (женской) и косвенный комплимент в ее адрес. В тексте как будто звучит женский голос: *«Как здорово...!»*; текст эмоционально насыщен, демонстрирует лексическое и синтаксическое богатство.

Читательницы чутки к стилистике адресованных им изданий.

(5) Когда в 2012 году главным редактором журнала SNC стала Ксения Собчак, она расшифровала название как Style News Comments и так охарактеризовала его целевую аудиторию: *«молодые девушки в большом городе», «хипстерши в хорошем смысле этого слова, которые интересуются модными тенденциями, ходят в клубы, но и не забывают про хорошие книжки, выставки и театры». «Мы ориентируемся на девушек прогрессивных и с хорошим вкусом. Мы хотим показать нашим журналом, что мода бывает не линейна»* https://ria.ru/20120829/732977211.html.

Подобные устремления в отзовиках оценивались позитивно: *Kleo2013 Современный, умный, стильный журнал от Ксении Собчак! ...тут и словарь с ключевыми понятиями современной культуры и рекомендации по выбору подарка бойфренду и культурная программа (...), и знакомство с книгой месяца*. https://irecommend.ru/content/sovremennyi-umnyi-stilnyi-zhurnal-ot-ksenii-sobchak

Экспертную характеристику журнала для того времени, когда SNC возглавляла Наталия Архангельская (с 2014 до 2018 г.), предложила С. Ю. Сидорова: «Ребята всегда экспериментировали с формой, находили близкий для молодого и дерзкого читателя формат и язык, которые позволяли журналу выделяться среди прочих, их обложку нельзя было спутать ни с одной другой» https://jrnlst.ru/2019/09/17/6173/.

Судя по самохарактеристике, *«SNC — единственный в стране умный глянец, не заискивающий перед читателями. Сделанный не по франшизе, без иностранных владельцев, SNC — самый гибкий, быстрый и живучий организм на современном рынке глянцевых СМИ»* (https://kiozk.ru/magazine/snc/7408).

Однако в этом издании обнаруживались и фамильярность, и даже намеренная грубость в адрес аудитории, что не могло не вызывать ее ответной реакции

(6) Результаты теста о том, хорошо ли читательницы знают мир моды, были сформулированы так: *«Если вы угадали 3–5 ответов. Поздравляем, в вопросах моды вы конченый лох. Если вы угадали 6–9 ответов. Поздравляем, вы что-то знаете, но редактором моды Вам не быть»*.

Отклик: *Пелагея Свидерская. Не покупала такую прессу, и, думаю, теперь уж точно вряд ли куплю... результаты теста — вообще кошмарный слэнг (...никуда не годится...)* https://irecommend.ru/content/sovershenno-ne-ponyatno-dlya-kogo-etot-zhurnal-skoree-vsego-dlya-glamurnykh-podruzhek-ksenii

В # 9 журнала SNC за 2018 в рубрике COMMENTS МНЕНИЯ Юлия Пош так описывает Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ)*: «Экономические форумы — не только миллиардные контракты, но также отжиг, угар и ярмарка невест. Сколько стоит найти бизнес-мужа и стоит ли эта овчинка выделки? Смотавшись на ПМЭФ, SNC разузнал для вас всё»*. https://all-journals.com/zhurnaly/zhenskie-zhurnaly/3563-snc-9-sentyabr-2018.html

Негативнооценочный жаргонизм *«конченый лох»* в интерактивном жанре теста (т. е. фактически адресованный читающей публике) или нарочитый стилистический

контраст молодежных жаргонизмов «*отжиг, угар*» и пушкинской прецедентной цитаты «*ярмарка невест*» являют собой, на наш взгляд, нарушение именно гендерной нормы (помимо того, что их можно оценить как избыточную экспрессию — используем этот термин в понимании В. Г. Костомарова). Нам кажется продуктивным понятие «социолингвистическая норма» из книги Л. Б. Никольского «Синхронная социолингвистика» [Никольский 1976]: оно позволяет применять эту категорию в том числе к гендерлектам и усматривать в речи женщин — медийных персон — или в некоторых женских изданиях отклонение от нормы. Но в этом (как и в матерщине у представителей политической и культурной элиты) проявляется некая масштабная социостилистическая тенденция российского общества [Кара-Мурза 2001], — и это заслуживает специального обсуждения.

(7) Яркой и неоднозначно оцениваемой краской в языковой палитре отечественных СМИ является заимствованная лексика, составляющая основу молодежного жаргона и профессиональной речи современных музыкантов:

«Журнал нового поколения «Yes!», март 1999, рубрика «ФИЛЬТР», рецензия «ТАЩИСЬ, BABY! CD месяца»:

«MORCHEEBA. Who can you trust? Beets and b-sides»: «Set объединяет переизданную первую пластинку английской группы и собрание b-sides. Меломан, прослушав диск, непременно бы произнес — медленный трип-хоп, а «Yes!» скажет тебе, что это клевая музыка для любого случая, будь то тусовка или разговоры по душам. Что особенно ценно, она в кайф и в одиночестве. Это говорит о бесспорном качестве музыки».

И еще одна аналитическая позиция, которую следует затронуть в стилистико-типологическом анализе ЖСЖ, — это идиолект, язык/ стиль ее авторов. Для лайфстайл-журналистики особенно значима фигура главного редактора, а основной и специфический жанр — это письмо главного редактора, по традиции открывающее каждый номер.

(8) Сергей Мостовщиков, главный редактор московского городского журнала «Столица», делится со своими читателями размышлениями на актуальную в те времена (апрель 1997) рыночную тематику:

«Тут на днях меня спросили:

— Товарищ! Вот журнал ваш, "Столица", он на какой сегмент рынка рассчитан?

(...) после этого удивительного случая пошел я справки наводить. И все счастливо разъяснилось. Оказывается: спрашивали меня, для кого мы делаем наш журнал, кто его покупает? Бизнесмены, дворники, педиатры, школьники, рекламодатели, ненцы, повара, трикотажники или прапорщики? Каким, так сказать, слоям населения адресованы наши словесные упражнения, лишенные политики, убийств и анализа общих тенденций на рынке переводного и простого векселя на бумажном носителе? Кто такой журнал в Москве станет читать?

Я когда все это выяснил, у меня буквально от сердца отлегло. Это же ежу понятно. Читать журнал будет тот, кто буквы знает. А тот, кто буквам не обучен, он же ни черта не поймет. Это я вам точно говорю. Можете мне поверить».

Советизмы (*товарищ, слои населения)* взаимодействуют с терминологией возникающего российского медиарынка *(на какой сегмент рынка рассчитан журнал «Столица»?).* В заочной беседе автора с читателями наивно-абсурдистское описание целевой аудитории этого издания *(бизнесмены, дворники, педиатры, школьники, рекламодатели, ненцы, повара, трикотажники или прапорщики)* соседствует с квазидиалогическими грубоватыми оборотами «*это ежу понятно»* и *«ни черта не поймет»*, которые в разных словарях имеют пометы «*прост.*», «*сниж.*» или «*разг.*». Профессиональная рефлексия автора — постсоветского интеллигента оформлена в шутливой манере, со смешением разговорной и книжной стилистики, под маской простака [Крысин 2001: 90–106].

Книжность и разговорность являются не только стилистико-типологическими характеристиками изданий (в том числе ЖСЖ), но и показателями культурно-речевыми. Профессиональная культура речи журналиста обсуждалась на конференции «Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ», которая дважды проходила на факультете журналистики МГУ [Вартанова 2016: 5–8].

Издания, которые находятся в одной и той же нише, могут демонстрировать разный — высокий и низкий — уровень профессиональной культуры речи. Покажем это на примерах из российских изданий «новостного глянца» — **ОК! и Starhit**.

(8) *ОЛЬГА БУЗОВА, ХАННА, ХАБИБ СТАНУТ УЧАСТНИКАМИ ФЕСТИВАЛЯ «БЛОГЕРЫ РОССИИ» На площадках фестиваля в пяти городах появятся зоны VK Клипов и VK Музыки, которые добавят интерактива и помогут гостям лучше узнать любимых блогеров и их секреты создания контента. Старт — 12 июня.* 09.06.2022 https://www.ok-magazine.ru/style/afisha/279411-vk-blogery-rossii

ОК! — британский журнал о жизни знаменитостей, выходящий в более чем 20 странах мира; его российский вариант открылся в 2006 г. Данная новость-прогноз имеет фактологичный заголовок, стандартную композицию (новостной повод + бэкграунд + подробности); написана в стилистически нейтральной манере, с несколькими экспрессемами (*«зоны VK Клипов и VK Музыки ... добавят интерактива и помогут гостям лучше узнать любимых блогеров и их секреты создания контента»)* и без ошибок.

(9) Журнал ***Starhit*** был создан в 2007 г. Андреем Малаховым — ведущим самых популярных и скандальных ток-шоу. Ольга Бузова — «поющая телеведущая» и блогер с 23 миллионами подписчиков — одна из постоянных его героинь.

24.07.2022 этот журнал опубликовал «новость» о ее участии в вышеупомянутом фестивале под заголовком, включающим негативные комментарии

зрителей и читателей ***««Как колбаса-вязанка»: публика высмеяла выход Ольги Бузовой в костюме тигрицы с открытой попой»***. Первый абзац гласил: *«Ольга Бузова определенно умеет становиться главным инфоповодом. Вот и сегодня поющая ведущая привлекла тысячи взглядов не только на фестивале в Москве, но и *стать персоной номер один, обсуждаемой в соцсетях, благодаря выбору наряда. (...)»*.

В цитатном заголовке дана нелицеприятная «народная» оценка того, как выглядит одна из главных героинь Starhit. Автор заметки как будто сплетничает о личной жизни звезды шоу-бизнеса с читателями, фамильярно разговаривая на общем с ними языке. Это типичная для данного издания новость и типичная манера подачи, т.е. его стилистическая норма. Заголовок, на наш взгляд, неэтичный: здесь и обзывательство «*колбаса-вЯзанка*» в адрес главного персонажа, и акцент на телесном низе с использованием «детского словечка» «попа». В ТСРЯ С. И. Ожегова оно имеет стилистическую помету *«разг.»*, т. е. формально не выходит за пределы литературного языка. Однако его употребление не соответствует русским традициям, в которых не принято публично обсуждать телесность (на фоне традиционной же активности матерщины). В первом абзаце допущена двойная ошибка — логическая и синтаксическая; это может быть и опечаткой, следовательно, редакция не обеспечивает вычитку перед размещением текста на сайте. Но, судя по тому, что в рейтингах цитируемости от компании «Медиалогия» «Starhit» стабильно занимает первое место, эта стилистика нравится и коллегам по лайфстайл-медиа, и аудитории; предположительно, она (наряду с другими усилиями редакции) обеспечивает эффективность взаимодействия с ЦА, в конечном счете влияя на доходность этого медиапроекта. Здесь наблюдается конфликт норм — с одной стороны, нормы стилистической (нормы эффективности), с другой — нормы литературной (нормы правильности), а с третьей — нормы этической (когда уважение к персонажу приносится в жертву неразвитым вкусам массовой аудитории) [Кара-Мурза 2010].

Что касается информации об Ольге Бузовой в других журналах лайфстайл, то, например, в «матовом» Seasons of Life она отсутствует, а в российском варианте британского Tatler появляется редко:

(10) ***«Жан-Поль Готье выразил готовность создать костюмы для шоу Ольги Бузовой».*** *Радостной новостью певица поделилась с 20 миллионами поклонников в инстаграме».*

В этой новости главным персонажем является отнюдь не звезда российского шоу-бизнеса, а всемирно известный эпатажный кутюрье; текст стилистически нейтрален, в нем отсутствуют ошибки, что соответствует статусу издания.

Таким образом, оппозиция «разговорность — книжность» обнаруживает культурно-речевой, квалифицирующий потенциал, и позволяет соотнести стилистическую типологию с еще одной медиаклассификацией, в которую встроен языковой/текстовый показатель, — с разделением журналистики 1) на качественную (аналитическую, с социально-политической повесткой, с глубоким анализом, с серьезным

тоном и сложным языком), 2) на массовую и 3) на «бульварную»/ таблоидную (с развлекательной повесткой, с языком фамильярным и простым).

В современной теории журналистики *качество* рассматривается как особая аксиологическая категория. Она применяется с маркетингово-экономической и с содержательно-концептуальной точки зрения к целой области СМИ (например, к газетной журналистике), к ее отдельному изданию и к отдельному тексту: «показатели качества включают и свойства продукта, и его влияние на потребителей и среду» [Иващенко 2009: 8]. В число таких показателей автор включает стилистико-языковую модель. К самым значимым критериям качества автор относит достоверность информации, грамотный русский язык, литературный стиль, объективность материалов, уважение читателей, актуальность, ненавязывание своего мнения, независимость, нравственные установки редакции. Вывод: «Особенности построения и восприятия текста заранее предопределены, ограничены нормами языка, речевых жанров и культуры» [там же: 20].

Типология СМИ по качеству (quality) [Шишкина, Хваленя 2021: 27–33] применяется и в стилистике: Н. И. Клушина использует ее в своей интенциональной дифференциации медиадискурса, которая соотносится с разделением журналистики на новостную, аналитическую и досуговую/ развлекательную: «Подобная типология основана на *адресате* и тиражах. Дать целостную характеристику массмедийного пространства, на наш взгляд, можно только с учетом дискурсных категорий *адресанта* и *адресата* и глобальной дискурсной *интенции.* Это информационный/ новостной дискурс (интенция информирования), публицистический/ тенденциозный, включающий в себя аналитические материалы (интенция убеждения), и дискурс развлечения (интенция развлечения). / Информационный и публицистический дискурсы продуцируются в основном качественными и массовыми СМИ, развлекательный — массовыми и желтыми <...> Таксономически значимыми для описания выделенных нами субдискурсов в структуре медиадискурса являются идеологическая, стилистическая и эмоциональная доминанты» [Клушина 2013: 40–45].

К развлекательному дискурсу/ к развлекательной/ досуговой журналистике (в которую входит и ЖСЖ) характеристика «качественная» обычно не применяется, поскольку цели ЖСЖ (просвещение о стилях жизни, о потребительских предпочтениях, в также развлечение на основе гедонизма и эскапизма [Тихонова 2019]) признаются менее важными, чем социальная миссия журналистики новостной и аналитической (формирование общественного мнения, обеспечение социальных связей внутри государства, внутри гражданского общества).

Однако у ЖСЖ в ее разнообразии есть своя оценка «по качеству»: ученые делят «глянец» на элитарный и массовый [Надыршина 2017: 71–76].

Глянец элитарный — это общепризнанный лидер рынка модных журналов Vogue, британский женский Tatler или мужской интеллектуальный глянец Esquire. И российский лайфстайл-журнал «Правила жизни» унаследовал этот статус.

(11) 11.05.22 в колонке главного редактора Сергей Минаев сообщил:

Друзья! *Мы начинаем новый проект. Наша редакция, выпускавшая последние пять лет российский Esquire, запускает новый журнал — «Правила*

*Жизни» — так называлась самая популярная рубрика русской версии Esquire. (...) Сообщается, что на сайте и в *телеграм «Правил Жизни» ежедневно будут тексты редакции и приглашенных авторов о том, что происходит в стране и в мире, что читать и смотреть, где купить валюту, насколько подорожает бухло, как теперь смеяться и вообще как жить? Плюс еженедельные стримы на темы личных отношений, истории, книг и экономики. // В общем, дорогая редакция продолжит делать то, что умеет лучше всего, — писать о том, что происходит здесь и сейчас, о том, что нам кажется важным.* https://www.pravilamag.ru/editorial-blog/674992-pravila-zhizni-sergey-minaev-o-novom-media-i-novoy-realnosti/

В этом письме главного редактора объединились признаки мужского гендерлекта и авторской манеры, а также показатели качественного издания: актуальная политическая повестка, развернутое рассуждение и диалогичность, контакт с читателями («*Команда «Правил жизни» запускает новое медиа (...) Зачем это нужно и о чем оно будет? // Друзья! Мы начинаем новый проект»*), сложный, книжный синтаксис и ирония (*«дорогая редакция продолжит делать то дело...»*). При этом среди важных пунктов разговора с аудиторией упоминается выпивка (*«бухло»*), этот стереотипный атрибут мужской субкультуры, и для ее обозначения выбирается жаргонизм с грубой экспрессией, а не иные синонимы.

Глянец массовый — это новостные издания «ОК!», HELLO, телегиды.

Желтая пресса, таблоиды — это «Экспресс-газета» и Starhit (как это признает его теперешний главный редактор https://www.starhit.ru/novosti/glavred-starhit-ob-ostryih-temah-i-sotsializatsii-detey-s-osobennostyami-razvitiya-210801/). О скандалах из жизни «звезд» спорта и масскульта в Starhit пишут в вульгарной манере и зачастую безграмотно.

(12) Вот анонсы и заголовки из Starhit: *Ивар Калныньш о сыгранных ролях в российском кино: «Выбросить все на фиг!»; Анастасия Приходько: «Потап как человек — полное говно!»; «Дома дети, а он номера девушек записывает, кобель!»: блогерша накинулась на Дмитрия Тарасова; Бывший парень участницы «Холостяка» стебет ее из-за отдыха с Тимати; Светлана Лобода дерзит *на слухи о проплаченном романе с Тиллем Линдеманном; Дешевый хайп на Бузовой. Костенко призналась, ревнует *ли Тарасова к Ольге.*

Но за последние полтора десятилетия сомнения относительно «качественности» лайфстайл-изданий развеялись: в 2010 году возникло движение «slow media», осмысленное в «Манифесте медленных медиа»: они «стремятся к совершенству» и «делают качество ощутимым». Как уже было сказано выше, эта концепция связана с новыми тенденциями в потребительской культуре («slow life», «осознанное потребление», ретретизм и др.), с новой этикой, которую разделяют и авторы, и аудитория. «Глянцевым» изданиям теперь противопоставлены «матовые журналы» или, оксюморно, «матовый глянец». Издания этого сегмента (Kinfolk, Heim, Seasons of Life, «Сноб», «Нож» и др.) характеризуются как «качественная журналистика» [Медленная жизнь лайфстайл-журналистики 2019].

(13) На сайте «Seasons-Project.ru» в рубрике **Seasons Life, Путешествия** опубликована статья Вероники Кузнецовой под названием ***«Мгновения Гарды»***. Лид гласит: *Озеро воплощеной земной красоты, которое всем предоставляет «эстетическое убежище», не требуя ничего взамен. Только шире открывать глаза и глубже дышать. Это лишь немногие мгновения Гарды, самого большого и самого красивого итальянского озера, где в объятии приальпийских вод, кипарисовых рощ и гор замерли Венето, Трентино–Альто-Адидже и Ломбардия. Отправляйтесь туда — за своими мгновениями красоты».* А далее — анонс мероприятия: ***«С 21 по 26 августа Школа Seasons отправляется в путешествие с “Литературной кухней»” на озеро Гарда. Мы будем насыщаться не только словом и едой, но и живописью, музыкой, кинематографом, итальянским языком. Чтобы создать здесь, на “озере Данте и Вергилия”, свое письмо любви. Вы с нами?»*** (http://seasons-project.ru/life/life-travel/mgnoveniya-gardyi).

Это политематическое «матовое» издание — часть досугового бизнес-проекта, наряду со Школой Seasons, Фестивалями Seasons, «Литературной кухней» и др. На поверхности цель текста — описать для любителей итальянской природы и культуры одну из достопримечательностей, настроить на путешествие. В глубине — привлечь внимание к поездке, которую организует «Seasons-Project», чтобы аудитории самой захотелось присоединиться к творческому сообществу Seasons. Его голос (*«мы»*) слышен в тексте («*Мы будем насыщаться не только словом и едой, но и живописью, музыкой, кинематографом, итальянским языком. Чтобы создать здесь, на «озере Данте и Вергилия», свое письмо любви*») — он привлекает к участию в поездке косвенно, даже не через приглашение, а через деликатный вопрос («***Вы с нами?***»). Экспрессивный заголовок перекликается с метонимической концовкой (*мгновения Гарды — мгновения красоты*). Озеро Гарда описывается антропоморфно: оно «*всем предоставляет “эстетическое убежище”, не требуя ничего взамен», «где в объятии приальпийских вод, кипарисовых рощ и гор замерли Венето, Трентино–Альто-Адидже и Ломбардия*». Еще один внутренне контрастный прием — опора на сенсорику. С одной стороны, мягкое побуждение через стандартную перцепцию: «*Только шире открывать глаза и глубже дышать».* С другой — прогноз через перцепцию нестандартную, синестетическую: «*Мы будем насыщаться не только словом и едой, но и живописью, музыкой, кинематографом, итальянским языком*».

Эти примеры позволяют предположить, что в начале XXI в. в журналистике «лайфстайл» (и в мировом, и в российском масштабе) сформировался новый «качественный» сегмент, в котором публикации отвечают критериям содержательности (хотя бы и вневременной) и высокой профессиональной культуры речи. Иными словами, качественная журналистика пополнилась «матовыми» лайфстайл-изданиями.

Итак, если понимать оппозитивную характеристику «разговорность/ книжность» расширительно (с учетом ненормативных элементов), считая ее и стилистико-типологическим, и культурно-речевым показателем ЖСЖ, то окажется, что

полюс разговорности будут занимать издания массовые и таблоидные (функционально и тематически это новостной «глянец» и телегиды). А полюс книжности — «матовый лайфстайл» (представитель «новой качественной журналистики»). В таблоидах сниженная разговорность, с одной стороны, работает как экспрессивность, а с другой — проявляется как неграмотность, свидетельствуя о невысоком культурно-речевом уровне издания. В то же время сниженная разговорность проявляется как социостилистическая норма «мужского глянца» и как отклонение от традиций «женского глянца» (или как отражение новой социостилистической тенденции).

Иногда сниженная стилистика — это не типологически значимая установка, а индивидуальное «пристрастие» издания как коллективного ритора. Это явление еще предстоит исследовать в качестве стилистико-типологической модели издания. Наши наблюдения могут лечь в основу стилистической типологии ЖСЖ, в которой языковое/ стилевое своеобразие изданий получает культурно-речевую оценку.

Литература

Андреева Н. Как лайфстайл-журналистика может повлиять на стиль жизни читателя / интервью со Светланой Сидоровой, доцентом факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Журналист, № 9, от 17 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://jrnlst.ru/2019/09/17/6173/

Барышева С. Ф., Клушина Н. И. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2022, № 4 (31). С. 23–29.

Вартанова Е. Л. Грамотная речь как основа профессиональной культуры журналиста // Учится говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ / сб. науч.статей. М.: Фак. журн. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. С. 5–8.

Власян Г. Р. Экспансия разговорности в современных средствах массовой информации // Вестник Челябинского государств. ун-та. 2013. № 21 (312) Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 108–111.

Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. Досуговое направление в российской журналистике: проблемы подготовки специалистов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2011, с. 178–183.

Журналистика сферы досуга / учебное пособие / под ред. Л. Р. Дускаевой и Н. С. Цветовой. СПб., изд-во ВШЖиМК, 2012. 304 с.

Иващенко Н. А. Современная газетная журналистика: категория качества в текстовой идентификации. Автореферат... канд. филол. н. ... 10.01.10_Журналистика. СПб., ф-т журналистики СПбГУ, 2009.

Кара-Мурза Е. С. Российская журналистика стиля жизни в начале XXI в. оф- и онлайн (эскиз двойной типологии) // VII Международная конференция «Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура», 20.04.23. М., РУДН. Устный доклад.

Кара-Мурза Е. С. Гипотеза «продвигающих» коммуникаций как макрообъекта медиалингвистики // Медиалингвистика. Материалы II Международной научно-практической конференции «Язык в координатах масс медиа», СПбГУ, 02–06 июля 2017. Вып. 6. СПб., изд-во ВШЖиМК, 2017. С. 296–297.

Кара-Мурза Е. С. Социостилистическая типология современной печати как материал для преподавания функционального расслоения русского языка // Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 2. М.: ф-т журналистики МГУ, 2008. С. 43–79.

Кара-Мурза Е. С. Элиза Дулиттл и отечественные парламентарии / Независимая газета, 31.03.2001.

Кара-Мурза Е. С. Конфликт норм как объект русистики и лингвоконфликтологии (на материале рекламных текстов). Юрислингвистика. [Электронный ресурс]. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kara_murza_e_s/2-1-0-75

Клушина Н. И. Интенциональная конфигурация медийного пространства / Политическая лингвистика, № 2 (44). Екатеринбург, УГПУ, 2013. С. 40–45.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021. 360 с.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Русский язык в научном освещении. № 1. М.: 2001. С. 90–106.

Лысакова И. П. Тип газеты и стиль публикации. Опыт социолингвистического исследования. Л.: Изд-во Ленинградского университета 1989, 181 с.

Лысакова И. П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., изд-во ЛГУ, 1981. 103 с.

Медленная жизнь лайфстайл-журналистики / Интервью с С. Сидоровой [Электронный ресурс]. URL: http://www.journ.msu.ru/about/news/28050/

Надыршина А. А. «Элитарность» как типообразующая характеристика премиум-изданий/ Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск, ЧГУ, 2017. № 2 (24). С. 71–76.

Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. (Теория и проблемы); АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1976. 168 с.

Полонский А. В. «Глянцевый поворот» в журналистике: потребность сегодняшнего дня? // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сб. н. р. международ. научно-практ. конф. Белгород, 2017. С. 123–136.

Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», разговорность и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 348–353.

Типология периодической печати // Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. В. Шкондина и Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009. 236 с.

Типология прессы: история, теория, практика // Монография / под ред. проф. В. В. Тулупова. Воронеж, 2019. 204 с.

Тихонова А. А. «Концепция «внутренней эмиграции» как философия lifestyle-периодики» / Коммуникативно-культурная память и проблемы ее межпоколенческой трансляции / Сб. м-лов студ. науч. чт. Екатеринбург, 2019.

Шишкина Н. И., Хваленя С. В. Критерии качества средств массовой информации: теоретико-методологическая база // Труды БГТУ, 2021, серия 4, № 1, с. 27–33.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы)/ монография. М.: Наука, 1977. 166 с.

E. S. Kara-Murza
MSU after M.V. Lomonosov
(Russia, Moscow)
Kara-murza-elena@yandex.ru

THE STYLISTIC SPECTRUM OF RUSSIAN LIFESTYLE JOURNALISM THROUGH THE OPPOSITION OF COLLOQUIALISM AND BOOKISHNESS

In this paper, *colloquiality* is considered as a stylistic/rhetorical category, which is one of the main "colours" of the Russian language in journalism. *Colloquiality* is a sign of dialogical manner as a strategy of feedback from the audience, the evidence of journalistic professionalism. At the same time, being realized through non-normative elements of language (common speech, jargonisms), colloquiality in the media can be perceived as an indicator of a low level of speech culture of the author or publication. It seems promising following I. P. Lysakova to consider this category in the opposition between colloquiality and bookish style as a stylistic-typological feature, and as a cultural and speech characteristics on the example of Russian lifestyle journalism. It is differentiated, first, by function and subject matter: news and gender gloss, fashion and travel journalism, urban magazines, TV guides and weekend guides. Secondly, by the quality of content and design, by the type and nature of the audience: "glossy" (mass, elitist and tabloid) and "matte" Lifestyle. The pole of colloquiality is occupied by tabloids, and the pole of bookish style — by "matte editions". Reducibility (as a variant of the colloquiality category realization) is a socio-stylistic norm in youth and men's "gloss" and (in our opinion) a deviation from the established traditions — in women's "gloss".

Keywords: conversational, bookish, lifestyle journalism, quality journalism, stylistic typology

References

Andreeva N. [How lifestyle journalism can influence the reader's lifestyle / interview with Svetlana Sidorova, Associate Professor at the Faculty of Journalism of M. V. Lomonosov Moscow State University] *Jurnalist*. No. 9, 17.09.2019 (accessed https://jrnlst.ru/2019/09/17/6173/) (In Russ.)

Barysheva S. F., Klushina N. I. [Creative resources in the category of colloquialism in modern Internet communication]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2022, № 4 (31). Pp. 23–29. (In Russ.)

Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. [Leisure activities in Russian journalism: problems of training specialists]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya*. 2011. Pp. 178–183. (In Russ.)

Zhurnalistika sfery dosuga (uchebnoe posobie) [Leisure journalism (textbook)] ed. by L. R. Duskaeva and N. S. Tsvetova. Sankt-Petersburg, VShZhiMK Publ., 2012. 304 p.

Ivaschenko N. A. [Modern newspaper journalism: category of quality in text identification] *Avtoreferat. kand. filol. nauk. 10.01.10_Zhurnalistika. SPb, f-t zhurnalistiki SPbGU*, 2009.

Kara-Murza E. S. [Russian lifestyle journalism at the beginning of the 21st century. off- and online (sketch of a double typology)] *VII Mezhdunarodnaya konferentsiya «Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura»* VII International Conference "Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture". 20.04.23, Moscow, RUDN. Oral report.

Kara-Murza E. S. [The hypothesis of "promoting" communications as a macro-object of medialinguistics] Medialinguistics. Materials of the II International Scientific and Practical Conference "Language in the Coordinates of Mass Media", St. Petersburg State University, July 02–06, 2017. Vol. 6. St. Petersburg, VShZhiMK Publ. 2017. Pp. 296–297. (In Russ.)

Kara-Murza E. S. [Sociostylistic typology of modern press as a material for teaching the functional stratification of the Russian language] Proceedings of the Department of Stylistics of the Russian Language. Vol. 2. Moscow. Faculty of Journalism, Moscow State University. 2008. Pp. 43–79. (In Russ.)

Kara-Murza E. S. [Eliza Doolittle and domestic parliamentarians]. *Nezavisimaya gazeta*, 31.03.2001.

Kara-Murza E. S. [Conflict of norms as an object of Russian studies and linguistic conflict studies (based on advertising texts)]. http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kara_murza_e_s/2-1-0-75

Klushina N. I. [Intentional configuration of media space]. *Politicheskaya lingvistika*, № 2 (44). Ekaterinburg, UGPU, 2013. pp. 40–45. (In Russ.)

Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow. Flinta Publ., 2021. 360 p.

Krysin L. P. [Modern Russian intellectual: a speech portrait]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* No. 1. Moscow. 2001. Pp. 90–106. (In Russ.)

Lysakova I. P. *Tip gazety i stil' publikatsii. Opyt sotsiolingvisticheskogo issledovaniya* [Type of newspaper and style of publication. Experience in sociolinguistic research]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1989, 181 p.

Lysakova I. P. *Yazyk gazety: sotsiolingvisticheskii aspekt* [Newspaper language: sociolinguistic aspect] Leningrad, izd-vo LGU, 1981. 103 p.

Nadyrshina A. A. ["Elitism" as a typical characteristic of premium publications] *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. Chelyabinsk, ChSU Publ., 2017. No. 2 (24). pp. 71–76. (In Russ.)

Nikolsky L. B. *Sinkhronnaya sotsiolingvistika. (Teoriya i problemy)* [Synchronous sociolinguistics. (Theory and problems)]; AN SSSR, In-t vostokovedeniya. Moscow. Nauka Publ., 1976. 168 p.

Polonsky A. V. ["Glossy turn" in journalism: the need of today?]. *Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoi informatsii. Sb. n. r. mezhd. nauchno-prakt. konf.* [Discourseology and media criticism of the media. Coll. of articles of the int. scientific-practical conf.] Belgorod, 2017. pp. 123–136. (In Russ.)

Sirotinina O. B. [About the terms "colloquial speech", colloquialism and "colloquial type of speech culture"]. *Liki yazyka. K 45-letiyu nauchnoi deyatel'nosti E. A. Zemskoi* [Faces of Language. To the 45th anniversary of scientific activity of E. A. Zemskaya]. Moscow. Heritage Publ., 1998. pp. 348–353. (In Russ.)

Shishkina N. I., Khvalenya S. V. [Criteria for the quality of mass media: theoretical and methodological basis]. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2021, series 4, No. 1, p. 27–33. (In Russ.)

Shkondin M. V., Resnyanskaya L. L. (eds.). *Tipologiya periodicheskoi pechati. Ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Typology of periodicals. Textbook. manual for university students] Moscow. Aspect Press, 2009. 81 p.

Shmelev D. N. *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh (k postanovke problemy)* [Russian language in its functional varieties (towards the formulation of the problem)] Moscow. Nauka Publ., 1977. 166 p.

[The slow life of lifestyle journalism]. Interview with S. Sidorova http://www.journ.msu.ru/about/news/28050/

Tikhonova A. A. ["The concept of "internal emigration" as a philosophy of lifestyle periodicals"]. *Kommunikativno-kul'turnaya pamyat' i problemy ee mezhpokolencheskoi translyatsii. Sb. m-lov stud. nauch. cht.* [Communicative and cultural memory and problems of its intergenerational translation. Coll. of articles of the stud. scientific readings]. Ekaterinburg, 2019.

Tulupov V. V. (ed.) *Tipologiya pressy: istoriya, teoriya, praktika* [Typology of the press: history, theory, practice]. Voronezh, 2019. 204 p.

Vartanova E. L. [Competent speech as the basis of a journalist's professional culture] Uchitsya govorit' po-russki. *Problemy sovremennogo yazyka v elektronnykh SMI (Sbornik statei)* [Learning to speak Russian. Problems of modern language in electronic media (Coll. of articles)]. Fac. of Journalism, MSU Publ., 2016. Pp. 5–8. (In Russ.)

Vlasyan G. R. [Expansion of colloquialism in modern media]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 2013. № 21 (312) *Filologiya. Iskusstvovedenie*. Iss. 80. Pp. 108–111. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.11

Н. И. Киреев
École normale supérieure — PSL
(Париж, Франция),
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
niyazkireyev@gmail.com

ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ СТАРЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ: СЛУЧАЙ *ИБО* И *ДАБЫ*[1]

Статья посвящена диахронному описанию двух архаичных русских союзов, которые в разные исторические периоды заново обретали популярность. Причинный союз *ибо* является древним заимствованием из старославянского; целевой союз *дабы* возник в старовеликорусском под церковнославянским влиянием. Первый из них начал устаревать уже в начале XVIII века, опережая даже синонимичное слово *понеже*, а *дабы* приобрело архаичную окраску ближе к концу того же века. Со снижением частотности мы связываем и акцентологическую эволюцию этих слов: исконное ударение *ибо́* исчезло быстро, а вариант *дабы́* достаточно долго сохранялся и медленнее уступал место инновативному *да́бы*.

Тем не менее, в XIX веке эти слова не совсем вышли из употребления, но стали приметой возвышенного стиля. Словари XX века помечают их как устаревшие, иногда книжные. Данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка в общем подтверждают эти указания: с середины XIX века оба союза становятся малоупотребительными.

Обнаруживается, однако, что эти слова вполне регулярно используются в современной разговорной речи: их частотность аномально высока в газетном и устном подкорпусах НКРЯ и особенно в ГИКРЯ — корпусе текстов из Рунета. Более того, слова *дабы* и *ибо* употребляются и в сниженном стиле — встречаются даже обсценные фразеологизмы с ними. В статье предпринята попытка описания этого нетривиального стилистического сдвига.

Ключевые слова: архаичная лексика, *дабы*, *ибо*, историческая стилистика, приказной стиль, разговорная лексика, устаревание слов

---

[1] Благодарим за ценные замечания Г. А. Молькова, В. А. Плунгяна, Д. А. Рыжову и С. С. Сая.

Посвящается М. Л. Рубинштейн и С. В. Малышеву

Настоящяя статья представляет собою попытку описания истории двух русских союзов, прошедших через отчасти сходные процессы.

1. *Дабы* и *ибо* до XVII века

В словаре [Аникин 12: 300] подводятся итоги этимологических изысканий по слову *дабы*: оно охарактеризовано как «книжн[ый] синтаксический славянорусизм» на базе старославянской конструкции «*да* с сослагательным наклонением». При этом в самом старославянском языке этот союз не выделяется, поэтому часто встречающееся причисление его к старославянским заимствованиям (например, в [ЭСРЯ МГУ 1/5: 4]) неверно. До XVII века союз *дабы* употреблялся в памятниках «книжно-славянской» языковой традиции (см. в [Аникин 12: 300] библиографию).

В словаре [СлРЯ XI–XVII 4: 164] *дабы* выделяют в восточнославянских памятниках с XV–XVI веков, а Е. Т. Черкасова [1973: 79] относит его формирование к несколько более раннему времени — к XIII–XIV векам (отсылаем туда же к библиографии и обсуждению, что же считать за «окончательное формирование» союза).

Просодически самостоятельные слова, образованные из соединения проклитики (каковой являлось *да*) и энклитики (в число которых входила частица *бы*, происходящая из формы аориста глагола *быти*) А. А. Зализняк назвал «проклитико-энклитическими сращениями». В древнерусском это, помимо прочих, *аже*, *абы*, *зане* и мн. др. [Зализняк 2008: 72–73] (см. также следующий раздел). Поскольку энклитика *бы* была «плюсовой» (в терминах В. А. Дыбо — «доминантной»), итоговый комплекс имел исторически ударение на втором слоге: *дабы́*. Эта акцентуация отмечается уже в Чудовском Новом Завете[2], и в акцентуированных великорусских памятниках вплоть до XVII века употребляется только она [Зализняк 2019: 630].

Слово же *ибо* хорошо засвидетельствовано в древнерусских текстах как причинный союз и как «усилительная частица» [СДРЯ 4: 440–442]. Оно уже является, как считается, прямым заимствованием из старославянского, где было образовано путём сращения союзов *и* и *бо* [ЭСРЯ МГУ 2/7: 3; ESJS 4: 236][3]. Характерно, что в обнаруженных на данный момент берестяных грамотах нет ни одного примера употребления этого союза [НКРЯ].

---

[2] В котором А. А. Зализняк уже выделяет *дабы* как отдельную лексему. Традиционно памятник датируется временем около 1355 года, однако иной взгляд см. в [Лифшиц 2009].

[3] См. также [ЭССЯ 8: 167; БЕР II: 1–2]. Более осторожная формулировка: «возможно, в древнерусском языке он распространился под влиянием религиозно-назидательной литературы» [Борковский 1979: 301]. Высказанная [Там же] идея, что первую часть этого союза составляет местоимение м. р. *и* должна быть отвергнута, в частности, на том основании, что в старославянских текстах *ибо* часто соответствует древнегреческому *καὶ γάρ* [ŘSI 2014], что даже позволило некоторым исследователем предполагать, что оно является калькой по происхождению (см., например, [Шуб 1956]).

Ибо также является проклитико-энклитическими сращением, первоначальное ударение в нём — *ибо́* [Зализняк 2019: 497]. Точным аналогом пары *бо* ‘потому что’ — *ибо* ‘idem’ является пара союзов *ли* ‘или’ — *или* ‘idem’ (последнее также изначально конечноударное, см. [Киреев 2022]).

А. А. Зализняк, описывая различия между «книжной» и «народными» акцентными системами XVI–XVII веков, пишет, что словоформы, отсутствовавшие в живой разговорной речи, выступают со «“специфически книжным” ударением — как правило, предфлексионным» [Зализняк 1985: 189] (= нефинальным). Мы предполагаем, что *ибо* в XVII веке должно относиться как раз к этому случаю: дело в том, что ударение *и́бо* изредко встречается уже в ранних великорусских акцентуированных памятниках, а в XVII веке «почти всегда *и́бо*» [Зализняк 2019: 497]. Из рукописей, с которыми А. А. Зализняк не работал, также отметим два переписанных на Руси манускрипта XV века, где имеются лишь (впрочем, не вполне надёжные) начальноударные примеры на *ибо* [Ambrosiani 1991: 55, 139]; в западнорусских памятниках встречается как *и́бо* [Зизаній 1596: 50], так и *ибо́* [Берында 1627: йг; Он же 1653: йг]. Возможно, процесс замены исторического ударения более тривиальной моделью (каковой являлась начальноударность) связан с вытеснением книжного союза на периферию языковой системы.

Действительно, Е. Т. Черкасова [1954: 24] отмечала, что «[в] древнерусском языке союз *ибо* был одним из наименее употребительных союзов. В памятниках делового языка случаи употребления *ибо* отсутствуют, в памятниках литературного языка *ибо* встречаем по преимуществу в книжно-риторических стилях и в цитатном материале». «В древнерусских памятниках союз *ибо* в придаточных предложениях причины встречается крайне редко даже в памятниках литературно-книжного языка. Деловой письменности он неизвестен» [Борковский, Кузнецов 1965: 499]. «В исследованных нами памятниках письменности восточнославянских языков XV–XVII вв. сложноподчиненные предложения с причинным союзом *ибо* представлены незначительным количеством примеров... в XV–XVII вв. союз *ибо* употреблялся в сочинениях высокого стиля, преимущественно на богословские темы, и был чужд деловой и разговорной речи» [Борковский 1973: 266]. «Неизвестно *ибо* произведениям [XVII века], близким фольклору, например Повести о горе и злочастии, нет его в деловых документах» [Коротаева 1964: 222].

Также некоторое представление о частотности этого союза в XVII веке можно получить, например, из указателей к изданиям Вестей-Курантов. Так, в томе за 1671–1672 годы *ибо* употреблено единожды, *зане* — восьмижды, а *понеже* — свыше тридцати раз [Вести-Куранты 7]. В предыдущем томе цифры ещё более разительные: *ибо* и *зане* по одному разу, а *понеже* свыше восьмидесяти раз [Вести-Куранты 6][4].

[4] Оговоримся, однако, что этот союз встречается по крайней мере в летописях, в Степенной книге, в наследии Андрея Курбского и Ивана Грозного, протопопа Аввакума. Используется он и в ранней драматургии, в частности в «Артаксерксовом действе», сочинениях Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского, см. [НКРЯ].

2. *Ибо* в XVIII–XIX веке: стилистика

В. М. Живов отмечал, что уже в начале XVIII века Софроний Лихуд при редактировании русского перевода «Географии генеральной» Бернарда Варениуса исправляет книжный союз *ибо* на более нейтральный *понеже* [Живов 1986: 253]. А. П. Майоров [2009: 117] также пишет, что в это время «по активности функционирования *ибо* значительно уступает союзу *понеже*».

Тем не менее, во второй половине века *ибо* проникает в язык деловых документов и быстро занимает прочное место в канцелярском слоге [Борковский, Кузнецов 1965: 499; Майоров 2009: 123] (ср.: «во 2-й пол. XVIII в. ... значительно шире и активнее стал использоваться союз *ибо*» [Там же: 126]). Возможно, это вызвано окончательным выходом из употребления энклитического союза *бо*, которое в [Борковский, Кузнецов 1965: 499] отнесено ко времени после 1730-х годов; в основном подкорпусе НКРЯ где-то после 1750-х *бо* употребляется в основном в проповедях и цитатах из Писания (см. также [СлРЯ XVIII 2: 73]; о разрушении системы энклитик в русском см. [Зализняк 2008: 264—265]).

Именно с канцелярскими коннотациями *ибо* связан загадочный пассаж в дневнике В. К. Кюхельбекера под 6 июля 1833 года (благодарю В. А. Плунгяна за указание на это место): «Так напр. кроме *и* и *но* у нас почти нет союзов, годных в поэзии; самые *а* и *же* редко употребляются. Союз *ибо* чуть-ли не первый я осмелился употреблять в стихах, и то в драматических белых» [Кюхельбекер 1929: 114] (в издании [1883: 110] перед последним словом означенной цитаты стоит тире, [1979: 256] то же).

Прежде всего, выяснить, где именно Кюхельбекер употребил этот союз в своих произведениях, оказалось не такой тривиальной задачей: хотя *ибо* регулярно встречается в его дневниках и статьях, в поэзии собрания сочинений содержат только один пример — в интермедии перед третьим действием драматической сказки «Иван, купецкий сын»:

1. Библьотеку читает целый свет
   Не первый год; а там возьми сужденья
   Об *ибо* и об *оном* и о *том*,
   О Г<оголе>, В<елланском>, П<олево>м,
   О всяком, кто другого ополченья,
   Не принят в клуб взаимного хваленья,
   Не верует в наш каждый толстый том,
   Возьми все сплошь Брамбеуса творенья,
   Записки, повести и — повторенья,
   Любой-ко вырви из разборов лист,
   Без свисту ни на шаг, всё свист да свист!
   [Кюхельбекер 1967: 608–609][5]

[5] В издании [Кюхельбекер 1939: 331] текст совпадает, за исключением отсутствия двух точек над *е* в слове *всё* и более современным написанием слова *библиотека*.

Драма была начата 8 января 1832 года[6], но завершена лишь в 1842 году. В издании [Там же: 759] к этим строкам дан такой комментарий: «Имеются в виду статьи в “Библиотеке для чтения” Брамбеуса — Сенковского Осипа Ивановича (1800–1858) “Резолюция на челобитную сего, онаго, такового [sic! — Н. К.]”» (1835, № 8), здесь же — о романе Н. А. Полевого “Аббадона”; о Гоголе — в рецензии Сенковского на “Новоселье”, кн. II (1834, т. 3); о “Разборе Физики Г. Велланского” (1834, т. 4)». Аллюзия на статью Сенковского демонстрирует, что это место драмы написано позже даты дневниковой записи.

Однако о какой статье Сенковского идёт речь в драме? В разделе «Литературная лѣтопись» восьмого тома «Библіотеки для чтенія» (цензурное разрешение от 28 декабря 1834 года) на страницах 26–34 помещена пространная публикация барона Брамбеуса, озаглавленная как «Резолюція на челобитную *сего*, *онаго*, *таковаго*, *коего*, *вышеупомянутаго*, *вышерѣченаго*, *нижеслѣдующаго*, *ибо*, *поелику*, *а потому*, *якобы* и другихъ причастныхъ къ оной челобитной, по дѣлу объ изгнаніи оныхъ, безъ суда и слѣдствія, изъ Русскаго языка»[7]. В этом тексте, обращённом в том числе к слову *ибо*, сказано (цитируем лишь самые колоритные места): «...васъ просятъ только убраться из изящной Словесности, куда втерлись вы безъ вѣдома вкуса, и гдѣ проживаете безъ законнаго вида отъ здравого смысла. ... Живите себе въ контрактахъ и объявленіяхъ, въ ученыхъ разсужденіяхъ, живите въ законахъ, канцелярскихъ перепискахъ и въ денежныхъ счетахъ. Живите, живите въ судахъ и приказахъ, — это самая обильная область Русскаго языка. Чего жъ вамъ больше? ... Принадлежите ли вы къ Русскому языку XIX века? Нѣтъ. Можно ли васъ произнести передъ порядочными людьми, чтоб они не усмѣхнулись? Нѣтъ» [Брамбеусъ 1835: 27], «На васъ глядятъ съ такимъ изумленіемъ [sic], какъ на старинный фракъ восьмидесятыхъ годовъ съ большими въ пятакъ пуговицами» [Там же: 28].

Тем не менее, в дневниковой записи Кюхельбекер, вероятно, имел в виду не это чисто метаязыковое употребление (помимо всего прочего, «Иван, купецкий сын» написан не белым стихом): скорее он вспомнил своё оперное либретто «Любовь до гроба, или Гренадские мавры» — переделку из Кальдерона:

> 2. В а л о р. Так, подобный мне, **ибо** и я и он, мы оба происходим от царей гренадских.
> М е н д о з а. Мои предки лучше ваших, **ибо** они пастухи астурийские и свергли с престола королей ваших.
> [Кюхельбекер 1989: 79] (см. ещё два примера [Там же: 81, 85])

Это произведение лучше подходит и в хронологическом отношении: оно было начато самое позднее в 1823 году и завершено в 1824 (впервые напечатано в 1989) [Там же: 69–70].

Л. А. Булаховский [1952: 320] пишет, что «[у]же в тридцатых-сороковых годах XIX века этот союз — предмет осуждения ряда видных писателей», ссылаясь

---

[6] А не 1839, как указано в [Кюхельбекер 1967: 757] (эта досадная опечатка не была исправлена в *errata*, приложенных к тому).

[7] В оглавлении тома конец названия публикации несколько отличается: «...*якобы*, и другихъ причастныхъ къ оной челобитной, по дѣлу объ изгнаніи якобы оныхъ изъ Русскаго языка».

только на Белинского[8]. «С этим союзом как с архаизмом книжного языка началась борьба еще в начале XIX в.» [Виноградов 1986: 582]. По подсчётам С. С. Сая на основе НКРЯ, у современников Пушкина *ибо* используется в нехудожественной прозе в шесть раз чаще, чем в художественной [Сай 2021: 24].

Возвращаясь к дневнику Кюхельбекера, заметим, что, конечно, слово *ибо* употреблялось в русской поэзии и до него. Подавляющее большинство употреблений в поэтическом подкорпусе НКРЯ приходится на Кантемира и Тредиаковского; лишь один пример у Сумарокова. После них и до публикации сильно церковнославянизированного перевода «Илиады» Гнедича в 1829 году имеется всего семь вхождений, два из которых — у Востокова, «убеждённого архаиста» [Тынянов 1929: 104].

Фактически большинство поэтов поколения Кюхельбекера это слово не жаловали. Хотя у Пушкина его много в письмах (причём «союз *ибо* чаще встречается в более официальных письмах» [Сай 2021: 20], а не в более личных), нет ни единого (!) примера в законченных поэтических сочинениях [Шоу 2000: 380; СЯП II: 176; Сай 2021]. Не вполне аккуратным поэтому представляется утверждение, что «Пушкин не отказался от этого союза и употреблял его в стихах и прозе» [Виноградов 1986: 582][9].

Отсутствует это слово и в поэзии Дельвига, Баратынского, Батюшкова (не включено в словари идиолектов этих авторов и не представлено в их текстах в НКРЯ). Отметим, однако, несколько примеров у Жуковского (в переводе Одиссеи и в некоторых шуточных произведениях). Избегают *ибо* и многие последующие поэты, например, Ф. И. Тютчев, см. [Белов 2006]. Ср. наблюдения, отчасти созвучные сетованиям Кюхельбекера: «Особенно остро проблема выбора причинных союзов стояла для поэзии: *ибо* воспринималось как “книжное”, *потому что* — как “прозаическое”, и это отчасти объясняет введение в поэзию более редких единиц (*зане*, *затем*, *что*, *оттого*, *что*)» [Сай 2021: 19].

Согласно основному подкорпусу НКРЯ, частотность слова *ибо* падает непрерывно со второй половины XVIII века до наших дней (при том, что [Борковский, Кузнецов 1965: 499] относят снижение употребимости этого союза лишь ко второй половине XIX века).

3. *Ибо* в XVIII—XIX веке: ударение

Лексикография этого периода отражает только инновативную акцентовку: [Полѵкарповъ-Орловъ 1704: рк҃з verso; Гелтергофъ 1771: 186; Гелтергофъ 1778: 257]: *и́бо*, [Нордстетъ 1780: 254] без ударения, [САР[1] III: 177; САР[2] II: 935; Соколовъ 1834: 979; Словарь 1847: 99; Pawlowsky 1856: 343]: *и́бо*. Эксплицитного указания на то, что этот союз устарел, однако, не содержится. Таким образом, ожидается, что в классической поэзии ударения *ибо́* уже не будет (в фундаментальном справочнике [Еськова 2008] это слово не упоминается).

---

[8] На его статью «О сочинениях Н. Греча» (1838). Похожий пассаж есть и в статье «Стихотворения Аполлона Григорьева» (1846).

[9] Верно лишь будет признать, что «*ибо* часто встречается у Пушкина в контекстах, далеких от книжности» [Сай 2021: 25].

В самом деле, за XVIII—XIX века в поэтическом подкорпусе НКРЯ есть только пять примеров, где икт приходится на второй слог (при немалом количестве случаев с ударением на первый слог и метрически безударных). Во всех них в принципе можно видеть пропуск ударения. Любопытен, однако, пример ямба Козьмы Пруткова:

3. Из смертных не один уж в жизни испытал,
   Как награждают нрав почтительный и скромный.
   Тогда,— в день постный, в день скоромный,—
   Сам будучи степенный генерал,
   Ты можешь быть и с бодрым духом,
   И сытым брюхом!
   Ибо́ кто ж запретит тебе всегда, везде
   Быть при звезде?
   [Звезда и брюхо («На небе, вечерком, светилася звезда...») (1854)][10]

Неясно, принадлежит знак ударения авторам или редакторам (в корпусе цитата по «Библиотеке поэта»), однако он печатается как минимум начиная с издания [Прутковъ 1894: 67] (интересно, что там после союза стоит запятая) — это означает, что такое ударение, с одной стороны, ощущалось как нестандартное, а с другой — не как немыслимое. Заметим, что этот текст имеет архаизирующие черты (например, несколькими строками выше употреблена форма *пекущеесь* — самый поздний отмеченный случай причастия на *-сь*, см. [Галинская, Пиперски 2018: 80]) в соответствии с жанром (басня). Вообще, кажется, икт на втором слоге встречается именно при архаичном стиле:

4. Никто понять ее не может
   И чудеса ее повесть **—**
   Она гадания поможет
   Решить и смысл их исповесть;
   Ибо как бездны океана
   Бездонны **—** так ее совет
   И мысль, от горних излиянна,
   Обширна и красна как свет.
   [М. А. Дмитриев-Мамонов. Вещание премудрости о себе («Аз уст господних слово сильно...») (1811)]

В [Даль[1] II: 629; Даль[2] II: 1] находим *ибо* без знака ударения, а в [Даль[3] II: 2] с ударением на первом слоге, как и в [Яснецкій 1881: 25; Schmidt 1882: 136, 489; Шарловскій 1890: 181; Ельсинъ 1890: 197; Pawlowsky 1911: 473; Огіенко 1914: 146]. Следует заключить, что в основном изменение просодических свойств этого союза произошло в XVII веке и завершилось в первой половине XVIII века. Откуда реликт старого ударения у Пруткова — это отдельный вопрос (заметим, что в современных церковнославянских текстах, например, тоже принята акцентуация *и́бо*).

[10] Здесь и далее неоговорённые примеры взяты из [НКРЯ].

Первое издание Даля, возможно, впервые в лексикографии фиксирует устаревший характер *ибо*: «со[юзъ] причинный, нынѣ малоуп[отребительный]». Там же, однако, характерный комментарий: «Нѣтъ никакой разумной причины избегать ясной и короткой частицы *ибо*».

4. *Дабы* в XVIII–XIX веках

Союз *дабы* с конца XVIII века становится архаизмом и в следующем веке мало употребляется (см. [Аникин 12: 300] с библиографией, а также [Левин 1964: 82–85; Черкасова 1973: 102]). «Архаичный уже в начале XIX века союз *дабы* последовательно сокращал свою употребительность, дольше удерживаясь лишь в научной и деловой речи» [Виноградов, Шведова 1964: 189].

«Устарелость *дабы* хорошо сознавалась уже Карамзиным, который, осуждая слог перевода “Неистового Роланда”, между прочим замечал: “Вследствие чего, дабы и прочее. Это слишком по-приказному и очень противно в устах такой женщины, которая, по описанию Ариостову, была прекраснее Венеры” (“Моск. журнал”, III[11]). Несмотря на это, *дабы* держалось долго и упорно, всё более сокращаясь в беллетристике, но мало выходя из употребления в книгах научных и вообще в литературе рассудочного и делового характера. Сам Карамзин в определённом слоге вынужден был разрешать себе употребление этого союза» [Булаховский 1948: 406].

В словарях [Полѵкарповъ-Орловъ 1704: пѣ verso; Гелтергофъ 1771: 119; Гелтергофъ 1778: 145; Нордстетъ 1780: 150; САР[1] II: 447; САР[2] II: 2; Гейтлинъ 1833: 222; Соколовъ 1834: 581; Словарь 1847: 304; Pawlowsky 1856: 96; Даль[1] I: 365; Даль[2] I: 423, Schmidt 1882: 86, 455; Ельсинъ 1890: 197], а также в обоих изданиях грамматики Н. И. Греча [1827: 483; 1834: 437] даётся только ударение *дабы́*, причём никаких помет, что слово устарело, не приводится. Однако характерно, что в [Словарь 1847] в качестве примера приводится место из Елизаветинской Библии.

Но уже в словаре [Rodde 1784] находим вариативность: конечное ударение встречается в примерах на стр. 26, 45, 124, 126, 494, а начальное — 156, 334, 338, 390, 524, 570, 590, 625.

В хрестоматии акцентуированных текстов [Tappe 1812] находим на стр. 14 *дабы́*, а на стр. 28 — *да́бы*. В хрестоматии [Vater 1815] *дабы* без знаков ударения встречается на стр. 33, 41, 42, 76, 120, *дабы́* — на стр. 59, 62, 67, 178, а *да́бы* — на стр. 122.

В [Даль[3] I: 1019; Гротъ 1895: 950] признаются оба варианта. [Огіенко 1914: 98] указывает, что *дабы* является проклитикой, при этом в словарной части этой книги даётся *«дабы́*, рѣже *да́бы*» [Там же: 135]. В справочнике [Шарловскій 1890: 181] вообще признаётся только ударение *да́бы* (по-видимому, впервые в истории русской орфоэпии). В словаре неправильностей [Долопчевъ 1909: 54] в качестве неправильного варианта дано *да́бы*, а в качестве правильного — *да́бы́* (видимо, опечатка вместо *дабы́*).

Обратимся к данным силлабо-тонической поэзии. Наиболее надёжные сведения об ударении слова можно извлечь, когда оно находится в рифменной константе.

[11] Указанный пассаж помещён в третьей книжке второй части «Московского журнала» за июнь 1791 года, стр. 325. — Н. К.

Самый ранний пример *дабы* в зоне рифмовки, который нам удалось обнаружить, — в шуточном стихотворении Я. П. Полонского[12], которое, согласно авторскому комментарию, написано в 1875 году (впервые опубликовано в 1892):

5. Иногда, напротивъ, — ни гу-гу! хотя бы
Объ ограду нашу терся боровъ, **дабы**
Почесать щетинный бокъ свой, иль здоровый
Быкъ мычалъ, зачѣмъ-де отстаетъ корова!
[Полонскій 1896: 102]

В поэтическом подкорпусе НКРЯ самый ранний пример у Маяковского, причём с более архаичным вариантом *дабы́*, который вообще чаще встречается при рифмовке, но не исключительно — в частности, рифменное *да́бы* находим у Арсения Несмелова, Варлама Шаламова, Елены Шварц.

По всей видимости, слово *дабы* пережило тот же акцентологический процесс, что и *ибо*, но существенно позже.

5. Возрождение *ибо* и *дабы* в начале XX века

В известной книге А. М. Селищева о русском языке в пореволюционную эпоху отмечается, что в это время наблюдается резкий подъём в употреблении союза *ибо*, который даже потесняет, по мнению Селищева, союзы *так как* и *потому что*: «Теперь нет советского деятеля без *ибо*» [Селищев 1928: 61]. Он связывает это с «[в]оздействием канцелярского языка и языка авторитетных деятелей» [Там же] (приводится пример из Ленина на *ибо*), либо иноязычным влиянием — немецкого *denn* или польского *bo* [Там же: 40].

В словаре Ушакова находим такие пометы при этом союзе: «книжн. устар., но в новейшее время опять широко употр., особенно в газетном языке» [Ушаков I: 1125–1126]. В. В. Виноградов в книге, впервые изданной в 1947 году, писал, что «[в] газетно-публицистических стилях современного языка употребление союза *ибо* снова получило более широкое распространение» [Виноградов 1986: 582]. Л. А. Булаховский [1952: 352] также отмечает, что *ибо* до революции «старело и выходило из употребления, но позже обновлено советской научной книгой и публицистикой». «В послеоктябрьскую эпоху *ибо* употребляется ещё чаще, встречается даже и в языке повседневного общения, не говоря уже о книжных стилях речи» [Шуб 1956: 91] «В современном русском языке *ибо* используется весьма интенсивно, особенно в публицистических жанрах» [Ломтев 1956: 514][13].

В это же время «сочетания с союзом *дабы* стали в большом ходу» [Селищев 1928: 61] (приведены примеры из коммунистической прессы). Возможно, в случае с этим словом подъём употребительности был не столь значимым, потому что в [Ушаков I: 644] из помет имеется «книжн. устар.» без дополнительных комментариев.

---

[12] На него в акцентологическом контексте обращал внимание уже [Чернышевъ 1912: 16–17].

[13] Г. А. Мольков напомнил нам, что в фильме Марка Захарова (1976) Остап Бендер, желая блеснуть «пышными оборотами царского режима», начал комплимент словами «я чрезвычайно рад... и́б[о]... и́б[о] ирония судьбы, ниспославшая нам этот своего рода сюрприз...», чего нет в книге Ильфа и Петрова.

Заметим, что, как ни странно, с помощью корпусных методов заметить всплеск активности этих слов в рассматриваемый период непросто. В Google Ngram Viewer значимого подъёма на это время не приходится; в основном подкорпусе НКРЯ тоже.

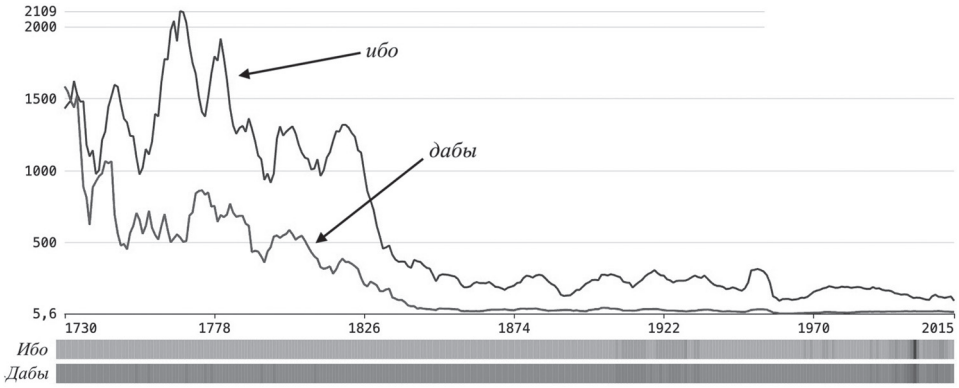


Рисунок 1. Частота вхождений на миллион (IPM) союзов *ибо* и *дабы* (только предпочтительные разборы) в основном подкорпусе НКРЯ с 1730 по 2015 годы (сглаживание 3). Нижние тепловые шкалы отражают количество текстов с каждым из союзов в соответствующий период[14]

Не обнаруживается такой тенденции и если ограничиться всеми нехудожественными текстами. Однако в случае *ибо* при ограничении подкорпуса отдельными публицистическими жанрами обнаруживается отчётливый всплеск употребимости после революции, достигающий пика в 1930-е, перед стремительным падением:

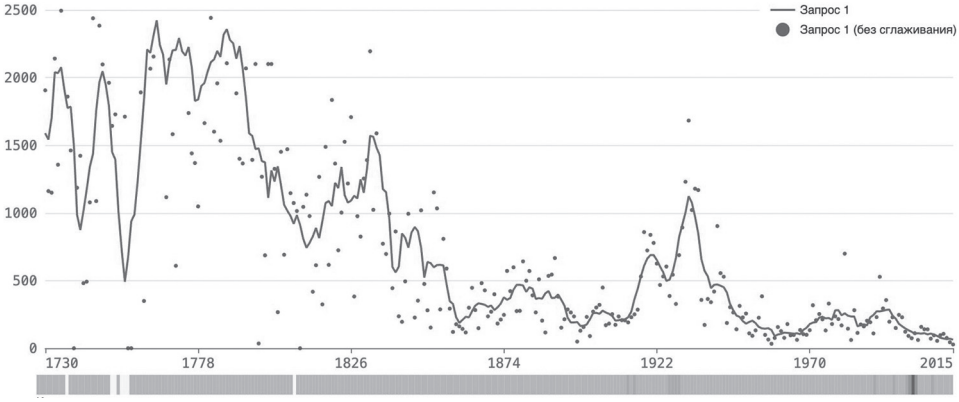


Рисунок 2. Частота вхождений на миллион (IPM) союза *ибо* (только предпочтительные разборы) с 1730 по 2015 годы (сглаживание 3) в пользовательском подкорпусе НКРЯ, ограниченном жанрами: обращение, письмо, речь, статья, заметка, информационное сообщение, репортаж, хроника (в подкорпусе 85 336 текстов и 70 078 411 словоупотреблений)

[14] Здесь и далее все числовые данные приводятся на ноябрь 2023 года.

Левую часть графика не стоит рассматривать всерьёз из-за малого количества текстов данного периода.

В случае с *дабы* такой картины не получается, потому что оно в целом употребляется намного реже и вхождений недостаточно.

Что касается продолжавшегося изменения просодических свойств *дабы*, то в [Ушаков I: 644] даются оба варианта, в академическом словаре [1937: 27] тоже, но первым идёт *дабы́*. В орфоэпическом словаре [Аванесов, Ожегов 1955: 88] статья выглядит следующим образом: «*дабы́* и (реже) *да́бы* [со слабым ударением в сочетании с последующим словом]». В [Аванесов, Ожегов 1960: 119] «реже» заменено на «доп[устимо]». В словаре [Щерба 1950: 139; Он же 1957: 132] отмечается только *да́бы*. На этом фоне выделяются консервативностью [БАС[1] 1954: 516; Ожегов, Шапиро 1956: 207], где дано только *дабы́*.

Показательно в этом плане одно издание Некрасова, где фрагмент стихотворения «Притча о “Киселе”»[15] выглядит следующим образом:

> 6. Мысль эту изложив круглее,
> Передает секретарю:
> **Дабы́** переписал крупнее
> Для поднесения царю.
> [Некрасов 1967: 197]

Знак ударения тут принадлежит издателям, и в других сборниках Некрасова не печатается. По-видимому, советские редакторы ощущали, что ударение это нетривиальное (скорее всего — уходящее) и нужно дать читателям подсказку о нём.

В словарях «для работников радио и телевидения», тем не менее, в качестве единственного варианта оставляли более архаичный [Агеенко, Зарва 1970[16]: 135; Они же 1984: 119], эта традиция дожила до [Зарва 2001].

[Аванесов 1988: 115; Аванесов 1989: 111]: «*дабы̀* и доп. *да̀бы* — произносится со слабым удар.». Оба варианта отмечены в орфографическом словаре [Бархударов и др. 1989: 74], а в [БАС[2] 1993: 10] вариант *да́бы* даже помещён первым, аналогично и [БАС[3] IV: 485; Резниченко 2003: 188; Штудинер 2016]. Поэтому нам кажется неоправданно осторожным указание «*дабы̀* и допуст. *да́бы*» в [Еськова 2014: 95].

По какой-то причине это слово отсутствует в самом большом и современном орфоэпическом словаре [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2017].

6. Возрождение *ибо* и *дабы* в начале XXI века

Тем не менее, период послереволюционной популярности этих союзов продлился недолго (см. Рисунок 2 для *ибо*): «почти вовсе вышло из употребления *дабы*» [Булаховский 1952: 352]. В [МАС 1: 360, 626] находим при *дабы* помету

---

[15] Оно написано 21 августа 1867 года [Некрасов 1981: 411—412], а не 1865 года, как ошибочно указано в цитируемом издании.

[16] Стереотипное переиздание словаря 1967 года.

«Устар.», а при *ибо* — «Устар. и книжн.». В [БАС^2 IV: 10], доведённом только до *дабы*, — «устар.»; в [БАС^3 IV: 485] помета сохранена, а для *ибо* дано «книжн.» [БАС^3 VII: 13]. В словаре [Кузнецов 2014] у обоих слов одна помета — «книжн.».

Данные основного подкорпуса НКРЯ с этим в целом согласуются: оба союза продолжают тенденцию снижения частотности. Отметим показательный пример:

7. Любит Евграф Петрович употреблять давно уже вышедшие из употребления словечки. Говорит «**дабы**» вместо «чтобы», «понеже» вместо «поэтому» [sic], «зело» вместо «очень», «тем паче» вместо «тем более». И, надо сказать, это не выглядит у него пошловатым кокетством, этакой ставшей ныне модной игрой в старину. [Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983–1984)]

Обнаруживается, однако, что слова *дабы* и *ибо* вполне употребимы в современной русской речи, в том числе разговорной и сниженной.

Мы не претендуем на открытие этого факта (хотя в существующих словарях разговорной речи он не отмечается); в ряде публикаций уже указывалось на всплеск частотности союзов *дабы* и *ибо* в последние годы, например, в [Чекова 2017; Галкина 2021] и др. «Интересна судьба союза *ибо*: по всей видимости, он обрел “второе дыхание” после долгой опалы и получил распространение в текстах, для которых изначально не был характерен (например, в поэтических)» [Сай 2021: 26].

В. Ю. Апресян и О. Е. Пекелис [2012: 13.3.2.2.5] отмечают, что «*ибо*, как и многие другие устаревшие союзы, достаточно широко распространен в современном газетном языке». «Союз *дабы* с тем же значением стилистически окрашен как устаревший, высокий или, чаще всего в современном языке, шутливый» [Там же: 13.3.4.2]. «Ср., например, союзы *дабы*, одиночный *либо* и некоторые другие, которые вернулись в современный язык в качестве разговорных или частотных в газетных текстах» [Там же: 13.1.4].

Однако в этих публикациях в лучшем случае приводятся отдельные примеры из публицистики, но не приводятся употребления, отражающие разговорную речь, равно как и статистические данные, доказывающие повышенную частотность рассматриваемых слов. Мы попробуем это исправить.

В газетном подкорпусе НКРЯ (центральные СМИ) *ибо* встречается в 11 074 текстах. Для сравнения с другими причинными союзами, отмеченными в словарях как устаревшие: *понеже* встретилось в 22 текстах, *поелику* — в 13, *зане* — в 25. *Дабы* встретилось в 6248 текстах. Оба союза употребляются и в контекстах, где нет причин видеть какую бы то ни было стилизацию, языковую игру, книжность или шутку:

8. Вице-президент Ассоциации туроператоров России ... заявил, что после открытия границ отечественная туротрасль вряд ли пострадает, **ибо** зарубежные курорты проигрывали площадкам в России. [Парламентская газета, 2021.05]
9. По словам источников газеты Le Figaro, на совещании политики «давили» на представителей мусульманского сообщества, **дабы** те пошли на требования властей. [Lenta.ru, 2020.11]

Есть вхождения и в устном подкорпусе НКРЯ, однако в него включены и научные выступления, лекции, расшифровки старых фильмов и чтения художественной литературы.

Реальную современную устную речь лучше, чем НКРЯ, отражают тексты Интернета (см. работы об «устно-письменной речи» Рунета и т. д.), поэтому мы обратились к Генеральному интернет-корпусу русского языка [ГИКРЯ].

При выборе подкорпуса текстов из соцсети ВКонтакте на *ибо* имеется 822 127 вхождений (IPM 83.7), на *дабы* 65 858 (IPM 6.7) — ср. *понеже* 380 (IPM 0.04), *поелику* 510 (0.05), *зане* 342 (IPM 0.03). Как видим, частотность *ибо* и *дабы* на порядки превосходит частотность других устаревших союзов.

Тексты с этими словами никаких примет книжности в себе не содержат (сохраняем авторскую пунктуацию):

10. Спускались мы очень аккуратно, **дабы** не съехать вниз по скользкому снежку (2015)
11. Все останавливаются и долбятся в террариум, **дабы** привлечь внимание зверья (2014)
12. Очень хреново себя чувствую, мне можно не звонить **ибо** голос пропал вообще (2014)
13. являюсь ярым ненавистником русского рока **ибо** он говно как и русский реп (2014)

Более того: при внимательном чтении текстов из Интернета становится ясно, что слова *дабы* и *ибо* вполне сочетаются со сниженным стилем — в частности, распространенёнными в разговорной речи являются сочетания *ибо нефиг* (1701 вхождений) и обсценное *ибо нехуй* (3745), в известной степени фразеологизированные.

14. но кстати в том году было поп**же [лучше], **ибо** [спортивная] площадка была получше в разы (2015)
15. Выводы сделанные для себя: необходимо расширять компетенции, вставать раньше, **дабы** делать дела и не п**деть (2014)
16. не смотреть по сторонам. В этом секрет долгих отношений... **Ибо не**й** искать на стороне ... (2014)
17. Россия — это когда летом нет горячей воды **ибо не**й** (2015)
18. Штрафа написали в 500 рублей. Ну и правильно! **Ибо не**й** нарушать и создавать аварийную ситуацию на дороге (2014)
19. я ВСЕГДА хамлю в ответ на хамство, **ибо не**й** мне тут орать!! (2014)
20. Не суйте нос в чужую жизнь. **Ибо не**й.** За своей следите. Спасибо (2015)

Ср. вариант *ибо нех* (379 вхождений):

21. пары в 8 утра это ужасно)) Но мы встаём **ибо нех** спать)) (2014)
22. глазами похлопал, поморгал, обиделся, развернулся и ушёл ни с чем, **ибо нех** просить такие вещи (2014)

Аналогичная картина в новом подкорпусе социальных сетей в НКРЯ (там *ибо* встречается в 12 807 текстах, *дабы* в 3503):

23. ... хоть один тамошний насяльник, хоть что то сделал для продажи своей продукци??? предложил какие то новые производственные решения по модернизации производства и по выпоску новых машин. НЕТ **ибо** всем пох, все тупо получают зп и ждут когда им государство даст заказ и денег (2005)

Отметим любопытное явление — в некоторых текстах *дабы* употребляется как причинный союз под влиянием более частотного *ибо*:

24. Теперь, когда она появилась на свет, рассказываю как это было. **Дабы** времени у меня пока навалом и воспоминания свежие (2014)
25. Я очень долго думала, писать мне этот пост или нет, **дабы** не хотелось мне показаться резкой и агрессивной (2015)

По нашим наблюдениям, в устной речи эти два союза используются либо как проклитики (как и многие синхронно непроизводные союзы), либо с начальным ударением, но никогда с конечным, однако для подтверждения этих наблюдений требуются дополнительные данные.

7. Заключение

В настоящей работе мы описали в самых общих чертах историю двух «мерцающих» союзов, которые то уходили на периферию языка, то снова возвращали себе популярность.

Мы сознательно игнорировали в этой публикации целый ряд аспектов бытования такой лексики; в частности, мы не погружались в диахронию семантических и синтаксических функций рассматриваемых слов. Так, например, в современном языке, как кажется, *дабы* уже не употребляется с глаголом *бояться*:

26. Когда же мы через несколько дней повторили нашу просьбу, чиновник сказал в ответ, что японцы берегут наше здоровье и боятся, **дабы** мы от холодных северных ветров не простудились, а потому и окна прорубить нельзя. [В. М. Головнин. Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах (1813)]

Ср. другой пример, невозможный в современном языке:

27. Нигде вы не увидите, **дабы** к добрым служителям не были примешаны и злые; а на все их погрешности разговорятся: и должности вашей неприлично, и спокойствию вредно. [Григорий Сковорода. Толкование из Плутарха о тишине сердца (1766–1794)]

Чрезвычайно любопытно указание в нормативном справочнике на неправильные предложения: «*Не знаю, **дабы** онъ согласился* (согласится ли онъ). *Не слышалъ, **дабы** вашъ домъ сгорѣлъ*» [Долопчевъ 1909: 54]. Это значит, что такое употребление существовало в начале XX века.

По наблюдениям С. С. Сая [2021: 35], у Пушкина «*ибо* коррелирует с известными причинами, часто имеющими статус общих утверждений, с фоновыми (неассертивными) следствиями и со следствиями из зоны ирреализа». Кроме того, *ибо* проявляет одновременно некоторые свойства подчинительных и сочинительных союзов [Пекелис 2017]. Историческое развитие этих свойств должно стать предметом специального исследования.

Далее, в настоящей работе мы не касались факторов, влияющих на стилистические сдвиги рассматриваемых слов — они должны быть описаны на фоне более широкого пласта лексики.

Однако позволим себе заметить, что *ибо*, по-видимому, — единственный причинный союз, менее громоздкий, чем *потому что*; единственными его конкурентами могли быть разве что *зане* и *как* ‘так как’, но они крайне маргинализированы.

Дабы же в принципе на первый взгляд ничем не лучше, чем *чтобы*; но этими двумя, по существу, и ограничивается весь репертуар синхронно непроизводных целевых союзов.

Непосредственные выводы из нашей работы должны быть следующими.

- Репертуар разговорной лексики может пополняться в том числе за счёт использования книжной и архаичной лексики.
- Стилистические пометы для слов *дабы* и *ибо* в существующих словарях следует признать неполными или даже вовсе неактуальными.
- Рекомендацию ударения *дабы́* необходимо оставить в качестве факультативной или вовсе снять как устаревшую.

Библиография

Источники

Брамбеусъ 1835 — Баронъ Брамбеусъ. Резолюція на челобитную *сего*, *онаго*, *таковаго*, *коего*, *вышеупомянутаго*, *вышерѣченаго*, *нижеслѣдующаго*, *ибо*, *поелику*, *а потому*, *якобы* и другихъ причастныхъ къ оной челобитной, по дѣлу объ изгнаніи оныхъ, безъ суда и слѣдствія, изъ Русскаго языка // Библіотека для чтенія. Т. VIII. 1835. С. 26–34.

Вести-Куранты 6 — Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / Изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована и И. Майер. М., 2009.

Вести-Куранты 7 — Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / Подготовка текстов, исследования, комментарии, указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и Ингрид Майер. М.: Азбуковник, 2017.

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. https://int.webcorpora.ru/drake/

Гречъ 1827 — Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1827.

Гречъ 1834 — Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Второе изданіе, исправленное. СПб., 1834.

Ельсинъ А. И. Правила ударенія въ русскомъ языкѣ. Варшава: въ типографіи Маріи Земкевичъ, 1890. https://books.google.ru/books?id=bws1AQAAMAAJ

Кюхельбекеръ 1883 — Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1831–1845 гг. V // Русская старина. 1883. Т. XXXIX, кн. VII. С. 101–128.

Кюхельбекер 1929 — Дневник В. К. Кюхельбекера: материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40-х годов XIX века / предисловие Ю. Н. Тынянова; редакция, введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. [Ленинград]: Прибой, 1929.

Кюхельбекер В. К. Избранные произведения. М.–Л.: Советский писатель, 1967. 2 т. (Библиотека поэта. Большая серия).

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. (Литературные памятники).

Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л.: Советский писатель, 1939. 2 т. (Библиотека поэта).

Кюхельбекер В. К. Любовь до гроба, или Гренадские мавры (вступительная статья и публикация М. Г. Мазья) // Русская литература. 1989. № 4. С. 69–87.

Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений в трёх томах. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1967.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений в 15 томах. Т. 3. Л.: Наука, 1981.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru

Полонскій 1896 — Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонского въ пяти томахъ. Т. V. СПб., 1896.

Прутковъ Козьма. Полное собраніе сочиненій. 4-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1894.

Ambrosiani, Per. On Church Slavonic Accentuation. The Accentuation of a Russian Church Slavonic Gospel Manuscript from the Fifteenth Century. Stockholm, 1991.

Tappe A. W. Erstes russisches grammatisches Lesebuch über die Formenlehre, oder: russische Übersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehren der Grammatik in der Sprachlehre: als Anhang zur dritten Auflage des Russischen Elementar-Lesebuchs für Deutsche. St. Petersburg, 1812.

Vater J. S. Russisches Lesebuch: mit einem russisch-deutschen und deutsch-russischen Wörterbuche und einer Abhandlung über die Vorzüge der russischen Sprache. Leipzig—Petersburg, 1815.

Словари

Аванесов 1988 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд., стер. М.: Рус. Яз., 1988. 704 с.

Аванесов 1989 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: Ок. 65 000 слов / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 685 с.

Аванесов, Ожегов 1955 — Русское литературное произношение и ударение / Под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1955. 579 с.

Аванесов, Ожегов 1960 — Русское литературное произношение и ударение / Под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1960. 709 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения / Под ред. Д. Э. Розенталя. 5-е изд. перер. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 811 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: Ок. 63 000 слов / Под ред. Д. Э. Розенталя. 3-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1970. 688 с.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–17–. М., 2007–2023–.

Бархударов и др. 1989 — Орфографический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. 27-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989.

БАС[1] — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

БАС[2] — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. I–VI / Под ред. К. С. Горбачевича. — М., СПб.: Рус. яз., 1991–1994.

БАС[3] — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004–.

Белов А. А. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева. 2006. http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html

БЕР II — Български етимологичен речник. Том II (И–крепя̀) / Редактор В. И. Георгиев. София: Издателство на БАН, 1979. https://ibl.bas.bg/ber/

Берында Памва. Лεξικόнъ славенорώсскїй альбо Имéнъ тлъковáнїє. Кіевъ, 1627.

Берында Памва. Лεξικόнъ славенорώсскїй альбо Имéнъ тлъковáнїє. Кѵ̓теинъ: Кѵ̓тєинскій монастырь, 1653.

Гелтергофъ 1771 — Россійской Целлáріусъ, или Этимологической россійской лексиконъ, ... изданный м[агистромъ] Францискомъ Гелтергофомъ. [М.]: печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1771. https://www.prlib.ru/item/362264

Гелтергофъ 1778 — Россійской лексиконъ по алфавиту, съ нѣмецкимъ и латинскимъ переводомъ, I. Часть, изданный Францискомъ Гелтергофомъ. М.: печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1778. https://www.prlib.ru/item/362222

Гротъ 1895 — Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. I, вып. 3: да–дя. СПб., 1895.

Даль[1] — Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля. Ч. I–IV. М.: Изданіе Общ-ва любителей россійской словесности, 1863–1866.

Даль[2] — Толковый словарь живаго великорускаго языка Владиміра Даля. Т. I–IV. Второе изданіе, справленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб. — М.: Изд. М. О. Вольф, 1880–1882.

Даль[3] — Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владиміра Даля. — Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. — М.: Т-ва М. О. Вольф, 1903–1909.

Долопчевъ В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Варшава, 1909.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянских культур, 2014. 488 с.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. (Studia philologica.).

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расш. и перераб. М.: ЯСК, 2019. 872 с.

Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имён. М.: ЭНАС, 2001. https://gramota.ru

Зизаній 1596 — **ЛѢКСИС Сі́рѣчъ Рече́нїѧ, Въкра́тъцѣ съвра́йны. Й ѝ҃з словѣ́скаго ꙗ҆зы́ка, на про́стꙋ҄ Рꙋ́скій Діа́лѣ́тъ Ѝстолко́ваны**. Вильна, 1596. Пагинация по изданию: Пам'ятки української мови XVI–XVII ст. / підготов. текстів пам'яток і вступ. ст. В. В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1964. (Серія наукової літератури.)

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. 2017. https://gramota.ru

Кузнецов С. А. (общ. ред.). Большой толковый словарь. 2014. https://gramota.ru/

МАС 1–4 — Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. http://feb-web.ru/feb/mas/

Нордстетъ 1780 — Россійскій, съ нѣмецкимъ и французскимъ переводами, словарь, сочиненный Іваномъ Нордстетомъ. Ч. 1: А–Н. СПб: І. К. Шноръ, 1780. https://www.google.ru/books/edition/_/JSMVAAAAQAAJ?gbpv=1

Огиенко И. И. Русское литературное удареніе. Правила и словарь русскаго ударенія. 2-е изд., знач. доп. и соверш. перераб. К.: тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнездовского, 1914. https://www.prlib.ru/item/363162

Ожегов С. И., Шапиро А. Б. (ред.) Орфографический словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 1260 с.

[Полѵкарповъ-Орловъ Ѳ. П.] Леѯіко́нъ трѧзы́чный, си́рѣчь рече́ній славе́нскихъ, еллиногре́ческихъ и лати́нскихъ сокро́вище. [Москва, 1704.] https://www.prlib.ru/item/342071

Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. М.: Астрель, 2003. 1182 с.

САР[1] — Словарь Академіи Россійской. Ч. I–VI. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1789–1794.

САР[2] — Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1806–1822.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.

Словарь 1847 — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отдѣленіем Императорской академіи наукъ. Т. 2. Санктпетербургъ: въ Типографіи Императорской академіи наукъ, 1847. https://www.prlib.ru/item/445886

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л./СПб.: Наука, 1984–. https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc

Соколовъ 1834 — Общій церковно-славяно-россійскій словарь ... по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. С[околовымъ]. Ч. 1: [А—Н]. Санктпетербургъ: въ Типографіи Императорской Россійской академіи, 1834. https://www.prlib.ru/item/354590

СЯП II — Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2: З–Н / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. https://pushkin-digital.ru/node/453

Ушаков 1–4 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ, 1935–40. http://feb-web.ru/feb/ushakov/

Шарловскій И. Русская просодія: Исслѣдованіе объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Одесса: тип. Л. Нитче, 1890.

Шоу Д. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина : расширенный словарь языка писателя: пер. с англ.: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 2000.

Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка. 2016. https://gramota.ru/

Щерба Л. В. (ред.) Русско-французский словарь: Около 50.000 слов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1950.

Щерба Л. В. (ред.) Русско-французский словарь: Около 50.000 слов. 6-е изд., стер. М.: ГИС, 1957.

ЭСРЯ МГУ — Этимологический словарь русского языка. Т. I–. М.: Издательство МГУ, 1963–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 1–. М., 1974–.

Яснецкій Ив. Сем. Тоническій русскій словарь. Вып. I. Тверь: Типо-Литографія Ф. С. Муравьёва, 1881.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. 4. Praha: Academia, Nakladatelství Československé Akad. Věd, 1994.

Pawlowsky, Iwan. Vollständiges deutsch-russisches Wörterbuch. Vol. I: A–J. Riga: N. Kymmel, 1856.

Pawlowsky, Iwan. Russisch-deutsches Wörterbuch. 3. Aufl. Leipzig, 1911. https://slavistik-portal.de/msd/?id=pawl_16269

Rodde J. Deutsch-Russisches Wörterbuch. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.

ŘSI 2014 — Řecko-staroslověnský index. Praha, 2014. http://gorazd.org/gulliver

Schmidt J. A. E. Nouveau dictionnaire portatif russe-français et français-russe. Édition stéréotype, nouveau tirage. Leipzic: chez Otto Holtze, 1882.

Литература

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2012. http://rusgram.ru/new/chapter/label/_674ac/

Борковский 1973 — Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. И. Борковский; АН СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1973. 356 с.

Борковский 1979 — Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1979. 459 с.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1965. Цит. по репринтному изданию (М: КомКнига, 2006).

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: пособие для филол. фак. ун-тов и фак. яз. и лит. пед. ин-тов УССР. Т. I. 5-е, перераб. изд. Киев: Радяньска школа, 1952.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 600 с.

Галинская Е. А., *Пиперски А. Ч*. Причастия на *-сь* в русском поэтическом языке XVIII–XIX веков // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 77–86. https://doi.org/10.31857/S0373658X0001398-6

Галкина Н. П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1. С. 86–101.

Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1986. № 3. С. 246–260.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 281 с.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: 1985. Переиздано в: Труды по акцентологии. Т. I. М.: 2010.

Киреев Н. И. Акцентологическая история слова *или* в XVII–XX веках: корпусные данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 3 (33). С. 162–180.

Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.–Л.: Наука. 1964. 248 с.

Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.: (лексика). М.: Наука, 1964. 407 с.

Лифшиц А. Л. Когда был написан «Чудовский Новый Завет»? // Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. М.: 2009. С. 268–279.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.

Майоров А. П. Причинные союзы в деловом языке XVII–XVIII веков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 3. 2009. С. 113–126.

Пекелис О. Е. Причинные придаточные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / Отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131. Цитируется по публикации в: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. http://rusgram.ru/new/chapter/label/Причинные_придаточные

Сай С. С. Полипредикативные причинные конструкции в текстах Пушкина // Русский язык в научном освещении. № 2. 2021. С. 11–40. doi.org/10.31912/rjano-2021.2.1

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой. 1929. Цит. по репринтному изданию: Ann Arbor: Ardis Publishers, 1985.

Чекова Д. М. Функционирование союза *ибо* в современной речи // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием / под ред. А. Е. Козлова. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 105–107.

Черкасова Е. Т. Причинные союзы и их значения в старославянском языке // Ученые записки Института славяноведения. 1954. IX. С. 5–49.

Черкасова Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения: Пути и способы их образования. М.: Наука, 1973. 221 с.

Шуб Т. А. К генезису и истории союза “ибо” в славянских языках // Ученые записки Ленинградскогого пед. ин-та, т. XV. Факультет языка и литературы, вып. 4. Л., 1956. С. 89–130.

N. I. Kireyev
École normale supérieure — PSL
(Paris, France),
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
niyazkireyev@gmail.com

WELL-FORGOTTEN WORDS IN PRESENT-DAY COLLOQUIAL SPEECH: THE CASE OF *IBO* AND *DABY*

The article deals with the diachronic description of two archaic Russian conjunctions, which in different historical periods have reacquired popularity. The causative conjunction *ibo* is an early borrowing from Old Church Slavonic; the purpose conjunction

daby emerged in Middle Russian under Church Slavonic influence. The former began to become obsolete already at the beginning of the 18th century, outstripping even the synonymous word *ponézhe*, while *daby* acquired an archaic flavour towards the end of the same century. The accentological evolution of these words is also associated with decreased frequency: the original accent *ibó* disappeared quickly, while the variant *dabý* remained for quite a long time and slowly gave way to the innovative *dáby*.

Nevertheless, in the 19th century, these words did not completely disappear from usage but became a feature of the elevated language. Dictionaries of the 20th century label them as obsolete, sometimes bookish. The data of the main subcorpus of the Russian National Corpus (RNC) generally confirm these indications: since the mid-19th century, both conjunctions have been in low use.

It turns out, however, that these words are quite regularly used in modern colloquial speech: their frequency is significantly high in the newspaper and oral subcorpora of the RNC and especially in the General Internet Corpus of Russian (GICR), the collection of Russian texts from the Internet. Moreover, the words *daby* and *ibo* are also used in vulgar speech: there are even obscene phraseological expressions with them. The article attempts to describe this non-trivial stylistic shift.

Keywords: archaic lexis, *daby*, *ibo*, historical stylistics, *prikaznoy stil'*, colloquial words, obsolescence of words, revival of words

References

Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. [Conjunction]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki.* 2012. http://rusgram.ru/new/chapter/label/_674ac/ (In Russ.)

Borkovskii 1973 — *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavyanskikh yazykov: Slozhnopodchinennye predlozheniya* [Historical syntax of Eastern Slavic languages] / Otv. red. chlen-korr. AN SSSR V. I. Borkovskii; AN SSSR. Institut russkogo yazyka. Moscow, Nauka Publ., 1973. 356 p.

Borkovskii 1979 — *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie* [Historical grammar of Russian language] / Pod red. akad. V. I. Borkovskogo; AN SSSR, In-t rus. yaz. Moscow, Nauka Publ., 1979. 459 p.

Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian language] / Akad. nauk SSSR. In-t rus. yaz. 2-e izd., dop. Moscow. Nauka Publ., 1965. Apud: Moscow, KomKniga Publ., 2006.

Bulakhovskii L. A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka: posobie dlya filol. fak. un-tov i fak. yaz. i lit. ped. in-tov USSR. T. I.* [Cours of standard Russian]. 5-e, pererab. izd. Kyiv: Radyan'ska shkola, 1952.

Chekova D. M. [Conjunction *ibo* in the present-day speech]. *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: materialy VI Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem / pod red. A. E. Kozlova*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017. Pp. 105–107. (In Russ.)

Cherkasova E. T. [Causal conjunctions and their semantics in Old Church Slavonic]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya*. 1954. IX. Pp. 5–49. (In Russ.)

Cherkasova E. T. Russkie soyuzy nemestoimennogo proiskhozhdeniya: Puti i sposoby ikh obrazovaniya. [Russian conjunctions not derived from the pronouns]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 221 p.

Galinskaya E. A., Piperski A. Ch. [Participles in *-s'* in the language of Russian poetry of the 18th and 19th centuries]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. № 5. Pp. 77–86. https://doi.org/10.31857/S0373658X0001398-6 (In Russ.)

Galkina N. P. [Role and place of the obsolete conjunction in the present-day journalism]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 1. Pp. 86–101. (In Russ.)

Kireyev N. I. [Accentological history of the word *ili* during the 17th–20th centuries: corpus evidence]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2022. № 3 (33). Pp. 162–180. (In Russ.)

Korotaeva E. I. *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka*. [Conjunctional subordination in the Russian language of 17th century]. Moscow–Leningrad, 1964. Nauka Publ., 248 p.

Levin V. D. *Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII — nachala XIX v.: (leksika)*. [Essay on the Russian literary stylistics of the end of the 18th century to the beginning of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 407 p.

Lifshits A. L. [When was Chudov New Testament written?]. *Khrizograf. Vyp. 3. Srednevekovye knizhnye tsentry: mestnye traditsii i mezhregional'nye svyazi*. Moscow. 2009. Pp. 268–279. (In Russ.)

Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian]. Moscow, MGU Publ., 1956. 596 p.

Maiorov A. P. [Causal conjunctions in the official Russian language of 17th–18th centuries]. Acta Linguistica Petropolitana. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*. T. V. Ch. 3. 2009. Pp. 113–126. (In Russ.)

Pekelis O. E. [Causal clauses]. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vyp. II. Sintaksicheskie konstruktsii i grammaticheskie kategorii / Otv. red. V. A. Plungian, N. M. Stoinova*. SPb.: Nestor-Istoriya Publ., 2017. Pp. 55–131. Apud: Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. http://rusgram.ru/new/chapter/label/Prichinnye_pridatochnye (In Russ.)

Say S. S. [Biclausal causal constructions in Pushkin's texts]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 2. 2021. Pp. 11–40. doi.org/10.31912/rjano-2021.2.1 (In Russ.)

Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)*. [Language of the Revolution Epoch]. Moscow, Rabotnik prosvescheniya Publ., 1928. 248 p.

Shub T. A. [On the origin and history of the conjunction *ibo* in Slavic languages]. *Uchenye zapiski Leningradskogogo ped. in-ta, t. XV. Fakul'tet yazyka i literatury, vyp. 4*. Leningrad, 1956. Pp. 89–130. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad. Priboi Publ., 1929. Apud: Ann Arbor: Ardis Publishers, 1985.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk* (Grammaticheskoe uchenie o slove): Ucheb. posobie dlya vuzov [Russian language] / Otv. red. G. A. Zolotova. 3-e izd., ispr. Moscow. Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p.

Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. (ed.). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v stroe slozhnopodchinennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka.* [Essays on the historical grammar of the literary Russian language of the 19th century]. Moscow. Nauka Publ., 1964. 600 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old East Slavic enclitics]. Moscow. YaSK Publ., 2008. 281 p.

Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavonic accentuation to Modern Russian stress]. Moscow, 1985. Republished in: Trudy po aktsentologii. V. I. Moscow, 2010.

Zhivov V. M. [New data for the history of the Russian translation of the Bernhardus Varenius' *Geographia Generalis*]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya lit-ry i yazyka*. 1986. № 3. Pp. 246–260. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.12

К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
xkisseleva@gmail.com, akozerenko@yandex.ru

ИЗИ КАТКА, ВАН ЛАВ, ДОББИ СВОБОДЕН И ДРУГИЕ ЧАСТОТНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ: ИСТОЧНИКИ И МЕХАНИЗМЫ ИДИОМАТИЗАЦИИ

В современной разговорной речи встречаются многочисленные устойчивые выражения, которые распространились в последние два десятилетия и пока и не стали и, возможно, никогда не станут частью литературного русского языка. Источниками этих, как правило, очень частотных выражений могут быть: молодежный, геймерский, уголовный и другие жаргоны (*изи катка; ван лав; заскамить мамонта; по фану*); цитаты из фильмов, сериалов, анекдотов (*Добби свободен; выпускайте Кракена*), выступления известных людей (*хайли лайкли; денег нет, но вы держитесь*); общение в блогах и социальных сетях (*белое пальто; бомбить Воронеж; спасибо, кэп*). В некоторых случаях эти новые выражения являются калькой с английского или транслитерацией английского словосочетания.

Заимствование устойчивых выражений из других языков происходило и раньше, оно не является новым (ср. *фифти-фифти, шерше ля фам, табула раса* и мн. др.) Превращение цитат в идиомы (*шел в комнату, попал в другую; брать борзыми щенками*) также хорошо изучено, хотя сегодня в качестве источника цитат чаще выступают не книги, а фильмы, сериалы, другие видеоматериалы. Кроме того, если раньше источником разговорной идиоматики были пословицы и поговорки, то сегодня эту роль играют интернет-мемы, онлайн-коммуникация, компьютерные игры.

Такой богатый и разнообразный языковой материал не может не вызывать интерес исследователя. В статье приведены источники некоторых из этих выражений, прослежена история их появления и распространения в речи. Хотя все рассматриваемые выражения, несомненно, обладают устойчивостью, степень их идиоматичности сильно различается. Показано, что некоторые выражения уже можно признать идиомами, тогда как другие остаются коллокациями, клише или цитатами. Проанализированы механизмы идиоматизации, которые наиболее часто действуют при переосмыслении рассматриваемых разговорных выражений.

Ключевые слова: неологизмы, идиомы, фразеологизмы, разговорная речь, заимствования, модели идиоматизации, семантика

Введение

Работа над описанием фразеологии XIX в. и ее дальнейшего развития привлекла наше внимание к тому, как идиомы возникали, меняли свой состав и значение, а затем во многих случаях исчезали на протяжении последних двух с лишним столетий истории русского языка. Но если про идиоматику XIX в. мы можем судить только на основании письменных источников (художественных и публицистических текстов, писем и дневников), то для анализа современного состояния фразеологической системы мы располагаем еще и собственной интуицией, обширными устными материалами и текстами интернет-коммуникации.

Это позволяет нам наблюдать за развитием многих процессов «в прямом эфире», анализировать большие массивы данных и задавать вопросы носителям соответствующих идиолектов, если нашей интуиции и объективных данных оказывается недостаточно. Таким образом, наш интерес к развитию фразеологической системы охватил не только идиоматику XIX и XX вв., но и самые последние по времени устойчивые разговорные выражения, которые могут претендовать на статус идиом или уже стали идиомами.

В настоящей работе предметом нашего внимания будут выражения, которые пока не стали и, возможно, никогда не станут частью русского литературного языка. Разговорные фразеологические неологизмы интересуют нас как объект исследования, позволяющий выявить некоторые важные тенденции в том, что касается расширения состава идиом, и описать механизмы, которые лежат в основе перехода ряда выражений в категорию идиоматических.

Материалом исследования послужили данные об употреблении ряда современных идиом-неологизмов, собранные авторами, полученные из интернета и из корпуса «Социальные сети» в составе НКРЯ; сам набор идиом был сформирован в том числе на основе списка выражений, которые поиск Яндекса выдавал на запросы вида «что значит фразеологизм / выражение ...», «фразеологизм / выражение ... значение», «... значение фразеологизма» и др.).

Формальные особенности новых разговорных выражений. Классификации и модели

В этой статье мы рассматриваем несколько фразеологических неологизмов, которые возникли и получили распространение в XXI в. Эти выражения распадаются на две большие группы в зависимости от источника: **(1) неологизмы-заимствования,** которые появились в русском языке в результате освоения иноязычных слов и конструкций, **(2) интернет-мемы**, которые трансформировались во фразеологические обороты.

К первой группе относятся уже закрепившиеся в языке и речи выражения, которые мы до сих пор воспринимаем как заимствованные; мы видим несколько вариантов их освоения в русском языке.

1. Использование выражения **в оригинальном иноязычном виде** (*nota bene, esse homo*); особенно часто в неизменном виде заимствуются латинские выражения,

но этот способ можно наблюдать и в случае использования в русском языке формул церковнославянского языка или более ранних вариантов русского: *семо и овамо, ничтоже сумняшеся, еле можаху.* Согласно классификации Л. П. Крысина, это начальный этап освоения иноязычного слова, когда оно употребляется в его исконно графической и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления [Крысин 1991].

2. **Транслитерация** или транскрипция (*альтер эго, статус кво, фифти-фифти, шерше ля фам, степ бай степ, от кутюр*); как видим, этот вариант возможен и для латинских выражений, и для заимствований из других языков; отдельно можно отметить, что иногда транслитерированные выражения допускают в русском языке языковую игру типа *пуркуа бы и не па*. В классификации Л. П. Крысина это второй этап освоения иноязычного слова, когда происходит его приспособление к системе заимствующего языка. В данном случае мы не видим морфологического освоения иноязычной формы, она остается «инородным телом» внутри высказываний. Более того, в некоторых случаях подчеркивается именно форма: источником интернет-мема *хайли лайкли* послужила цитата из выступления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, а фраза *лет ми спик фром май харт* принадлежит российскому министру спорта Виталию Мутко и была произнесена с сильным русским акцентом на заседании ФИФА по поводу Чемпионата мира 2018 г.

В той устно-письменной форме речи (см., в частности, [Кронгауз 2013]), которая принята в интернет-коммуникации и распространяется оттуда в обычную повседневную речь, иноязычные выражения, как правило, русифицированы в том, что касается их звучания/написания: *маст хэв, каминг аут, хайли лайкли, би лайк, дед инсайд, лет ми спик фром май харт*.

3. **Калькирование:** *быть не в своей тарелке* (ne pas être dans son assiette), *все свое ношу с собой* (omnia mea mecum porto); *кому выгодно?* (cui prodest?); *Хьюстон, у нас проблемы* (Houston, we have a problem); Капитан Очевидность (Captain Obvious).

4. **Трансформация**, когда иноязычный элемент соединяется с русскими компонентами и/или с русским морфологическим оформлением, в результате чего возникает новый фразеологизм: *оки доки, по фану, на релаксе, заскамить мамонта.*

Часто встречается соединение английского корня в русском морфологическом оформлении с русским предлогом: *по фану, на релаксе.* При этом сами по себе слова *фан* и *релакс* не являются совсем новыми; так, слово *релакс* зафиксировано в [Тришин 2013]. Эта модель отчасти напоминает те фразеологизмы, которые возникли в XIX в. из именных групп с предлогом: *на лету, с лету, с маху*, *в мыле, в бегах, по боку, за глаза*.

Другой вариант трансформации, которая создает новый фразеологизм, — соединение иноязычного элемента с другим словом, которое уже было в русском языке. Так устроены выражения *заскамить мамонта; изи катка* (подробнее об этом см. ниже).

Словообразовательная активность традиционно рассматривается как один из показателей освоенности иноязычного слова, причем на словообразовательный

процесс влияет в том числе «удобство структуры слова для образования производных» [Кальнова 2015, 61]. В этом отношении английское слово *scam* (‘мошенничество’), несомненно, оказалось удобным, как и похожее слово *spam* (*спам, спамить, заспамить*).

В случае выражения *изи катка* (иногда оно пишется через дефис, *изи-катка*) можно говорить о том, что оно похоже на гибрид с аналитическим прилагательным *изи*. Во всяком случае, *изи катка* вполне встраивается в тот ряд, которые приводится в качестве примеров выражений с аналитическими прилагательными в [Кальнова 2015, 62]: *арт-кафе, арт-клуб, бизнес-проект, поп-идол, пресс-служба, эконом-класс, WiFi хостел...*

Перейдем теперь ко второй группе неологизмов, заявленной в начале этого раздела. Это фразеологизмы, в основе которых лежат **интернет-мемы**: *давай до свидания, мопед не мой, у меня лапки, Добби свободен*. Отдельно следует сказать о выражении *хайли лайкли,* которое соединяет в себе черты интернет-мема и заимствованного (в форме транслитерации) иноязычного выражения. Интересно, что мемом и фразеологизмом оно стало именно в русском языке, у английского *highly likely* таких свойств не было (подробнее о судьбе этого выражения в русском языке см. [Демьянков 2021]).

Согласно определению в [Канашина 2017], «интернет-мем представляет собой целостную и завершенную единицу интернет-коммуникации, имеющую стандартизированную форму, а именно текст и картинку в квадратной рамке, обладающую полностью или выборочно такими признаками, как вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрия, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическая направленность, медийность и фантазийный характер».

Превращение интернет-мема во фразеологизм происходит постепенно, как будет показано ниже. В результате интернет-общения (в отдельных субкультурах, профессиональных и других группах, сообществах по интересам, социальных сетях и мессенджерах), которое особенно интенсивно происходит в молодежной среде, интернет-мемы получают вирусное распространение и становятся частью фоновых знаний многих носителей языка. Постепенно вербальная сторона некоторых интернет-мемов получает некоторую автономию относительно невербальной (визуальной) стороны и переосмысляется как самостоятельное языковое выражение. Этот путь проделали, в частности, интернет-мемы *Добби свободен* и *у меня лапки*. При этом мем мог зародиться в интернете, как картинка с котиком и надписью *у меня лапки*, а мог возникнуть как цитата из книги, фильма комикса или высказывания знаменитости, а уже потом превратиться в интернет-мем, а затем и во фразеологизм. Такие фразеологизмы, возникшие из интернет-мемов, по ряду свойств близки к **речевым формулам** в терминологии А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский 2008, 78–95]. В то же время они являются **прецедентными высказываниями** и прецедентными текстами (большой массив таких выражений описан в [Лещак, Беднарска 2021]).

Термин «прецедентный текст» был введен Ю. Н. Карауловым для описания языковой личности. Прецедентными являются тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностый характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности <...>, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010]. Прецедентное высказывание, соответственно, понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица»; типичным примером прецедентного высказывания является цитата.

Сегодня благодаря интернет-коммуникации разнообразные жаргоны (прежде всего молодежный и компьютерный), мемы, прецедентные тексты и просто иноязычные выражения очень быстро проникают в общенародный разговорный язык, меняя при этом не только стилистическую окраску и сферу употребления, но и свое значение. Далее мы покажем на нескольких примерах, как именно это происходит.

Возникновение и распространение новых выражений. Попытки их толкования

Рассмотрим подробнее происхождение, значение и употребление некоторых из таких частотных разговорных неологизмов.

Поскольку источником многих выражений служат интернет-мемы и онлайн-коммуникация, а также высказывания медиа-персон, момент возникновения нового выражения иногда можно отследить с точностью до дня, если не до минуты.

Выше мы упомянули, что источником интернет-мема *хайли лайкли* послужила цитата из выступления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй. Соответственно, дата ее выступления — 12 марта 2018 года — служит отправной точкой возникновения этого выражения. Затем оно попало в русский политический дискурс и стало использоваться для обозначения ‘бездоказательного обвинения, которое невозможно проверить’. Рассмотрим происхождение и дальнейшее развитие употребления еще нескольких подобных единиц.

Давай до свидания

Фраза *давай, до свидания* или, в полной версии, *Ты кто такой? Давай, до свидания*! и даже *тыктотакойдавайдосвидания*, выражает ‘отрицательное отношение к кому-л., ставящее под сомнение его статус’. Это цитата из видеоролика, снятого 5 ноября 2011 года во время азербайджанской свадьбы. Ролик демонстрирует состязание двух групп мейханистов[1], которые обыгрывали фразу «*Ты кто такой? Давай, до свидания!*».

В дальнейшем видео получило миллионы просмотров, а цитата из него стала использоваться в разговорной речи (или в ее имитации), в том числе для выражения недоверия политикам. В корпусе НКРЯ «Социальные сети» выражение встречается

[1] Мейхана́ — азербайджанское народное музыкально-поэтическое творчество, ритмическая поэзия, похожая на современный рэп.

48 раз начиная с 2012 года, ср. ниже несколько примеров его употребления из этого корпуса и из сети Интернет.

В контексте исходного мема значение выражения *Давай до свидания!* можно описать как ‘отказ кому-л., чей **статус** оценивается говорящим как низкий / не соответствующий ситуации, что влечет пожелание этому человеку перестать находиться в одном пространстве с говорящим (уйти)’. В отрыве от исходного мема значение языкового выражения меняется. Применительно к одушевленным объектам это значение можно описать как ‘отказ кому-л., чье **поведение** оценивается говорящим как неправильное и несоответствующее ситуации, что влечет пожелание этому человеку перестать находиться в одном пространстве с говорящим (уйти)’, то есть речь идет не о статусе, а о поведении кого-л.

Ср. следующие примеры[2]:

(1) Устоявшейся традицией сельпо является долговая тетрадка, куда можно записать товар «на вексель». Интересуюсь у продавца о наличии таких записей. «Есть, конечно. Но спиртное в долг не выдаю, только продукты. С пьяницами разговор короткий: нет денег — ***давай, до свидания***». [Публ. Инт.]

(2) Вот без всяких там разжиганий: приехал в другую страну — веди себя пристойно. Не можешь — паспорт на стол и ***давай, до свидания***! Точнее, прощай. [Публ. Инт.]

Применительно к неодушевленным объектам выражение означает ‘отказ использовать по назначению что-л., качество чего оценивается говорящим как низкое / не соответствующее ожиданиям, стандартам’:

(3) Казалось бы, мы судим о вещи не по «навороченности» изготовления раскладных двойных бирок и ярлыков на ней, но стоит только снять их — и всё, ***давай, до свидания*** — вещь или кажется «ноу нейм», или вообще бывшей в употреблении и возвращенной в магазин! Такова психология покупателя. [РечОб. Инт.]

Мопед не мой

На форуме про мотоциклы 1 ноября 2006 г. появилось объявление о продаже мотороллера. Как пишет Вестник Ульяновского государственного университета 2 ноября 2012 г., «разбирающиеся форумчане возмутились, что предлагаемый Suzuki, который вообще-то — мотоцикл, обозвали “мотороллером”, и автору начали задавать ироничные вопросы». В ответ автор публикации несколько раз написал: «Мотороллер не мой, я просто разместил ОБЪЯВУ!». Этот ответ, повторенный несколько раз, стимулировал активную языковую игру участников форума.

---

[2] Здесь и далее приводятся в основном примеры из сети Интернет; мы обозначаем их источники как «речевые обороты интернета» (социальные сети, Живой Журнал и другие виды интернет-коммуникации), «публицистика интернета» (тексты онлайн-изданий); если источник не относится ни к одному из двух типов, мы классифицируем его как «тексты интернета». Отдельные примеры были найдены в Основном корпусе и корпусе «Социальные сети» в составе НКРЯ.

За несколько дней ссылка на обсуждение разошлась по всему интернету, а фраза *мотороллер не мой / мопед не мой [, я просто разместил объяву]* превратилась в мем.

Выражение стало употребляться самостоятельно в случаях:

- когда автор сообщения не является непосредственно заинтересованным лицом, а лишь передает информацию по чьей-либо просьбе;
- в качестве дисклеймера: «идея не моя, я только ее воспроизвожу»;
- когда автор пытается снять с себя ответственность за свои более ранние сообщения;
- когда автор хочет снять с себя ответственность за свои действия или показать, что он тут ни при чем.

Согласно [Щурина 2014], «выражение *Мотороллер/мопед не мой!* употребляется человеком, желающим уйти от ответственности в какой-либо ситуации, или иронически обращено к такому человеку».

В контексте объявления о продаже (сдаче в аренду и т. п.) это еще мем, отсылающий напрямую к исходной ситуации, ср. пример (4):

(4) ***Мопед не мой***, все дела. Подруги ищут соседку в квартиру: Условия: уютная трешка на м. Печатники, вся инфраструктура в пешей доступности <...>. [РечОб. Инт.] [vk (21.11.2014)]

Но когда речь идет только о передаче информации, это уже скорее речевая формула.

Как мы видим, выражение было несколько раз переосмыслено: сначала оно использовалось только в контексте объявлений, затем в качестве дисклеймера при публикации любой идеи или изображения, а затем и для более широкого набора ситуаций, в которых говорящий дистанцируется от ответственности за свои высказывания или действия. В значении дистанцирования от ответственности за свои высказывания (особенно если есть основания сомневаться в достоверности информации) он близок по смыслу выражению *за что купил, за то и продаю*:

(5) Оказывается (***мопед не мой***, я просто прочитал статью) есть те, кто считает, что сексизм нельзя сравнивать с антисемитизмом. [РечОб. Инт.]

В примере (5) сохранена исходная синтаксическая структура высказывания-мема *Мопед не мой, я просто разместил объяву,* — но при этом во второй части использованы другие компоненты: *прочитал статью* вместо *разместил объяву*. Тем самым эта конструкция теперь в обобщенном виде выглядит как «мопед не мой [, я просто V_{perf} Obj]».

Добби свободен

Источник выражения *Добби свободен* — книга «Гарри Поттер и Тайная комната», точнее, фильм, снятый по этой книге. Добби — бывший домовой эльф семьи Малфоев. По сюжету, чтобы освободить эльфа, нужно подарить ему носок,

что и произошло, хотя и вопреки воле хозяина. В этот момент эльф восклицает: «Хозяин подарил Добби носок. Теперь Добби свободен!» Именно такая подпись была под первыми мемами с Добби. Однако затем тема стала развиваться, появились картинки с похожими подписями: *Хозяин отдал Добби трудовую книжку. Теперь Добби свободен!; Хозяин подписал заявление на отпуск. Теперь Добби свободен!; Добби выплатил кредит. Теперь Добби свободен!* и т. п. Следующая ступень идиоматизации выражения *Добби свободен* — употребление его вне контекста мема и без отсылки к исходному сюжету, в краткой форме. Ср. такие употребления, как:

(6) Бывшая участница «Дома-2» Юлия Ефременкова поделилась своей радостью. Молодая мамочка сумела за год выплатить ипотеку, и теперь хочет взять новую. «Просто порадуйтесь за меня. ***Добби свободен***!» — не скрывала восторга девушка. [РечОб. Инт.]

(7) Вот и прошла конференция «Конструируя советское». ***Добби свободен***! Ну, почти свободен) Мы готовили ее много месяцев, я занималась этим с осени, я ждала этого понедельника, когда не надо будет делать ни-че-го, как манны небесной. [РечОб. Инт.]

Из контекстов (6)–(7) видно, что выражение *Добби свободен!* стало использоваться самостоятельно для описания ‘наконец наступившей свободы от каких-либо долгосрочных обязательств’, как правило трудовых или финансовых.

У меня лапки

В январе 2017 года в социальных сетях начала распространяться картинка с котом-доктором, который не может открыть аптечку, потому что «у него лапки». Затем появились многочисленные изображения котиков с надписями, построенными по единой схеме: «сделайте Х сами, у меня лапки» или «я бы сделал Х, но у меня лапки». О широком распространении мема «У меня лапки» говорит его использование в названиях магазина товаров для животных и цикла передач о животных.

Однако затем происходит переосмысление исходного мема; выражение *у меня лапки* начинает использоваться без картинок и вне контекста котиков (и вообще животных «с лапками») в значении ‘отказываться выполнять работу, которую субъект должен выполнить, приводя нелепые оправдания’:

(8) Авито.Доставка вполне себе развитый и приличный сервис с кучей гарантий на бумаге, но вот многие пишут, что если что-то идет не по плану, то Авито пишет «***у меня лапки»*** и ничего не делает. [РечОб. Инт.]

(9) В первом приближении работники делятся на два типа: одни хотят работать, а ***у других лапки***, прокрастинация и хотят они фыр-фыр-фыр. [Публ. Инт.]

В дальнейшем идея отказа делать что-либо необходимое и обязательное под нелепым предлогом получает развитие. В примере (10) речь идет о людях, которые

не способны / не умеют делать что-то простое или что-то, чему, по мнению говорящего, можно было научиться:

(10) Окей, пусть ***у кого-то лапки***, и он не может сделать селфи или групповое фото. [РечОб. Инт.]

Наконец, есть примеры, в которых профилируется идея слабости, пассивности, нежелание прилагать усилия, привычка избегать вызовов и сдаваться в трудных ситуациях:

(11) «Ах, в наше время уже невозможно быть оригинальным», «Все написано и придумано до нас», «***У меня лапки***» — вот что обычно говорят авторы, когда их упрекают в излишней клишированности текстов. Тем, ***у кого лапки***, вряд ли уже что-то поможет, но в общем и целом это все звучит как оправдания, замешанные на лени или неуверенности в себе. [Х. Харт. Чем плохи клише и почему без них не обойтись]

Выражение *у меня лапки* уже попало в Викисловарь с комментарием ‘об отсутствии желания или возможности что-либо делать/сделать’ и пометами *молодежное, шутливое.* О том, что оно активно осваивается языком, говорит также варьирование компонента, который замещает валентность «у кого-л.»: *у меня, у тебя, у других, у кого-то.*

Если описанные выше четыре выражения имеют четко фиксируемый источник в виде интернет-мема, для приведенных ниже двух выражений, совмещающих в себе заимствование и жаргонизм, не удается столь же точно определить дату их возникновения.

Заскамить мамонта

Заскамить мамонта — ‘обмануть человека старшего возраста’; обычно объект обмана — наивный и неискушенный в современной жизни человек, а мошенничество приносит финансовую выгоду и происходит с использованием цифровых технологий. Слово *scam* в английском означает ‘афера’, ‘мошенничество’. Производный русский глагол *заскамить* означает ‘обмануть’, ‘развести’, ‘кинуть на деньги’. *Мамонтом* на жаргоне мошенников называют жертву: это человек, который легко поддается на уловки и может отдать свои деньги неизвестным людям.

Изначально выражение *заскамить мамонта* описывало ситуацию мошенничества:

(12) «Я заболела» или как ***скамить мамонтов*** с сайтов знакомств. Мы будем разводить мамонтов на деньги под предлогом «на лекарство». — Это самый простой профит. [Публ. Инт.]

В дальнейшем выражение *заскамить мамонта* стало популярным не только в среде мошенников, но и просто в молодежном, в т. ч. геймерском сленге:

(13) Стример Александр «VooDooSh» Шальчинов провел совместную трансляцию с сыном. «Макс, патроны не видел, которые дядя Кирилл выкинул?» — спросил у сына Вудуш во время игры в Fortnite. «Не видел», — ответил ему Максим. «Пап, прости, я кое-что хотел тебе сказать. Я тебя заскамил, они [патроны] у меня», — пошутил сын спустя несколько секунд. « <...> Ха-ха, жестко, сын. Кто же папу-то скамит?» — поинтересовался Шальчинов. «***Заскамили мамонта*!»** — посмеялся сын в ответ. [Публ. Инт.]

Изи катка

Изи катка; изи-катка — ‘нечто (игра, задача, поединок...), успех в чем можно достичь легко и без усилий, играючи’. Согласно [Соколов 2022], *катка* означает ‘проведенный бой (сражение)’; «по происхождению урезанное *откатать, скатать бой*; термин фиксировался в игре WoT в 2018 году». В «Словаре геймера» [https://slovaroid.ru/slova/21155854/izi-katka] это выражение толкуется как «легко выигранный раунд в компьютерной игре, как правило онлайн или сетевой».

Компоненты *изи* и *катка* могут употребляться в русском сленге и независимо друг от друга. Так, в [Доронина 2017] отмечается возможность наряду с *изи* еще и формы *на изи*; «также существует сленговая форма написания — EZ, которая часто встречается на международных форумах и чатах». [Мокиенко, Никитина 2022] упоминают среди заимствованных «из английского языка фразеологизмов в готовом виде без их морфологической адаптации» выражение из молодежного сленга *изи пизи* со значением ‘очень легко, просто’.

Собранные нами примеры (а также использование выражения *изи катка* в качестве названия телесериала) показывают, что фразеологизм закрепился и широко употребляется в разговорной речи и в сетевом общении:

(14) *Огэ* — ***изи катка*** [Чат для художников. telegram (24.08.2022)]

(15) Наверное многие забыли, как мы играем против испанских команд, и как мучались с Сосьедадом. А тут сама Барселона, ага, прям ***изи катка*** будет. [РечОб. Инт.]

В обоих выражениях — *заскамить мамонта* и *изи катка* — мы имеем дело одновременно с трансформацией и с использованием жаргона. Одно слово в выражении заимствовано: в случае с глаголом *заскамить* англоязычная основа снабжена русскоязычными грамматическими показателями, прилагательное *изи* используется как неизменяемое и просто транслитерируется. Второе слово в обоих выражениях жаргонное — существительное *катка* пришло из геймерского жаргона, а *мамонт* — из мошеннического.

Выражения такого вида наиболее близки к прототипическим идиомам: они не являются прецедентными текстами и не связаны ни с какими мемами; у них есть морфологические признаки, что свидетельствует о высокой степени их освоения языком. Однако по примерам их использования видно, что эти два выражения пока не выходят за пределы сетевого общения и молодежного жаргона.

Степень идиоматичности новых разговорных выражений

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют три основания идиоматичности: переинтерпретацию значения, непрозрачность и усложненный способ указания на денотат [Баранов, Добровольский 2013: 45]. В первую очередь степень идиоматичности определяется тем, насколько далеко значение выражения ушло от суммы значений его составляющих. В этом отношении иностранные заимствования или жаргонизмы по своей природе непрозрачны (если это непонятный для русскоговорящих язык или закрытая для них сфера жизни). Компоненты выражений *изи катка, заскамить мамонта, дед инсайд, би лайк, ван лав, эпик фейл, хайли лайкли* многим носителям языка непонятны; но даже если смысл компонентов ясен, сложно бывает понять, что значит выражение в целом и в чем состоит коммуникативное намерение говорящего, который решил использовать именно его.

Таким образом, тип источника сам по себе может способствовать фразеологизации словосочетания. Рассмотренные нами в предыдущем разделе выражения *заскамить мамонта* и *изи катка* наиболее идиоматичны по основанию непрозрачности, поскольку в них неясен смысл составляющих.

Иначе обстоит дело с фразами, возникшими из интернет-мемов (*давай, до свидания!*) или других прецедентных текстов (*денег нет, но вы держитесь*, *хайли лайкли* и др.). Если крылатые слова — это цитаты из известных литературных произведений, то прецедентные тексты имеют иные источники — обычно это распространившиеся в сети фрагменты высказываний, реплики известных людей. Здесь можно вспомнить фразы из выступлений премьер-министра России Виктора Черномырдина, ставшие крылатыми в 90-е годы — *никогда такого не было, и вот опять*; *хотели как лучше, а получилось как всегда* и др. В случае цитации «одновременно актуализуются два слоя в плане содержания» [Баранов, Добровольский 2013]: «сочетание буквального понимания и знания о ситуации в исходном тексте и порождает идиоматичность». Однако поскольку переосмысления не происходит, но есть устойчивость формы и отсылка к контексту исходного высказывания, про выражения такого рода можно сказать, что это фразеологизмы, но не идиомы.

Следует указать также на неустойчивость значения многих рассматриваемых нами неологизмов. Часто новое поколение понимает по-своему или вообще не понимает ряд актуальных для определенного временного периода крылатых выражений. Такие цитаты из фильмов, как *Муля, не нервируй меня!*; *ну и гадость эта ваша заливная рыба!*; *заметьте, не я это предложил!* возникли в разное время и обычно активно используются одним или двумя поколениями носителей русского языка, а другим известны в меньшей степени.

В то же время значение некоторых выражений еще не до конца устоялось и во многом восстанавливается из контекста. Так, *у меня лапки* в разных контекстах может отсылать к разным причинам отказа делать что-либо: ‘я нежная и возвышенная и поэтому не хочу ничего делать’ или ‘эта работа слишком грубая и я не хочу ее делать’ или ‘у меня руки заняты, поэтому я не могу ничего делать’.

Следует также отметить вариативность компонентного состава таких неологизмов: они могут утрачивать часть фиксированных компонентов и смещаться в сторону фразеологизмов-конструкций, ср. конструкцию *мопед не мой, я просто* + V_{perf} + Obj.

В целом можно сказать, что, хотя степень идиоматичности у рассмотренных нами выражений разная, все они не являются свободными сочетаниями и представляют собой фразеологизмы того или иного типа (от клише и крылатых выражений до собственно идиом).

При изучении неологизмов, в том числе и фразеологических, следует иметь в виду, что хотя многие из них быстро выходят из моды, модели, по которым они образованы, продолжают работать. Яркий пример тому — числовые выражения со значением ‘очень много’: если раньше в качестве такого Magn’а использовалось число 256, то теперь — специальная количественная форма *стопятьсот*. Она возникла из выражения +100500, которое в интернет-коммуникации выражает безоговорочную поддержку сказанного.

Выводы

На основе изложенных наблюдений можно сделать ряд выводов относительно свойств рассмотренных фразеологических неологизмов.

1. Для идиоматизации рассматриваемых выражений есть все предпосылки (непрозрачность и необходимость переосмысления, поскольку буквальный смысл и контекст зачастую непонятны). В то же время степень их идиоматичности разная — если одни могут претендовать на включение в класс идиом, другие следует рассматривать скорее как клише или крылатые слова.
2. Конструкции, типы метафоризации и сама необходимость метафорически выразить некоторый смысл зачастую оказываются более устойчивы, чем конкретные неологизмы, которые могут устаревать. Так, например, числовые выражения по-прежнему продуктивны, но для выражения смысла ‘много’ теперь используется выдуманное число 100500, а раньше использовалось реальное число 256.
3. Можно выделять различные признаки интегрированности новых выражений в язык. Одним из признаков освоенности выражения может служить его использование в названиях текстов, фильмов, шоу, товаров, а также в их рекламных кампаниях. К другим таким признакам можно отнести морфологическую освоенность, то есть появление у выражения словоизменительных категорий, а также превращение выражения в конструкцию, где некоторые компоненты могут заменяться переменными.
4. Предсказать, закрепится ли то или иное выражение в языке, достаточно сложно. Прогнозы относительно того, какие из них приживутся и станут полноценными идиомами, обычно не сбываются.

Описанные нами выражения могут рассматриваться в зависимости от принятого подхода как прецедентные тексты, как часть интернет-коммуникации, как

новые заимствования, как жаргонизмы — в этом отношении они представляют богатый материал для исследования. Еще один аргумент в пользу того, чтобы уделять им внимание, приводится в [Доронина 2017]: «Новые сленговые слова, появившиеся в сети Интернет в последнее время и пока еще не описанные в словарях, важны для исследования разговорной речи, поскольку носители интернет-жаргона составляют многочисленную и социально активную часть современного общества». Фразеологизмы, возникшие в интернет-общении, быстро проникают в разговорную речь и являются сегодня основным источником пополнения разговорной лексики.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. 312 с.

Демьянков В. З. Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое *хайли лайкли*? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 70–81.

Доронина П. Д. Хайпить и фиксить: новейшие слова интернет-общения. // Русская речь. 2017. № 6. С. 45–48. URL: https://russkayarech.ru/ru/archive/2017-6/45-48

Кальнова О. Новые иноязычные слова в русском языке: функциональный и методологический аспекты. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 11, 2015. С. 57–64.

Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 36. № 28 (277). С. 84–90.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского. Corpus, 2013. 317 с.

Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

Лещак О., Беднарска П. Русские прецедентные высказывания в современном обыденном метадискурсе. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2021. 192 с. URL: https://wydawnictwo.ujk.edu.pl/wp-content/uploads/2022/01/Rosyjskie-precedentnyje-wyskazywania_final.pdf

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 81–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-neofrazem-i-frazeotransformatsiy-v-leksikograficheskoy-interpretatsii (дата обращения: 18.02.2024).

НКРЯ [Национальный корпус русского языка]. 2003–2024. Электронный ресурс, URL: ruscorpora.ru

Соколов И. А. Жаргон, сленг, терминология и мемы игровых субкультур, многопользовательских онлайн-игр. М.: Спутник+, 2022. 312 с.

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка, 2013. Электронный ресурс, URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm

Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 147–153. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-strukture-komicheskih-rechevyh-zhanrov-1 (дата обращения: 18.02.2024).

K. L. Kiseleva, A. D. Kozerenko
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
xkisseleva@gmail.com, akozerenko@yandex.ru

IZI KATKA, VAN LAV, DOBBY SVOBODEN AND OTHER COLLOQUIAL NEOLOGISMS: SOURCES AND MECHANISMS OF IDIOMATIZATION

In modern colloquial speech, there are numerous set expressions that have become widespread in the last two decades and have not yet become and, perhaps, will never become part of the literary Russian language. The sources of these expressions can be: youth, gaming, criminal and other jargons (*izi katka; van lav*; z*askamit' mamonta*; *po fanu*); quotes from films, TV series, jokes (*Dobby svoboden*; *vypuskajte Krakena*), speeches of famous people (*haili laikli*; *deneg net, no vy derzhites'*); communication in blogs and social networks (*beloje pal'to*; *bombit' Voronezh*; *spasibo, kep*). In some cases, these new expressions are a calque from English or a transliteration of an English word combination.

The borrowing of set expressions from other languages has happened before, it is not new (see *fifty-fifty*, *cherchez la femme*, *tabula rasa*, and many others). Transformation of quotes into idioms is also well studied. However, today films, TV series, and other video materials are more often used as a source of quotations instead of literary works. In addition, if earlier proverbs and sayings were a constant source of colloquial idioms, today Internet memes, online communication, and computer games act as such.

This rich linguistic material cannot but arouse the interest of the researcher. The article presents the sources of some of these expressions and traces the history of their appearance and distribution in speech. Although all the expressions under consideration are undoubtedly phraseological, the degree of their idiomaticity varies greatly. It is shown that some expressions could already be recognized as idioms, while others remain collocations, clichés or quotations. The mechanisms of idiomatization of the colloquial expressions under consideration are analyzed.

Keywords: neologisms, idioms, phraseological units, colloquial speech, borrowings, idiomatization models, semantics

References

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow. Znak Publ., 2008.

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)*: *uchebnoe posobie* [Fundamentals of phraseology]. Moscow. FLINTA, Nauka Publ., 2013.

Dem'yankov V. Z. *Ob usvoenii nerodnogo yazyka i korpusnoi lingvistike: chto takoe khaili laikli?* [On non-native language acquisition and corpus linguistics: what's the haili laikli?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2021. № 2. 70–81. (In Russ.)

Doronina P. D. *Khaipit' i fiksit': noveishie slova internet-obshcheniya* [Khaipiť i fiksit': the newest words of internet communication] *Russkaya rech'*. 2017. № 6. 45–48.

Kal'nova O. *Novye inoyazychnye slova v russkom yazyke: funktsional'nyi i metodologicheskii aspekty* [New foreign-language words in Russian: functional and methodological aspects]. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 11, 2015. 57–64. (In Russ.)

Kanashina S. V. *Chto takoe internet-mem?* [What is an internet meme?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2017. T. 36. № 28 (277). 84–90. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'.* [Russian language and linguistic personality]. Moscow. Izdatel'stvo LKI, 2010.

Krongauz M. A. Samouchitel' Olbanskogo [Albanian tutorial]. Corpus Publ., 2013.

Krysin L. P. *Ehtapy osvoeniya inoyazychnogo slova* [Stages of foreign-language word acquisition]. *Russkii yazyk v shkole*. 1991. № 2. 74–78. (In Russ.)

Leshchak O., Bednarska P. *Russkie pretsedentnye vyskazyvaniya v sovremennom obydennom metadiskurse* [Russian precedent statements in modern everyday metadiscourse]. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2021.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Aksiologiya neofrazem i frazeotransformatsii v leksikograficheskoi interpretatsii* [Axiology of neophrasemes and phrase-transformations in lexicographic interpretation]. *Voprosy leksikografii*. 2022. № 25. 81–107. (In Russ.)

RNC *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2024. Online resource, URL: ruscorpora.ru

Shchurina Yu. V. *Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov* [Internet memes in the structure of comic speech genres] *Zhanry rechi*. 2014. № 1 (9). 147–153. (In Russ.)

Sokolov I. A. *Zhargon, sleng, terminologiya i memy igrovykh subkul'tur, mnogopol'zovatel'skikh onlain-igr* [Jargon, slang, terminology and memes of gaming subcultures, online multiplayer games]. Moscow. Sputnik+ Publ., 2022.

Trishin V. N. *Bol'shoi slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka* [Big Dictionary of Synonyms of the Russian Language], 2013. Online resource, URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.13

Н. И. Клушина
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
nklushina@mail.ru

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ: ОТ КАТЕГОРИИ РАЗГОВОРНОСТИ К «НОВОЙ УСТНОСТИ»

Появление и совершенствование новых цифровых технологий дало толчок к развитию интерактивного диалога пользователей интернета, что в свою очередь породило феномен «новой устности» и пробудило креативные потенции категории разговорности. Лингвисты отмечают новую форму общения в интернете как устно-письменную коммуникацию, коллоквиализацию письменной речи. Но в интернет-пространстве функционирует не просто устно-письменный тип общения, а формируется новый (медийный) вариант языка, реализующий «новую устность» интернет-эпохи. Для обозначения эмоциональной тональности своего интернет-сообщения пользователи активно включают в текст знаки мультимедиальности, эмодзи, смайлики, формируя новый канон общения в цифровой среде. Также частотными становятся различные типы фононаписаний и приемы имитации спонтанности и устности авторской речи. Под влиянием категории разговорности в цифровой среде начинает формироваться фонетическое измерение письменной коммуникации, которое характеризует уникальность языка интернет-пространства. Новые языковые явления носят не единичный или случайный, а частотный и системный характер, поскольку существуют на каждом языковом уровне. Это позволяет делать выводы о тенденции к трансформации русского литературного языка, его исторически сложившихся норм, поскольку язык должен будет обеспечивать коммуникацию цифрового общества.

Ключевые слова: разговорная речь, категория разговорности, цифровая среда, интернет-стилистика, медийный вариант языка

Роль категории разговорности в современной интернет-коммуникации

Мы полагаем, что в интернет-пространстве формируется новый (медийный) вариант языка, который под влиянием креативной функции, выдвинувшейся на первый план в неофициальном интернете, реализует так называемую «новую устность» интернет-эпохи.

Первые отечественные лингвистические исследования феномена интернета ввели в научное поле термин *устно-письменная форма коммуникации* [Интернет-

коммуникация 2014], поскольку общение в неофициальном сегменте интернета (в социальных сетях, мессенджерах, чатах и т. п.) действительно имеет особый характер и его нельзя назвать ни устным, ни письменным. Для научного освещения уникального характера интернет-коммуникации в современном исследовательском поле интернет-лингвистики появились различные термины, обозначающие проникновение в письменный строй элементов устной речи, такие как *устно-письменный язык, новая устность, коллоквиализация интернет-языка* и т. п. Мы полагаем, что в терминологическое поле интернет-лингвистики для описания особенностей языка цифровой эпохи, помимо указанных терминов, необходимо включить традиционную стилистическую категорию — *категорию разговорности*, которая играет важнейшую роль для понимания и описания интернет-коммуникации.

Данную категорию необходимо отличать от выработанных в российской лингвистике понятий «разговорная речь» и «разговорный стиль».

Разговорная речь рассматривается как некодифицированный вариант литературного языка, ориентированный не на систему норм, характерную для кодифицированного литературного языка (КЛЯ), а на нормы коммуникативные. Разговорный стиль является одним из функциональных стилей литературного языка, который используется в бытовой сфере общения. Разговорный стиль в функциональной стилистике рассматривается как равноправный стиль литературного языка, но противопоставляется книжным стилям (официально-деловому, научному, публицистическому и литературно-художественному) по форме бытования — устной, а не письменной.

Категория разговорности выходит за рамки данных лингвистических концепций и представляет собой семантико-стилистическую категорию (ССК), с помощью которой в письменном общении моделируется разговорная речь для стилизации естественного спонтанного диалога. Концепция категории разговорности была разработана М. Н. Кожиной [Кожина 1968] и О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1974] при изучении и описании разговорного стиля в функциональной стилистике и при анализе речевой характеристики героев в рамках литературно-художественного функционального стиля. Сегодня категория разговорности играет особую роль в современной интернет-коммуникации [Барышева, Клушина 2022], поскольку через нее можно рассмотреть коллективное творчество пользователей интернета и дифференцировать креативное применение категории разговорности (например, в целях языковой игры, стилизации, иронии и т. п.) от языковой беспомощности в способах выражения мысли и элементарной безграмотности коммуникантов.

Таким образом, категория разговорности призвана наиболее точно воспроизвести в письменной речи имитацию речи устной, что отвечает базовой установке интернет-коммуникации на интерактивный диалог. Категория разговорности не только придает интернет-коммуникации устно-письменный характер, но и реализует важнейшую функцию языка — креативную, поскольку пользователи интернета прибегают к различным неузуальным способам передачи устности на письме. Данная категория в интернет-коммуникации является репрезентантом так называемой «новой устности».

«Новая устность» и ее маркеры в интернет-общении

Уолтер Онг [Онг 1982], ученик Г. М. Макклюэна [Макклюэн 2003], развивавший его важнейшие идеи о специфике медиакоммуникации, выдвинул концепцию первичной и вторичной устности. У. Онг отметил существование устного типа мышления, которое, по его мнению, можно обнаружить в любой дописьменной культуре. Это и есть так называемая «первичная устность».

«Вторичная устность» (“secondary orality”), или «новая устность», согласно Онгу, — устность современной интернет-эпохи, с ее революционными цифровыми технологиями. «Вторичная устность» репрезентирует новый этап развития общества, когда человек в новой технологической среде возвращает некоторые черты, присущие дописьменной культуре.

Интернет-коммуникация предоставляет нам богатый иллюстративный материал «новой устности». В. А. Ефремов справедливо замечает, что «у нас есть ускоренный темп речи: мы в устной речи можем сказать «щас», а не «сейчас» или «тыща» вместо «тысяча». Но мы никогда этого не писали на письме — это было, мягко говоря, странно. А сейчас в чём специфика текстинга? Получается, что перед нами как бы формально письменная речь, потому что она точно не устная. Но на самом деле она и не письменная, потому что она неподготовленная и максимально приближена к устной речи» [Ефремов 2020].

Маркеры «новой устности» можно выявить на каждом уровне языка, который бытует в цифровом пространстве. Наиболее ярко их демонстрирует синтаксический уровень. Синтаксический уровень языка, функционирующего в современной неформальной интернет-коммуникации, коррелирует с синтаксисом разговорной речи, поскольку такая функциональная рамка задается условиями интерактивного общения и ориентацией интернет-пользователей на экспрессивность, эмоциональность и креативность, проявляющиеся в сетевом диалоге.

Например, пародируются ошибки, связанные с управлением: «*Я удивлялась с него».* Таким образом достигается ироническая стилизация под просторечные вкрапления, характерные для разговорной речи. Активно используются разговорные экспрессивные конструкции, такие, как нанизывание простых предложений, которые в сетевом общении «складываются» в сложное предложение с редукцией союзов: *«Сходила в магазин, за книжкой, монография, авторы с лучших университетов, респект им...».* Подобное беглое перечисление имитирует поток спонтанной устной речи и вполне соотносится со скоростью и скороговоркой интерактивного интернет-общения. Также частотна парцелляция как маркер разговорности: «*Я отдыхаю. Наконец-то. По-настоящему».* В интернет-общении доминирует диалог, поэтому диалогизация также является важнейшей чертой интернет-коммуникации: «*А что вы думаете по поводу этого?», «А как вы спасаетесь от холода?»*

На лексическом уровне наблюдается бурный рост неологизмов и окказионализмов, особенно тех, которые призваны заполнить терминологические и другие лакуны, связанные с новыми интернет-технологиями, например, названия соцсетей: *Телеграмм* (в сетевом обиходе — *телега, ТГ*), *ВКонтакте (ВК), Тик-Ток* и др.

Неология позволила быстро включить реалии цифровой эпохи в общественное языковое сознание и обогатить язык новыми номинациями, которые встроились в синонимические ряды, создали тематические ряды, образовали антонимические пары.

Изменения наблюдаются и на морфологическом уровне, который, по сравнению с лексическим, весьма замкнут и консервативен. Обыгрывание грамматических форм в речи пользователей Сети отражает в первую очередь уже описанную выше тенденцию к использованию категории разговорности для стилизации устной речи и для креативного участия в языковой игре, которая весьма популярна в интернет-пространстве, например, обыгрывание рода имен существительных (*породистый собака*, *энергичная пудэль*) для пародирования просторечия и т. п. Как тенденцию можно рассматривать образование относительных прилагательных, носящих разговорный характер, например: *телеграммный пост* (то есть пост, который опубликован в Телеграмм-канале)*, онлайновая дружба, интернетское знакомство* и т. д. Популярны просторечные формы глаголов, задающие экспрессию разговорности, например: *Мы исхохотались сегодня. Ехай быстрее.* Таким образом, категория разговорности в какой-то степени «реабилитирует» нелитературные пласты языка в сетевом креативном общении.

Особое внимание необходимо уделить графическому уровню языка интернет-общения, который отражает, с одной стороны, общую тенденцию к визуализации, свойственную современной письменной речи, а с другой — наглядно доказывает нашу гипотезу о возникновении нового (медийного) варианта языка, в котором с помощью различных знаков мультимедиальности (гифок, эмодзи, смайликов и др.) передается эмоциональный модус коммуникации. Мультимедиальные знаки, смайлики, эмодзи активно включаются в традиционные пунктуационные знаки и используются как вспомогательные для выражения авторских эмоций и оценок [Мультимедиальная стилистика 2018], например: «*— Пришел, а тебя не было* *»;* *«— Оххохоно* *фсе будет ок* *»* и т. п.

Ориентация на «новую устность» стимулировала развитие мультимедиальных знаков и способствовала созданию и развитию приемов имитации на письме устной речи, что позволяет говорить о существовании и фонетического уровня интернет-языка, что ранее исключалось при описании письменной речи. Происходит расширение возможностей развития языка благодаря технологическим ресурсам интернета, изобретению различных способов передачи фонетических и орфоэпических особенностей слова в текстах интернет-коммуникации.

Фонетический уровень интернет-коммуникации

Новейшие исследования [Барышева 2017, 2020] о креативных способах выражения тембра и темпа речи, а также эмоциональных характеристиках интернет-диалогов ярко иллюстрируют выдвигаемый нами тезис о создании фонетического яруса в письменном интернет-языке. Приведем некоторые примеры.

1. В интернет-общении активно имитируются паузы хезитации для стилизации спонтанности речи: Думаю, как это объяснить поточнее... эээ ... даже не знаю, как правильно назвать.
2. Эмоционально-шутливая автокоррекция речи: Вкусное кофе тфу *вкусный кофе.*
3. Фононаписания: Ща все осилю....
4. Стилизация под просодические особенности разговорной речи: !!!!!! А-а-аа-аааааа!!!!! Так вот оно что и т. п. [Барышева, Клушина 2022].

Таким образом, в неофициальном сегменте интернета создается новый интернет-узус, который оказывает давление на современный русский язык. Социальные сети и мессенджеры благодаря интенсивному развитию оказывают серьезное влияние на формирование новых языковых тенденций. Необходимо учитывать и тот факт, что многие языковые явления из-за скорости распространения в сетевых сообществах становятся не просто широко известными, а модными и популярными. По социологическим данным, масштабы проникновения социальных сетей в жизнь россиян оценивается в 47 процентов, аккаунты имеют 67,8 млн жителей России [Сетевая коммуникация 2020]. И масштабы этого процесса продолжают расти.

Новые языковые явления носят не единичный или случайный, а системный характер, поскольку обнаруживаются на каждом языковом уровне. Это позволяет делать выводы о неизбежной трансформации русского литературного языка, его исторически сложившихся норм, поскольку язык должен будет обеспечивать коммуникацию цифрового общества.

Предварительные выводы

Таким образом, особый, устно-письменный характер интернет-коммуникации формирует уникальные способы выражения категории разговорности как проявления «новой устности». Разговорность становится доминирующей чертой в неофициальном сегменте интернет-общения, которая побуждает пользователей интернета искать лингвокреативные способы для выражения мысли и обозначения эмоций. Хотя развитие языка в интернете происходит на всех уровнях языковой системы, тем не менее именно фонетический уровень, по предварительным наблюдениям, демонстрирует наибольшие возможности для лингвокреативного обновления способов выражения мысли и ведения диалога в коммуникативном пространстве интернета. Мультимедийный характер интернет-коммуникации позволяет использовать не только буквенные знаки в своем общении, но и небуквенные (эмодзи, смайлики и т. д.), что расширяет возможности интернет-коммуникации, дополняя ее невербальными способами передачи информации. Мы можем говорить о формировании в интернете особого, медийного варианта языка [Клушина 2023], который использует новый, мультимедиальный код, позволяющий более точно и тонко отразить все оттенки авторского послания.

Литература

Барышева С. Ф. Лексико-грамматические маркеры разговорности в неофициальном сегменте интернет-коммуникации (на примере блогосферы) // Мир русского слова. № 4. 2017. С. 33–39.

Барышева С. Ф. Приемы фонетизации письма как проявление лингвокреативности блогосферы Интернета // Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 12–14.

Барышева С. Ф., Клушина Н. И. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 23–29.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2014. 322 с.

Ефремов В. А. Луркояз как хейтерский язык // Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 58–60.

Иванова М. В., Клушина Н. И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382.

Клушина Н. И. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52–60.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Перм. ун-т, 1968. 251 с.

Макклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 462 с.

Мултимедијална стилистика / под ред. Д. Дојчиновић, Г. Милашин. Бањалука: Матица српска, 2018. 174 с.

Онг У. Orality and literacy. The technologizing of the word. — Routledge is an imprint of the Toylor & Francis Group. London and New York, 1982. 214 p.

Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума. СПб.: Политех-пресс, 2020. 132 с.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 80 с.

N. I. Klushina
M. V. Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
nklushina@mail.ru

RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH IN THE INTERNET: FROM THE CATEGORY OF COLLOQUIALITY TO "NEW ORALITY"

The emergence and improvement of new digital technologies has given an impetus to the development of interactive dialog of Internet users, which in turn has given rise to the phenomenon of new orality and awakened the creative potential of the category of colloquiality. A new (media) version of language is being formed in the Internet space, realizing the "new orality" of the Internet era. To indicate the emotional tone of their online messages, users actively include multimedia signs, emoji, and emoticons in the text, forming a new canon of communication in the digital environment. Various types of phonological writing and techniques of imitating the spontaneity and orality of the author's speech are also becoming frequent. Under the influence of the category of colloquiality in the digital environment, the phonetic level of written communication begins to form, which characterizes the uniqueness of the Internet space from the point of view of linguistics. The new linguistic phenomena are not just isolated or accidental, but are systemic, as they manifest themselves at every linguistic level. This allows us to draw conclusions about the inevitability of the future transformation of the Russian literary language and its historically established norms, since the language will have to ensure communication of the digital society.

Keywords: colloquial speech, digital environment, Internet stylistics, media variant of language

References

Barysheva S. F. [Lexical-grammatical markers of colloquiality in the unofficial segment of Internet communication (on the example of the blogosphere)]. *Mir russkogo slova*. № 4. 2017. Pp. 33–39. (In Russ.)

Barysheva S. F. ["Techniques of phonetic writing as a manifestation of linguocreativity of the Internet blogosphere"], in *Setevaya kommunikatsiya: novye formaty dlya nauki, obrazovaniya i prodvigayushchikh kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Network communication: new formats for science, education and promoting communications. Proceedings of the International scientific forum], Polytechnic Press, Saint Petersburg, pp. 12–14. (In Russ.)

Barysheva S. F., Klushina N. I. [Creative resources of the category of colloquialism in modern Internet communication]. Verhnevolzhski philological bulletin. 2022; (4): 23–29. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-23-29. https://elibrary.ru/KZVQCL

Kolokoltseva T. N., Lutovinova O. V., ed. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet-communication as a new speech formation], Moscow, Flinta, Nauka Publ., 322 p.

Efremov V. A. ["Lurkoyaz as a hater language"], in *Setevaya kommunikatsiya: novye formaty dlya nauki, obrazovaniya i prodvigayushchikh kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Network communication: new formats for science, education and promoting communication. Proceedings of the International Scientific Forum], Polytechnic Press, Saint Petersburg, Russia, pp. 58–60. (In Russ.)

Ivanova M. V., Klushina N. I. [Russian language in modern web space: Dynamic processes and development trends]. Russian Language Studies, 19 (4), pp. 367–382. (In Russ.)

Klushina N. I. [Trends in development of Russian language lexicon in Internet communicative space], *Terra Linguistica*, 14 (3) (2023) Pp. 52–60. (In Russ.)

Kozhina M. N. *K osnovaniyam funktsional'noi stilistiki* [To the bases of functional stylistics], Perm University, Perm, Perm. un-t. Publ., 1968. 251 p.

Mcluhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media. The extensions of man], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia, 2003, 462 p.

Мултимедијална стилистика [Multimedia stylistics], Бањалука, Matica Srpska. 2018, 174 p. (In Serbian)

Ong U. Orality and literacy. The technologizing of the word. — Routledge is an imprint of the Toylor & Francis Group. London and New York, 1982. 214 p. (In English)

Setevaya kommunikatsiya: novye formaty dlya nauki, obrazovaniya i prodvigayushchikh kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Network communication: new formats for science, education and promoting communications. Proceedings of the International scientific forum], Polytechnic Press, Saint Petersburg, Russia, 2020, 132 p. (In Russ.)

Sirotinina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern colloquial speech and its peculiarities]. Moscow. Prosveshchenie Publ., 1974. 80 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.14

Г. Е. Крейдлин
Институт лингвистики РГГУ
(Россия, Москва,) gekr@iitp.ru,
Е. Я. Шмелева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва,)
eshkind@mail.ru

ФУНКЦИИ ПАРАЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РУССКИХ ТЕКСТАХ

Целью настоящей работы является обсуждение функций параязыковых единиц в русских текстах. Анализируются функции, которые могут выполнять три вида параязыковых единиц: последовательности звуков, означиваемые в контексте, фонации и лингвокультурологические комплексы. Многие из этих функций сопоставляются с функциями языковых единиц, при этом одни функции являются общими, а другие — специфическими для параязыковых единиц.

Показано, что отдельные параязыковые единицы служат для имитации звуков, издаваемых животными или особыми механизмами, а также для отображения жизни человеческого тела, имитируют патологии произношения или выполняют функции передачи чужой речи. Кроме того, параязыковые единицы могут быть маркерами актуальных эмоций или состояний человека. Отмечены некоторые особые функции параязыковых единиц, такие, как магическая функция.

В работе ставится также ряд проблем, касающихся соотношения параязыковых единиц с глаголами, обозначающими действия, сопровождаемые звуками (*скрежетать*, *целовать*, *скрипеть* и др.), и соотношения невербальных единиц одного вида (параязыковых) с невербальными единицами другого вида (жестовых). Авторы приходят к выводам, что полное лексикографическое описание таких глаголов в толковых словарях должно содержать информацию о звуках, сопутствующих действиям, обозначаемым этими глаголами, а в лексикографическое описание входных единиц в словарях параязыков должны включаться сведения о сочетании этих единиц с жестовыми.

Ключевые слова: параязыковая единица, функция, монологический текст, диалогический текст, лингвокультурологические комплексы

Одним из основных результатов, полученных в лингвистике XXI века, является системный анализ устной коммуникации. Общепризнано, что такая коммуникация

является мультимодальной, поскольку в ней наряду с вербальным кодом (языком) принимают участие несколько невербальных кодов, среди которых особо выделяются язык жестовых выражений и, шире, язык тела (body language), язык мимических выражений, язык касаний, язык одежды (dress code). Вместе с единицами этих кодов в актах устной коммуникации часто встречаются параязыковые знаки, составляющие лексику русского параязыка. Мы уже отмечали в статье [Крейдлин, Шмелева 2023], что параязыковые единицы составляют важный элемент разговорной речи. Неслучайно в «Толковом Словаре русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина ([ТСРР 2014–2022]) представлены некоторые параязыковые единицы, такие как *бабах*, *фу*, *хи-хи* и др.

В настоящей работе мы обсудим основные функции параязыковых единиц, встречающихся в русских текстах разной природы и назначения. Мы хотим показать, что параязыковые единицы выполняют как функции, аналогичные функциям вербальных единиц, так и специфические функции, характерные только для них.

Прежде чем описывать функции параязыковых единиц, напомним, что параязыковые единицы делятся на несколько классов, см. [Крейдлин 2002: 26–42].

Первый класс составляют одиночные звуки и последовательности звуков, не принадлежащие естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означиваться, или семиотизироваться, то есть приобретать значение в контексте. Отметим сразу, что многие единицы этого класса лингвисты относят к звукоподражаниям и/или междометиям, см., например, [Шаронов 2010, 2023]. Однако эти единицы принадлежат не только языку, но и параязыку, поскольку их значение часто выявляется только из контекста. Без учета интонации, продолжительности звучания, тембра и других фонетических признаков значение этих единиц в словаре трудно определить.

Второй класс образуют так называемые *фонации*, под которыми принято понимать изменения звучания традиционных звуков речи или отдельных единиц параязыка.[1] Фонации происходят вследствие изменений таких параметров речи, как тембр, скорость, частота и некоторых других. Кроме того, фонации могут возникать как следствие изменения мелодики интонем, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов.

Третий класс состоит из лингвокультурологических речевых и параречевых комплексов. Мы имеем в виду такие комплексы, как стон, смех, крик, плач, а также комплексы инструментальных звуков, то есть звуков, сопровождающих те или иные действия вместе с их языковыми обозначениями. Многие из лингвокультурологических комплексов являются объектами сразу нескольких наук, в частности лингвистики и паралингвистики. Такие комплексы, и это одна из их функций, служат диагностическими маркерами, позволяющими судить о некоторых особенностях патологии речи человека или о патологии его телесных объектов.

В третий класс параязыковых единиц входят также так называемые периферические паралингвистические средства. К ним принадлежат, в частности,

[1] Фонациям, связанным со звуками речи, были посвящены многие работы известного отечественного лингвиста С. В. Кодзасова, см., например, [Кодзасов 2000].

абдоминальные звуки (звуки чревовещателей), а также звуки, которые могут возникать в ходе диалогического взаимодействия людей или при выполнении человеком каких-то действий с тем или иным материальным объектом — человеческим телом или предметом. В книге [Крейдлин 2002: 36 и след.] такие комплексы из звуков и самих объектов — источников этих звуков были названы *адапторами*. Примером адаптора является комплекс из музыкального инструмента, такого, как например, барабан, и барабанная дробь, то есть звуки, извлекаемые при игре на барабане.

* * *

Перейдем теперь непосредственно к функциям параязыковых единиц.

Параязыковые единицы часто предваряют некоторое предложение и, фактически, отсылают к нему, то есть выполняют т. н. отсылочную функцию, см. пример (1):

(1) *Бамс! Открывается кормушка, на пол падает «Фигаро»* (Юз Алешковский. Кенгуру).

Также параязыковые единицы используются в функции передачи актуального эмоционального состояния человека или его настроения, см. пример (2):

(2) *Уфф, как я устал* (Ю. Крелин. Записки).

Еще одну функцию, которую могут выполнять параязыковые единицы, можно назвать *ассоциативной*. Эта функция способствует связи двух знаковых кодов — вербального и невербального. Невербальные параязыковые элементы (звуки, отношения между ними и т. п.) часто вызывают воспоминания действиях или событиях, которые обозначаются в языке.

Рассмотрим пример (3):

(3) *Услышав гав-гав-гав, она вспомнила, что еще не накормила соседскую собаку* (Л. Рощина. В деревне).

В этом предложении параязыковая последовательность *гав-гав* ассоциативно связана со словом *собака*.

Вот еще один пример.

Многие люди с детства помнят звуки треска дров, отображаемые в русском параязыке по-разному: *др-др*, *тр-тр, трск* и др. Когда мы слышим такие звуки, перед глазами нередко возникают лица родных, возящихся с костром или печкой. Именно такие звуки обладают ассоциативной функцией.

Еще одной очень важной функцией параязыковых единиц является функция, аналогичная функции многих местоимений, — быть заместителем полнозначных слов. Выполняя ее, параязыковая единица заменяет полнозначное, как правило, вполне узнаваемое слово или словосочетание, см. примеры (4) и (5):

(4) *Надоели со своими хи-хи да ха-ха. Все смешки, да смешки*.
(5) *Мой папа всегда говорил: «Не тара-тара-тара, не тара-тара-тара...»* (Ю. Крелин. Записки).

Здесь имеется в виду единица *не торопись*.

(6) *Ведь вы в этом ни бум-бум* (Ю. Малецкий. Привет из Калифорнии).

Сочетание *ни бум-бум* приобрело конвенциональное значение ‘полное непонимание’ и стало восприниматься как языковой фразеологизм. При этом последовательность *бум-бум* является, безусловно, параязыковой единицей.

В текстах встречаются своеобразные фразеологизмы, состоящие из языковой и параязыковой частей. В них параязыковая единица тоже выполняет функцию заместителя полнозначного слова, ср. известное сочетание *денежки тю-тю*, которое означает ‘денег нет’ или ‘деньги пропали’.

Параязыковые единицы часто заменяют в текстах имена животных или инструментов, издающих соответствующие звуки. Например, в речи детей или в словах взрослых, обращенных к детям, можно встретить фразы типа *Подошла ко мне ав-ав*; *А где наша мяу-мяу*? В таких фразах в параязыковых единицах эксплицитно выражена функция заместителя полнозначного слова.

В разговорах по стационарному телефону, в частности при обрыве связи, обычно раздаются гудки, отображаемые как последовательности *ту-ту*, *ту-ту-ту* и т. п. Длина таких последовательностей значима: краткие последовательности соответствуют коротким гудкам, а длительные долгим или частым.

Например, в произведении В. Войновича «Иванкиада» мы встречаем следующий текст:

(7) *Обрыв разговора, частые гудки: ту-ту-ту-ту*.

Здесь смысл параязыковой единицы дублируется в сочетании слов *частые гудки*. Выступая в функции заместителя, параязыковые единицы могут сочетаться в одном предложении с языковым антецедентом. То есть параязыковые единицы ведут себя подобно местоименным заместителям.

Частными случаями функции замещения, которые выполняют параязыковые единицы, являются замещение ими ненормативных, неполиткорректных или попросту неприличных слов, которые входят в тексты городского фольклора, ср. *Яму де, яму девушка сказала*... Эвфемистическая функция тоже является общей для языковых и параязыковых единиц, см. пример (8):

(8) *— Где бы узнать, что такое «ёж-те нос?» Он <сосед> часто говорит: «Я-те, ёж-те нос, дам прикурить!* (В. Конецкий. Кошколав Сильвер).

Заместителями обсценных слов в текстах часто бывают либо одиночные звуки, либо последовательности звуков. Обычно эти звуки представляют собой сокращения полнозначных слов, см., например, *ж*, *б*, *бл*, или являются имитацией звучания неприличного выражения, как в примере (9):

(9) *Дед по материнской линии отличался весьма суровым нравом. <...> Если что-то раздражало деда, он хмурил брови и низким голосом восклицал: — Абанамат!* (С. Довлатов. Наши).

Любопытным примером употребления параязыковой единицы в функции заместителя полнозначного слова является текст (10):

(10) *Просыпаюсь утром: брр. Смотрю, брр тоже проснулась.*

Обратим внимание на два вхождения в этот текст параязыковой единицы *брр*. Первое вхождение является показателем негативного эмоционального состояния говорящего, и единица *брр* обозначает это состояние. Второе вхождение единицы *брр* связано с первым лишь по форме. Смысл её иной: здесь *брр* обозначает, по-видимому, женщину, лежащую в постели, и при этом выражает отношение говорящего к этой женщине.

Данный пример показывает, что параязыковые единицы могут служить маркером экспрессивности текста, будь то монологический текст или диалогический. Наряду с некоторыми жестами отдельные параязыковые единицы отражают позицию говорящего по отношению к некоторому предмету речи или адресату. То, что такие невербальные единицы, как жесты, могут быть показателем экспрессивности отмечал в своей лекции на Летней лингвистической школе А. А. Зализняк. Тем самым, у параязыковых единиц и у жестов имеется важная общая функция.

Параязыковые единицы, обладающие функцией экспрессивности, могут использоваться как художественный прием, оживляющий текст, подобно рисункам в книгах для детей, ср. (11), где звуки сталкивающихся льдин заметно оживляют текст:

(11) *Я помню, как начинался ледоход на Неве, как сталкивались льдины — пш-ш-ш!, пш-ш-ш!* (В. Глоцер. Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс).

Текстовой функцией параязыковых единиц является также функция быть средством отображения жизни человеческого тела или жизни природы. Говоря о человеческом теле и его жизни, мы имеем в виду такие единицы, как физиологические звуки отрыжки, звуки, обозначающие подступившую тошноту, кашель, шмыгание носом или урчание желудка. В предложении (12) звук, издаваемый больным, обозначен неконвенциональной параязыковой единицей. Интересно здесь то, что врач, который одновременно является автором текста, именно так отображает данный звук, по-видимому, услышав его в больнице:

(12) *«Гхе» — рыгнул больной* (Ю. Крелин. Записки).

Еще одна функция параязыковых единиц — это функция звукового отображения совершаемых человеком действий.

Она является общей для разных классов невербальных знаков, в частности, для параязыковых единиц и жестов. Мы имеем в виду жест руки **сабля, рубящая воздух**, и отображаемый звук *вжиг-вжиг-вжиг*, звук *трах*, который сопровождает бросаемый на пол тяжелый предмет, или звук игры на музыкальном инструменте *трень-брень*.

Все эти звуки не являются конвенциональными параязыковыми единицами. Так, *трень-брень* скорее воспроизводит звук струнного музыкального инструмента, чем клавишного, но вне контекста определённо утверждать, что означаемое последовательности *трень-брень* — это именно такой звук, нельзя. Иными словами, семиотизация данной параязыковой единицы происходит в контексте.

Отметим попутно, что, на наш взгляд, при лексикографическом представлении глаголов, обозначающих действия со звуковым сопровождением, необходимо указывать соответствующие звуки, поскольку без их упоминания таких звуков словарное описание глаголов будет неполным. Так, выражение одного из значений глагола *резать* (*резать ножницами*) регулярно сопровождается параязыковой единицей *чик-чик*. Заметим также, что и жесты, которые могут сопровождать употребление полнозначного слова или параязыковой единицы, тоже заслуживают отдельного упоминания в семантических представлениях глаголов.

Специфическая функция параязыковых единиц, которой языковые единицы не обладают, — это функция обозначения различных патологий речи человека, связанных с произнесением каких-то звуков, см. примеры (13)–(15):

(13) — *Любит, любит она винишко! Пьет! — И* ***заика*** *кивнул:* ***к-к-как*** *губка* (В. Маканин. Боржоми).
(14) — ***Дадо*** *номер записать, —* ***гнусаво*** *проговорила Татьяна, отрываясь от Крылова*. (О. Славникова. 2017).
(15) — ***Маги́я, Маги́я****, уймись! —* ***картавил*** *из темноты Виктор Федорович*. (Р. Амосов. Подъем на холм).

В русском языке есть глаголы, которые описывают звуки, но сами звуки при этом явно не выражаются. Это, например, глаголы *фыркать, ржать* или *трещать*, образующие важный как для паралингвистики, так и для лингвистики, класс. Фактически, роль приведенных здесь и подобных глаголов — указывать на комплексы не вполне определённых звуков. Отметим, впрочем, что такие глаголы часто вводят прямую речь с <одним или несколькими> конкретными звуками или последовательностями звуков, см. предложение «*Фыр*» *— заржала, фыркнула она*.

Анализ всех подобных глаголов представляет собой важную и еще плохо изученную лингвистическую проблему. Заметим здесь лишь то, что такой глагол, как *фыркнуть*, характеризует звучание не только людей, но и ряда животных, в частности, лошадей и кошек, а также звучание отдельных механизмов и природных объектов, таких, как, например, мотор <автомобиля> или грязевый источник. См. ниже предложения (16)–(19):

(16) *Корова подошла к двери, шумно дохнула раза два; собака с достоинством на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь где-то в близости стала жевать сено и фыркать* (И. Тургенев. Хорь и Калиныч).
(17) *Сделав еще несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чем-то между собой фыркать и мяукать* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!).

(18) *Вдруг где-то за углом начинает стрелять и фыркать «газик», и старик появляется на дорожке в белом запыленном картузе, с двумя портфелями в руках* (В. Каверин. Два капитана).

(19) *Мы, теперь «теоретически подкованные», жаждем встречи с грязевым источником, хотим увидеть и услышать, как он будет фыркать и плеваться, словно манная каша в конце варки* (З. Лелянова. Дневник).

Говоря о функциях параязыковых единиц в текстах, нельзя не упомянуть возможность выполнения ими магической функции. Ей отводится важная роль в специальных, культурно значимых текстах — заклинаниях, заговорах, пожеланиях или приметах. Вспомним слова, сказанные как-то А. Н. Барулиным: «Звуки икоты у некоторых славянских и иных народов связаны с воспоминанием — считается, что икающего кто-то вспоминает и думает о нем. Айны верят в магическую силу чихания: если чихается легко, без болезненных усилий, то это к добру, к хорошему. А если чихается тяжело, с сильными громкими звуками, аж до боли, то это к беде» (А. Н. Барулин, доклад в Институте лингвистики РГГУ).

Вспомним также ритуальное употребление последовательностей, имитирующих звуки плевков *тьфу-тьфу*, ср. (20):

(20) *Вот вы все на здоровье жаловались, и ничего,* ***тьфу-тьфу****, а Рая никогда не болела даже простудой... — сказала Валентина*. (М. Трауб. Замочная скважина).

Такие тексты, как заговоры, нередко сопровождаются последовательностями звуков, не образующими конвенциональных единиц, — даже единиц параязыка. Например, в детском спектакле, поставленным режиссером А. Карасёвым, звучал следующий текст: *Гром гремит, огонь сверкает, Аркалаус исчезает*. Каждое из предложений в его составе сопровождалось единицами громыхания, сверкания и непонятными звуками, принадлежащими злому волшебнику Аркалаусу. Детей все такие звуки пугали, создавая соответствующую атмосферу внутри спектакля.

Вспомним также такие «сказочные» последовательности, как *крибли, крабле, бумс* («Снежная королева»), *крекс, пекс, фекс* («Буратино»), *абес хабес карто фля-бес* («Заколдованный мальчик»), *эни бени раба* («Шиворот-навыворот»).

Параязыковые единицы других языков тоже могут выполнять магические функции, обозначая нечто непонятное, волнующее, пугающее, ср. последовательность *ай, бен, гим!* в пьесе «В синем море, в белой пене». Эта последовательность построена по аналогии с названиями первых букв еврейского алфавита.

Магические функции параязыковых единиц «непонятных» языков хорошо чувствуют писатели и переводчики. Так, в известных книгах о Гарри Поттере у английской писательницы Джоан Роулинг встречается огромное количество параязыковых заговоров и заклинаний, нередко с указанием их вымышленной или реальной этимологии. Ср., например, текст одного из комментариев, сопровождающее заклинание *avada kedavra*. Его автор пишет, что в этом «зловещем «убивающем» заклинании ощущается влияние слова *абракадабра* и латинского слова *cadaver* ‘труп’».

Особой функцией параязыковых единиц является функция передразнивания, или имитации. Мы имеем в виду своеобразную передачу при помощи параязыковых единиц чужих слов. Бывают передразнивания, вызывающие у нормальных людей осуждение, например, передразнивание заикающегося или шепелявого человека, а бывают шутливые передразнивания взрослыми детей или взрослыми взрослых же. Так, если человек простужен и говорит в нос, произносимые им звуки часто пародируют окружающие. Тем самым, передразнивание бывает как оцениваемое негативно, так и позитивно; последнее обычно вызывает добрую улыбку.

Передразнивание чем-то напоминает специальный приём вычленения начальных слогов или звуковых последовательностей, см. примеры выше. Кроме того, существуют передразнивания, которые осуществляются при помощи удлинения отдельных гласных или согласных языковой единицы, превращая звук или букву в параязыковую последовательность.

Те же приемы, что при передразнивании, применяются при передаче чужой речи. Функция передачи параязыковыми единицами чужой речи — это еще одна функция, сближающая эти единицы с языковыми. И. Б. Левонтина в статье «С чужих слов» [Левонтина 2021: 515–517] отмечает, что для передачи чужой речи нередко используется особое интонационное оформление предложения или текста, которое передается на письме удлинением отдельных гласных. В этой статье она приводит примеры предложений и текстов диалогов со словом *вот* с удлинением в нем гласного *о*: *А она сидит и ноет: «**Воот**, я такая несчастная...»*; *Он расхвастался: «**Воот**, я самый крутой»*. В следующем примере, тоже приводимом И. Б. Левонтиной, удлинение гласной *а* происходит в составе диалога: *— И что он ответил? — Да что ответил! «**Маама** не разрешает»*. Автор статьи пишет, что чужая речь может не пересказываться, а с той же интонацией имитироваться с помощью разных бессмысленных сочетаний *ля-ля-фа-фа*, *тэ-тэ-тэ*, *тыры-пыры* и под., то есть, фактически, с помощью каких-то параязыковых единиц, быть может, даже неконвенциональных.

В последние годы в русский язык было заимствовано из английского выражение *бла-бла-бла*, которое также служит для обозначения чужой речи, которая кажется говорящему скучной, слишком длинной или неинформативной, см. (21):

(21) *Мы только **бла-бла-бла**, а если по делу, то сразу типа шуточки*. (А. Слаповский. Идея).

Едва ли не основной функцией параязыковых единиц, как самих по себе, так и вместе с адапторами, является передача осознанных или спонтанных поведенческих актов или неконтролируемых действий. Единицы с такой функцией либо выдают испытываемые говорящим в данный момент чувства, либо указывают на его актуальные состояния. Мы имеем в виду, например, внезапные частые подпрыгивания на месте в сочетании с хлопаньем в ладоши или с улыбкой, которые обозначают ‘сильную радость, ликование’. Шлепанье себя по бедру или по ляжке и возникающий при этом звук выражают ‘решимость’ или — другое значение того же комплекса — ‘сильное удовольствие’.

Вспомним также языковые комментарии, часто сопровождающие речь главнокомандующего или главы государства. Они в письменном тексте традиционно пишутся в скобках: *аплодисменты*, *бурные аплодисменты*, *бурные аплодисменты, переходящие в овацию*. Очевидно, что за этими комментариями стоят разные жестовые и параязыковые единицы, которые, впрочем, не имеют конвенциональных представлений.

Особую роль в текстах, как мы уже отмечали, играют лингвокультурологические комплексы речевых и параречевых звуков. Такие слова, как *стон*, *смех*, *крик* и *плач*, являются обобщающими словами как для соответствующих звуков, так и для ряда других невербальных знаков. Например, слово *смех* объединяет не только звуки смеха *ха-ха-ха*, *хи-хи-хи*, *гы-гы-гы*, но и знаковые движения тела или отдельных телесных объектов, ср. сочетания *содрогнулся от смеха*, *согнулся от смеха*, *прикрыл рот рукой*.

В сочетаниях *содрогнулся от смеха*, *<лицо> сморщилось от плача* и им подобных телесные знаки, равно как и звуковые последовательности, являются внешними проявлениями внутренних состояний человека — смеха и плача. У лингвокультурологических комплексов, как мы видим, имеется функция обобщения разного рода невербальных знаков — параязыковых, жестовых и др.

Заключение

В статье мы охарактеризовали основные функции, которыми параязыковые единицы обладают в текстах. Это функция отображения испытываемых человеком в момент речи эмоций или указание на его состояние. При этом особо отмечалось, что единицы с такой функцией часто выступают в текстах в едином комплексе с жестами, образуя сложную невербальную единицу.

Выделили мы также функцию замещения параязыковыми единицами полнозначных языковых единиц и ее разновидность — эвфемистическую функцию замещения в тексте параязыковыми единицами обсценных слов и словосочетаний.

Некоторые параязыковые единицы служат маркерами экспрессивности, нередко с сопутствующими жестами. Показано, что такие единицы придают тексту особую стилистическую окраску.

Важной функцией параязыковых единиц является функция сопровождения совершаемых человеком действий. Ее выполняют не только единицы параязыка, но и жесты. Тем самым эта функция является общей для определенных видов невербальных знаков.

Еще одна отмеченная нами функция параязыковых единиц — это обозначение различных патологий речи человека, связанных с произнесением отдельных звуков.

Мы выделили и охарактеризовали магическую функцию параязыковых единиц в разного рода текстах, а также рассмотрели роль параязыковых единиц как средств передачи чужой речи, ее имитации или шутливого передразнивания.

Конечно, мы не смогли в рамках одной статьи обсудить все функции параязыковых единиц в русских текстах. Так, мы не упомянули, например, такую важную функцию параязыковых единиц, как функцию поддержания общения (фатическую

функцию) или особые функции, которые выполняют параязыковые единицы в детской или профессиональной речи. Эти функции будут предметом дальнейшего исследования.

Литература

Кодзасов С. В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 502–526.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002. 592 с.

Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Параязык в текстах // Русская речь. 2023. № 1, С. 45–65.

Левонтина И. Б. Честное слово. М.: АСТ — CORPUS, 2021. 576 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Под ред. Л. П. Крысина. Выпуск 1–4. М.: Языки славянской культуры. Вып. 5. М. — СПб: Нестор-История, 2014–2022.

Шаронов И. А. Вводные употребления междометий и звукоподражательных слов в художественных текстах // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1. Материалы международной научной конференции «I-е Бриковские чтения: Поэтика и фоностилистика» (Московский государственный университет печати, Москва, 10–12 февраля 2010 года). М.: 2010. С. 90–96.

Шаронов И. А. Звукоподражательные слова — между речью и языком // Фундаментальная лингвистика. 2023. № 1. С. 23–30.

Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive Parenthical Verbs in Russian. Proceedings of the 5th International Meaning — Text Theory. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). P. 120–132.

G. E. Kreidlin
Istitute of Linguistics RSUH
(Russia, Moscow)
gekr@iitp.ru,

E. Ya. Shmeleva
Vinogradov Institute for the Russian Language of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
eshkind@mail.ru

FUNCTIONS OF PARALINGUISTIC UNITS IN RUSSIAN TEXTS

The purpose of this work is to discuss the functions of paralinguistic units in Russian monologue and dialogic texts. Of the three types of paralinguistic units — sequences of sounds signified in context, phonations and linguocultural complexes — the functions performed by sequences of sounds and linguocultural complexes are considered.

Many of these functions are compared with the functions of linguistic units. It is shown that some of them are general, while others are specific of paralinguistic units. Paralinguistic units serve to imitate sounds made by animals or special mechanisms. Besides, they are markers of current human emotions or states. Special functions of paralinguistic units are noted, such as a magical function, the function of displaying the life of the human body, simulating pronunciation pathology or someone else's speech.

The work also poses some problems concerning the relationship between paralinguistic units with verbs denoting actions accompanied by sounds (*grinding*, *kissing*, *creaking*), and non-verbal units of one type (paralinguistic) with non-verbal units of another type (gestural). The authors come to the conclusion that a complete lexicographic description of such verbs in explanatory dictionaries should contain information about the sounds accompanying these verbs, and the lexicographic description of input units in paralanguage dictionaries should include information about the combination of these units with gestures.

Keywords: paralinguistic unit, function, monological text, dialogical text, linguocultural complex

References

Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive Parenthical Verbs in Russian. Proceedings of the 5th International Meaning — Text Theory. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). P. 120–132.

Kodzasov S. V. [Voice: properties, functions and nominations]. Yazyk o yazyke [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 502–526. (In Russ.).

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow: NLO Publ., 2002. 592 p. (In Russ.)

Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Paralanguage in Texts] *Russkaya rech'*, 2021, no 1, p. 509–519. (In Russ.)

Levontina I. B. *Chestnoe slovo* [Word of Honor]. Moscow: AST — CORPUS Publ., 2021. 576 p. (In Russ.)

Sharonov I. A. [Introductory uses of interjections and onomatopoeic words in literary texts] *Poetika i fonostilistika: Brikovskii sbornik. Vyp. 1. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «I-e Brikovskie chteniya: Poetika i fonostilistika»* [Poetics and phonostylistics. Brik's collection. Vol. 1. Proceedings of the international scientific conference "I Brik's Readings: Poetics and Phonostylistics"] Moscow State University of Printing Arts, Moscow, February 10–12, 2010, P. 90–96. (In Russ.)

Sharonov I. A. [Onomatopoeic words — between speech and language] Fundamental'naya lingvistika, 2023, no. 1, p. 23–30 (In Russ.)

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi [A Dictionary of Russian Everyday Speech] Ed. L. P. Krysin. V. 1–4. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. V. 5. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 2014–2022.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.15

Л. П. Крысин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
leonid-krysin@mail.ru

«ЖЕСТОВЫЕ» СЛОВА И ИХ ОПИСАНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

В статье рассматривается проблема словарного описания такой лексики, которая содержит в своих значениях два вида информации: (1) собственно лингвистическую: указание на семантику, грамматическую принадлежность слова, особенности его поведения в составе высказывания, смысловые и иные связи данного слова с близкими или противоположными по значению — синонимами, антонимами, со словами, связанными с данным конверсными и аналоговыми отношениями, и т. п.; (2) информацию, которая обусловлена некоторыми поведенческими свойствами человека — например, мимикой и жестами, и которая получает или должна получать то или иное отражение в словарном описании соответствующих слов.

Как показано в статье, в русском языке такие не собственно лингвистические сведения характерны в первую очередь для частиц и междометий. Это объясняется тем, что частицы и междометия тесным образом связаны с характером поведения человека в различных коммуникативных ситуациях. В живом, не планируемом заранее, спонтанном общении людей важны такие «мелочи», которые выражают различные эмоции человека, формы его отношений с другими людьми — с родственниками, друзьями, коллегами по работе или по совместным увлечениям и т. п. Чем менее формальны эти отношения, чем свободнее чувствует себя человек, чем меньше он контролирует свою речь с точки зрения соответствия ее более или менее общепринятыми нормам и требованиям, тем бóльшую роль в его речи играют элементы не собственно речевого общения — жесты, мимика, телодвижения.

В статье приводятся примеры лексикографического представления в современных толковых словарях такого рода слов, которые объединяют в своих значениях лингвистическую и нелингвистическую информацию.

Ключевые слова: словарь, словарная статья, толкование, жест, мимика, междометия, частицы

«Жестовыми» можно условно назвать слова, употребление которых в устном общении сопровождается или может сопровождаться какими-либо жестами.

Это, например, русская частица *на* в контекстах типа: — *Ты мой мобильник не видела? —* ***На****/ вот он/ ты его под книги засунула//;* (Разговор старшего и младшего братьев:) — *Я тебе сто раз говорил/ не бери мой шарф! — Да* ***на****/* ***на*** *его/ подавись!;* (Дочь — матери:) — *Мам/ ты мне свои серьги на вечер не дашь? —* ***На****/ только осторожней/ у одной замок плохо держит//* (Записи устной речи, 2003, 2009) [ТСРР, вып. 2: 376].

Чаще всего жесты сопутствуют употреблению частиц и междометий, некоторых местоименных наречий типа *так, там, туда, досюда, дотуда*; ручные жесты, а также определенные телодвижения и мимика могут присутствовать и при произнесении слов, принадлежащих к иным грамматическим разрядам.

Надо сказать, что современные толковые словари при описании указанных групп лексики редко отмечают возможность или обычность жестового или мимического поведения говорящих при устном употреблении ими слов, принадлежащих к этим группам. Но всё же в некоторых словарях можно обнаружить упоминание о тех или иных жестах, характерных для употребления того или иного слова.

Например, описание местоименной частицы **во как** — в составе словарной статьи **ВО¹** в Малом академическом словаре — имеет такое толкование: «**Во как** — до крайности, чрезвычайно (обычно сопровождается жестом[1])», которое иллюстрируется примером: «— *Так и мне* ***во*** *как неохота! — Он провел рукой по горлу*. Гранин, Иду на грозу».

В то же время при описании самой частицы *во¹* в некоторых ее значениях указания на какие-либо жесты, сопровождающие ее употребление, отсутствуют — несмотря на то, что в приведенных текстовых иллюстрациях такая информация есть: «— *Где же дорога? — А* ***во!*** *Направо-то, видишь, песок, как гряда сделана! — указывая на насыпь, говорили Горюнову шедшие на железную дорогу.* Решетников, Где лучше?»; «— *Я, пожалуй, приду к тебе завтра утречком. —* ***Во, во!*** *— радостно закивал Игнат.* Караваева, Лесозавод»[2].

В описании 1-го значения многозначной частицы **ВОТ** в том же словаре: «Употребляется при указании на кого-, что-л. находящееся или происходящее перед глазами, в непосредственной близости» — присутствует оттенок, толкуемый так: «Сопровождает указательный жест» с примерами: *Я выстрелил, и попал вот в эту картину. (Граф указывал пальцем на простреленную картину.* Пушкин, Выстрел. — *Вот... — Шацкий торжественно показал на море. — Вот громадные водные плоскости.* Паустовский, Кара-Бугаз»[3].

При словарном представлении частицы **НУ¹** некоторые особенности употребления этой многозначной частицы «прочитываются» не в толкованиях,

---

[1] Разрядка здесь и дальше моя. — *Авт*.

[2] МАС, т. 1, с. 190.

[3] Там же, с. 219.

а в иллюстративных примерах: «Выражает желание избавиться от кого-, чего-л. нелюбимого, надоевшего, ненужного; соответствует по значению словам: прочь, долой. — *Не ем я раков... Ну их! — сказал старик и б р е з г л и в о о т в е р н у л с я*. Чехов, Степь».[4]

Словарная статья частицы **ВОН²** в «Академическом толковом словаре русского языка» [АТоС, т. 2: 133] в одном из значений этой частицы имеет следующее толкование: «В сочетании с указательными и относительными местоимениями и наречиями имеет значение уточнения (употребление слова сопровождается обычно у к а з а т е л ь н ы м ж е с т о м р у к и)» — с такими иллюстративными примерами: «*Вон туда надо идти.* □ *— Это вон там было, — поясняла Любовь Онисимовна, указывая рукою по направлению к самому отдаленному углу полуразрушенных серых заграждений.* Н. Лесков. Тупейный художник».

Поскольку жестовое сопровождение слова присутствует обычно в устной непринужденной речи и преимущественно в ситуации визуального[5] общения собеседников, наиболее естественно увидеть словарные комментарии к употреблению тех или иных слов в таких лексикографических изданиях, которые посвящены описанию устно-разговорных форм речи.

Одним из таких изданий является «Толковый словарь русской разговорной речи» (ТСРР). Материалы именно этого словаря фигурируют в качестве примеров в дальнейшем.

Помимо частицы **НА**, словарная статья которой приведена в начале этой статьи, при знакомстве с названным словарем могут обратить на себя внимание и некоторые другие словарные статьи, преимущественно служебных слов — частиц и междометий, местоименных наречий.

Обращение к лексическим единицам именно этих лексико-грамматических категорий русской лексики объясняется двумя причинами: во-первых, эта «словесная мелочь» наиболее характерна с точки зрения выражения различных эмоций, проявляющихся в непосредственном и заранее не подготовленном устном общении людей; во-вторых, многие частицы и междометия составляют неотъемлемую часть устного непринужденного общения носителей языка, и, стало быть, без их словарного представления лексикографическое описание такого общения было бы неполным. Что касается некоторых местоименных наречий — типа *досюда, дотуда* и под., — то в самом их значении (и, соответственно, в толковании) в том или ином виде присутствует фигура говорящего.

Итак, приведем примеры некоторых словарных статей (или их фрагментов), содержащихся в ТСРР и описывающих частицы, междометия и местоименные наречия, — либо как самостоятельные лексические единицы, либо в составе

---

[4] Там же, с. 513.

[5] В лингвистической литературе уже отмечалось, что жестикулировать или мимически реагировать на речь собеседника человек может, не видя собеседника, — например, при разговоре с ним по телефону. См.: [Русская разговорная речь 1983]; [Капанадзе 2005: 204–227].

фразем[6]. Те или иные указания на присутствие жестов при употреблении рассматриваемых слов — в толкованиях, в зоне PRAGM, в иллюстративных примерах — для удобства чтения выделены разрядкой.

ДА.

PHRAS: **да ну тебя <вас, ее, их** и т. п.> — выражает отказ от чего-л., несогласие с чем-л., осуждение и т. п. (может сопровождаться как бы о т с т р а н я ю щ и м ж е с т о м р у к и). — *Расскажи про наёмников, дядька Аптахар! — **Да ну вас**, — о т м а х н у л с я однорукий калека. — Я уже и рассказывать-то не умею* (М. Семёнова. Волкодав: Знамение пути).

ДАВАЙ.

DEF: употребляется как формула прощания, как знак окончания общения. — *Ну, **давай**, разбегаемся: мне по делам, а ты — куда хочешь* (М. Чулаки. Примус); — *Ну, **давай**, — он п о в е р н у л с я к о м н е и п р о т я н у л р у к у* (А. Геласимов. Год обмана).

ДОСЮ́ДА.

1. DEF: до места, где находится говорящий или которое он упоминает. *От моста **досюда** метров двести будет; А вы **досюда** доезжали или на опушке палатку ставили?; Если не дай Бог наводнение/ вода и **досюда** дойдет//* (Записи устной речи, 2008); *Жар* [от пожара] *доносился даже **досюда** — метров за пятьдесят* (С. Таранов. Черт за спиной).

MORPH: *мест. нареч.*

ANT: дотуда.

PRAGM: 1) при обозначении расстояния говорящий указывает с помощью этого слова протяженность от какого-л. объекта до места, где он находится; 2) употребление слова может сопровождаться частицей *вот* и соответствующим у к а з а т е л ь н ы м ж е с т о м р у к и.

2. DEF: до места, на которое указывает говорящий. — *Давай-ка прочитай вот отсюда **досюда*** (Запись устной речи, 2001); *Трусы вот такие, вот **досюда** только, — и сапоги* (А. Волос. Недвижимость).

---

[6] Словарная статья в ТСРР имеет вид перечня зон, каждая из которых снабжена соответствующей меткой и содержит только один вид лингвистической информации об описываемом слове:

Вход — слово в его исходной форме;

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналоги;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т. п. — употребления данной единицы в речи.

MORPH: *мест. нареч.*

PRAGM: употребление слова обычно сопровождается частицей *вот* и указательным жестом руки.

ДОТУ́ДА.

DEF: до места, где не находится говорящий и на которое он указывает или которое упоминает. ***Дотуда*** *за один день не доберёшься; Поезда* ***дотуда*** *не ходят/ только вертолетом можно//* (Записи устной речи, 2010); *— А мы только доедем вон* ***дотуда*** *и кругом церкви и опять сюда* (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания); *— Начало в девятнадцать ноль-ноль.* ***Дотуда*** *час езды. Значит, собираемся...* (А. Рекемчук. Мальчики); *Стрела пронеслась над головами и упала где-то на лугу. — Вон* ***дотуда*** *отойдите! — взвизгнул старик* (А. Иванов. Сердце Пармы).

MORPH: *мест. нареч.*

STYL: *сниж.*

ANT: досюда (в 1 знач.).

PRAGM: 1) при обозначении расстояния говорящий указывает с помощью этого слова протяженность от места, где он находится, до какого-л. объекта; 2) употребление слова может сопровождаться частицей *вон* и соответствующим указательным жестом руки.

ТАК. (Фрагмент словарной статьи, составленной Н. Н. Розановой)

6. DEF: не вполне хорошо, средне. *— А дом большой? — Да* ***так****/ не очень-то/ на два хозяина...* (Из коллекции НКРЯ, 2005*); — Ну спектакль-то понравился? —* ***Так****// — Что-то кислый больно ответ// Плохо что ль? — Да нет/ не плохо... Но чего-то не то... чего-то не хватает//* (Запись устной речи, 1980); *— Как там мама/ Леночка? Мама как? —* ***Так****/ по-всякому// — По-всякому? — Конечно/ когда болеет/ когда...* (Разговор подруг по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015).

MORPH: *нареч.*

SYN: не ахти (*см.* ахти), серёдка на половинку (*см.* серёдка), средненько.

ANALOG: как сказать (*см.* как), ни рыба ни мясо (*см.* рыба), никак (в 3 знач.), не того (*см.* то), ни то ни сё (*см.* то).

PRAGM: уклончивый ответ говорящего о ком-чем-л., не соответствующем его требованиям, желаниям, запросам: недостаточно хорошо, красиво, удобно и т. п.; обычно имеет особый интонационный рисунок (гласный произносится с большей интенсивностью и гортанной смычкой) и сопровождается соответствующей мимикой.

ТСС! (Фрагмент словарной статьи, составленной О. А. Шарыкиной)

1. DEF: призыв соблюдать тишину. *— А где пакет с деньгами? —* ***Тсс****... На чердаке, — ответил Марков и громко добавил, — пошли!* (С. Довлатов. Заповедник); *Он хотел что-то спросить, но Буддо больно двумя пальцами сдавил ему плечо и сказал «****тсс!****». Где-то совсем рядом плакала женщина... — Кто*

это? — спросил Зыбин, но Буддо опять сказал ***«тсс!»*** *и приложил палец к губам* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Когда играешь детские спектакли на большой сцене, немного проще — море детей где-то далеко от тебя, в зале, на коленях у своих родителей, которые вовремя скажут:* ***«Тсс»****. Или если ребенок заплачет — успокоят* (Труд-7, 19.11.2009).

MORPH: *междом.*

SYN: ш-ш-ш.

ANALOG: тихо, тихонько (в 5 знач.), тише, цыц! (в 1 знач.).

PRAGM: обычно произносится шепотом, может сопровождаться характерным жестом — прикладыванием указательного пальца к губам.

Некоторые междометия и частицы в самом словарном толковании содержат компоненты, обозначающие определенные жесты или физические действия говорящих. Например:

ХОП.

1. DEF: возглас, сопровождающий какие-л. резкие, быстрые действия. *Ну/* ***хоп****/* ***хоп****/ как я вас учил! Не бойтесь/ тогда всё получится//* (Запись устной речи, 2013); [Собирается ударить собеседнику молотком по коленке:] *— Бить? — Бей// — Ладно* [бьет]*//* ***Хоп****! Чёрт...* ***Хоп! Хоп! Хоп****!* (К/ф «Сто дней после детства», 1974); *А ну-ка/ встали! Встали! Руки в стороны/* ***хоп****! Вверх/* ***хоп!*** *Вращаем кисти рук/* ***хоп! Хоп!*** (Запись устной речи, 2011).

ШМЫГ. (Фрагмент словарной статьи, составленной Р. И. Розиной)

1. DEF: употребляется для обозначения очень быстрого перемещения кого-л. куда-л. — *Через три дня снова к нам приехал черный воронок — забирали уже меня, Володю и Костю. Когда стали нас сажать в машину, Володя* ***шмыг*** *— и убежал* (lenta.ru, 13.08.2019); *Жалко кота — был тощенький, голодный. А он еще ловкий такой! Как посетитель в библиотеку — он* ***шмыг*** *с ним в библиотеку: — Здрасьте! Я пришел! — рассказывает «МК в Твери» директор библиотеки Ольга Смирнова* (МК, 28.11.2020); *Григол не унимался. Он рассказал, что младшая сестра Вали иногда выскакивает нагой на балкон. — Выбежит голышом, повернется то так, то этак и* ***шмыг*** *обратно в комнату* (Г. Сванидзе. Подростковые игры); *— Гляжу — физиономия знакомая. Неужели Шумахер?! А он тут же за дверь —* ***шмыг*** *и на прощание улыбнулся: — Москау — гут!* (КП, 18.11.2002).

Указание на определенные физические действия и жесты характерны не только для толкования междометий и частиц (хотя для них — в особенности).

Словарные статьи знаменательных и при этом многозначных слов в толковании прямых значений того или иного слова могут содержать компоненты, указывающие на какие-либо жесты и действия человека (как легко убедиться по приведенным выше примерам). В других же, переносных не имеют таких указаний:

формирование переносного значения как раз и основано на ином, нефизическом осмыслении тех компонентов толкования, которые фигурируют в описании прямого значения слова. Однако для указания на связь прямого и переносного значений слова составители толковых словарей могут пояснять эту связь прямого и переносного значений вне собственно толкования, а, например, в особой зоне лексикографического представления слова, которая в «Толковом словаре русской разговорной речи» фигурирует в качестве зоны под названием PRAGM.

В качестве примера полнозначного слова, словарное описание которого включает информацию о жестикуляции, сопровождающей употребление этого слова, приведем словарную статью глагола *отмахнуться* в его переносном значении (словарная статья составлена Е. А. Никишиной).

ОТМАХНУ́ТЬСЯ.

DEF: не вникнув в суть дела, оставить без внимания, отказаться от его рассмотрения. *Марат/ вопрос тоже такой/ не самый простой/ наверное// Вот// Только не* ***отмахивайся*** *от него//* (Беседа с на радиостанции «Русское радио-2» // Из коллекции НКРЯ, 2005); *А я спросил её вчера про эту аварию/ она говорит/ ну она какая-то небольшая была// к счастью для всех// никакого шума большого не было/ ну/ так даже* ***отмахнулась****/ от этой темы//* (Записи устной речи // Из материалов корпуса «Один речевой день», 2009); *И вот я прихожу/ они матерятся между собой/ ну я сразу/ он говорит «а-а!»/* ***отмахнулся*** *от меня// Меня это так больно ударило/ «что ж такое?»* (Записи устной речи // М. Китайгородская, Н. Розанова. Речь москвичей, 1997); *А они всё время куда-то бежали, торопились, не успевали и* ***отмахивались*** *от нас: некогда, некогда!!* (С. Алексиевич. Зачарованные смертью); *Мало какой родитель способен устоять перед серьёзным отношением к делу. Это такая штука, от которой просто так не* ***отмахнёшься*** (Л. Петрановская. Что делать, если...2).

MORPH: *сов.; несов.* отмахиваться.

SYNT: *от кого-чего* или *без доп*.

SYN: отвертеться, отделаться, откреститься.

ANALOG: отбояриться, отбрехаться, откосить, открутиться, отлынивать, отмазаться, отнекиваться, отпираться.

PRAGM: действие, обозначаемое глаголом *отмахнуться*, часто сопровождается характерным жестом, при котором говорящий взмахом руки по направлению от себя как бы пытается отогнать от себя кого-что-л.

Надо обратить внимание на то обстоятельство, что указанная в зоне PRAGM информация не могла бы составить часть толкования (зона DEF) ввиду необязательного присутствия соответствующего жеста при употреблении глагола *отмахиваться — отмахнуться* в данном, переносном значении. Ср. контексты с прямым значением этого глагола типа *отмахиваться от комаров*, *отмахнулась от назойливой мухи,* где такой компонент значения обязателен в составе толкования: ‘взмахом руки или рук отгонять (отогнать) от себя кого-л.’.

В заключение надо сказать, что тема совмещения в пределах толкового словаря, с одной стороны, семантической, грамматической и иной л и н г в и с т и ч е с к о й информации и, с другой, сведений о жестовом и мимическом поведении говорящих при употреблении ими определенных групп лексики и отдельных слов в условиях устного спонтанного общения заслуживает углубленного анализа и широкого привлечения словарного материала.

Литература

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1–2. М.: ЯСК, 2016.

Капанадзе Л. А. Жест в разговорной речи // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 204–227.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1–5. М., 2014–2022.

L. P. Krysin
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
leonid-krysin@mail.ru

SIGN WORDS AND THEIR DESCRIPTION IN THE EXPLANATORY DICTIONARY

The article examines the problem of lexicographic description of such words, which contain in their meanings two types of information: (1) linguistic information proper, i. e. an indication of the semantics, grammatical affiliation of the word, features of its behavior as part of a statement, semantic and other connections of this word with similar or opposite ones in meaning, such as synonyms, antonyms, and words related to the given ones by converse and analogue relations, etc.; (2) information that is determined by certain behavioral characteristics of a person such as, for instance, facial expressions and gestures, and which is or should be reflected in some way in the dictionary description of the words in question.

As shown in the article, in the Russian language such non-linguistic information is characteristic primarily of particles and interjections. This is explained by the fact that particles and interjections are closely related to the nature of human behavior in various communicative situations. In live, spontaneous communication between people such “trifles” are important that express various emotions of a person, forms of her / his relations

with other people — with relatives, friends, work colleagues or joint hobbies, etc. The less formal these relationships are, the freer one feels, the less one controls one's speech in terms of its compliance with more or less generally accepted norms and requirements, the greater the role in her / his speech is played by elements of non-verbal communication — gestures, facial expressions, body movements.

The article provides examples of lexicographic representation in modern explanatory dictionaries of such words, which combine linguistic and non-linguistic information in their meanings.

Keywords: dictionary, dictionary entry, interpretation, gesture, facial expressions, interjections, particles

References

Akademicheskij tolovyj slovar' russkogo yazyka. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Krysin L. P. (ed.). Vol. 1–2. Moscow: Yazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2016. (continued edition).

Kapanadze L. A. *Zhest v razgovornoj rechi* [Gesture in Everyday Speech]. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Voices and Meanings. Selected Works on Russian Language]. Moscow, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN Publ., pp. 204–227 (In Russ.).

Russkaja razgovornaja rech'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Je. A. Zemskaja (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1983.

Slovar' russkogo yazyka [Russian Language Dictionary: in 4 volumes]. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.

Tolkovyi slovar russkoi razgovornoi rechi [Explanatory Dictionary of the Russian Everyday Speech]. Krysin L. P. (ed.). Vol. 1–5. Moscow, 2014–2022.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.16

О. Ю. Крючкова
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru

НЕКОДИФИЦИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ

В диалектной речи обнаруживается своеобразный в сравнении с литературно-разговорной речью набор некодифицированных лексических элементов. В статье на материале записей речи носителей среднерусского говора анализируются следующие типы некодифицированных лексических единиц: собственно диалектная лексика; общерусская разговорно-просторечная лексика и ее фонетические и словообразовательные модификации (диалектные варианты); созданные по регулярным словообразовательным моделям диалектно-просторечные образования, которые не имеют постоянного распространения в говоре, не являются устойчивыми элементами его лексической системы и носят характер индивидуальных окказиональных единиц; фонетические диалектные варианты литературной лексики; функционально-семантические диалектные варианты литературной лексики.

Все разновидности некодифицированной лексики находятся в тесном взаимодействии в речи диалектоносителей, вступают в отношения свободного варьирования как внутри данной группы, так и с лексикой общелитературной, что составляет специфику устно-разговорного общения на диалекте. Реже можно предполагать некоторое функциональное распределение некодифицированных и кодифицированных лексических единиц в речи диалектоносителей.

Изучение состава и особенностей функционирования некодифицированной лексики в диалектной речи — один из важнейших аспектов исследования лексики диалектных систем, характеризующихся специфическим соотношением с другими формами национального языка.

Ключевые слова: русские диалекты, некодифицированная лексика, формы существования национального языка

Территориальные диалекты отличаются от литературного языка отсутствием целенаправленно формируемой нормы, т. е. представляют в целом некодифицированную социально-функциональную подсистему в составе национального языка. Однако в диалектной речи функционируют как единицы, совпадающие

с литературным стандартом, так и отличающиеся от него (последние рассматриваются в данной статье как некодифицированные элементы).

Исследователями диалектной речи неоднократно отмечен ее сложный лексический состав (см., напр., [Блинова 1972]). «Своеобразие лексических систем говоров создается неповторимым сочетанием диалектных и общенародных элементов» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 126]. Несамостоятельность (диалектная система выступает как частная реализация общеязыковой системы), открытость (наличие общих звеньев у целого ряда диалектных систем), проницаемость (проникновение элементов других языковых систем) как специфические свойства народных говоров обусловливают особую актуальность изучения взаимоотношений между лексическими подсистемами в составе диалектной речи.

Общение на диалекте характеризуется своеобразным набором некодифицированных лексических подсистем и особенностями их взаимоотношений. В речи диалектоносителей выделяются следующие подгруппы некодифицированных лексических единиц (анализируемый языковой материал извлечен из записей речи жителей с. Белогорное Саратовской области — носителей среднерусского окающего говора): собственно диалектные лексические единицы; общерусская разговорно-просторечная лексика и ее фонетические и словообразовательные диалектные варианты; диалектно-просторечные образования, имеющие характер индивидуальных окказиональных единиц; фонетические диалектные варианты общерусской литературной лексики; семантические диалектные варианты общерусской литературной лексики.

К собственно диалектной лексике, устойчиво функционирующей на территории распространения говора, относятся такие единицы, как *фатера* ‘жилое помещение, место посиделок деревенской молодежи’, *зыбка* ‘колыбель’, *козулки* ‘колени’, *сибирка* ‘нарыв’, *тенёта* ‘паутина’, *жаворонки* ‘маленькие сдобные булочки в форме жаворонков’, *усадьба* ‘земельный участок’, *встречь* ‘навстречу’, *утрось* ‘минувшим утром’. Лексические, семантические и словообразовательные диалектизмы занимают не основное место в составе некодифицированной лексики в речи диалектоносителей.

Основное место среди некодифицированных лексических единиц принадлежит общерусской разговорно-просторечной лексике: *маленько, слыхать, эдакий*, *захватить* в знач. ‘застать’ (*вот меня война захватила*), *вытащить* в знач. ‘извлечь, вынуть’ (*выташыли осколок*), *убить* в знач. ‘израсходовать, неразумно истратить деньги’ (*скоко средствов убили на эт-то!*), *разбегаться* в знач. ‘разводиться’, *пожениться* ‘жениться’ (*я пришёл* [с войны] *поженилси*), *свидеться*, *народиться* ‘родиться’; *уважать* в знач. ‘любить, ценить’ (*я уважаю птиц*), *брательник*, *баба* ‘жена’, *больно* в знач. ‘очень’, *порешить* ‘убить’, *таскать* ‘носить’, *помереть*, *моментом* ‘тотчас, мигом’.

Общерусская разговорно-просторечная лексика нередко носит в диалектной речи нейтральный характер, она в отличие от разговорно-литературного ее употребления стилистически не маркирована [Кац 1964: 125], входит в активный словарь

диалектоносителей [Лукьянова 1973: 159], включается наряду с диалектной лексикой в любительские диалектные словари [Букринская, Кармакова, 2018: 51], что подчеркивает, с одной стороны, ее прочные позиции в речи носителей говора, а с другой — осознание ее специфики в сравнении с литературным языком.

Общерусская разговорно-просторечная лексика может претерпевать фонетические и словообразовательные модификации на диалектной почве, что ведет к возникновению фонетических и словообразовательных диалектных вариантов разговорно-просторечной лексики: *маненько* (ср.: *маленько*), *прихватить* ‘застать’ — *она прихватила старую жизнь* (ср.: *захватить*), *заположенеть* (ср.: *в положении* в знач. ‘беременная’).

Заметное место в диалектной речи занимают диалектно-просторечные образования, имеющие характер индивидуальных окказиональных единиц, созданных по неиндивидуальным, регулярным словообразовательным моделям. Ср.:

погрешно ‘грешно’: *и в честь праздника мы не выпивам/ ничего/ мы такие торжества не делам// это погрешно*;

срамба ‘срам’: *гляжу/ идут/ в одных трусах* [в шортах]*/ да батюшки!/ да что уж это! <...> женщина! имеет двух детей/ сын/ дочь/ и она эдак идёт/ а?/ срамба!*;

надтихнуть ‘притихнуть’: *а потом/ когда маненьки надтихло всё это...*;

неподсильный ‘непосильный’: *раньше ведь каки налоги-ти были/ <...> неподсильны были налоги-то*.

К этой же группе относятся такие единицы, как *урядить* ‘украсить, нарядить’, *разряжаться* ‘раздеваться, снимать одежду’, *спонадобиться* ‘понадобиться’, *обпиться* ‘выпить слишком много алкоголя, упиться’, *бесстыжесть*, *поверовать* ‘уверовать’, *общá* ‘сообща’, *смотыжить* ‘обработать мотыгой’, *цементовый, бревнистый*, *секретарьщица*, *охранщик*, *почтальонка, овчарка* ‘работница, занимающаяся уходом за овцами’.

Появление подобных образований является следствием более свободного, чем в литературной речи, словообразовательного моделирования, характерного для нежестко нормированных типов речи. Отсутствие письменности и словарной традиции, как справедливо отмечено И. А. Оссовецким во введении к известному Словарю говора д. Деулино, «создает очень благоприятные условия для относительно широкого и интенсивного процесса образования индивидуальных слов по неиндивидуальным регулярным словообразовательным моделям» [Словарь 1969: 17]. В результате «в говоре слов индивидуального словопроизводства гораздо больше, чем в литературном языке» [Там же].

Состав некодифицированной лексики, функционирующей в диалектной речи, пополняется за счет недостаточного освоения диалектоносителями литературной лексики — как со стороны ее формы, так и со стороны значения. Результатом незавершенного процесса освоения литературных слов становятся фонетические и семантические диалектные варианты общерусской литературной лексики.

Ср. фонетические варианты: *телевизер*, *элекстричка / лектричка*, *сумовольно*, *мотофон* ‘магнитофон’, *фицер* ‘офицер’, *лазарь* ‘лазер’, *рентгелог* ‘рентгенолог’, *радиво*, *проздравление*, *проздравлять*, *ихуировать* ‘эвакуировать’, *акуация* ‘эвакуация’, *мэтээсы* ‘МТС’, *ликавизация* ‘коллективизация’, *нелэо* ‘НЛО’.

Неточное знание и воспроизведение подобной лексики нередко осознается самими носителя диалекта, о чем свидетельствуют сигналы неуверенного знания, сопровождающие употребление таких слов, ср.: *кода пошло/ раскулачивания/ начали/* ***ликавизация****-то/ эта пошла уж... <...>* ***ликавизация*** *что ли она называлась/ ну отбирали всё/ у боґатых всё отбирали*; ***недмит****... ***немитстрация*** [администрация] *что ль какая/ я не выговорю*.

Литературные единицы используются в речи диалектоносителей с изменением их литературно-нормативных значений, за счет чего образуются семантические диалектные варианты общерусской литературной лексики, кодифицированная лексика приобретает свойства некодифицированной. Ср.:

вот он ночью-то/ <...> трёт его [сердце]/ *с ём уж приступ-то/ знашь/ он видимо.../ как бы сказать.../ ну/ чёго/* ***практика*** *что ль это у него была/ чёго ли* (практика в знач. ‘привычка’);

а церковь в двадцать девятом году сожгли// когда раскулачивали/ <...> и церковь/ значит... так её... ну... ***атрофировали****/ что ли// и решили там сделать клуб* (*атрофировать* в знач. ‘ликвидировать’);

был ***гипноз****/ приезжал вот к нам <...> тогда велосипед вот у соседа пропал ... он говорит «в яме/ вот недалёко/ вот недалёко»/ ...ну пошли вот правильно нашли/ в яме // но это* ***гипноз*** (в знач. ‘ясновидение’);

вот я вырастил кукурузу большую и за это/ получил мотоцикл/ наградили меня/ по тем временам это большая была награда!/ большой был для меня ***авторитет*** (*авторитет* употреблено в знач. ‘почет’).

Разновидностью семантического варьирования общерусской литературной лексики в диалектной речи являются случаи изменения нормативной сочетаемости, что опять-таки переводит кодифицированные лексические единицы в разряд некодифицированных. Ср.: *этот/* ***престарелый*** *построил* (*престарелый* (дом) вм. *дом престарелых*); *вот ты бы надела вот/* ***степенно-то платьице*** *— и хорошо б*; *была у нас церква очень красивая/ <...> начали* ***угнётать*** *эту вот* [церковь]*/ за моленья/ начали строить в этой церкви сцену/ будет мол театр* (ненормативная сочетаемость лексем *степенный*, *угнетать* с предметными существительным); *тогда* ***не ездили на самолетах***; *в двадцать третьем/ началси урожай/ стали жить люди// и стали было жить хорошо/ стали некоторые* ***коллехтивы делать****/* ***в коллехтивы сходить***; *мы выбрали там/ старосту/ и вот всё у нас* ***управление идёт****/ староста нами управляет.*

Все разновидности некодифицированной лексики находятся в тесном взаимодействии в речи диалектоносителей, вступают в отношения свободного варьирования как внутри данной группы (*маленько — маненько, захватить — прихватить*),

так и с лексикой общелитературной (*куды — куда*, *больно — очень, помереть — умереть*), что составляет специфику устно-разговорного общения на диалекте. Ср. вариативность, отмеченную в речи одних и тех же информантов:

маненьки *уродится для меня*; *тут вот* ***маненько*** *через колонку пройдёшь...; покупала эдакого лекарства/ спрыскывала// а то нет/ всё съедает/ всё съедает// но...* ***маленьки*** *успела*;

куды *я поеду/ девчонки*. Но: *она ж замуж-то не вышла//* ***куда*** *она/ хромая*;

и повели этих сватьёв ***туды****/ к нам*. Но: ***туда*** *пришли сватья/ срядили/ и повели/ и постель/* ***туда****/ к жениху*;

а ***топерь*** *пишет*; *... и вот* ***топерьчи****... ну ездют они ко мне; вот* ***топеря*** *мальчишку оставил*. Но: ***теперь*** *повезли в Покровку// к старухе*; *и вот* ***теперь****/ все ушли*;

всё это начали строить тут на ***ихим****-то позьме-те*; *вот это место было/* ***ихний****-то дом был*. Но: *Лякин родник// ...ну там Лякины/ фамилия/ живут/ а он знать* ***их***;

...не знаю/ ей чего ***надо****/ я ей помешала// ну специально ей* ***нады***.

Нефункциональная вариативность диалектной речи как ее характерная черта (см., напр.: [Баранникова 2005: 147], [Панов 1966: 55]), свободное совмещение внелитературных элементов с литературными, и даже имеющими высокий книжно-письменный характер, были показаны в [Крючкова 2021] на примере монологов диалектоносителя-старообрядца.

Реже можно предполагать некоторое функциональное распределение некодифицированных и кодифицированных лексических единиц в речи диалектоносителей. Употребление некодифицированной лексики может характеризоваться тяготением к определенным жанрово-тематическим речевым фрагментам.

Например, лексемы *больно* (в знач. ‘очень’) и *нады* обычно встречаются в рассказах о значимых, драматических событиях прошлого (о молодости, военном времени), очевидно, в жанре рассказа-пластинки (неоднократно повторяемого рассказа о значимых событиях жизни), тяготеют к контекстам, в которых проявляется повышенный интерес говорящего к предмету речи, значительное эмоциональное напряжение. В других контекстах в речи тех же информантов употребляются слова *очень* и *надо*. Ср. [о ситуации во время ухода мужа на фронт]: *ну в декабре месяце сорок второго года его взяли/ я осталась в положении ит него// ну и просила/ что мол/* ***больно*** *уж время-т тяжёлое было/ война/ <...> а уж он* ***больно*** *просил меня/ «Ой//* ***не нады****// ничего не делай// <...>* ***не нады****/ Ксеш/ а може сын будет// всё меня вспомянешь»*.

Ср. также варианты *грибики* / *грибы*, употребленные в разных повествовательных регистрах: [из рассказа о трудном времени в прошлом] *вон на горах какие-то* ***грибики*** *чёрные/ как... как резина/ чёрные// ...это называли* ***грибики****/ полно было/ народу/ собирают// вымоешь/ и жарить/ <...> эти вот* ***грибики****/ нажаришь/ корова у нас была/ смётаны и молока/ вот эти* ***грибы****-то и ели*. При погружении

в ситуацию прошлого (в режиме совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Гольдин 1997], о чем свидетельствуют глагольные формы настоящего и будущего времени в значении многократности действия в прошлом) используется диалектный вариант *грибики* (его специфика подчеркивается метакомментарием «*это называли грибики*»); при переключении регистра, переходе к рассказу-повествованию в реальном времени (смена регистров маркируется сменой глагольно-временных форм) наблюдается и лексическая замена — *грибики → грибы*.

Изучение состава и особенностей функционирования некодифицированной лексики в диалектной речи — один из важнейших аспектов исследования лексики диалектных систем, характеризующихся специфическим соотношением с другими формами национального языка. Рассмотрение данного вопроса имеет принципиальное значение для определения места диалекта в составе национального языка.

Литература

Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание. Избранные работы / сост. В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. М.: URSS: КомКнига, 2005. 256 с.

Блинова О. И. Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул: БГПИ, 1972. С. 102–108.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Просторечие в лексической системе говора // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 51–54.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.

Кац С. Д. К вопросу о так называемом «просторечии» в составе современной диалектной лексики // Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков имени М. Ф. Ахундова, Серия 12. Язык и литература. 1964. № 1. С. 119–128.

Крючкова О. Ю. Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного» текста) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 256–266.

Лукьянова Н. А. Лексика говоров Болотнинского района Новосибирской области (краткий обзор материалов диалектологической экспедиции 1972 г.) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 11. Новосибирск: НГУ, 1973. С. 149–160.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 616 с.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 230 с.

O. Ju. Krjuchkova
Chernyshevsky Saratov State University
(Russia, Saratov)
vpks@rambler.ru

NONCODIFIED LEXICAL ELEMENTS IN THE SPEECH OF DIALECT SPEAKERS

The dialect speech reveals a peculiar set of uncodified lexical elements in comparison with literary and colloquial speech. The following types of non-codified lexical units are analyzed in the article on the basis of speech records of speakers of the Middle Russian dialect: strictly dialectal lexicon; general Russian colloquial lexicon and its phonetic and word-formation modifications (dialectal variants); dialect and substandard formations created according to regular word-formation models, which are not permanently spread in the dialect and are rather individual occasional units than stable elements of the lexical system; phonetic dialect variants of literary lexicon; functional-semantic dialect variants of literary lexicon.

All varieties of non-codified lexicon are in close interaction in the speech of dialect speakers; they enter into relations of free variation both within this group and with the lexicon of general literature, which constitutes the specificity of oral and spoken communication in the dialect. More rarely, one can assume some functional distribution of non-codified and codified lexical units in the speech of dialect speakers.

The study of the composition and peculiarities of the functioning of uncodified vocabulary in dialect speech is one of the most important aspects of the study of the dialect systems lexicon characterized by a specific relationship with other forms of the national language.

Keywords: Russian dialects, uncodified vocabulary, forms of existence of the national language

References

Barannikova L. I. *Obshhee i russkoe jazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian linguistics. Selected works]. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2005, 256 p. (In Russ.)

Blinova O. I. [Dialect lexicon (from the point of view of its correlation with the forms of the national language)] *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoj dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul, BGPI Publ., 1972, pp. 102–108. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Simplicity in the lexical system of the vernacular] *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii* [Actual problems of Russian dialectology]. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 51–54. (In Russ.)

Gol'din V. E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii. Diss. Dokt. filol. nauk v vide nauch. dokl*. [Theoretical Problems of Communicative Dialectology. Dr. philol. sci. diss.]. Saratov, 1997, 52 p.

Kats S. D. [On the question of the so-called "common parlance" in the composition of modern dialect vocabulary]. *Uchenye zapiski Azerbijdzhanskogo pedagogicheskogo institute yazykov imeni M. F. Ahundova* [Scientific Notes of M. F. Akhundov Azerbaijan Pedagogical Institute of Languages]. Baku, 1964. no. 1. Language and Literature, pp. 119–128. (In Russ.)

Kryuchkova O. Ju. [Speech of an Old Believer dialect-speaker (the phenomenon of "mixed" text)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, 2021. no. 2. Dialektologija, pp. 256–266. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. [Vocabulary of the Bolotninsky District of the Novosibirsk Region (a brief review of the materials of the dialectological expedition of 1972)]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovanija* [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1973, Vyp. 11, pp. 149–160. (In Russ.)

Panov M. V. [Русский язык]. *Jazyki narodov SSSR. T. 1. Indoevropejskie jazyki* [Languages of the peoples of the USSR. T. 1. Indo-European languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 55–122. (In Russ.)

Sorokoletov F. P., Kuznecova O. D. *Ocherki po russkoj dialektnoj leksikografii* [Essays on Russian dialect lexicography]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 230 p.

The Dictionary of a Modern Russian Dialect (village Deulino of Ryazanskiy district of Ryazanskiy region). Moscow, Nauka Publ., 1969, 612 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.17

А. С. Кулева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
an_kuleva@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ РАЗГОВОРНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

В толковых словарях русского языка и исследовательской литературе названия растений описаны весьма неравномерно. Причиной можно назвать двойственный характер этой лексики: это и общеязыковые единицы, называющие реалии окружающего мира, и подраздел специальной лексики, номенклатурный класс. В толковых словарях был сделан выбор в пользу второго понимания. В результате эта группа слов в словарях неоправданно сокращается, а толкования оказываются малоинформативными. Новые единицы включаются в словари медленно, обычно через посредство словарей иностранных слов (*брокколи*, *киви* и др.). Современные разговорные названия растений не имеют отношения к ботанической терминологии, они не попадают в толковые словари, не отражаются в специальных словарях иноязычных слов, новых слов, т. к. не являются таковыми. Отдельные лексемы становятся предметом научных статей, однако это не оказывает влияния на системное лексикографическое описание названий растений. В современных толковых словарях встречаются единичные случаи (*герань* «народное название пеларгонии»). Современные словари системно не включают такие употребительные названия, как *астильба*, *декабрист*, *живучка*, *волжанка*, *сентябринка*/*октябринка*, *огуречник*, *черноплодка*, *денежное дерево*, *узамбарская фиалка* и др.

Ключевые слова: лексикография, Национальный корпус русского языка, разговорная лексика, словарь, фитонимы

В толковых словарях русского языка и лингвистической исследовательской литературе названия растений описаны весьма неравномерно. Сопоставление основных толковых словарей [СУ; БАС-1; МАС; ОШ; СШ; БАС-3] показывает, что группа слов, называющих растения, со временем сокращается. Так, при сопоставимом объеме словника, в СШ (2007; 82 тыс. слов) обнаруживается ок. 390 таких единиц, тогда как в более ранних словарях их содержалось ок. 600: 580 в СУ (1935–1940; 85 тыс. слов), 620 в МАС (2 изд. 1981–1984; 90 тыс. слов). Причиной

можно назвать двойственный характер этой группы лексики. С одной стороны, это общеязыковые единицы, называющие реалии окружающего нас мира, с другой — подраздел специальной лексики, своеобразный номенклатурный класс. В толковых словарях, как можно предположить, был сделан выбор в пользу второго понимания: от словаря к словарю усиливается научная часть толкования («травянистое растение семейства сложноцветных....»), исключаются «недостаточно научные» единицы (называющие растения обобщенно — *желтоцвет*, стилистически окрашенные — *смородина*, областные — *конопель*, устаревшие — *пламенник*, различные варианты — *пупавник* (*пупавка*), *тимофеева трава* (*тимофеевка*) и т. п.), однако исключаются и научные названия — как слишком специальные и малоупотребительные (так, названия *амариллис*, *аралия*, *аспарагус*, *бадан*, *белозор*, *белоус*, *бересклет* есть в [МАС], но не в [СШ], хотя отнесение подобных названий к узкоспециальным терминам можно оспорить). В результате эта группа слов в словарях неоправданно сокращается, а толкования оказываются малоинформативными. Ср.:

СУ: **А́РНИКА**, -и, *мн.* нет, *ж.* [от греч. arēn — баран] (бот.). Высокая многолетняя трава с желтыми цветами, баранья трава.

МАС: **А́РНИКА,** -и, *ж.* Высокое травянистое растение сем. сложноцветных, с желтыми цветками, используемое в медицине. [Лат. arnica].

СШ: нет.

Именно с энциклопедическим подходом можно связать то, что в толковых словарях названия растений представлены, так сказать, плоской шкалой: лексемы минимально различаются стилистически и максимально однозначны. Только отдельным названиям, наиболее выделенным или даже маргинальным, приписываются пометы *Устар*., *Обл*., *Прост*., *Разг*.; ср. в МАС: *бурак* ‘*Обл*. свекла’, *греча* ‘*Разг*. гречиха’, *розан* ‘*Устар*. роза’, *смородина* ‘*Прост*. смородина’ Вариантные или многозначные названия, особенно устаревшие или народные, от издания к изданию вытесняются из словника (даже если это слово встречается в классической литературе и его исключение из словарей приведет к тому, что оно станет агнонимом), ср. в СУ: *адонис*, *желтофиоль*, *кендырь*, *стародубка*.

Похожую тенденцию демонстрируют некоторые аспектные словари. Так, названия растений отсутствуют в словарях устаревших и новых слов. С одной стороны, это понятно: сами растения не появились недавно и не вымерли на нашей памяти. С другой стороны, представление о «неизменности» растений опровергается нашим жизненным опытом: мы не просто находим в художественной литературе незнакомые названия, но и не уверены в том, насколько эти растения распространены сейчас (*брюква*, *желтофиоль*); другие растения вместе с их названиями вошли в обиход буквально на наших глазах (*брокколи*, *рамбутан*, *рукола*).

Новые единицы включаются в толковые словари медленно, обычно именно через посредство словарей иноязычных слов (*брокколи*, *киви* и др.), ср. [Захаренко и др. 2008; Крысин 2010], причем особенно важным этапом становится их кодификация [РОС].

Особого внимания заслуживают употребительные лексемы, остающиеся за рамками как толковой лексикографии, так и специальных областей науки: современные разговорные названия растений. С точки зрения ботанической терминологии их просто не существует, в толковые словари они не попадают, поскольку единицы такого рода из словарей исключаются, также подобные единицы не попадают в толковые словари из аспектных, в частности — словарей иноязычных слов, новых слов, т. к. не являются таковыми. Словари разговорной речи их системно не включают — так, в авторитетном проекте [ТСРРР] встречаются лишь отдельные хорошо известные лексемы (*вьюнок*, *кашка*).

Отметим, что старые народные названия растений давно и плодотворно изучаются в рамках диалектологии, этнокультурных исследований и др. (ср. [Меркулова 1967; Колосова 2009] и мн. др.), однако современные фитонимы остаются за пределами сферы интересов данных научных направлений.

Если изменить угол зрения и рассматривать названия растений как явление повседневной речи, может быть решена самая существенная проблема: отсутствие однозначного соответствия между собственно растением и его названием.

Известно, что одно и то же растение может иметь несколько названий, а одна и та же номинация — относиться к разным растениям. В толковых словарях это отражено мало и непоследовательно, причем, как уже говорилось, «ботанический» подход приводил к вытеснению «лишнего». Важно, что ситуация своего рода многозначности отдельных названий упоминается в существующей литературе, в том числе с точки зрения различий между научной и наивно-языковой картиной мира, см. [Апресян и др. 2007; Shmelev A., Shmeleva E., 2009; Иомдин 2012; Протасова, 2014].

Граница между наивным и научным знанием оказывается очень зыбкой, о чем могут свидетельствовать многочисленные публикации в СМИ и соцсетях, выражающие острый интерес к этой проблеме в самых широких кругах. Характерно, что подобные публикации нередко отличаются и неточностью и агрессивностью, вызывают бурные обсуждения, переходящие даже в ожесточенные споры, что говорит как об интересе к проблеме, так и о нехватке информации. Наиболее непримиримую позицию в обществе занимают неспециалисты. В популярных изданиях, СМИ, блогах и т. п. часто встречаются формулировки типа «*пеларгония, которую неправильно называют геранью*», «*некоторые до сих пор ошибочно называют чубушник жасмином*», включая максимально категоричные утверждения: «*не вздумайте путать...*», «*а вы знаете, что каждый второй делает эту грубую ошибку: называет рогоз камышом...*» и пр. К сожалению, нетерпимость неспециалистов поддерживается тем, что специалисты названную проблему предпочитают игнорировать (например, в ботанических источниках будет употребляться только название *чубушник*, без упоминаний о том, что обычно этот кустарник называют *жасмином*). Ср. известную ситуацию с рядом растений из семейства бобовых: обиходное название *мимоза* соответствует ботаническому *акация серебристая*, тогда как *желтая акация* — это *карагана древовидная*, а *белая акация* — это *робиния обыкновенная*, или *робиния лжеакация*.

Можно сравнить словарные толкования номинации ***жасмин***, которая употребляется в двух значениях: как название субтропического растения и как производное от него наименование садового кустарника с душистыми цветами; ср. в [БЭС]: 1) *жасмин садовый, чубушник* (*Philadelphus*), род листопадных кустарников сем. гидрангиевых порядка камнеломковых. 2) *Жасмин настоящий* (*Jasminum*), род листопадных или вечнозелёных кустарников или лиан сем. маслиновых. В толковых словарях:

> БАС: Кустарниковое растение, разводимое в садах и парках, с пахучими белыми цветами; чубушник... Название духов с запахом жасмина; запах духов жасмина...
>
> МАС: 1. Декоративный кустарник с белыми душистыми цветками, собранными в небольшие кисти. 2. Субтропический кустарник сем. маслиновых, с душистыми цветками.
>
> СШ: Садовый кустарник сем. маслиновых с белыми душистыми цветками.

Как можно видеть, в толковых словарях чаще приводится только одно из значений: более актуальное в БАС и более научно точное в СШ, но при этом в БАС оттенок «духи с запахом жасмина» отсылает к отсутствующему значению, поскольку в качестве ароматизатора используется «настоящий жасмин».

Словарное толкование следовало бы скорректировать, например, так:

> 1. Субтропический кустарник сем. маслиновых, с душистыми цветками, а также ароматизатор, изготовленный из таких цветков. *Чай с жасмином*. 2. Декоративный кустарник сем. гортензиевых с белыми душистыми цветками, собранными в небольшие кисти; чубушник. *Садовый жасмин*.

Важно, что в существующей лексикографической практике спорадически встречаются удачные попытки описания неоднородных номинаций. Ср. (при втором значении была бы уместна помета «*Разг.*»):

> МАС**: ГЕРА́НЬ,** -и, *ж*. **1.** Травянистое растение с пахучими листьями, некоторые виды которого разводятся как декоративные или как промысловые для получения душистого эфирного масла. **2. Народное название пеларгонии**, разводимой в комнатах как декоративное растение.

Ср. в БЭС: «*Гера́нь* (*Geranium*), род многолетних, реже однолетних трав сем. гераниевых. Г. иногда наз. растения из рода пеларгония»; «*Пеларго́ния* (*Pelargonium*), род растений сем. гераниевых. П. широко разводят в комнатах и оранжереях. П. часто называют геранью».

Можно предположить, что название дикорастущего растения было перенесено на введенное в обиход комнатное растение (более теплолюбивое, т. е. завезенное из другой климатической зоны; родственное дикорастущему, и поэтому напоминающее его), что затем привело к конфликту этих значений.

Для изучения названий растений в последние годы большим подспорьем становится стремительное развитие блогосферы, предоставляющей не только большой

фактический материал, но и примеры рефлексии говорящих. Приведем типичные сюжеты популярных публикаций, которые хорошо иллюстрируют основные аспекты проблемы:

— парадоксальные сюжеты (подчеркивающие различия между научной и наивной картиной мира): *А вы знаете, что арбуз — это ягода?* (на самом деле — *тыквина*; кстати, земляника — это тоже не ягода, а разросшееся цветоложе, на котором сидят семечки, которые и являются плодами); *Ботаники отменили розмарин* (т. е. упразднили соответствующий род, понизив его статус до вида в составе близкого рода: *шалфей розмариновый*; очевидно, что «отменить» само растение при этом невозможно) и пр.;
— проблема иноязычных названий: *Кто вам сказал, что апельсин — это русское название?*
— бесплодная борьба за единственно верное название: «*Багульник*, *рододендрон*, *маральник»* и пр. Так, в заметке под красноречивым заголовком «*Когда я слышу слово клубника, я хватаюсь за грабли*» блогер-садовод возмущается теми, кто не использует в речи «единственно правильное» название *земляника садовая крупноплодная*, а именует эту культуру *клубникой* или даже *викторией*.

Другая сторона той же проблемы — наличие у одного растения разных названий. Ср.: *анютины глазки* vs. *виола* или *фиалка*, *бархатцы* vs. *тагетес*, *водосбор* vs. *аквилегия*, *волчеягодник* vs. *дафна*, *иван-чай* vs. *кипрей*, *касатик* vs. *ирис*, *красавка* vs. *беладонна*, *кошачья лапка* vs. *антеннария*, *кувшинка* vs. *нимфея*, *ломонос* vs. *клематис*, *львиный зев* vs. *антирринум*, *маун* vs. *валериана*, *ноготки* vs. *календула*, *разбитое сердце* vs. *дицентра.*

Как уже отмечалось, в словарях встречаются единичные случаи постановки помет (обычно для редких сейчас лексем или значений), нечасто приводятся вариативные названия (*шпажник* ‘то же, что *гладиолус*’) причем такие лексемы постепенно «вымываются» из словника. Ср. в МАС:

> **ГРЕЧА,** -и, *ж*. *Разг*. **1.** То же, что гречиха...
>
> **ИВАН-ДА-МАРЬЯ,** иван-да-марьи, *ж*. **1.** Травянистое полупаразитическое растение сем. норичниковых, с желто-синей окраской соцветий. **2.** *Разг*. Распространенное название трехцветной фиалки, культурные формы которой известны под названием «анютины глазки».
>
> **КОНОПЕЛЬ,** и, *ж. Устар.* и *обл*. То же, что конопля.
>
> **СМОРОДА,** ы, *ж*. *Прост*. То же, что смородина.

Далеко не всегда исключение таких лексем из словарей оправдано. Показательно, что возможны и современные примеры их употребления, так, в [НКРЯ]: *смородина* — 14 документов, 19 вхождений, ср.:

> *А ведь именно ради этой «инакости» мы и варим различные варенья. Сегодня хочется* ***смороды****, а завтра — крыжовника* [Святослав Логинов. Марш-бросок по ягодным палестинам // «Наука и жизнь», 2007]; ср. также более ранние

примеры: *Возьмем хоть бы ягоды: земляница, малина, **смородина** — на всё покупщик найдется* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878–1879)]: *Поскрипывают качели в садах, заросших жимолостью и жасмином, из распахнутых окон рвутся задорные звуки полечки, срываемые с фортепианных клавишей, кричат дети, смеется женщина, и вдруг, покрывая все летние шумы, высоко и жалобно разносится вопль разносчика: «**Смородина** красная!.. Кру-жовник!..»* [Ю. М. Нагибин. У Крестовского перевоза (1972–1979)].

Приведем современный пример, включающий лингвистическую рефлексию (орфография оригинала сохранена):

Огородник.ru. Что посадить вдоль забора, чтобы было не только красиво, но и практично? 1 февраля 2020.

*...Тем, кто хочет добиться не только красоты, но и с пользой занять место вдоль забора, стоит обратить внимание на плодовые кустарники. Пожалуй, самым простым, но тем не менее отличным выбором станет **смородина**. Причем как черная, так и красная. Забор создаст тень, в которой так нуждаются кустарники, а посаженная в поочередности красная и черная **смородина**, создадут не только красоту, но и порадуют своего хозяина урожаем.*

— ЦентрОС [имя интернет-пользователя]*: А что за кустарник «**смородина**»? Или Вы имели ввиду СМОРОДИНА?*

*— Центр, **смородина** высотой метров 5 и ягоды у неё грамм по 200 — вообще то **смородина** и смородина очень похожи.*

— Центр, так в некоторых местах говорят. Например, в Торжке (Тверская обл.) так все говорят.

Лексикографическую тенденцию к «наукоцентричности» и стилистической нейтральности в подаче фитонимов, как представляется, опровергает широкое употребление современных стилистически сниженных названий растений. Помимо примеров использования известных единиц (типа *смородина*), в том числе многозначных и вариативных, в узусе нередки названия, не отражаемые словарями, различные по своему происхождению и соотнесенности с существующей ботанической терминологией: *астильба* (*астильбе*), *декабрист* (*шлюмбергера*), *живучка*, *волжанка*, *сентябринка* / *октябринка* (‘многолетние астры’), *огуречник* (*бораго*), *черноплодка* (*арония*), *узамбарская фиалка* (*сенполия*) и др. Более того, единицы подобного рода системно образуются в языке, ср.: ***денежное дерево*** (*толстянка* / *крассула*) и ***долларовое дерево*** / *цветок безбрачия* (*замиокулькас*).

Как представляется, системная разработка лексикографического представления названий растений становится важной и актуальной проблемой.

Литература

Апресян Ю. Д., Дяченко П. В., Лазурский А. В., Цинман Л. Л. О компьютерном учебнике лексики русского языка // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 48–111.

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.

БЭС — Биологический энциклопедический словарь. Гиляров М. С. (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1986. 891 с.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.

Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 233–251.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 939 с.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 259 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 10.05.2023).

ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю*. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998.

Протасова Е. Ю. Герань или пеларгония: модернизация понятия // Филологический вестник 2014. № 1. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. С. 111–120.

Протасова Е. Ю. Конкуренция названий: бальзамин или ванька-мокрый? // Конкуренция в языке и коммуникации / Отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2017. С. 154–166.

РОС — *Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://orfo.ruslang.ru/ (дата обращения 10.05.2023).

СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н Ушакова. М., 1935–1940.

СШ — *Шведова Н. Ю.* (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014–2022.

Shmelev A., Shmeleva E. Russian Botanical Terms: Towards their Lexicographic Description. Proceedings of the 4th International Conference on Meaning-Text Theory. Montréal, 2009. P. 339–348.

A. S. Kuleva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
an_kuleva@mail.ru

STYLISTIC STATUS AND LEXICOGRAPHIC FIXATION OF COLLOQUIAL PLANT NAMES

Plant names (phytonyms) constitute a special lexical group. They were described in Russian explanatory dictionaries as a subsection of special vocabulary, a class of nomenclature, with the emphasis on the natural-science encyclopedic component. As a result, this lexical group in dictionaries is unreasonably reduced, and the interpretations turn out to be not informative. Some obsolete, regional, ambiguous names have been removed from the thematic group. Modern colloquial names of plants are not reflected in dictionaries, and the current stylistic stratification is ignored. In modern explanatory dictionaries only isolated cases can be found (*geranium* 'the colloquial name of pelargonium'). Thus, the group of phytonyms in dictionaries has to be sufficiently updated.

Keywords: colloquial vocabulary, dictionary, lexicography, phytonyms, Russian National Corpus

References

Apresjan Yu. D., Dyachenko P. V., Lazurskii A. V., Tsinman L. L. On a digital textbook of Russian lexicon. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007, 2(14). P. 48–111. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1–. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004–.

Gilyarov M. S. (ed.). *Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Biological encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1986. 891 p.

Iomdin B. L. On the 'incorrect' use of terms: Can the language be mistaken? *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka.* Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2012. P. 233–251. (In Russ.)

Kolosova V. B. *Leksika i simvolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. An ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik, 2009. 352 p.

Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 939 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Available at: http://orfo.ruslang.ru/ (accessed 10.05.2023).

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii* [Essays on Russian folk plant terminology]. Moscow, 1967. 259 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 10.05.2023).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. (In Russ.)

Protasova E.Yu. Geranium or pelargonium: Modernization of the concept. *Filologicheskii vestnik*. 2014, 1. Pp. 111–120. (In Russ.)

Shmelev A., Shmeleva E. Russian Botanical Terms: Towards their Lexicographic Description. *Proceedings of the 4th International Conference on Meaning-Text Theory.* Montréal, 2009. P. 339–348.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1981–1984.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Modern Standard Russian]. Vol. 1–17. Moscow, 1948–1965.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 1–5. [Explanatory dictionary of the Russian colloquial speech] Krysin L. P. (ed.). Vol. 1–5. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014–2022. (In Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940.

Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar' inostrannykh slov* [New Dictionary of Foreign Words]. The 3rd edition. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.18

Н. Б. Мечковская
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
nina.mechkovskaya@gmail.com

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Показана значимость академического исследования русской разговорной речи, начатого в ИРЯ АН в 1968 г., реализованного в ряде конференций и четырех коллективных монографиях 1973–1983 гг. и сделавшего разговорную речь предметом постоянного социолингвистического внимания. Хотя еще 1935 г., в вводной статье к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «разговорная речь образованных людей» была определена как одна из двух форм литературного языка — наряду с его книжной формой, однако до академической грамматики 1970 г. модели предложений разговорного синтаксиса еще не были признаны допустимыми в нормированной речи. В статье отмечены наиболее яркие черты разговорной речи, открытые исследователями первого призыва; показано методологическое новаторство Проекта: новые инструменты эмпирического анализа — аппаратные, логические и понятийно-терминологические; обращение к методам статистического оценивания релевантности количественных данных; развитие лингвистической инфографики.

Социальный смысл Проекта состоял в научном и общественном принятии современной демократической концепции литературного языка, согласно которой в культурное языковое пространство включалась разговорная речь — неофициальное и непубличное общение людей со средним образованием. Этот результативный и оптимистический проект имел несомненно «оттепельную», демократическую и либерализирующую значимость.

Ключевые слова: русская разговорная речь, литературный язык, нормативная грамматика, неофициальная непубличная речь, фонетика разговорной речи, разговорный синтаксис, ономасиологические окказионализмы, перспективы демократизации литературного языка

1. Ближайший контекст, в котором развернулось академическое исследование русской разговорной речи. Первый проект по всестороннему изучению

разговорной речи прочно связан с Институтом русского языка 1960-х гг. Исследование планировалось по инициативе М. В. Панова и развивалось под руководством Е. А. Земской. М. В. Панов и Е. А. Земская разработали программу коллективного исследования разговорной речи [Земская 1968], реализованную в ряде конференций и 4-х коллективных монографиях: [Земская (ред.) 1973; Земская, Капанадзе (ред.) 1978; Земская (ред.) 1981; Земская (ред.) 1983]. В книге [Земская, Капанадзе (ред.) 1978] содержались переведенные в письменную форму магнитофонные записи РР, сделанные в Москве и Ленинграде. Условия для исследования разговорной речи (далее РР) были благоприятны; отчасти эти исследования уже начались. В тот год, когда в ИРЯ Е. А. Земская писала проспект исследования РР, в этом же Институте под руководством М. В. Панова было завершено масштабное социолого-лингвистическое исследование тех изменений в русском языке, которые произошли после революции 1917 г. на всех его уровнях, от фонетики до синтаксиса. Основные результаты исследования составили четыре тома коллективной монографии «Русский язык и советское общество» [Панов (ред.) 1968]. Авторы (в числе которых была и Е. А. Земская) показали сущностные процессы, меняющие нормативно-стилистический уклад языка: во-первых, влияние литературного языка на народные говоры, прежде всего в лексике и фонетике; во-вторых, растущее влияние РР, наблюдаемое на всех уровнях языковой структуры.

В этом же 1968 г. в одном из сборников статей ИРЯ, написанных по результатам исследований послереволюционной истории русского языка, Т. Г. Винокур публикует две работы, существенные для концепции нормативно-стилистического уклада языка. Это, во-первых, статья, что называется «программная», открывавшая книгу [Винокур, Шмелев (ред.) 1968], — «Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса)», и, во-вторых, исследование о РР — «Стилистическое развитие современной русской разговорной речи» [Винокур 1968]. На большом фактическом материале (из художественной прозы и записей устной речи) автор показывает те изменения в языковом статусе РР — «сближение разговорной речи с более “низкими” стилистическими пластами “просторечного” общения» [Там же: 24], «сближение разговорной речи с книжной» [Там же: 26], «нейтрализация стилистически контрастных единиц в пределах одного высказывания» [Там же: 60] и др., — которые привели к зримому «расширению стилевых границ самой разговорной речи» [Там же: 73].

Исследовательское внимание к РР в 1960-х гг. явилось возобновлением и развитием того широкого психологического и практического интереса к живой речи, которое возникло в Европе и Америке с началом радиовещания и грамзаписи. Еще до Первой мировой войны росло внимание к сценической и вообще публичной устной речи, а также, по контрасту, к речи непубличной и спонтанной. Значительный факт: в Петрограде в 1918−1924 гг. существовал Институт живого слова — научное и учебное заведение, в котором работали такие известные филологи и лингвисты, как С. М. Бонди, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум, Л. П. Якубинский.

В 1960-х гг., когда в атмосфере хрущевской «оттепели» заново открывались работы ОПОЯЗа и Института живого слова, широкую известность получила работа

Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (1923). Утверждая познавательную ценность изучения устной речи (преимущественно диалогической), автор показал ее важные психолого-коммуникационные отличия от речи книжно-монологической: разнообразную эллиптичность (трудно отличимую от неполноты), повышенный автоматизм говорения и связанное с этим ослабление речевого самоконтроля [Якубинский [1923] 1986]. При уяснении особенностей РР, как и при обсуждении психолингвистических экспериментов, исследователи до сих пор обращаются к богатой идеями статье Л. П. Якубинского.

Говоря о близком контексте, в котором развертывались исследования русской РР в 1960-х гг., необходимо отметить также то значительное и плодотворное влияние, которое оказывали на московских авторов книги и статьи чешских исследователей, в особенности работы по теории и истории литературного чешского языка. Дело не только в авторитетности Пражского лингвистического кружка и его идей функциональной лингвистики, но и в типологическом сходстве ряда социолингвистических вопросов в чешской и русской языковой ситуации. Это сходство обусловлено сосуществованием разных языковых узусов и общим вектором в динамике языковых норм: в чешской ситуации это оппозиция, с одной стороны, живого обиходно-разговорного языка (*obecná čeština*, дословно ‘общий чешский’), который, однако, не считается вполне нормативным, а с другой, — кодифицированного литературного языка (*spisovná čeština*, дословно ‘литературный чешский’). В ситуации русского языка, примерно до 1935 г. или даже до рубежа 1960–1970 гг., наблюдалась аналогичная во многом оппозиция: между РР (которая не считалась до указанных лет литературной (нормативной) речью) и литературным языком, нормы которого записаны в нормативных словарях и грамматиках, т. е. кодифицированы.

2. Почему повседневная речь русских людей так долго считалась нелитературной (неправильной)? Таково одно из следствий диглоссии — семи столетий культурно-религиозного двуязычия, при котором литературным (правильным) признавался язык церковнославянский (язык церковного богослужения, церковных книг и учения); он ощущался как высокий и должный (правильный) «слог» (стиль) своего языка, при этом повседневная речь людей всех сословий находилась вне нормативных оценок. Петровская реформа 1708–1710 гг. отменила верховенство в социальной коммуникации церковнославянского языка (но, конечно, не в церкви); постепенно ключевые позиции стал занимать народный язык. Однако в неофициальном повседневном общении всегда говорили по-русски, без забот о «правильности» или «выдержанности» слога. Здесь не требовалась замена церковнославянских форм и оборотов восточнославянскими, нужна всего лишь смена **отношения** к обиходному языку, его легитимизация в нормативном пространстве, т. е. признание того, что в культурном обиходе он допустим в любых ситуациях. Такая идеология укрепляет литературный язык на народной основе. Полнота его функций проявляется в том, что он уместен в любой ситуации, включая неофициальное (домашнее, дружеское, интимное) общение. В ситуации русского языка процесс культурной легитимизации РР длился веками, по меньшей мере — до 1935 г.

3. Лексикографическая легитимация разговорной речи как одного из двух вариантов литературного языка в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1935). В истории социокультурного принятия РР фундаментальное значение имела позиция «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В его 1-м томе (1935), в статье «Как пользоваться словарем», «разговорная речь образованных людей» определялась как одна из двух форм литературного языка — наряду с его книжной формой (стлб. XXI). Здесь важна квалификация РР как речи людей «образованных»; это побуждало видеть в литературном языке не столько язык нормированный, упорядоченный и послушный нормам, но, в первую очередь, язык общения культурных людей.

4. Что мешало в 1966 г. включить разговорные модели простых предложений в нормативную грамматику? По традициям реалистической русской литературы, язык персонажей «из народа» (крестьян, купцов, мастеровых, прислуги) был почти как в жизни — живым и разным, однако народная речь включалась в авторский контекст скупо и цитатно — как образцы, вкрапления, инкрустации для ощущения контраста и любования. Классики, по-моему, явно любовались ею — настолько эта речь ладная, емкая, точная. Но такого синтаксиса не бывало в русских грамматиках. Оттенок разговорности и простонародности еще долго смущал и грамматистов, и тем более "простых образованных людей" (например, учителей), обедняя и засушивая их естественную устную речь.

Интересно видеть следы этой осторожности в работах Н. Ю. Шведовой. В докторской диссертации «Синтаксис русской разговорной речи. Строение простого предложения» (1958) и монографии «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (1960) Н. Ю. Шведова показала такие модели предложения, в которых (полу)служебные слова (вопросительные местоимения, союзы, местоименные наречия, предлоги) выступают не в узуальных (словарных) значениях, а в каких-то иных, метонимически как бы смещенных, и это создавало идиоматичность всего высказывания. Ср.: ***До того*** *ли мне?*; или: ***Так*** *его* ***и*** *пустили!*; или [из рассказа А. Чехова «В потемках»]: ***На то*** *он* ***и*** *пожарный, чтоб к кухаркам ходить.* Похожие конструкции отмечал Д. Н. Шмелев в статье «О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи» с примерами из классиков: *— А* ***что****, он лечит, точно? —* ***Какое*** *лечит! Ну,* ***где*** *ему!* («Касьян с Красивой Мечи» И. Тургенева; [Шмелев 1959]).

Н. Ю. Шведова назвала такие модели простого предложения *фразеологизированными*: это «конструкции, которые становятся как бы окаменелыми [...] и говорящий почти не разлагает их на элементы» [Шведова 1960: 276]. Общая черта таких предложений связана с несловарным значением, т. е. с идиоматичностью в их составе местоименных слов или союзов. Позже фразеологизированные модели будут включены в академическую грамматику 1970 г. [Шведова (ред.) 1970] и в еще большем количестве (примерно около 300 моделей) — в академическую грамматику 1980 г. [Шведова (ред.) 1980]. Здесь, в «Синтаксисе» (§ 1910), Н. Ю. Шведова писала, что оппозиция моделей свободных и фразеологизированных предикативных схем — это **первое** противопоставление простых предложений: «В "Русской

грамматике" принята классификация, в которой первичным основанием является деление на схемы свободные и фразеологизированные» [Шведова (ред.) 1980, т. II: 93].

Однако это напечатано в 1980 г., но в 1966 г. в «Основах построения описательной грамматики русского литературного языка» Н. Ю. Шведова еще не решалась признать такие модели нормативными. В программных «Основах...» будущий главный редактор двух нормативных академических грамматик осторожно писала: «Вопрос об отражении этих конструкций в письменной речи — в художественной литературе, в публицистике и т. д. — является специальной проблемой... Нормативная грамматика, строящаяся на материалах письменной формы литературного языка, не может ставить своей задачей описание синтаксического строя разговорной речи» [Шведова (ред.) 1966: 147][1].

Приведенные слова позволят почувствовать, насколько новаторским был замысел исследовать разговорную речь тех горожан, которые являются носителями литературного языка (т. е. образованных людей). И тем не менее процесс пошел. Через два года Е. А. Земская публикует Проспект исследования РР. В этом же 1968 г. в книге «Морфология и синтаксис русского литературного языка» [Панов (ред.) 1968, кн. III] раздел «Синтаксис» заканчивался главой «Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений», написанной О. А. Лаптевой. Базовые отличия разговорного синтаксиса предстали здесь в двух обликах: во-первых, в документальных записях говоримой речи; во-вторых, в терминологически точных определениях и характеристиках наблюдаемых фактов речи — таких, напр., как *активизация синтаксических связей, не получающих морфологического выражения (типа примыкания)* или звучный и ставший узуальным оборот *экспансия именительного падежа.* Не пройдет и десяти лет, как эта глава вырастет в книгу «Синтаксис разговорной речи» [Лаптева 1976].

5. Речь, в которой мы живем: разговорная речь в лингвистическом освещении. Записи речи горожан, перенесенные на страницы академического издания, поражали небывалостью (думалось: Здорово, что это заметили и записали! И теперь все поймут, что «*Магазин Синтетика выходите*?» — это нормально и в троллейбусе лучше не спросишь). Одновременно записанная речь поражала своей узнаваемостью: «*Да! Именно так люди и говорят!*». Не забуду первые впечатления от книг о РР: они напоминали документальные фильмы, иногда короткого метра, сделанные в технике, которую тогда называли «съемки скрытой камерой». Имелась

[1] Столь же осторожно отношение Н. Ю. Шведовой к распространенным в РР 1960-х гг. конструкциям типа *есть что сказать; редко кто бывает; поздравлений хоть отбавляй; Что он, робот какой, чтобы* и т. п. В монографии «Активные процессы в современном русском синтаксисе» (1966) Н. Ю. Шведова пишет о них не в основном тексте книги, но в приложении с «предупреждающим» заглавием: «*О проникновении разговорных форм предложения в письменную речь*» и, считая их внешними по отношению к письменной речи, не берется предсказать их будущее: «Во всех подобных случаях перед нами построения внешние по отношению к стилистической системе самой письменной речи. Сохранятся ли они в этом своем качестве или закрепятся в коллективном употреблении как элементы самой этой системы — покажет время» [Шведова 1966: 155].

в виду не тайная подглядывающая камера, но съемки только камерой — без замысловатой расстановки персонажей и искусного освещения, без далеко не случайного фона, продуманных деталей и другой профессиональной оснастки каждого кадра и кадрика. Увиденная на экране простая фактура лица, одежды, квартиры, магазинного прилавка завораживала: вот она, жизнь, безыскусная и значительная в каждое мгновение и во всех проявлениях. Вот так же было не оторваться от книг по РР — от россыпи живых, пестрых и узнаваемых речевых ситуаций и затем от их убедительных лингвистических характеристик, которые казались замечательно точными или находчивыми.

5.1. Ономасиологические окказионализмы. Предпочтения в выборе слов. Исследователи РР увидели огромную массу новых, на ходу создаваемых средств номинации, в своем большинстве окказиональных, ad hoc, но образованных по исчислимым ономасиологическим моделям. Например, обозначение предмета с помощью инфинитива, называющего функцию предмета (*Дай чем отвернуть*); обозначение лица с помощью сказуемого (*Напротив живет на курорт уехала*) или с помощью определения ([в автобусе у билетной кассы самообслуживания пассажир с чемоданом; к нему на расстоянии обращается женщина]: *С чемоданом! Не опускайте копеечку!*). Оказалось, говорящие часто не утруждают себя выбором узуального обозначения конкретного предмета или действия, но легко называют подлежащие называнию референты “как попало”: создают по продуктивным моделям «потенциальные слова» (термин Г. О. Винокура): *держалка, проверяльщик, бахать*; метонимически говорят *шарик* в значении ‘шариковая ручка’; переносно-расширительно и с экспрессией говорят *дуть, жарить, шарить* или довольствуются полуместоименными обозначениями (*вещь, дело*, *штука*).

Как только ни называют люди общеизвестные предметы, которые и были и есть в каждой квартире или в каждом дворе, — вроде прищепок для белья, морозильной камеры в холодильнике, вантуза или поливальной машины. Так, для морозильной камеры используются слова *морозилка, морозильня, заморозка, где замораживают, ледничок, «наверху»*; электромолку для кофе называют *мельница, кофемолка, дробилка, мололка, для кофе* (***Для кофе*** *не захватишь починить?*) [Земская (ред.) 1973: 444].

Были увидены небывалые в книгах по лексикологии способы называния разных вещей, дел, занятий, помещений, ситуаций, так что лингвистам для терминологического обозначений разговорных семантических и (шире) референциальных окказионализмов порой не хватало узуальных терминов. Исследователи с трудом, но, чувствуется, и с удовольствием подбирали термины-неологизмы. Напр., в главе «Номинация» (написанной Л. А. Капанадзе в [Земская (ред.) 1973]) 4 разновидности окказиональных обозначений, иногда метких, иногда приблизительных, иногда тавтологичных, были названы так: «слова-дублеты», «слова-указатели», «слова-“губки”», «слова-эрзацы». Термин «слова-дублеты» объединяет референциальные окказионализмы, более удобные для говорящих, хотя бы по большей мотивированности названия — как ***морозилка*** для морозильной камеры или ***которая поливает*** для поливальной машины. «Слова-указатели» — это в основном (полу)местоименные

слова широкой семантики: *И там лодки, байдарки все эти* ***вещи*** *очень легко получить.* «Слова-“губки”» — это слова с открытой внутренней формой и очень общим или неопределенным значением, которое конкретизируется только ситуативно: *времянка, забегаловка, стекляшка, держалка, хваталка* и т. п. Так, слово *забегаловка* может обозначать столовую, кафе, закусочную, парикмахерскую, кинотеатр и др., ср.: *Вот тут прямо в гостинице есть* ***забегаловка*** */ мастер и два кресла*. Термин «слова-эрзацы» объединяет крайне приблизительные подстановки для так и не найденного слова: *Пойдем в Военторг.* ***Толковый*** *такой магазин / там все есть; А всякие* ***карандаши*** *у нас уже кончились // Только клей остался / одна банка* [Там же: 438–461].

Безбрежные возможности в РР назвать некоторый денотат практически как угодно оборачиваются такой же безбрежной полисемией. В каких только значениях ни использовались слова *вещь, штука, дело* и др., даже слово *музыка.* Ср.: *Она ни иголки, ни нитки, ни пуговки, ни одной* ***музыки*** *этой не взяла; У него четырнадцать заместителей и инспектор объединяет всю эту* ***музыку***; *Убери отсюда всю эту* ***музыку*** (речь о толстой палке) [Там же: 450–451].

О лексике разговорной речи, в силу необозримости темы, в книгах Проекта написано сравнительно мало, поскольку здесь нужен словарь разговорной лексики, частотный словарь, данные национального корпуса. Однако исследователи и в то еще далекое от НКРЯ время, пришли к важным выводам о лексике РР.

Оказалось, что «основное лексические своеобразие РР содержится в модальных словах и разнообразной оценочной лексике» [Земская (ред.) 1983: 171].

Основное семантическое своеобразие разговорной лексики состоит в том, что в РР значение слова имеет более обобщенный и менее определенный характер по сравнению со специализированной семантикой слов в кодифицированном литературном языке [Там же: 171].

В РР говорящие склонны к преувеличениям. Поэтому «если язык позволяет, то РР в большинстве случаев избирает путь интенсификации признака», что иногда приводит «к исключениям из словаря РР слов с нейтральной оценочностью... Из двух лексических параметров — ***Bon*** и ***Magn*** — РР неизменно выбирает ***Magn***» [Там же: 172].

5.2. Морфология разговорной речи и разговорный синтаксис. Кардинальные различия в их противопоставлении кодифицированному языку. В морфологии, которая является ядерной (внутренней) основой грамматической идентификации языка, различия между разговорной речью и кодифицированной системой немногочисленны, но глубоки, вполне определенны (это тонкие и конкретные особенности) и при этом типологически значимы. Однако, как отмечают Е. А. Земская и М. Я Гловинская (авторы разных разделов морфологии РР), составы морфологических единиц РР и кодифицированного литературного языка (КЛЯ) близки, поэтому, чтобы избежать включения в РР единиц КЛЯ, приходилось относить в фактам морфологии РР только те формы, которые встречаются в записях большого объема РР.

Коммуникативное своеобразие РР обуславливает ее существенные отличия от кодифицированной речи в употребительности (частотности) слов и форм некоторых

грамматических разрядов. Так, в РР чаще, чем в кодифицированной речи, употребляются местоимения, но реже встречаются существительные (отчасти именно потому, что в РР их часто заменяют местоимения). В РР менее употребительны также прилагательные-атрибуты, наречия, предлоги и союзы, но употребительность частиц в РР намного выше, чем в кодифицированной речи; менее употребительны формы родительного и творительного падежа, при этом существенно выше употребительность именительного падежа, который встречается в позиции любого косвенного падежа. Пониженная в РР частотность союзов и предлогов связана с преобладанием в синтаксисе РР бессоюзия и связей типа примыкания, а также с меньшей употребительностью косвенных падежей (нередко требующих предлога). В типологическом заключении исследователи констатируют, что в морфологии РР сильны черты аналитизма, что проявляется в активности слов ряда неизменяемых грамматических разрядов (частицы, аналитические прилагательные, предикативы-оценки, релятивы, междометно-глагольные слова); в аналитическом выражении падежных значений, в универбации сочетаний слов. «При построении целого ряда единиц в РР обнаруживается отсутствие традиционных чередований на морфемном шве, что свидетельствует об усилении явлений агглютинативности в структуре словоформ и производных слов» [Земская (ред.) 1983: 141].

Если в морфологии отличия РР от кодифицированного языка предстают как некоторая материально-количественная редукция или упрощение кодифицированных форм (распространение аналитизма и агглютинации, сокращение морфофонологических явлений, усиление регулярности и единообразия форм и т. п.), то в синтаксисе РР картина прямо противоположная: синтаксическое своеобразие РР максимально (при всей рискованности параметрических оценок в межуровневых сопоставлениях). Весомость синтаксических отличий РР от кодифицированной речи подчеркивает и Е. А. Земская, автор раздела «О некоторых специфических чертах порядка слов в разговорной речи» [Земская (ред.) 1973], и особенно Е. Н. Ширяев, автор «Синтаксиса» (в котором две главы: «Конситуативные высказывания» и «Полипредикативные высказывания разговорной речи» [Земская (ред.) 1983]).

Е. А. Земская вносит ряд важных дополнений к списку тех особенностей порядка слов, которые отличают разговорный синтаксис от кодифицированного. Так, в РР значительно чаще, чем в речи кодифицированной, порядок слов является непроективным, т. е. таким, при котором синтаксические связи в подчинительных и предикативных синтагмах являются дистантными (а не контактными, что более обычно для кодифицированной речи): *Она что-то жареную разлюбила картошку* [Земская (ред.) 1973: 387] (непроективность связей между *она* и *разлюбила, картошку* и *жареную*), в отличие от проективного словорасположения тех же актантов: *Что-то она разлюбила жареную картошку* (хотя при измененном словорасположении появляются другие непроективные связи). Непроективный порядок слов, особенно в сочетании с инверсией (отклонением от обычного словорасположения: *жареную картошку* в пользу менее привычного: *картошку жареную*) в целом затрудняет восприятие высказывания, однако в РР трудностей в восприятии диктума фразы, как правило, не возникает, и говорящему важнее довести до адресата модус своего

высказывания, его актуальное членение и логическое ударение, что он и делает, нарушая предсказуемую логику и привычные синтаксические связи слов. Эмфатичность непроективного словорасположения и инверсии усиливается в синтаксически более сложных высказываниях, например, при контаминации двух предикативных высказываний в новое целое. Ср.: *Мы в кино не успеем / он придет поздно* ***если*** [с. 397]; ***Нам*** *наша пианистка /* ***хватит того*** *что портит нервы* [с. 399].

Приступая к разделу «Полипредикативные высказывания в разговорной речи», Е. Н. Ширяев подчеркивает, что «подход к РР как к особой системе требует построения системы ППВ (полипредикативных высказываний) вне зависимости от системы сложного предложения КЛЯ... и не должна выводиться из нее» [Земская (ред.) 1983: 229]. Основные особенности ППВ в РР таковы: 1) «набор как сочинительных, так и подчинительных союзов в РР меньше, чем в КЛЯ»; 2) в структуре ППВ все смысловые отношения между его предикативными компонентами могут выражаться как с союзами, так и без союзов; 3) в ППВ в РР при выражении противопоставительных, изъяснительных и причинных отношений чаще используется бессоюзная связь; при выражении разделительных и сравнительных значений, напротив, преобладает союзная организация ППВ [Земская (ред.) 1983: 273]. Однако параллелизм разрядов союзных и бессоюзных сложных предложений далеко не полный. Известная размытость семантических разрядов бессоюзных предложений (и в КЛЯ, и в РР) уменьшает надежность 3-го вывода автора. По-видимому, самое значительное различие между кодифицированным и разговорным синтаксисом состоит в субъективном и прихотливом порядке слов в РР.

5.3. «Суперсегментная» фонетика потока устной речи. Абсолютно новаторским по самой трактовке объекта изучения и по методологии исследования представляется раздел «Фонетика» в 4-й книге проекта (1983), написанный Н. Н. Розановой. Новизна подхода в том, что это была «суперсегментная фонетика» — первое в русистике фонетическое описание речевого **потока**[2]**. Единицами описания стали не сегменты звучания (гласные и согласные), но происходящие со словами и синтагмами суперсегментные процессы** — такие, как ослабление или усиление ударения; распределение словесных ударений в высказывании; деформация ударных слов; деформация слабоударных и безударных слов. Были исследованы зависимости названных процессов от ряда факторов (информационная нагрузка тех или иных сегментов речи, частеречная принадлежность слова, темп речи и др.). Исследование проводилось не только путем непосредственных наблюдений и анализа магнитофонных записей, но и на основе экспериментов в фонетической лаборатории ИРЯ с использованием аппаратуры и участием информантов. Полученные количественные показатели зависимостей прошли необходимую оценку в аспекте статической релевантности выявленных зависимостей.

[2] В первой книге проекта (РРР 1973) глава «Фонетика» (автор Г. А. Баринова) представляла собой парадигматическое описание звуков (звукотипов) речи и их позиционных изменений. Раздел главы «Некоторые особенности интонации разговорной речи» носил предварительный характер и не был завершен (выводы, как писала автор, «кажутся нам сейчас преждевременными») [с. 150].

Фонетические факты, представленные в «Суперсегментной фонетике», в первый момент поражают новизной открытия, а в следующий момент они опознаются и признаются как «правда жизни», как «документальные стоп-кадры», и это узнавание знакомых, ежедневно наблюдаемых фактов соединяется с восхищенным осознанием того, насколько это фундаментальное и методологически перспективное исследование.

Радость открытия знакомой и близкой, но до поры не названной, не замечаемой и потому как бы неизвестной реальности — это чувство, с которым читались все книги ИРЯ о РРР.

Впервые в лингвистическое описание русского языка вошел очерк жестикуляции и мимики (автор Е. В. Красильникова). Оказалось, что в РР постоянно и в значительной мере присутствует жест и что в РР жесты разнообразнее, интереснее и мягче, чем жестикуляция в публичной устной речи, и гораздо тоньше, чем то, чему советуют учиться руководства по актерскому мастерству. Впервые на 40 страницах книги 1983 г. представлено подробно рубрицированное описание языковой игры (авторы Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова). В феномене языковой игры, совсем нередком компоненте интеллигентского общения, исследователей привлекают два момента: свободное отношение говорящих к языку и эстетическое начало в РР [Земская (ред.) 1983: 172–173].

6. Социальное значение академического проекта о русской разговорной речи. Сам замысел коллективного и многолетнего исследования неофициальной и непубличной речи отвечал настроениям послесталинского, но еще советского общества. Социальный смысл Проекта состоял в научном и общественном принятии современной демократической концепции литературного языка, согласно которой повседневное неофициальное и непубличное общение людей со средним образованием включалось в культурное и нормативное языковое пространство. Этот результативный и оптимистический проект имел несомненно «оттепельную», демократическую и либерализирующую значимость.

Позже, в коллективной монографии ИРЯ РАН «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», эта позиция определит лингвистическую идеологию книги. Во Введении, написанном Е. А. Земской, в заглавии одного из его разделов со всей прямотой заявлено: «Мы не нормализаторы».

7. Вопросительное заключение: станет ли разговорная речь «общенародным литературным языком»? Термины *общенародный (язык)* и *литературный (язык)* до сих пор противопоставлялись, так что сочетание *общенародный литературный (язык)* — оксюморонно. Но, может быть, именно такова переходная реальность языкового развития?

Ю. М. Скребнев в обзоре исследований по РРР [Скребнев 1987] уверенно писал, что в оппозиции КЛЯ ↔ РРР маркированным членом является РР и поэтому для ее характеристики достаточно показать те черты, которыми РР отличается от КЛЯ. Спустя 30 лет соотношение КЛЯ и РР изменилось: нормы КЛЯ по-прежнему сложнее и более дифференцированы, чем узус РР, но в общении, и не только приватном, устная речь становится всё более раскованной и непринужденной, т. е. по составу

слов и конструкций — разговорной. Когда это произошло? Может быть, когда академик и дипломат, председатель правительства России в интервью, говоря о «западных партнерах», сказал: «*Хватит нам лапшу на уши вешать!*» (1998), и все СМИ с удовольствием повторяли эти и подобные слова и идиомы, в том числе и по новым поводам. Еще шире разговорную непринужденность распространял интернет. По мере расширения тематики и аудитории СМИ и интернет-коммуникации, лексически обогащенная РР постепенно становится преобладающей или ведущей формой устного общения, в том числе публичного (речь блогера, журналиста, школьного учителя, как и университетского преподавателя).

Интернет усиливает демократизацию общения и всё более сближает письменно-литературный язык и повседневную устную речь, вплоть до их полного слияния в некоем койне, на котором создается и распространяется массовая культура. Названной тенденции противостоит всё более глубокая диверсификация контента по отраслям знаний и профессий. Это не остановит экспансию разговорности, но останутся коммуникативные зоны, в которых разговорной речи, как и сейчас, недостаточно.

Литература

Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Винокур, Шмелев (ред.). 1982. С. 12–100.

Винокур Т. Г., Шмелев Д. Н. (ред.). Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1982. 232 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: (Проспект). М.: Институт русского языка АН СССР. 1968. 99 с.

Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 486 с.

Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 239 с.

Земская Е. А. (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Наука, 1996. 480 с.

Земская Е. А., Капанадзе Л. А. (ред.) Русская разговорная речь, Тексты. М.: Наука, 1978. 308 с.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 398 с.

Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / [В четырех книгах]. М.: Наука, 1968: [Кн. I] Лексика современного русского литературного языка. 188 с.; [Кн. II] Словообразование современного русского литературного языка.300 с.; [Кн. III] Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. 368 с.; [Кн. IV] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. 214 с.

Скребнев Ю. М. Исследование русской разговорной речи // ВЯ, 1987, № 1. С. 144–155.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 378 с.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М.: Просвещение, 1966. 156 с.

Шведова Н. Ю. (ред.). Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966. 212 с.

Шведова Н. Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

Шведова Н. Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. Т. II. Синтаксис. М.: Наука. 1980. 710 с.

Шмелев Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи [1959] // *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку. М.: ЯСК, 2002. С. 280–288.

Якубинский Л. П. О диалогической речи [1923] // *Якубинский Л. П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

N. B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Belarus, Minsk)
nina.mechkovskaya@gmail.com

THE FIRST ACADEMIC RESEARCH PROJECT ON SPOKEN RUSSIAN: LINGUISTIC DISCOVERIES AND SOCIO-CULTURAL CONSEQUENCES

The article reveals the significance of the academic research of Russian colloquial speech (spoken oral language), which was started at the Institute of Russian Language of the Academy of Sciences in 1968, implemented in a number of conferences and 4 collective monographs in 1973–1983, and which made spoken language the subject of constant sociolinguistic attention. Although already in 1935, in the introduction to the "Explanatory Dictionary of the Russian Language," ed. By D. N. Ushakov, "colloquial speech of educated people" was defined as one of two forms of standard language — along with its formal (official) variant [column XXI], however, until the academic Grammar 1970 was published, sentence patterns of colloquial syntax were not yet considered acceptable in standardized speech. The article highlights the most striking features of colloquial speech discovered by the first researchers; the methodological innovation of the Project is shown as well: new tools of empirical analysis — hardware, logical and conceptual and terminological; turning to methods for statistically assessing the relevance of quantitative data; development of linguistic infographics.

The social meaning of the Project was the cultural legitimation of a modern democratic conception of standard (normative) language, according to which spoken language, informal and non-public communication of people with secondary education, was included in the normative linguistic space. This productive and optimistic project had an undoubted "thaw", democratic and liberalizing significance.

Keywords: Russian colloquial speech, standard language, normative grammar, informal non-public speech, phonetics of colloquial speech, colloquial syntax, onomasiological occasionalisms, prospects for democratization of the literary language

References

Lapteva O. A. *Russkij razgovornyj sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1976. 398 p.

Panov M. V. (ed.). *Russkij jazyk i sovetskoe obshhestvo. Sociologo-lingvisticheskoe issledovanie* [V chetyreh knigah]. [Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic research] / [In four books]. [vol. I:] *Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Vocabulary of modern Russian literary language]. 188 pp.; [vol. II:] *Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Word formation of the modern Russian literary language]. 300 pp.; [vol. III:] *Morfologija i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Morphology and syntax of modern Russian literary language]. 368 pp.; [vol. IV:] *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Narodnye govory* [Phonetics of modern Russian literary language. Folk dialects]. 214 p. Moscow. Nauka Publ., 1968. (In Russ.)

Shmelev D. N. O nekotoryh osobennostjah upotreblenija voprositel'nyh mestoimenij i narechij [1959] [On some features of the use of interrogative pronouns and adverbs in colloquial speech] in Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow. JaSK Publ., 2002. Pp. 280–288. (In Russ.)

Shvedova N. Ju. *Aktivnye processy v sovremennom russkom sintaksise* [Active processes in modern Russian syntax]. Moscow. Prosveshhenie Publ., 1966. 156 p.

Shvedova N. Ju. (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow. Nauka Publ., 1970. 768 p.

Shvedova N. Ju. (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. T. II: Sintaksis*. [Grammar of the modern Russian literary language. Vol. II: Syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1980. 710 p.

Shvedova N. Ju. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow. Izd-vo AN SSSR, 1960. 378 p.

Shvedova N. Ju. (ed.). *Osnovy postroenija opisatel'noj grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Fundamentals of constructing a descriptive grammar of the modern Russian literary language]. Moscow. Nauka Publ., 1966. 212 p.

Skrebnev Ju. M. *Issledovanie russkoj razgovornoj rechi* [Study of Russian colloquial speech]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1987, № 1. Pp. 144–155. (In Russ.)

Vinokur T. G. *Stilisticheskoe razvitie sovremennoj russkoj razgovornoj rechi* [Stylistic development of modern Russian colloquial speech] // Vinokur, Shmelev (red.). *Razvitie funkcional'nyh stilej sovremennogo russkogo jazyka* [Development of functional styles of modern Russian language] 1982. Pp. 12–100. (In Russ.)

Vinokur T. G., Shmelev D. N. (ed.). *Razvitie funkcional'nyh stilej sovremennogo russkogo jazyka.* [Development of functional styles of modern Russian language] Moscow. Nauka Publ, 1982. 232 p.

Yakubinskii L. P. *O dialogicheskoj rechi* [1923] About dialogical speech // Jakubinskij L. P. Izbrannye raboty: Jazyk i ego funkcionirovanie [Selected works: Language and its functioning]. Moscow. Nauka Publ., 1986. Pp. 17–58. (In Russ.)

Zemskaya E. A. *Russkaja razgovornaja rech'*: *Prospekt*) [Russian colloquial speech: Prospect]. M.: Institut russkogo jazyka AN SSSR. 1968. 99 s. (In Russ.)

Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaja razgovornaja rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow. Nauka Publ., 1973. 486 p.

Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaja razgovornaja rech'*: *Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General issues. Word formation. Syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1981. 276 p.

Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaja razgovornaja rech': Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Tough]. Moscow. Nauka Publ., 1983. 239 p.

Zemskaya E. A. (ed.). *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995)* [Russian language at the end of the twentieth century (1985–1995)]. Moscow. Nauka Publ., 1996. 480 p.

Zemskaya E. A., Kapanadze L. A. (eds.) *Russkaja razgovornaja rech': Teksty* [Russian colloquial speech: Texts]. Moscow. Nauka Publ., 1978. 308 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.19

Б. Ю. Норман
Независимый исследователь
(Республика Беларусь, Минск)
boris.norman@gmail.com

ЭЙДЖИЗМ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (ТЕМА «СТАРОСТЬ» В АНЕКДОТАХ)

Эйджизм — вид социальной дискриминации, основанный на негативном отношении к возрасту (главным образом преклонному). Каждая культура характеризуется своим отношением к старикам. Русский фольклор (сказки, пословицы, поговорки, фразеологизмы и устойчивые сравнения и т. д.) отражает амбивалентное отношение к теме старости. Критической оценке подлежат такие особенности, как утрата физической и умственной энергии, ослабление памяти, возрастающая обидчивость и недоверчивость и др. В эпоху всеобщей компьютерной грамотности и искусственного интеллекта опыт старшего поколения уже не имеет прежней ценности; всю информацию можно найти в компьютере. Анекдоты как жанр городского фольклора, представленный в разговорной речи (и, в последнее время, в электронных базах данных) отражают весь диапазон пренебрежительного или насмешливого отношения к старикам. Однако встречаются и тексты, в которых старость сопровождается сочувственной или уважительной коннотацией (отмечается связь пожилого возраста с опытом и мудростью). Статья группирует анекдоты по тематическому признаку и позволяет полнее сформировать образ старости в русской разговорной речи. Анализируется также лексика, используемая для обозначения лиц преклонного возраста.

Ключевые слова: эйджизм, старость, старик, старуха, преклонный возраст, деменция, склероз, опыт, мудрость

Эйджизм (англ. ageism) — вид социальной дискриминации, одно из нарушений принципа политкорректности. Основной его критический объект — люди преклонного возраста, их качества. Проявление эйджизма в чистом виде — геронтофобия, негативное отношение к процессу старения, к пожилым людям, к смерти. Этот вид конфликтного поведения имеет и свои речевые признаки, прежде всего лексические и фразеологические единицы: *старикашка, старикан, старый хрыч, пень, мухомор, старая калоша, карга, руина, развалина, из него песок сыплется, в чем душа держится, отжил свой век, одной ногой в могиле* и др. Даже слова *старик*

и *старуха* в публичном общении становятся неполиткорректными и вытесняются эвфемизмами вроде *пожилой человек, сеньор, пенсионер, ветеран, долгожитель, папаша, дед, бабушка, бабуля, божий одуванчик* и др. Причем любопытно, что номинация *старуха* в современной речи оказывается более оскорбительной, чем номинация *старик*, что, возможно, объясняется общим андроноцентрическим взглядом на мир, свойственным русскоязычному сознанию [Khimik 2024: 26–27].

Тема «Возраст человека» затрагивается, естественно, и в русском фольклоре. Есть даже специфические сказочные персонажи вроде Бабы-Яги или Кощея Бессмертного, воплощающие в себе преклонный возраст. А в сборнике «Пословицы русского народа» В. Даля содержится масса паремий, отражающих отношение к последнему периоду жизни [Даль 1957: 352–359]. Примеры:

> *Старость — не радость. Седина в бороду, бес в ребро. Старый, что малый, а малый, что глупый. От старых дураков молодым житья нет. Старого учить — что мертвого лечить. От старости могила лечит. И в семьдесят лет, да совести нет. Борода уму не замена. Старость — увечье, старость — неволя* и т. п.

Разумеется, не все пословицы рисуют жизнь пожилых людей в черном свете. В упомянутом сборнике В. Даля мы можем найти и такие изречения:

> *Старый конь борозды не портит. Сколоченная посуда два века живет. Старого воробья на мякине не проведешь. Старые кости захотели в гости. Сусло не брага, молодость не человек. Старость к правде ближний путь знает. Стар гриб, да корень свеж* [Там же].

Это значит — как и в других тематических сферах, народная мудрость демонстрирует по отношению к старости свою амбивалентность и противоречивость, ср.: [Норман 2004: 249–253]. Справедливым в этом свете выглядит наблюдение А. Жолковского:

«Пословицы любого языка — это готовые выражения особого набора мыслей, причем на каждый поворот каждой мысли, вплоть до диаметрально противоположного, есть пословица (например, «Век живи, век учись» и «Век живи, век учись, дураком помрешь»). <...> И вообще, о какой правде мог говорить человек, открывший, что всегда верна и пословица, и ее отрицание?» [Жолковский 2006: 80–81].

Последняя фраза в цитате относится к фольклористу Г. Л. Пермякову, который стремился все многообразие русских пословиц и поговорок ввести в рамки строгой семиотической системы.

Ничего удивительного в разноречивой оценке концепта «Старость» нет. Но следует иметь в виду, что фольклорные жанры различаются по своему социальному субстрату. Как частушки — это деревенский жанр, так анекдоты — по преимуществу жанр городского фольклора. С появлением интернета анекдоты, бывшие до тех пор в основном устным жанром, обрели вторую жизнь: сегодня существует большое количество сайтов, содержащих тематически подобранный материал, см., в частности: https://anekdotovstreet.com/semeynye/stariki-i-starushki/. Он и будет объектом наших наблюдений.

Как бывает неосознанная, скрытая ксенофобия, так в народной среде присутствует и наивная геронтофобия. Старики раздражают; всем мешает их старческий запах, неумение зарабатывать деньги, пользоваться современной техникой, желание поучать, ворчливость и обидчивость, плохая ориентация в пространстве, глухота и слабое зрение... В эпоху всеобщей компьютерной грамотности и искусственного интеллекта опыт старшего поколения уже никому не нужен, всю информацию можно найти в электронных базах данных. В лучшем случае отношение к старикам — это равнодушие или пренебрежение. Несколько анекдотов в качестве иллюстраций:

Телевизионный мастер по срочному ремонту жалуется на свою участь:

— Вызывает меня одна супружеская пара пенсионеров. Три часа я провозился с телевизором.

— И что оказалось?

— Старики очки перепутали!

Приходит старушка в банк, снимает все деньги со счёта, уходит. Через пять минут возвращается и снова кладет всё на счёт.

— Зачем? — спрашивает служащий.

— Да я, сынок, пересчитала только...

Старушка в банке хочет подписать чек, но не знает, как это сделать. Ей советуют:

— Подпишите так, как вы обычно подписываете свои письма.

Старушка понимающе кивнула и вывела на чеке: «Целую вас всех. Ваша тетя Агата».

В маршрутке старушка долго смотрит на жующего жвачку парня, потом наклоняется и говорит:

—Зря, сынок, ты это мне все рассказываешь. Я глухая.

Как мы видим, поведение представителей старшего поколения не согласуется с поведенческими нормами поколения их внуков. Такой диссонанс может обернуться реальным конфликтом.

Приходит в аптеку старушечка — божий одуванчик, и с аптекаршей у них происходит такой разговор.

Старушка: Милая, а йодистого калия нет?

Аптекарша (скучающе): Не... Цианистый есть.

Старушка: А какая между ними разница?

Аптекарша (зевает): А... На двадцать копеек дороже.

Кроме несчастной старушки, в анекдоте высмеивается, конечно, еще и непрофессионализм служащего (аптекарши). Но в целом сенильные (старческие) впечатления, равно как и эмоции — радость, удивление, обида и т. д., — изображаются в анекдотах как какие-то наивные, «детские» чувства.

Ворчливый старик в книжном магазине просматривает книгу.
— На седьмой странице дырка! — восклицает он. Потом переворачивает страницу. — Ну, это уж слишком! И на восьмой тоже!

Старушка с интересом заглядывает в детскую коляску:
— Какие прелестные близнецы! Оба мальчики?
— Нет, — отвечает отец, — справа это дыня.

Старый охотник снимает с плеча ружье, прицеливается и сбивает утку.
— Вторая! — говорит он с гордостью.
— А где же первая? — удивляется товарищ.
—Ту я еще перед войной сбил.

Последний анекдот в принципе имеет дополнительную лингвистическую ценность. Массовое сознание настроено на некоторую регулярность, упорядоченность событий во времени. И счетные атрибуты, типа «первый» или «второй», должны относиться к обозримому отрезку времени. Даже Первая и Вторая мировые войны уже не отражают идею счетности, а представляют собой независимые имена собственные. У анекдотического же охотника к течению времени свое отношение, свой счет.

Действительно, у пожилых людей — свои представления о жизни, свои идеалы и нравственные принципы, свои ожидания и надежды. Показателен в этом смысле анекдот:

Трехлетний мальчик целый день пугал бабушку тем, что ходил за ней по пятам и говорил: «Молись и кайся!».
Оказалось, что он просил включить его любимый мультик «Малыш и Карлсон».

Ошибочное понимание объясняется не только особенностями артикуляции и аудирования. Бабушка находится в системе христианских заповедей, а у малыша — свои ценности.

Новые представления о мире, сформировавшиеся у «поколения пепси», приводят к тому, что даже в понимании значений обычных слов дедушки и бабушки далеко расходятся со своими внуками и внучками.

На перекрестке. Старушка:
— Внучок, приглядись, пожалуйста, там зеленый?
— Зеленый, бабуля!
— Переведи, пожалуйста!
— Ну, это... как его... GREEN, по-моему...

И в сознании самого пожилого человека взаимодействуют и борются прошлый опыт и окружающая реальность.

Сидят старик со старухой, молодость вспоминают. Тут дед и говорит:
— Давай как в былые годы. Я приду к тебе на свидание, ты выйдешь ко мне, и мы пойдем на сеновал.

Старуха согласилась. Дедок вышел и стал ждать. Час ждет, второй, третий. Ему надоело, и он зашел в избу.

— Старуха, ты чего так долго не выходила?

— А меня мамка не пустила!

Завершающую реплику старухи можно расценить различным образом: как верность патриархальной традиции или как автоцитацию, отсылающую в глубь десятилетий (собственное воспоминание о невинности), или, наконец, просто как отказ от задуманной игры в юность. Комический эффект и основан на сдвиге во времени. Объективно говоря, ретроспектива в мыслительной деятельности пожилого человека вытесняет собой перспективу. Это знаменует собой переход к старческому консерватизму и обскурантизму:

«...Взгляд стареющей личности постепенно обращается от будущего к прошлому, развитие и рост замедляются и упираются в многочисленные ею же воздвигнутые барьеры» [Григорян 2008: 468].

Конечно, самый частый повод для шуток о пожилых людях — это снижение их физических и интеллектуальных способностей: утрата памяти, рассеянный склероз, дряхлость и деменция... Вот несколько характерных примеров.

Разговаривают два старичка.

— Вот, помню, бывало...

— Да, ну?

— Да. А, вот чо бывало, уже не помню.

— Внучек, как зовут того немца, от которого я так схожу с ума?

— Альцгеймер, бабушка, Альцгеймер...

Память может ослабевать, так сказать, целиком, или же в ней наступают провалы: когда человек прекрасно ориентируется в том, что было 20 или 30 лет назад, но не помнит, что ел сегодня на завтрак.

Мужик в лифте поликлиники спускается и бормочет: «Весы? Нет. Водолей? Нет. Козерог? Нет. Ой, не помню».

Приехав на первый этаж, он снова поднимается наверх, идет по коридору и открывает дверь:

— Слушайте, доктор, как вы мне там сказали?

— Рак, дружище, рак...

Это образчик мрачного юмора, конечно; но в самом деле может быть так, что человек, который помнит названия созвездий, не хочет запомнить название своей болезни.

Вот более безобидные шутки на тему памяти.

Старик с женой-старухой вспоминают молодость:

— Когда я был молодым, мне очень нравилась одна девушка, Вика Синицына...Кто знает, где она теперь, что с ней?..

— Да ты что, старый, сдурел? Это же я!

Две старушки сидят на лавочке перед домом, оживленно обмениваются мнениями, щебечут. Вдруг одна из них останавливается и спрашивает:

— Слушай, а тебя как зовут?

Вторая тоже притормаживает беседу, задумывается:

— А тебе срочно?

Золотая свадьба. Бесконечные тосты, вкусные угощения. И юбиляр то и дело наклоняется к своей пожилой супруге:

— Зайчик мой, вино тебе понравилось?

— Ласточка моя, положить тебе салатику?

— Сокровище мое, тебе всё нравится?

Сидящий рядом гость наклоняется к супругу и на ухо его спрашивает:

— Вы что это, до таких лет сохранили любовь и нежность друг к другу: «зайчик», «ласточка»?

Тот морщится:

— Да не-ет. Просто я забыл, как ее зовут. А спросить неудобно!

Два пенсионера сидят на лавочке перед домом, и один из них рассказывает другому, как они с женой в этом году отдыхали в пансионате: всё там было прекрасно: и еда, и экскурсии...

Второй интересуется:

— А как этот ваш пансионат назывался?

Первый в ответ:

— А как называется цветок такой, самый красивый?

Второй:

— Ну, роза...

Первый (кричит в дом):

— Роза-а! Как назывался тот пансионат, в котором мы с тобой отдыхали?

Как-то раз на скамейке у дома престарелых сидели три старушки. Когда мимо проходил старик, одна из них сказала ему:

— Спорим, что мы можем точно угадать, сколько тебе лет?

— Да никогда в жизни не угадаете, старые курицы! — ответил дед.

— Запросто, — сказала одна из бабулек. — Ты только спусти штаны, и мы сможем определить твой возраст.

Дед поначалу засмущался, но желание выиграть спор взяло верх, и он спустил штаны. Старухи попросили его несколько раз повернуться и несколько раз подпрыгнуть. Затем они угомонились и сказали:

— Тебе 87 лет.

— Ядрена вошь! Как вы угадали?

— Старухи рассмеялись и ответили:

— Мы вчера были у тебя на дне рождения, старый маразматик!

Потеря памяти (амнезия) достойна сожаления и сочувствия — это особенно чувствительно для родственников пожилого человека. Для медицины это

проблема, которую следует анализировать вкупе с состоянием когнитивных способностей больного (для легких, начальных стадий существуют и медикаментозные средства лечения). Но с позиций среднестатистического носителя русского языка — по сути, стихийного эйджиста, находящегося в расцвете сил, — это повод для насмешки. Причем на неодобрительное отношение к проблеме возраста, старения накладываются и другие неполиткорректные отношения: к национальности, полу, общественному статусу человека. Мишенью наивных эйджистов легко становятся политики и общественные деятели, если им 60 лет или более. Так, героем многих шуток в Интернете является 81-летний президент США Джо Байден:

Первым с днём рождения Байдена поздравил Альцгеймер.

Байден заявил, что вновь будет баллотироваться на пост президента, если вспомнит, какой страны.

Когнитивный диссонанс — это когда российские мужчины, которые в среднем доживают до 65 лет, смеются над Байденом, который в 80 лет упал, гоняя на велосипеде.

Просыпается Байден утром, а ему говорят:
— Поздравляем с победой!
— С какой еще победой?
— Ну, в выборах!
— В каких таких выборах ???

Национальный аспект старческого мироощущения легче всего продемонстрировать на примере так называемых еврейских анекдотов.

Умирает старый раввин. Вокруг него собрались правоверные иудеи, прислушиваются к каждому слову умирающего: вдруг он выдаст какой-то завет, обронит что-то важное для их существования. А он уже тяжело дышит, хрипит... Наконец, один из окружающих осмеливается:
— Ребе, а что такое жизнь?
Тот услышал, с трудом приоткрывает один глаз и шепчет:
— Жизнь? Жизнь — это река...
— Река? Да? Что он сказал? — переспрашивают они друг друга. — Ребе, а почему река?
Раввин приоткрывает второй глаз:
— Ну не река.
И замолкает навсегда.

В данном контексте старость — это мудрость и ирония, философское отношение к жизни и отрешенность от мелочей. В еврейских анекдотах, кстати, старость — не всегда плохое качество: это свой взгляд на мир, высокая самооценка, нередко также жовиальность и изобретательность.

Пожилой одессит показывает соседу слуховой аппарат собственного изобретения: простая проволока одним концом в ухо, другим — в карман пиджака.

— Тебе все равно придется раскошелиться на нормальный слуховой аппарат. Эта ерунда не поможет тебе лучше слышать!

— Не совсем так. Когда люди видят ее, они начинают разговаривать громче.

Рабинович приходит в загс и пишет заявление на смену фамилии.

Его спрашивают:

— Что, от кредиторов скрываетесь?

— Да нет, просто недавно очень выгодно приобрел подержанную надгробную плиту...

— Саррочка! Вы сегодня просто великолепно выглядите!

— Ха! Это я еще себя плохо чувствую!

Старость не щадит и женщин. В пожилом возрасте дамская самоуверенность или кокетство достойны насмешки, также находящей свое отражение в фольклоре.

Устраивается мужик на новое место работы. Заходит в отдел знакомиться. Одна из женщин игриво говорит ему: «Заходите, заходите в наш цветник!» Мужик огляделся по сторонам и отвечает: «Да это не цветник, а гербарий!».

Привозят в приемный покой старушку в пьяном состоянии и с открытым переломом руки.

Доктор:

— Где Вы живете?

Старушка:

— Индустриальный район.

— Улица какая?

— Индустриальный район.

— Как Вас зовут?

Старушка (кокетливо):

— 35 лет.

Пожилая женщина сделала молодежную стрижку и спрашивает мужа:

— Дорогой, правда, я теперь не похожа на старуху?

— Да, ты теперь похожа на старика.

Эйджистские настроения проявляются и внутри семьи. Особо стоит отметить в данном плане анекдоты про тещу, весьма популярные в русскоязычной среде. Несколько образцов:

Жена разговаривает по телефону, потом кладет трубку.

Муж (читая газету):

— Это кто был?

— Да мама моя. Она, по-моему, уже наполовину сумасшедшая.

— А-а-а... Значит, получше стало.

Сидит зять на диване, смотрит телевизор. В комнату заходит теща с метлой. Зять спрашивает:

— Мама, вы убираться или полетите куда?

Утро. Звонок в дверь. Сонный муж открывает. На пороге — приехавшая с вокзала теща с двумя чемоданами. Немая сцена. Потом муж оборачивается и кричит в комнату:

— Зин, вставай, помоги с чемоданами. Тут мама уезжает!

Приходит старушка к зятю. В дверях ее встречает внук.
— Бабушка, кто тебя принес?
— Никто, я сама пришла.
— А папа увидел тебя в окно и говорит: «Опять тещу черт несет!».

Но по большому счету — это осознают все — старость естественна и неизбежна (об этом прямо говорит пословица: *Не смейся над старым, сам старым будешь*). Наверное, поэтому геронтофобия не принимает таких острых конфликтных форм, как, скажем, ксенофобия или гомофобия. И некоторые анекдоты оценивают свойство старости спокойно: внимание в них переключается на другие особенности.

Василий Иваныч и Петька спасаются от белых, ползут по косогору. Василий Иваныч — впереди, Петька — за ним. Петька вдруг замечает, глядя на босые пятки своего командира:

— Ну и грязные у тебя пятки, Василий Иваныч! Погрязнее моих будут!
— Так ведь я, Петька, и постарше тебя буду!

Старение, по мысли Василия Иваныча, — это в порядке вещей, ну, а соблюдение гигиены — дело десятое, кое-кому и вовсе незнакомое.

Разговор двух соседок:
— А ваша мала́я Танька матом ругается!
— Так она ведь и пошла рано!

Пресуппозиция начальной реплики: ругаться матом нехорошо, нельзя. Пресуппозиция ответной: мат — такой же естественный признак человека, как и вертикальная походка; это показатель взросления.

Как уже говорилось применительно к пословицам, фольклор весьма разноречиво трактует одно и то же человеческое состояние. Анекдоты подвергают осмеянию дряхлость, беспамятство и глупость, но замечают также у стариков и старух их опыт, рассудительность, доброту, сохранение навыков и другие положительные черты.

И. И. Мечников, посвятивший старости целую главу в своих «Этюдах оптимизма», подчеркивал, что у зрелого и даже преклонного этапа жизни есть свои достоинства, и приводил в качестве образца «светлого мировоззрения» и творческого долголетия жизнь Иоганна Вольфганга Гете. «Эволюция чувства жизни в развитии человека составляет настоящую основу философии оптимизма»

[Мечников 1964: 232]. Фольклор подтверждает эту максиму, ср. пословицы: *Стар да весел, молод да угрюм; Старик, да лучше семерых молодых; Стар кот, а масло любит* и т. п. Это значит — наступление старости не отрицает сохранения и продолжения каких-то желаний и возможностей, более того — не исключает проявлений ума, хитрости, предприимчивости. Вот пример такого неиссякаемого оптимизма:

Старушка покупает недавно родившуюся черепашку:
— Скажите, а эти черепашки долго живут?
— Не менее ста лет.
— Смотрите у меня: как она умрет, я к вам еще зайду...

Старичок говорит таксисту:
— Когда приедем на дачу и будем разгружать вещи, ты со мной не разговаривай. Моя бабка думает, что я совсем оглох десять лет тому назад...

Искусственная глухота деду выгодна: видно, бабка ему сильно надоела своим ворчанием. И теперь ему важно соблюсти выстраданное статус-кво.

Многие анекдоты имеют своим объектом снижение сексуальной потенции мужчин, наблюдаемое с возрастом. В мужской среде это воспринимается со смешанными чувствами.

Два столетних старичка сидят на лавочке, беседуют:
— Михалыч, а помнишь, нам в империалистическую давали таблетки от баб?
— Ну да, помню, а что?
— Да кажется, начинают действовать!

Однако и с этим физиологическим явлением, судя по фольклорному материалу, дело обстоит не так просто.

Собрались бабы в баню. И мужичок один с ними напрашивается, старенький такой... Они:
— Да ты что, с ума сошел! Мы же бабы!
— Да я ж старенький, слепенький, можно я с вами?
Те посмеялись, посовещались: ну, раз старенький, слепенький, бог с ним, пусть пойдет...
Пришли, разделись, пару подбросили, намыливаются. А у старичка вдруг желание проснулось, он к одной там пристроился, заправил ей, она в ужасе на всю баню:
— Да ты что, дед?! Ты ж меня трахаешь!!
А он:
— Да? А я и не вижу...

Анекдот как жанр имеет, разумеется, и свои собственно языковые признаки — преимущественное употребление глаголов в форме настоящего времени, некоторые особенности порядка слов и т. п. [Шмелева, Шмелев 2002: 33–35, 131–132 и др.].

Здесь же, применительно к нашей теме, мы обратим внимание только на повышенную, по сравнению со средней, употребительность диминутивов *старушка, старичок*, а также номинаций «родственного» происхождения (особенно в обращениях): *папаша, мамаша, батя, бабуля, дед, дедок* и др. Использование терминов родства в повседневной коммуникации — известная черта современного русскоязычного этикета. Но стоит вспомнить и жаргонное обращение *Старик!,* получившее популярность в молодежной среде, особенно во 2-й половине XX века. Возможно, этот случай переноса значения основан на уже кодифицированных к тому времени вторичных значениях слов *папаша, мамаша, бабушка, дед* и т. д. (они зафиксированы уже в словаре Ушакова).

Понятие «старость», как мы видим, имеет различные аспекты: физиологический, психологический, социологический. В какой-то степени это объясняет его многозначность, амбивалентность. Но своими корнями оно глубоко проросло в культуру. Это дает основание говорить не просто о понятии, но о концепте «Старость». Напомним:

> «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43].

К универсальной ядерной зоне концепта «Старость» относятся составляющие «Возраст», «Лицо», «Пол», «Ослабление функций», а в периферийной зоне он пересекается с другими концептами: «Смерть», «Мудрость», «Болезнь», «Молодость», «Национальность»... Этот концепт закреплен в исторических и мифологических представлениях (Мафусаил, летописец Нестор, Дед Мороз), визуальном воплощении (седина, морщины, сгорбленность, борода, клюка), в литературных и сценических образах (персонажи русских народных сказок, Король Лир у У. Шекспира, старуха-процентщица у Ф. М. Достоевского, Фирс у А. П. Чехова, произведения «Старик и море» Э. Хемингуэя, «Последний срок» В. Распутина, «Старик» Ю. Трифонова, рассказы Д. Хармса, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина и др.). Та же тематика была не чужда и русским художникам XIX века: В. Е. Маковскому, В. Г. Перову, В. М. Максимову, в начале XX века — скульптору С. Т. Коненкову и др. Сами слова *старик* (*старичок*), *старуха* (*старушка*) принадлежат к страте наиболее частотной лексики современного русского языка. Все это подтверждает, что «Старость» по праву занимает свое место среди ключевых концептов русскоязычного сознания [Концептосфера 2017: 221–229].

Косвенным свидетельством общественного интереса к данной проблематике является в последние годы большое количество диссертаций, посвященных темам «Старость», «Возраст», «Образ пожилого человека» и т. п. Разумеется, в ходе исследований выявляются и какие-то национально-специфические черты в трактовке концепта «Старость». Так, носители русского языка больше обращают внимание на соматические признаки старости: на худобу, дряхлость человека, отсутствие

зубов и т. п., в то время как для носителя немецкого языка старость ассоциируется скорее с отдыхом, социальной защищенностью и путешествиями [Блинова 2009: 16–20]. В другой диссертации показывается, что ироническое отношение к старческому возрасту, свойственное русским, совершенно неприемлемо для представителей китайской лингвокультуры [Салимьянова 2011: 20–21]. Аналогичные впечатления остаются у русского человека от этики, присущей корейскому социуму [Khimik 2024: 8]; можно полагать, что это — свойство всей восточной мегакультуры. Естественно, что финское, испанское или казахское общество вправе находить у старости свои специфические признаки.

Старость — часть культурного кода любой нации. Изучение анекдотов как жанра русского городского фольклора вносит свою лепту в современную трактовку данного концепта.

Литература

Анекдоты про стариков и старушек [Электронный ресурс]. URL: https://anekdotovstreet.com/semeynye/stariki-i-starushki/ (дата обращения 12.01.2024)

Блинова И. С. Концепт «Старость» в русской и немецкой лингвокультурах. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.

Григорян А. Первый, второй и третий человек. М.: Языки славянской культуры, 2008. 512 с.

Даль В. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 991 с.

Жолковский А. Through a glass, darkly, или 20 виньеток о нелюбви // Новый мир. 2006. № 10. С. 71–94.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) /ред. Л. Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017. 1020 с.

Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1964. 295 с.

Норман Б. Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В. П. Гудкова / Ред. Н. Е. Ананьева, З. И. Карцева. М.: Макс-Пресс, 2004. С. 246–256.

Салимьянова И. В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 22 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

Khimik V. THE OLD AGE. An Encyclopedia of Late Time. KOBO-RAKUTEN, 2024. 96 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kobo.com/nl/en/ebook/the-old-age/ (дата обращения 28.02.2024)

B. Ju. Norman
Independent researcher
Republic of Belarus
boris.norman@gmail.com

AGEISM IN RUSSIAN FOLKLORE (THE TOPIC OF "THE OLD AGE" IN JOKES)

Ageism is a kind of social discrimination based on a negative attitude towards age (mainly predilection). Each culture is characterized by its own view of elderlies. Russian folklore (fairy tales, proverbs, idioms and stable similes, etc.) reflects an ambivalent attitude to the topic of old age. Such features as the loss of physical and mental energy, the weakening of memory, the increasing resentment and mistrust, etc., are subject to the critical assessment. In the era of universal computer literacy and artificial intelligence, the experience of the older generation no longer has the same value as before; all information can be found in the internet. Anecdotes (jokes) as a genre of urban folklore presented in colloquial speech (and, more recently, in electronic databases) reflect the entire range of dismissive or mocking attitudes towards the elderly. However, there are also texts in which the old age is accompanied by a sympathetic or considerate connotation (namely, the association of the old age with experience and wisdom is noted). The article groups jokes by topic and allows for a more complete image of the old age in Russian everyday speech. The lexicon used to designate elderly people is also analyzed.

Keywords: ageism, old age, old man, old woman, dementia, sclerosis, experience, wisdom

References

Anekdoty pro starikov i starushek. Available: https://anekdotovstreet.com/semeynye/stariki-i-starushki/ (In Russ.) (accessed 12.01.2024)

Babenko L. G. (ed.) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsiya v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [Conceptosphere of the Russian language: key concepts and their representation in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology)]. Moscow. Azbukovnik Publ., 2017. 1020 p.

Blinova I.S. *Kontsept «Starost'» v russkoi i nemetskoi lingvokul'turakh* [The concept of "Old Age" in Russian and German linguistic cultures]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of Dr. philol sci. diss.]. Volgograd, 2009. 20 p. (In Russ.)

Dal' V. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1957. 991 p.

Grigoryan A. *Pervyi, vtoroi i tretii chelovek* [First, second and third person]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2008. 512 p.

Khimik V. *THE OLD AGE. An Encyclopedia of Late Time.* KOBO-RAKUTEN, 2024. 96 p. Available: https://www.kobo.com/nl/en/ebook/the-old-age/ (In Russ.) (accessed 28.02.2024)

Mechnikov I. I. *Etyudy optimizma* [Essays of optimism]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 295 p.

Norman B. Yu. [Cognitive aspects of paremiology and the national picture of the world in Slavic languages]. In: Anan'eva N. E., Kartseva Z. I. (eds.). *Slavyanskii vestnik. Vyp. 2. K 70-letiyu V. P. Gudkova* [Slavic Bulletin. Issue 2. To the 70th anniversary of V. P. Gudkov]. Moscow: Maks-Press Publ., 2004. Pp. 246–256. (In Russ.)

Salim'yanova I. V. *Obraz pozhilogo cheloveka v russkoi yazykovoi kartine mira* [The image of an elderly person in the Russian linguistic picture of the world]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of Dr. philol sci. diss.]. Omsk, 2011. 22 p. (In Russ.)

Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoi zhanr* [Russian joke: text and speech genre]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 144 p. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 992 p.

Zholkovskii A. Through a glass, darkly, or 20 vignettes about dislike. *Novyi mir*. 2006. No. 10. Pp. 71–94. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.20

Н. К. Онипенко
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
onipenko_n@mail.ru
Е. Н. Никитина
ФИЦ ИУ РАН
(Россия, Москва)
yelenon@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ ИЛИ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРИЕМ? (Семантико-синтаксический анализ новостных интернет-заголовков)[1]

В статье рассматриваются современные заголовки новостных сайтов, представляющие собой предложения с отглагольными дериватами — девербативами и причастиями. Обосновывается мысль о том, что предложения, имеющие в своем составе номинализованные и причастные компоненты, требуют соблюдения правил семантико-грамматического взаимодействия основного и зависимого предикатов по линиям модальности, времени и субъекта. Их несоблюдение ведет к искажению объективной картины событий. При некорректном соединении девербативов с речевыми глаголами потенциальное понимается читателем как реальное, будущее событие переносится в прошлое. В статье показаны заголовки с неоднозначным осмыслением локативного компонента при девербативе в связи с переключением валентности от глагола к девербативу. Примеры некорректных заголовков, содержащих причастия, анализируются в связи с категорией таксиса и типом референции имени, к которому относится причастие. Обсуждаются условия адъективации причастий в составе заголовков. Авторы показывают, что суть современной заголовочной стратегии в интернет-СМИ состоит в том, что интерес к публикации вызывается за счет очень тонкого балансирования на грани между правильностью и неправильностью, что заставляет предположить намеренность приема.

[1] Исследование выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики, направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах»

This study was conducted within the framework of the scientific program of the National Center for Physics and Mathematics, section № 9 «Artificial intelligence and big data in technical, industrial, natural and social systems»

Ключевые слова: синтаксис, семантика, таксис, девербатив, причастие, глагол речи

Заголовок как важнейшая композиционная составляющая художественного текста обсуждается с разных точек зрения: поэтики [Кржижановский 1931; Джанджакова 1979; Иванченко, Орлицкий 2008], грамматики [Фролова 2006]. Газетные заголовки исследуются в плане синтаксической структуры и семантики [Дозенко 2009], в плане семантики и прагматики [Долгирева 2002]. В работах начала XXI века отмечается, что объем газетного заголовка увеличился и что газетный заголовок превратился в заголовочный комплекс [Николаева 2001; Магеррамов 2009]. Лингвисты отмечают высокую информативную плотность, структурную осложненность и полифункциональность современных газетных заголовков.

Объектом настоящего исследования являются новостные заголовки из сетевых СМИ, соединяющие письменную форму и черты разговорного синтаксиса. Такие заголовки выполняют номинативную и рекламную функции. В работах, изучающих тексты интернет-СМИ, например, [Ильясов, Сарычева 2019: 286–301], рассматривался ряд приемов организации заголовка, однако в поле зрения авторов не попадали конструкции, содержащие «предикатные актанты», сворачивающие предикативную единицу до компонента другой (основной) предикативной единицы. В концепции коммуникативной грамматики такие конструкции квалифицируются как полипредикативные [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 252–253]. Полипредикативные конструкции содержат две или более самостоятельных основы предложения или самостоятельную основу в соединении с одной (или более) зависимой, организованной причастием, деепричастием, инфинитивом или производным именем существительным. Такие полипредикативные конструкции предполагают особые правила таксисного соединения основного и зависимого предикатов.

В современных условиях изменился способ существования новостных текстов: они переместились в интернет-пространство, а заголовки превратились в активную ссылку. Объем новостного заголовка несколько уменьшается (по сравнению с бумажными газетами начала XXI века), меняется и его синтаксическая структура: зачастую это полипредикативные конструкции. Заголовки новостных текстов не только называют текст и рекламируют его, но и предъявляют информацию в «сгущенном» виде, начиная выполнять функцию анонса. Они требуют большой информативной плотности, конкретики и не претендуют на философское обобщение, афористичность, метафоричность, в отличие от заголовков в художественной литературе и публицистике.

Для новостных заголовков актуальны все три дейктических параметра — пространственный, временной и персональный, которые могут быть выражены лексически и грамматически. Лексические средства, поскольку вещественно обусловлены, однозначны и выбираются осмысленно. Грамматические же средства не выбираются, а предписываются системой; в случае таксисных предикатов грамматические значения дейктических категорий прочитываются через соотношение с основным предикатом, поэтому они требуют от пишущих особого внимания.

В таких конструкциях может возникать противоречие лексикализованного дейксиса и грамматических категорий, таксисное прочтение может стать сферой искажения реальной картины. Семантические эффекты, возникающие при соединении лексического и грамматического дейксиса, и будут обсуждаться в статье.

Морфологической и словообразовательной базой таксисных предикатов являются деепричастие, причастие, инфинитив и производные имена. В статье пойдет речь о причастии и девербативе, которые соединяют глагол и имя: глагол и прилагательное в причастии, глагол и существительное в девербативе. Соотношение глагола и существительного обсуждалось в связи с проблемой наследования валентностей [Ирисханова 2008], а также в связи с категорией вида [Падучева 1991; Пазельская 2003; Зализняк Анна А. 2007; Пчелинцева 2016], причастия рассматривались в связи с таксисом [ТФГ 1987; Вяльсова 2008] и в связи с адъективацией [Калакуцкая 1971]. При функционировании девербативов и причастий могут порождаться смысловые «аномалии», что эксплуатируется в заголовочных предложениях.

1. Девербатив

Обращает на себя внимание частотность заголовков типа: (1) *«Непростое время»: Домогаров сделал заявление об эмиграции;* (2) *«Сомнений больше нет: Навка разразилась откровением* ***о разводе****;* (3) *Татьяна Навка публично рассказала* ***о разводе****;* (4) *Данис Зарипов высказался* ***об участии*** *Овечкина в своем прощальном матче* (см. текст статьи: «Пятикратный обладатель Кубка Гагарина Данис Зарипов рассказал, что у него действительно есть в планах приглашение обладателя Кубка Стенли 2018 года Александра Овечкина»).

Они складываются в модель заголовка, компонентами которой являются: субъект в Им. п., в качестве которого выступает публичная персона, глагольный предикат сов. в. прош. вр. с речевой семантикой и делиберативная синтаксема (*о* + Предл.) событийной семантики. Девербативы имеют субъектную валентность, выражаемую Род. п. или Тв. п., возвратно-притяжательным местоимением или «синтаксическим нулем», кореферентным субъекту в Им. п. (*Навка рассказала о разводе* = ‘о своем разводе’). Поскольку в заголовках субъектная валентность при событийных именах заполняется конкретно-референтным именем, то это конкретизирует и время самого события, влияя на то, что сами девербативы прочитываются в плане реальной модальности и имеют значение произошедшего: согласно примерам (1–4), эмиграция, развод, участие в матче уже имели место. С точки зрения формально-синтаксической структуры подобные заголовки корректны, но они не соответствуют реальному положению дел, т. е. не являются корректными в плане модальности.

В некоторых случаях можно говорить о неоднозначности подобных заголовков по линии модальности: пример (5) *Татьяна Навка заговорила о разводе с Дмитрием Песковым* означает, что развод уже состоялся (реальная модальность, прош. вр.) или обсуждается его возможность (потенциальная модальность). Модальная неоднозначность, вероятно, связана с особенностями лексического значения речевого

глагола: при *рассказать, сообщить,* лексическое значение которых не осложнено модально и темпорально, тяготение *о* + Предл. к значению целостного, состоявшегося события (факта) выше, чем при *высказаться* (‘сообщить мнение’)*, заговорить* (‘начать говорить’). Для снятия неоднозначности ирреальная модальность номинализованного события должна быть выражена лексически: *Главный тренер «Слована» высказался о* ***возможном*** *переходе Чаврича в «Рубин»*. В значимых, влиятельных СМИ (Интерфакс, Известия, Ведомости и др.) отнесенность сообщаемого положения дел к плану будущего/потенциального предъявляется лексически: *Премьер-министр Финляндии заявила о* ***возможности*** *вступления страны в НАТО* (01.22); *Президент Финляндии заявил о* ***необходимости*** *иметь средства ядерного сдерживания* (01.24)*; Финляндия заявила о* ***готовности*** *закрыть все КПП на границе с Россией* (11.23).

В заголовках (1–5) прочтению девербатива в значении прош.сов.в. (эмигрировал, развелись, принял участие в матче), т. е. в плане конкретной пространственно-временной локализации, способствуют: ед. ч. девербатива, указывающее на единичность положения дел, имена собственные в субъектной позиции, характеризующиеся конкретной референтностью и высокой степенью индивидности, прош. время сов.в. речевых глаголов. Девербатив имеет здесь тенденцию выражать не событие, осуществление которого может быть по-разному локализовано во времени, а факт — элемент информации, сохраняющий связь с жизнью, с прошлым.

Семантика конкретной пространственно-временной локализации настолько сильна, что начинает воздействовать на референциальные характеристики нарицательного имени в позиции субъекта при девербативе. Так, в заголовке *Директор Stability AI Мостак заявил об исчезновении* ***программистов*** существительное во мн.ч., которое потенциально имеет неконкретную, обобщенную референцию (имя класса), приобретает значение конкретно-референтное (скажем, группа программистов, чьим директором и является субъект речи), а девербатив *исчезновение* — значение факта. Дело не спасает и уточняющая добавка о времени и причине: (6) *Директор Stability AI Мостак заявил об исчезновении программистов через пять лет из-за ИИ*, поскольку точка отсчета перемещается в прошлое.

Если заголовок оформляется изолированным девербативом (*О любви, Об эмиграции, О разводе, О разводах, Об абортах* и др.), не связанным темпоральными и модальными ограничениями, вносимыми конкретно-референтным субъектом, то делиберативная синтаксема выражает то же значение, что и сама лексема (т. е. понятие), и речь в тексте может идти о называемом явлении в любых модально-временных, видовых и субъектных значениях.

Если в заголовок помещается девербатив с «синтаксическим нулем» субъекта действия, то читатель соотносит незамещенную позицию с субъектом глагола речи: (7) *Леонид Якубович откровенно рассказал об эмиграции* (субъект глагола речи равен субъекту действия). Однако в (7) имеет место несоответствие между стандартным кореферентным прочтением читателя (об эмиграции Якубовича) и содержанием текста, из которого следует обобщенный субъект (об эмиграции как явлении, не касающемся Якубовича) и потенциальная модальность девербатива.

В заголовках с делибератив*ом о создании* (характеризующимся проспективной лексической семантикой) субъектный нуль может прочитываться как намерение создать (*Депутат Останина заявила о создании учебника по семьеведению* — создание учебника в планах), как начало (*Зеленский заявил о создании флота морских дронов в Черном море*) или результат (*Асылжан Мамытбеков высказался о создании нового министерства* — факт), а субъект речи претендует на роль инициатора действия. Ср. гипотетические примеры: *Спиваков заявил о создании нового оркестра* (планы или факт, субъект речи равен субъекту действия) — *Спиваков заявил о создании им нового оркестра* (факт). При этом весьма частотны заголовки, в которых форма *о создании* отнесена автором текста к плану будущего, а читатель прочитывает ее как реальный факт.

Сообщение о потенциальном как о реальном встречаем в заголовке с причастием: (8) *Михалков высказался об «**украденных**» Западом российских иконах.* Модально-временное значение причастия не соответствует потенциальной модальности, которая следует из текста статьи («Никита Михалков усомнился, что Франция вернет вывезенные с Украины иконы»). Сам механизм подмены здесь тот же, что и в случае с девербативами, но подмена причастием более яркая, так как его время морфологизировано: граммема прош. относит событие к плану реального прошлого. Кавычки, в которые заключено причастие, обнаруживают чужое по отношению к субъекту речевого глагола слово: оно принадлежит не герою публикации, а автору заголовка, и кавычки создают возможность неоднозначной интерпретации.

Скрытое чужое слово (без кавычек), принадлежащее не субъекту речевого глагола, а другому участнику ситуации, также может использоваться в заголовке как экспрессивный прием — для создания ситуации неоднозначного прочтения: *В WADA высказались о **случайном** попадании допинга в пробу Камилы Валиевой* (кому принадлежит слово *случайный*?). Неоднозначность разрешается в тексте: «В WADA считают, что возможность случайного загрязнения допинг-пробы Валиевой маловероятна, хотя сама спортсменка и ее команда придерживаются именно этой версии».

В подобных заголовках с девербативно-делиберативным компонентом обнаруживается «игра с реальностью» — потенциальное или невозможное предъявляется как реальное, искажается субъектная перспектива, при этом заголовок обещает больше, чем дает сам текст статьи.

В отличие от рассмотренного приема намеренной неоднозначности, укажем случай ненамеренной неоднозначности, также связанной с употреблением девербатива. Речь идет о локативах в неопределенно-личных предложениях (о заголовках с неопределенно-личным сказуемым см. [Дозенко 2009]): *Кандидата в депутаты задержали за убийство жены **в Тверской области***. На локатив в абсолютном конце предложения претендуют два компонента — глагол и девербатив, поэтому он прочитывается двояко; остается вопрос, потенциал какой позиции сильнее — локативно-субъектной при неопределенно-личном предикате или локативной при девербативе с конкретно-пространственной локализацией. Кроме того, финальный локатив придает более резкий, динамичный характер высказыванию, в отличие

от инициального локатива, который сближает предложение с бытийным началом неспешного повествования (*В Тверской области задержали депутата*).

Если неопределенно-личной формой представлен речевой глагол, то субъектная составляющая в локативе сильнее (поэтому семантика предложения не может быть сведена к бытийности): ***В Москве*** *заявили о стремлении столицы к концепции «15-минутного города»*. Но ситуация осложняется, если локатив занимает абсолютный конец предложения: *Основателя ресторанных сетей «Тануки» и «Ёрш» объявили в розыск* ***в России***. Перенесение субъектного локатива в постпозицию и передвижка ремы вперед характерны для разговорной речи. Устанавливающаяся связь финального локатива с неопределенно-личным предикатом, обусловленная необходимостью конкретизации субъекта речевого действия, оказывается достаточно сильна. При этом девербатив *розыск*, расположенный контактно с *в* + Предл., имеет сильную локативную валентность, что создает возможность двоякого осмысления (кто объявил и где будет идти розыск).

2. Причастие

Рассмотрим группу «аномальных» заголовков, которые имеют в своем составе действительные причастия сов. в. прош. вр. в атрибутивной функции: (9) *В Саратове* ***выпавшие*** *из окна подростки праздновали день рождения;* (10) ***Утонувший*** *танкер взорвался два раза*; (11) ***Уехавший*** *из России бегун победил в Амстердаме в образе Форреста Гампа*; (12) ***Покинувший*** *Россию комик рассказал о трудностях жизни в европейской столице*. В этих примерах наблюдаются нарушения, связанные с таксисом и референциальным статусом субъекта, при этом таксисные нарушения могут быть обнаружены только в связи с реальной ситуацией, т.е. при обращении к текстам, а референциальные понятны в контексте самого заголовка.

Препозитивные причастия сов. в. прош. вр. в (9–12) являются таксисными предикатами и означают предшествование событиям, названным основным предикатом; значение предшествования в действительных причастиях, определяющих подлежащее, подтверждается синонимией с деепричастиями сов. в. (*Войдя в комнату, незнакомец поздоровался = Вошедший в комнату незнакомец поздоровался*). Поскольку основные предикаты имеют конкретную пространственно-временную локализацию, а причастия не имеют при себе временных локализаторов, то причастия осмысляются в перфектном значении: «след» от события, т. е. признак, названный причастным предикатом, сохраняется в момент действия, названного основным предикатом. Однако тексты свидетельствуют, что в заголовках нарушены правила таксиса.

Из (9) следует, что дети сначала оказались на улице, а затем начался / продолжился праздник, что не соответствует действительности, ср. с началом статьи: «Подростки, которые в Саратове выпали из окна, находились в гостях и праздновали день рождения знакомой».

В (10) порядок событий соответствует действительности (катер тонул в 2022 году, а взрывался в 2023), однако в момент взрывов катер не был затонувшим («Надо сказать, что судно это невезучее. Оно уже «прославилось» 25 декабря

2022 года, когда этот танкер столкнулся с другим судном на реке Мегна»), т. е. имеет место временной разрыв и перфектное причастие употреблено некорректно, поскольку условием таксисного прочтения является «единый временной период» [ТФГ 1987: 234–238]. Однако перфектный причастный признак может удерживаться продолжительное время, если вступает в отношения обусловленности со следующим состоянием (о связи таксиса с категорией обусловленности см. [Типология таксисных конструкций 2009: 11–116]), ср. корректный заголовок с временным разрывом: *Во Владивостоке* ***упавший*** *с виадука на дорогу подросток вышел из комы.*

Атрибутивное причастие (как и прилагательное) стандартно употребляется при существительных нарицательных — предметных и личных — и является рестриктивным определением (выделяющим объект из класса подобных). Другая ситуация с именами собственными, когда атрибут ограничивает не класс объектов, а выделяет одну временную инстанцию субъекта-индивида [Булыгина, Шмелев А. Д. 1997; Шмелев А. Д. 2002]: *Огорчившийся Пятаков отвернулся*. Не так очевидна ситуация с именами, называющими профессию, статус, амплуа, должность, которые могут занимать как субъектную, так и предикатную позицию. Такие имена в соединении с атрибутивными причастиями могут пониматься в значении «один из класса» и в значении индивидном, т. е. сближаться и с нарицательными, и с собственными. Пример *Вошедший в комнату начальник поздоровался* предполагает две ситуации: или начальников как минимум два, причем не упомянутые в предложении начальники отсутствуют в комнате, или начальник единственный.

В (11, 12) позицию определяемого причастием имени занимают агентивные имена *бегун, комик* и порождается ситуация противопоставления двух или более лиц одного занятия, поскольку эти имена не обладают достаточной индивидностью, чтобы функционировать как собственные. Если причастие тематически соотносится с агентивной частью значения (*победивший бегун, закончивший выступление комик*) и не выходит за пределы «профессиональной» ситуации в условиях конкретной пространственно-временной локализации, то сочетание воспринимается как корректное. В примерах *уехавший из России бегун, покинувший Россию комик* объем понятия причастного оборота шире (относится к человеку в целом) и его временная локализация неактуальна, поэтому причастный признак несоотносим с частно-агентивной характеристикой имени, в результате возникает эффект иронии. Ср. заголовки, в которых референциальный и семантический конфликт сглажен или устранен уточняющими характеристиками: *Уехавший из России* ***популярный*** *комик задумался о смене фамилии; Уехавший в Грузию* ***уральский*** *активист странным образом оказался в российской тюрьме; Покинувший Россию выходец* ***из Татарстана*** *занял первое место в Амстердамском полумарафоне*. См. также корректность заголовков с именем собственным: *Упавший на сцене в Ставрополе певец* ***Holidayboy*** *не обращался в медучреждения края.*

Атрибутивные причастия в нерестриктивном употреблении могут превращаться в постоянный признак при собственном имени: (13) *Сбежавшая из России Чулпан Хаматова вынуждена читать, чтобы выжить в Европе;* (14) *Сбежавшая Хаматова жалуется на буллинг;* (15) *Звезда сбежавшей из России Хаматовой пропала*

с «Аллеи звезд» в Ульяновске; (16) *Сбежавшая из России Чулпан Хаматова расплакалась*, а также (17) *Сбежавшая в Европу Анна Нетребко блеснула формами в купальнике.* Причастия сов. в. прош. вр. означают предшествование, что соответствует реальному ходу событий. В примерах (13, 14) основной предикат прочитывается как последствие положения дел, выраженного в причастном обороте; в примерах (16, 17) имеется семантическое рассогласование между таксисным и основным предикатом по уровню абстракции. Там, где происходит семантическое рассогласование, нарушается и слитность времени: между таксисным и основным предикатом создается временной разрыв, поэтому замена причастия деепричастием некорректна: **Сбежав из России, Хаматова расплакалась*. В заголовке *Яковлева о том, как предавшая РФ Хаматова лебезила, вбежав в зал Кремля...* временные отношения между таксисным и основным предикатом нарушены, что является следствием превращения причастного признака в постоянный.

Частотность заголовков с атрибутивными причастиями, как корректных, так и содержащих нарушения таксиса и референции, свидетельствуют о их востребованности в заголовках. Такие причастия выступают в роли не только средства компрессии информации, но и средства выражения субъективных оценок на основе столкновении несовместимых семантических категорий, при этом вопросы вкуса и этики остаются в стороне. В отличие от синонимичных деепричастий, причастия создают внешнюю точку зрения на события и их героев, не дробят «внутреннюю интонацию» предложения-заголовка.

Перейдем к выводам.

Анализ новостных заголовков позволяет увидеть функционально-семантический потенциал категорий модальности, времени и субъекта. В заголовочных полипредикативных предложениях эти категории, функционируя в таксисном режиме, оказываются не только средствами семантико-синтаксической связности, но и (1) средствами создания «завышенных читательских ожиданий» (потенциальное предъявляется как реальное, меняется порядок следования событий), а также (2) средствами интерпретации ситуации и оценки ее участников (формируется пейоративная характеристика героя сообщения и др.). В первом случае «аномалии» затрагивают объективное положение дел, во втором речь идет о семантических категориях «на службе» у субъективных оценок действительности. Анализ заголовочного материала позволил выявить ненамеренную и намеренную неоднозначность. Прием намеренной неоднозначности состоит в том, что интерес к публикации вызывается за счет очень тонкого балансирования на грани между правильностью и неправильностью.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры, 1997. 576 с.

Вяльсова А. П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций) : дис. ... канд. филол. наук / ИРЯ РАН, 2008. 187 с.

Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М.; Л. : Наука, 1979. С. 207–214.

Дозенко М. Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : автореферат дисс. ... канд. филол. наук / СПбГУ, 2009. 18 с.

Долгирева А. Э. Газетный заголовок в прагматическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / ТГПИ, 2002. 298 с.

Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом // Terra balkanica. Terra slavica: К юбилею Т. В. Цивьян. М. : Институт славяноведения РАН, 2007. С. 43–51.

Золотова Г. А. Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ РАН, 2004. 544 с.

Орлицкий Ю. Б., Иванченко Г. В. Заглавия поэтических книг и произведений как явление русской культуры (опыт системного рассмотрения) // Системные исследования культуры. СПб. : Алетейя, 2006. С. 437–472.

Ирисханова О. К. Отглагольная номинализация в современных парадигмах лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2008. С. 82–103.

Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М. : Наука, 1971. 228 с.

Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М. : Никитинские субботники, 1931. 32 с.

Магеррамов И. А. Субъект речи в медиа-тексте и новые функции неречевых глаголов в структуре газетного заголовка // Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой). М. : МАКС Пресс, 2011. Вып. XIV. С. 474–483.

Николаева Т. М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте / отв. ред. Г. П. Нещименко. М. : Наука, 2002. С. 293–311.

Падучева Е. В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ, сер. 2, 1991. № 5. С. 21–31.

Пазельская А. Е. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90.

Пчелинцева Е. Э. Аспектуальные признаки в русских отглагольных именах действия: подходы и классификации // Вестник СВФУ. 2016. № 1 (51). С. 108–119.

Типология таксисных конструкций. М. : Знак, 2009. 912 с.

Фролова О. Е. Грамматика заглавия // Русская речь. 2006. № 5. С. 49–57.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

N. K. Onipenko
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
Onipenko_n@mail.ru
E. N. Nikitina
Federal Research Center «Computer Science and Control»
of the Russian Academy of Sciences (FSI)
(Russia, Moscow)
yelenon@mail.ru

SPEECH NEGLIGENCE OR A COMMUNICATIVE TECHNIQUE? (SEMANTIC AND SYNTACTIC ANALYSIS OF INTERNET NEWS HEADLINES)

The paper considers nowadays headlines, especially “abnormal” ones, taken from news sites. Structurally, the headline sentences under consideration include verbal nouns and participles, i.e. verbal derivatives, functioning as dependent predicates. The article substantiates the idea that such sentences require observance of the rules of semantic and grammatical interaction of the main and dependent predicates along the lines of modality, tense and subject. If they don`t, that results in distortion of the objective picture of events. Thus, potential events named by verbal nouns incorrectly combined with speech verbs, are definitely understood as real, so that supposed and future events are transferred to the real past. The paper also regards headlines with final locative noun phrases ambiguously interpreted due to the concurrency between the verb and verbal noun. Based on the category of taxis and type of reference of nouns, analysis of participles discovers the narrated real states of affairs disordered or the reality and its fragments subjectively (pejoratively) characterized. The paper pays special attention to the process participles within headlines being converted into adjectives. The authors prove the idea that the essence of the nowadays Internet media headline strategy is that the headlines attract the readers by a very delicate balancing between correctness and incorrectness, which suggests the intentionality of the technique.

Keywords: semantics, syntax, taxis, participle, verbal noun, verb of speech

References

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (In Russian grammar material)]. Moscow, 1997. 576 p.

Dolgireva A. E. *Gazetnyj zagolovok v pragmaticheskom aspekte*. Dis. kand. filol. nauk [Newspaper headline in pragmatic aspect. Cand.philol.sci.diss.] / Taganrog, 2002. 298 p.

Dozenko M. Yu. *Sintaksis gazetnogo zagolovka: struktura, semantika, prognozirovanie smyslovogo razvitiya teksta.* Avtorefereat diss. kand. filol. nauk [Syntax of newspaper headline: structure, semantics, prognosing of text meaning development. Cand. philol.sci.diss. author abstract]. Saint Petersburg, 2009. 18 p.

Dzhandzhakova E. V. [About poetics of headlines]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow–Leningrad, 1979, pp. 207–214. (In Russ.)

Frolova O. E. [Grammar of title]. *Russkaya rech'*, 2006, no. 5, pp. 49–57. (In Russ.)

Iriskhanova O. K. Otglagol'naya nominalizaciya v sovremennyx paradigmax lingvisticheskogo znaniya [Deverbal nominalization in modern paradigms of linguistic knowledge]. *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoj lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in the modern linguistics]. Moscow, 2008, pp. 82–103. (In Russ.)

Kalakuczkaya L. P. *Ad'ektivaciya prichastii v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Adjectivation of participles in the modern Russian language]. Moscow, 1971. 228 p.

Krzhizhanovskii S. D. *Poetika zaglavij* [Poetics of titles]. Moscow, 1931. 32 p.

Magerramov I. A. [Speaker in mass media texts and new functions of non-speech verbs in the structure of newspaper headlines]. *Grammatika i tekst* [Grammar and text]. Moscow, 2011, iss. XIV, pp. 474–483. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. [Linguotextological peculiarities of information presentation in Russian-language newspapers]. *Vstrechi etnicheskix kultur v zerkale yazyka v sopostavitelnom lingvokulturnom aspekte* [Meetings of ethnic cultures in the mirror of language in comparative linguocultural aspect]. Moscow, 2002, pp. 293–311. (In Russ.)

Orliczki Yu. B., Ivanchenko G. V. [Titles of poetic books and creations as a phenomenon of Russian culture (an experience of systemic analysis)]. *Sistemnye issledovaniya kultury* [Systemic researches]. Moscow, 2008, pp. 437–472. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Predicate names in lexicographical aspect] NTI, ser. 2, 1991, no. 5, pp. 21–31. (In Russ.)

Pazel'skaya A. E. [Aspectuality and Russian predicative nouns]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2003, no. 4, pp. 72–90. (In Russ.)

Pchelinceva E. E. [Aspectual features in Russian verbal nouns of action: approaches and classifications]. *Vestnik SVFU*, 2016, no. 1 (51), pp. 108–119. (In Russ.)

Shmelev A. D. *Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost'* [The Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow, 2002. 496 p.

Tipologiya taksisnyx konstrukcij [Typology of taxis constructions]. Moscow, 2009. 912 p.

Vyal'sova A. P. *Tipy taksisnyx otnoshenij v sovremennom russkom yazyke (na materiale prichastnyx konstrukcij)*. Dis. kand. filol. nauk [Types of taxis relations in the modern Russian language (in the material of participle constructions). Cand.philol.sci. diss.]. Moscow, 2008. 187 p.

Zaliznyak Anna A. Svyaz' otglagol'nyx sushchestvitel'nyx na -nie, -tie s glagol'nym vidom [Connection of verbal nouns ended in *-nie*, *-tie* with verb aspect]. *Terra balkanica. Terra slavica: K yubileyu T. V. Civ`yan* [Terra balkanica. Terra slavica]. Moscow, 2007, pp. 43–51. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 544 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.21

А. Р. Пестова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
pestova2012@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА СЛОВА В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

В статье рассматривается изменение стилистического статуса сниженной лексики в русском языке по данным академических толковых словарей, начиная с «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и заканчивая «Академическим толковым словарем русского языка» под ред. Л. П. Крысина. Словарные стилистические пометы при исследуемых единицах (*блат, бордовый, вышибала* и др.) сопоставляются с данными о динамике употребления этих слов в Национальном корпусе русского языка. Анализируются две противонаправленные тенденции: 1) повышение стилистического статуса лексической единицы, коррелирующее с увеличением частотности её употребления; 2) понижение её стилистического статуса, коррелирующее с сокращением употребительности. Особенно продуктивным может быть привлечение корпусных данных в случае с определением стилистической окраски словообразовательных дублетов — когда один из них уходит на периферию и снижает стилистическую окраску, а другой становится нейтральным (*вперекор/наперекор, обкатить/окатить*, *волосастый/волосатый*). При этом важно учитывать и другие факторы, влияющие на стилистическую окраску слова: в частности, способ словообразования (ср. *мобильник, зачётка*); закреплённость слова в определённом функциональном стиле (ср. *бесхозный/бесхозяйный, отмывание*). В подобных дискуссионных случаях составители словарей могут использовать вспомогательный метод верификации стилистических помет, например анкетирование образованных носителей языка.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическая стилистика, толковый словарь, разговорная речь, просторечие, стилистическая помета, Национальный корпус русского языка

Д. Н. Шмелёв отмечал, что «...частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестает ощущаться говорящими и слушающими» [Шмелёв 2002: 243]. Верно и обратное: «При резком сокращении употребительности нейтральные слова уходили за пределы литературного языка, в просторечие» [Там же: 248]. Сформулированная учёным в конце

1960-х гг., эта корреляция частотности употребления и стилистической окраски основывалась в первую очередь на интуиции исследователя об употребительности той или иной лексической единицы. Картотеки, имеющиеся в распоряжении языковедов, не предоставляли информации о статистике употребления лексической единицы за определённый временной интервал. Развитие корпусных методов открывает перед лексикографами новые возможности исследования стилистической окраски слова с опорой на динамику его употребления.

В статье рассматриваются некоторые слова, изменившие согласно академическим толковым словарям свой стилистический статус во второй половине XX — нач. XXI в. Описываются, с привлечением данных Национального корпуса русского языка, две противонаправленные тенденции: 1) повышение стилистического статуса лексической единицы, коррелирующее с увеличением частотности её употребления; 2) понижение её стилистического статуса, коррелирующее с сокращением употребительности.

Приведём в качестве примера слова, которые, по данным толковых словарей, повысили свой стилистический статус. В таблице указаны стилистические пометы при слове в СУш, МАСе и АТоСе и его употребительность по материалам НКРЯ[1] с начала прошлого века во временные интервалы длительностью по 40 лет.

Табл. 1. Повышение стилистического статуса слова и увеличение частотности его употребления

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900–1940	1941–1981	1982–2020
блат	нет значения → *прост.* → *разг.*	74	184	501
бордовый	*прост.* → *разг.* → без пометы	28	78	475
вышибала	*дореволюц. вульг.* → *прост. устар.* → *разг.*	40	26	90
высоченный	*прост.* → *прост.* → *разг.*	79	178	512
зазывала	нет слова → *прост. устар.* → *разг.*	23	16	82

Обратную тенденцию — снижение стилистического статуса слова при уменьшении частотности его употребления — можно продемонстрировать такими словами, как *балаганить, бранчивый, заваль* и нек. др. Как видно из таблицы, эта тенденция менее ярко выражена.

Табл. 2. Снижение стилистического статуса слова и увеличение частотности его употребления

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900–1940	1941–1981	1982–2020
балаганить	*разг.* → *прост.* → *прост.*	18	7	3
бранчивый	*разг.* → *прост.* → *прост. устар.*	10	0	0
взмоститься	*разг.* → *прост.* → *прост. устар.*	10	1	1
всполохнуться	*разг.* → *прост.* → *прост.*	18	6	4
заваль	*разг.* → *прост.* → *прост.*	33	19	5

[1] Поиск осуществлялся по основному корпусу НКРЯ в августе 2021 г.

Разумеется, фактор частотности не является универсальным. Увеличение частотности слова не обязательно коррелирует с повышением его стилистического статуса. Иногда новое слово сразу входит в словарь как стилистически нейтральное, несмотря на то, что в начале своего появления некоторым образованным носителям языка оно представляется неприемлемым. В первую очередь это касается заимствованных слов. Приведём в качестве примера слово *шорты*. Первый пример, зафиксированный в НКРЯ, датируется 1926–1934 гг.:

> *Он* [И. И. Гинзбург] *жил тогда подымающимся богачом. Странная фигура в* ***шортах****.* (В. И. Вернадский. Дневники. 1926–1934).

Несмотря на то, что это слово было новым и даже в 1959 г. некоторые образованные носители языка оценивали его как неуместное, ср.: *Шорты — это спортивные, теннисные трусы. Но почему не сказать это по-русски, так, чтобы всем было ясно?* (В. Г. Костомаров. Словесные сорняки // Литература и жизнь. 1959), тем не менее в БАС-1 (в годы составления которого входит и год, когда академик В. Г. Костомаров написал эти строки о шортах) это слово вошло безо всяких стилистических помет.

Каждое слово необходимо рассматривать отдельно, поскольку аналогии (семантические, словообразовательные) здесь не работают. Возьмем, к примеру, слово *гольфы*, которое, в отличие от слова *шорты*, проделало путь от разговорного до стилистически нейтрального — и это коррелирует с увеличением частотности его употребления.

Табл. 3. Стилистический статус слов *шорты* и *гольфы* и динамика частотности их употребления

Слово	**Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС**	**1900–1940**	**1941–1981**	**1982–2020**
шорты	нет статьи → без пометы → нет соответствующего тома	74	184	501
гольфы	*прост.* → *разг.* → без пометы	0	10	89

Подчеркнём, что корпусные методы исследований стали доступны лексикографии лишь в последние два-три десятилетия: авторы СУш и МАСа не имели возможности верифицировать стилистические пометы при помощи анализа динамики употребления слова. Функции НКРЯ раньше выполняли словарные картотеки. Однако возможности, предоставляемые корпусом, значительно превосходят возможности картотек, которые не могли дать информации о статистике употребления лексической единицы за определённый временной интервал.

Особенно продуктивным может быть привлечение корпусных данных в случае с определением стилистической окраски словообразовательных дублетов. О необходимости анализа частотности употребления лексических единиц из одного синонимического ряда для определения их стилистической принадлежности писал ещё в 1963 г. М. В. Панов: «Если есть 3 синонима, один с большей частотностью, другой с меньшей, третий — совсем с небольшой (и притом частотности резко

контрастны), то ясно, что эти синонимы соответствуют нейтральному, разговорному и строгому стилю. Но могут быть всего два члена стилистической парадигмы. В таком случае ясно, что слово с большей частотностью принадлежит к нейтральному стилю, а другое — к окрашенному, но к какому именно — определить чисто парадигматически нельзя» [Панов 2004: 112]. И только сейчас у лингвистов появился инструмент, позволяющий отслеживать динамику частотности лексических единиц, в том числе синонимичных словообразовательных дублетов.

Так, при помощи данных корпуса можно легко подтвердить стилистические пометы при словах *вперекор* и *наперекор*, *волосастый* и *волосатый*, *беспременно* и *непременно*, *обкатить* и *окатить*. Менее частотный из дублетов, как правило, в словарях маркируется как стилистически более сниженная единица. Это продемонстрировано в Табл. 4: проверка частотности слова по Корпусу позволяет верифицировать словарные пометы.

Табл. 4. Стилистический статус словообразовательных дублетов и частотность их употребления

Слово	**Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС**	**Количество вхождений в НКРЯ**
вперекор	нет статьи → *устар.* и *прост.* → *устар.* и *прост.*	9
наперекор	без пометы	1504
волосастый	*прост.* → *прост.* → *прост. устар.*	1
волосатый	без пометы	2289
беспременно	нет статьи → *прост.* → *прост.*	15
непременно	без пометы	2751
обкатить	*прост.* → *прост.* → не вышел соответствующий том	14
окатить	без пометы	630

Иногда для верификации помет в словарях разного времени требуется более детальное исследование частотности. Например, словообразовательные дублеты *высудить* и *отсудить*.

Табл. 5. Стилистический статус словообразовательных дублетов *высудить* и *отсудить* и динамика частотности их употребления

Слово	**Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС**	**1900–1940**	**1941–1981**	**1982–2020**
высудить	*прост.* → *прост.* → *прост.*	8	1	8
отсудить	*прост.* → *разг.* → нет соответствующего тома	4	11	124

Как видно из Табл. 5, в первые десятилетия XX в. у глаголов *высудить* и *отсудить* была одинаково низкая частотность, и оба они имеют в СУш помету *прост.* Во второй половине XX в. частотность глагола *высудить* уменьшается, а *отсудить*, напротив, увеличивается, и в МАСе его стилистический статус повышается до разговорного.

Таким образом, с одной стороны, нам хотелось бы подчеркнуть важность анализа корпусных данных, в том числе частотности употребления слова либо его значения, при постановке стилистической пометы. Работа с эмпирической базой, предоставляемой корпусом, является неотъемлемой частью лексикографического труда, в том числе при определении стилистической окраски слова.

С другой стороны, мы, разумеется, отдаём себе отчёт в том, что корпусы, как отмечает Ю. Д. Апресян, «не панацея от всех лингвистических бед. Во-первых, наличие каких-то фактов в корпусах ещё не есть свидетельство того, что они являются и фактами языка; во-вторых, отсутствие каких-то фактов в корпусах ещё не есть свидетельство того, что их нет в языке» [Проспект 2010: 37].

На стилистическую окраску слова, помимо частотности его употребления, влияет целый ряд факторов, нередко разнонаправленных. Немаловажен, например, словообразовательный фактор. Универбаты *попутка, мобильник, беспилотник, зачётка, заочник* и мн. др. сохраняют разговорную окраску, несмотря на увеличение частотности их употребления, именно в силу своего — типично разговорного — способа словообразования.

Ещё одним фактором, который непросто учитывать лексикографу, является такой, как закреплённость слова в определённом функциональном стиле.

Рассмотрим, например, дублеты *бесхозяйный* и *бесхозный* (в значении «не имеющий собственника или неизвестно кому принадлежащий»). Прилагательное *бесхозный* в СУш снабжено пометой *нов.*, в МАСе оно маркируется как разговорное. *Бесхозяйный* в СУш маркируется пометой *устар.*, в МАСе при нём нет стилистических помет, а в АТоСе снова появляется помета *устар*. Однако, если обратиться к НКРЯ, мы увидим, что частотность употребления этого слова возросла, см. Табл. 6.

Табл. 6. Стилистический статус словообразовательных дублетов *высудить* и *отсудить* и динамика частотности их употребления

Слово	**Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС**	**1900–1940**[2]	**1941–1981**	**1982–2020**
бесхозяйный	*устар. → без пометы → устар.*	9	4	49
бесхозный	*нов. → разг. → разг.*	14	43	323

При этом почти все примеры из этих 49 — это фрагменты нормативных и правовых документов:

> *Бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался* (Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (1994) // 2004).

> *При отказе от права собственности на земельный участок этот земельный участок приобретает правовой режим бесхозяйной недвижимой вещи, порядок прекращения прав на которую устанавливается гражданским законодательством* (Земельный кодекс Российской Федерации (2001) // 2004).

[2] Поиск в НКРЯ осуществлялся в феврале 2023 г.

В НКРЯ отсутствуют примеры из нормативных и правовых актов советского времени, но, видимо, практика употребления этого слова в официально-деловых текстах тянется ещё с того времени, ср.:

> *Инструкция о порядке учета, оценки и реализации конфискованного,* ***бесхозяйного*** *имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов* (Инструкция Министерства финансов СССР от 19 декабря 1984 года № 185).

При этом в современных официальных объявлениях (в метро, на вокзалах и т. п.) мы читаем и слышим: *При обнаружении* ***бесхозных*** *вещей...*

Пример с этими словообразовательными дублетами демонстрирует нам, что в некоторых случаях лексикографам крайне затруднительно дать стилистическую оценку слова в словаре. С одной стороны, интуитивно нам представляется, что из пары слов *бесхозный* и *бесхозяйный* стилистически нейтральным является *бесхозный*. Это подтверждают и корпусные данные, и опрос носителей языка.

Однако обращение к официальным письменным текстам показывает, что в них по традиции закреплено использование слова *бесхозяйный*. Можем ли мы в таком случае признать его устаревшим?

В подобных дискуссионных случаях лексикограф может также привлекать данные опросов образованных носителей языка. Мы провели опрос, в котором задали респондентам вопрос: «Какое из этих слов стилистически нейтрально (уместно в любом тексте)?». Варианты ответов: а) бесхозяйный; б) бесхозный; в) оба стилистически нейтральны; г) оба стилистически не нейтральны; д) затрудняюсь ответить.

В опросе приняло участие 200 человек: как лингвистов, так и нелингвистов (интересующихся вопросами русского языка и стилистики в частности), от 18 до 54 лет. Всего 9 % опрошенных выбрали вариант *бесхозяйный*. Больше половины респондентов (62 %) считает стилистически нейтральным вариант *бесхозный*. 21 % отметил вариант «оба стилистически не нейтральны». По 4 % проголосовало за ответы «оба стилистически нейтральны» и «затрудняюсь ответить». Показательны комментарии информантов: «Первое слово вообще не слышал»; «Насчёт уместности первого хоть в каком-то тексте возникают вопросы».

Таким образом, результаты обращения к языковой интуиции носителей русского языка соотносятся с данными НКРЯ, согласно которым слово *бесхозный* употребляется значительно чаще, чем слово *бесхозяйный*, которое сохранилось только в официально-деловых документах.

Ещё один любопытный пример того, как важно применять различные методы определения стилистической окраски слова и как непросто бывает учесть все факторы, — это отглагольное существительное *отмывание* (*отмывание денег*). Согласно словарям, глагол *отмывать*, от которого образовано это существительное, не является нейтральным: при нём стоят такие пометы, как *жарг.* ([БТС], [Химик 2004], *прост*. [СШ], *сленг., неодобр.* [ТСРР], *разг.* [БАС-3].

Однако существительное *отмывание* используется в официально-деловых текстах:

- в тексте закона: *Федеральный закон «О противодействии легализации (**отмыванию**) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ)*;
- в тексте кодекса: статья 15.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях — *Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (**отмыванию**) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма*;
- на официальном сайте Президента России: *Глава Комитета по финансовому мониторингу Виктор Зубков проинформировал Президента Владимира Путина о принимаемых мерах по предотвращению **отмывания** доходов, полученных незаконным путем, а также по предотвращению финансирования терроризма.*

Обратимся к данным Корпуса. Первое вхождение слова *отмывание* в анализируемом значении датируется 1993 г.:

> *И антагонисты у него* [Ивана Безуглова], *конечно, «гнусные большевики», «бывшие политруки», занятые **отмыванием** партийных денег* (Алла Латынина. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? // «Новый Мир», 1993).

При этом частотность этого слова в данном значении, согласно НКРЯ, за последние годы значительно уменьшилась[3]:

Табл. 7. Стилистический статус существительного *отмывание* и динамика частотности его употребления

Годы	**1993–2004**	**2005–2016**
Количество вхождений в НКРЯ	312	32

Однако это едва ли может свидетельствовать о том, что слово *отмывание* уходит на периферию. Скорее, это демонстрирует нам, что НКРЯ недостаточно репрезентативен в отношении современного узуса (так, последнее вхождение слова отмывание, согласно НКРЯ, датируется 2016 г.). Корпус, сколь бы объемным он ни был, не может отразить всего, что есть в языке, и, пожалуй, о нем, как и о словаре, можно сказать, что он «оказывается “ВЕЧНО ВЧЕРАШНИМ”, постоянно запаздывающим» [Девкин 2005: 26].

Данные опроса показывают, что в сознании носителей русского языка это слово не является стилистически нейтральным. Мы спросили у респондентов: «*Отмывание денег. Отмывание* — это стилистически нейтральное слово?». В опросе

[3] Поиск в НКРЯ осуществлялся в ноябре 2023 г.

приняло участие 213 человек в возрасте от 18 до 54 лет (как лингвистов, так и нелингвистов, интересующихся вопросами русского языка и стилистики в частности). Как мы и предполагали, большинство респондентов (60 %) ответило на поставленный вопрос «нет». Те участники опроса, что выбрали вариант ответа «да, стилистически нейтральное», обнаружили знания в юриспруденции, ср. комментарии типа: «Это юридический термин. Поэтому нейтральное».

Таким образом, здесь вступают в противоречие фактор частотности, фактор употребления в определённом функциональном стиле и результаты обращения исследователя к собственной языковой интуиции и интуиции носителей языка.

Подводя итоги, подчеркнём, что анализ корпусных данных является лишь вспомогательным методом верификации словарных стилистических помет, который необходимо использовать в комплексе с другими методами и с учётом других факторов. Отметим также, что наиболее перспективным использование корпусных методов является, на наш взгляд, в случае с определением стилистического статуса словообразовательных дублетов.

Литература

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / под ред. Л. П. Крысина. М.: ЯСК, 2016. Т. 1–2. (издание продолжается).

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 14. Опора–Отрыть. Под ред. А. С. Герда. М.; СПб.: Наука, 2010. 655 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 1998.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры. С. 103–136.

Проспект активного словаря русского языка / Под. ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.

СУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.

СШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. 1166 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2017. 860 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб: Норинт, 2004. 768 с.

Шмелёв Д. Н. Стилистические изменения в лексике // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 238–268.

A. R. Pestova
Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
pestova2012@gmail.com

CHANGE IN THE STYLISTIC STATUS OF WORDS BASED ON CORPUS DATA

The article discusses changes in the stylistic status of colloquial vocabulary in the Russian language based on academic explanatory dictionaries, starting from "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov and ending with "Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by L. P. Krysin. Stylistic labels in the dictionaries for the units under consideration (such as *blat* 'connections', *bordovyj* 'burgundy', *vyshibala* 'bouncer', etc.) are compared with the data on the usage dynamics of these words in the Russian National Corpus. Two opposing tendencies are analyzed: 1) the increase in the stylistic status of a lexical unit, correlated with its increased frequency of use, and 2) the decrease in its stylistic status, correlated with a decrease in its usage. The use of corpus data can be particularly productive in determining the stylistic colouring of word-forming doublets, where one of them becomes peripheral and gets a lower stylistic colouring, while the other becomes neutral (e. g. *vperekor/naperekor* 'against', *obkatit/okatit* 'to spray', *volosastyj/volosatyj* 'hairy'). It is important to consider other factors that influence the stylistic colouring of a word, such as the means of word formation (e. g. *mobil'nik* 'mobile phone', *zachyotka* 'record book') and the association of a word with a certain functional style (e.g. *beshoznyj/beshozyajnyj* 'ownerless', *otmyvanie* 'laundering'). In such debatable cases, lexicographers may use auxiliary methods to verify stylistic labels, such as conducting surveys among educated native speakers of the language.

Keywords: lexicography, lexicographic stylistics, explanatory dictionary, colloquial speech, vernacular, stylistic label, Russian National Corpus

References

Akademicheskii tolovyi slovar' russkogo yazyka. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Krysin, L. P. (ed.). Vol. 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2016. (continued edition).

Bol'shoi akademicheskii slovar russkogo yazyka. [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 14. Executive ed. A. S. Gerd. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 655 p.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Executive ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburgh: Norint Publ., 1998. 1536 p.

Devkin V. D. *Nemetskaya leksikografiya*. [German Lexicography]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 670 p.

Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoi ekspressivnoi rechi*. [Large Dictionary of the Russian Everyday Expressive Speech]. St. Petersburgh: Norint, 2004. 768 p.

Panov M. V. [On pronunciation styles (with respect to general problems of stylistics)]. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku*. [Works on general linguistics and the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., pp. 103–136. (In Russ.).

Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka [Prospectus of the active dictionary of the Russian language] (2010). / Ed. by Y. D. Apresyan. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 784 p.

Shmelev D. N. [Stylistic Changes in Vocabulary] *Izbrannye trudy po russkomu yazyku.* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 238–268. (In Russ.).

Slovar' russkogo yazyka [Russian Language Dictionary: in 4 volumes]. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov. [Russian dictionary with the inclusion of information about the origin of words]. Shvedova N. Yu., Kurkina L. V., Krysin L. P.; executive ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik Publ., 2007.

Tolkovyi slovar russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 2. [Explanatory Dictionary of the Russian Everyday Speech]. Krysin, L. P. (ed.). Vol. 2. Moscow: Yazyki slavjanskoi kul'tury Publ., 2017.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Comp. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov [et al.]; ed. D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ Publ., 1935–1940.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.22

М. Н. Приёмышева
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
mn.priemysheva@yandex.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»)

В статье делается краткий обзор словообразовательного лингвокреативного потенциала неологии пандемийного периода, представленной в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» (СПб., 2021), а также в его готовящемся переиздании. Важным для понимания масштабов такого потенциала оказываются собственно количественные параметры: в словаре зафиксировано около 3500 языковых и речевых новаций, выбранных из СМИ и интернета за период 2020–2021 гг. и тематически связанных с пандемией, в готовящемся переиздании словаря — около 7200 слов и сочетаний, включающих такую неологию за период до начала 2023 г. Для краткого анализа привлекаются только слова с корнями ковид- (около 3000) и корона(вирус)- (около 1300). Новые слова с этими корнями образованы с помощью аффиксальных способов (около 800 единиц), сложением (более 3000 слов), контаминацией (109 слов), а также представляют собой результат субстантивации (около 20 единиц). Наиболее ярко творческий потенциал при образовании конситуативной лексики реализован путем использования сложения и контаминации. В пандемийном дискурсе используются также другие формы языкового творчества. Краткий проведенный в статье обзор типов образования новых слов, в том числе неузуальных, позволяет утверждать, что лингвокреативный потенциал разговорной речи теоретически безграничен, однако практически такие ограничения есть и они обусловлены контекстом внеязыковой ситуации, ограниченностью круга вовлеченных в ситуацию понятий, возможностями языковой системы.

Ключевые слова: русский язык, разговорная речь, словообразование, языковая игра, «Словарь русского языка коронавирусной эпохи»

Введение. Постановка проблемы

Как в свое время отмечала Е. А. Земская, «одни и те же экстралингвистические особенности разговорной речи (неофициальность, неподготовленность, непринужденность) обусловливают *стремление к свободному построению единиц,*

к речетворчеству и *стремление к шаблону, к использованию готовых речевых формул*» [Земская и др. 1981: 6–7, курсив наш — М. П.]. И данное наблюдение уже давно в лингвистике считается аксиоматичным и безусловным.

Речетворчество — создание в потоке речи новых (в том числе — конситуативных единиц), являясь креативной формой реализации таких конституирующих свойств разговорной речи (РР), как непринужденность, спонтанность, контекст внеязыковой ситуации, экспрессивность и др., традиционно сопутствует соответствующим формам коммуникации, при этом *степень* его интенсивности, как правило, можно связывать с креативным лингвистическим потенциалом участников коммуникации. Однако, по справедливому замечанию Г. Пауля, «Нам редко предоставляется возможность непосредственно наблюдать процесс <языкового первотворчества>... Ведь те единичные случаи, которые время от времени доходят до нас, вроде произвольного созданного слова.., не могут дать сколько-нибудь ясного представления о его естественном протекании. Это набрасывает на него некий покров таинственности, что способствует возникновению все новых и новых теорий, пытающихся найти его разгадку в какой-то своеобразной способности первобытного человека к словотворчеству, которую якобы утратило современное человечество... Умственные способности человека достигли с тех пор гораздо более высокой степени совершенства, и это обязывает нас сделать вывод, что в наши дни предпосылки для языкотворчества стали гораздо шире и богаче» [Пауль 1960: 213]. Но при возникновении определенных условий, к каким, безусловно, относились периоды социальных потрясений (напр., революционные годы, годы перестройки) и к которым возможно отнести и пандемию коронавирусной инфекции 2020–2022 гг., интенсивность таких процессов языкового творчества усиливается многократно. Свидетельством этому являются количественные характеристики *неологической* лексики, зафиксированной в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» [Словарь... 2021]: в словаре, на основе оперативного мониторинга 2020 — начала 2021 г., проводимого сотрудниками группы Словарей новых слов (Института лингвистических исследований Российской академии наук), зафиксировано около **3500** лексических и семантических новаций, тематически связанных с пандемией коронавирусной инфекции, а в готовящемся переиздании данного словаря, охватывающего речевую неологию 2020 — начала 2023 года, — около **7200** единиц[1].

Материалы этого Словаря берутся за основу анализа с определенными оговорками: он, безусловно, фиксирует лексику письменных источников, но таких, которые генетически и типологически очень тесно связаны с разговорной речью, в том числе и устной. Словарь подготовлен на материале словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» 2020–2022 гг. По замыслу автора их концепции — Н. З. Котеловой, «в ежегодниках делается попытка показать *поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения*, *изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии*». Как отмечала исследователь, многие неологизмы часто «представляют собой не только непознанные, но и *неопознанные явления речевого потока*» [Котелова 2015: 255; курсив наш — М. П.]. Источниками выборки лексики

[1] Далее статистические данные будут приводиться по новому изданию.

серии словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» являются как печатные и электронные СМИ, так и материалы интернета в их жанровом разнообразии. Языковая игра является традиционно очень интенсивным процессом в языке массмедиа, в настоящее время представляющем, по сути, письменную форму устной, как правило, литературной разговорной речи, и количество новых слов, образованных в контексте языковой игры в СМИ, очень велико. Ср., напр.: «Мы все же считаем более правильным употреблять по отношению к языку СМИ термин *лавинообразное словотворчество*, который более соответствует состоянию языка СМИ» [Ильясова 2010: 83]. Не менее признанным фактом на сегодняшний день является и отнесенность целого ряда интернет-жанров к «письменным формам разговорной речи» [Кронгауз 2009, Литневская 2011], которым также свойственна языковая игра: «В интернет-эпоху языковая игра приобретает все большую популярность, потому что отвечает духу времени и запросам современного общества, в котором развлекательность разного рода становится частью modus vivendi и оказывается необыкновенно востребованной. Языковая игра, представленная в РР, выплескивается в Интернет и, напротив, получает подпитку с различных интернет-ресурсов» [Колокольцева 2016: 106].

Теоретически безусловно, что количественный и качественный предел возможностей словообразовательного и лексико-семантического уровней языкового творчества в СМИ, в интернет-коммуникации очень высок, однако насколько — в обычной ситуации, в традиционной коммуникации трудно измерить. Но именно не поддающиеся логическому обоснованию количественные характеристики неологии пандемийного времени позволяют поставить проблему границ лингвокреативного потенциала разговорной речи.

Общая характеристика материала

Русский язык, как и многие языки мира, в период пандемии представлял собой «стихию, бушующую на страницах СМИ и интернета», переживал своего рода неологический бум, «языковой карнавал», лингвистический «пир», что постарались показать авторы коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» (СПб., 2021). В целом русский язык в этот период отличали

— беспрецедентная *скорость и интенсивность* процессов словотворчества и языковой игры,
— множественность основных ключевых слов момента (*коронавирус — ковид — вирус, карантин — самоизоляция — локдаун, вакцина, куар-код — кьюар-код*), параллельно становящихся основами активного словопроизводства,
— сверхдинамический характер словообразования (особая продуктивность ряда формантов и моделей, процесса сложения, контаминации),
— сверхколичественные масштабы создания конситуативной лексики,
— сверхварьирование всех элементов системы (многочисленные графические, орфографические, словообразовательные варианты и др.), являющееся результатом скорости и интенсивности происходящих процессов.

В указанной монографии были сделаны попытки анализа материала с целью представления его целостного характера. В данной же статье, для наглядной ил-

люстрации лингвокреативного *потенциала* разговорной речи, остановимся только на таком его сегменте, как особая словообразовательная продуктивность «самых» ключевых слов периода — ***ковид*** и ***корона(вирус)***. Можно предположительно говорить об уникальности их количественной продуктивности для всей истории русского языка: так, в настоящий момент в готовящемся переиздании «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» общее количество слов *только* с этими двумя корнями около **4200** (**1353** слова с корнем и первым компонентом ***корон-*** и **2176** — с корнем и первым компонентом *ковид-*, а также **681** слово с данным корнем в латинской графике — COVID).

Подчеркнем, что все слова с данными корнями носят статус «новых», так как образованы от абсолютного неологизма 2020 г. — слова *ковид* и от актуализированных в 2020 году слов *корона и коронавирус* в значении ‘коронавирусная инфекция COVID-19’.

При общей характеристике материала оставим в стороне традиционную проблему адаптации нового заимствованного слова, обусловившую колоссальную графическую и орфографическую вариативность единиц с компонентами *ковид- и корона-* (см. об этом подробнее [Громенко 2021а]). При этом заметим, что такое количество лексических единиц в словаре связано в том числе и с целенаправленным отражением этой вариативности.

Тематически в данном материале выделяются несколько групп лексики, среди которых количественно наиболее значимыми являются

— ***наименование болезни*** (около 130[2] единиц, напр.: *ковид, ковида, ковидик, ковидина, ковидище, ковидка, ковидоз, ковидос, ковидра, ковидство, коронавир, коронавирусик, коронавирусня, коронавирусняк, коронавирушка, коронавирь, коронарка, коронарочка, коронач, коронка, коронушка* и мн. др.);

— ***наименование лиц*** (около 40 наименований больных коронавирусной инфекцией, напр.: *ковидец, ковидик, ковидист, ковидник, ковиднутый, ковидовец, ковидозный, ковидчик, коронавирусник, коронник, коронованный, коронщик, коронякл* и др.; около 20 наименований врачей, напр.: *ковид-врач, ковидист, ковидник, ковидовец, ковидолог, COVID-медик, ковидонавт, коронавт* и др.; около 60 наименований противников противоэпидемических мер, напр., *антиковидник, антикорона-безумец, антикронавирусник, ковид-нигилист, корона-нигилист, коронанигилист, ковигист, коронапофигист, коронопофигист, ковид-диссидент, ковидодиссидент, коронавирус-диссидент, коронадиссидент, корона-диссидент, коронодиссидент, ковидиот, ковид-идиот, ковидоидиот, коронаидиот, корона-идиот, ковид-еретик, ковид-неверующий, коронаатеист, коронагностик* и мн. др.; около 50 наименований сторонников их соблюдения, напр.: *ковидоадепт, ковидоалармист, ковидобес, ковидовер, ковидоверующий, ковидоид, ковидоидный*[2]*,*

[2] Количественные данные с целью общей характеристики объемов лексических групп приводятся с учетом других корней, так как слова с корнями *ковид-* и *корон-* составляют их преимущественное большинство.

ковидолояльный, ковидолюб, ковидоман, ковидопаникер, ковидопат, ковидопатриот, ковидопоклонник, ковид-оптимист, ковидофоб, ковидофреник, ковид-ревнитель, ковидсектант, ковидствующий и мн. др);

— ***наименование стационаров*** (около 30 наименований, напр.: *ковидальня, ковидарий, ковидариум, ковидарник, ковидарня, ковид-барак, ковидник, ковидница, ковидятня, ковид-больница, ковид-госпиталь, ковид-лечебница, ковидная больница, ковидогоспиталь, COVID-лечебница* и др.);

— ***наименование периода пандемии*** (около 80 наименований, напр.: *ковидокризис, ковид-бардак, ковид-хаос, ковидло-хаос, коронахаос, коронавасия, ковидло-безумие, ковидомор, коронамор, COVID-шторм, коронашторм, коронабедствие*, *короначума, коронабезумие, ковидоистерика, коронавирус-истерия, ковидопаника, ковидофрения, коронашизофрения; ковидло-эпоха, ковид-эпопея, ковид-эпоха, ковид-эра, коронавирус-эпоха, коронавирье, корона-время, корона-эпоха, коронаэпоха, короновремя, корона-эпопея, COVID-эпоха, COVID-эра* и др.);

— ***наименование самоизоляции*** (около 30 наименований, напр., *ковид-изоляция, ковидо-изоляция, ковид-карантин, корона-карантин, коронокарантин, COVID-карантин, корона-локдаун, коронавирус-изоляция, коронаизоляция, корона-изоляция, ковид-осада, ковид-блокада, корона-блокада, коронаблокада, короноблокада, COVID-блокада*);

— ***наименование видов досуга, развлечений на самоизоляции*** (*антиковид-пати, антиковид-вечеринка, ковид-вечеринка, ковид-пати, корона-вечеринка, корона-пати, коронапати, короно-вечеринка, короновечеринка, COVID-вечеринка, COVID-пати* и др.).

Частеречная характеристика материала также может считаться традиционной для речевой неологии: существительные составляют основную часть материала — 3049 слов, прилагательные — 422, глаголы — 47, наречия — 12.

Словообразовательный потенциал пандемийной неологии (корни *ковид-* и *корона-*)

Основные формы речетворчества в ковидный период проявились, безусловно, в словообразовании. Несмотря на то что основная часть новых слов образована по узуальным моделям, очевидно, что процессы стандартного словообразования и креативного словотворчества шли одновременно. При этом, учитывая скорость происходящих процессов (несколько месяцев 2020 года), настоящим словотворчеством можно признать факт создания каждого из включенных в словарь слов.

Аффиксальное словообразование.

Среди основных способов образования новых слов от данных основ использовались *аффиксальные* (преимущественно по узуальным моделям).

Разговорный характер материала подчеркивают слова, образованные аффиксальными способами. Причем обращает на себя внимание, что в процессе

спонтанного образования ковидной разговорной неологии задействованы практически все те (и фактически все) форманты, которые приводятся авторами монографии «Разговорная речь» [Земская и др. 1981: 90–111].

При образовании наименований лиц используются такие суффиксы, как

-ник/ниц: *ковид**ник**,коронавирус**ник**, корон**ник**, ковид**ниц**а; антиковид**ник**, антикоронавирус**ник***,
-чик: *ковид**чик***,
-щик: *корон**щик***,
-(ов)ец: *ковид**овец***,
-ист: *ковид**ист***.

Для наименования ковида используются традиционные для разговорной речи, в том числе — экспрессивные суффиксы:

-к(а): *ковид**к**а*,
-ик: *ковид**ик**, коронавирус**ик***,
-ин: *ковид**ин**а*,
-ушк: *ковид**ушк**а, ковид**ушк**о, коронавир**ушк**а*,
-ищ: *ковид**ищ**е*,
-яг: *корон**яг**а*,
-шк(а): *короня**шк**а*,
-ств: *ковид**ств**о*,
-н(я): *коронавирус**н**я.*

Фиксируются также слова с суффиксом, регулярным для просторечного и жаргонного словообразования:

-ос: *ковид**ос*** (ср. *видос, досвидос*).

При этом использование суффикса **-оз-** (ковид**оз**) следует считать регулярным «суффиксом, вносящим значение ‘болезнь, заболевание, связанное с тем, что названо мотивирующим словом’» [Улуханов, Лопатин: 574] (ср. невроз, психоз, тромбоз и т. п.).

Видимо, уникальным следует признать использование суффикса **–л-** в словах *ковид**ла**, ковид**ло***: как регулярный он используется при создании отглагольных имен лиц (*объедала, мазила, зубрила*) [Разговорная речь 1981: 95], однако в данных словах такое значение не реализовано. Если это образование считать аффиксальным, то роль данного суффикса, видимо, заключается только в экспрессивной функции: в нарочитом стилистическом снижении общеупотребительного слова. Поэтому не исключается вероятность того, что данное слово образовано путем контаминации, предположительно с такими словами, как *зло, падло, обло*: **ковид + з**л**о**; **ковид** + пад**ло** (о плохом, подлом человеке, *жарг.*); **ковид** + «чудище об**ло**» (В. Тредьяковский). Однако и в этом случае не выполняется главное условие контаминации: не происходит в полной мере семантического

наложения компонентов. Таким образом, приходится признать словообразовательную интерпретацию недостаточной. При этом слово в целом оказалось продуктивной самостоятельной основой (*ковидло-безумие, ковидло-год, ковидло-кризис, ковидло-образование, ковидло-обстоятельства, ковидло-странность, ковидло-хаос, ковидло-эпоха*). Как контаминант со вторым компонентом «повидло» вошло в состав устойчивых сочетаний *пирожок с ковидлой, пирожок с ковидлом* ‘о коронавирусной инфекции, шутл.’, *съесть пирожок с ковидлом* ‘заразиться коронавирусной инфекцией’, шутливых пословиц — *кому повидло, а кому ковидло,* образует другую единицу *ковидло-шмавидло,* возникшую как результат языковой игры по принципу «рифмованного эха» [Разговорная речь 1983: 193].

Окказиональным следует признать суффикс — ’**акл** в слове *коронякл* ‘о больном коронавирусной инфекцией’. (При этом ср., например, *креакл* ‘о представителях креативного класса’, совр. полит. жарг.)

Возможна неоднозначная интерпретация таких суффиксов, как ***-арий, -арн(я), -ятн(я)***, в словах *ковидарий, ковидарня, ковидятня* ‘о стационаре для лечения больных коронавирусных инфекцией’: имея суффиксы с регулярными словообразовательными значениями — -арий «место, помещение территория, характеризующееся признаком, указанном в мотивирующем слове» (*дендрарий, планетарий* и т. п.) [Лопатин, Улуханов 2016: 270], место обитания животных (*псарня, свинарня*) и птиц (*голубятня*), сам корень — *ковид* — не позволяет данные модели рассматривать как регулярные и системные. При этому в этих словах реализуются семантические признаки конкретных слов, позволяющие предположить контаминацию слова *ковид* со следующими словами:

ковид + колумба́**рий** ‘место коллективного захоронения урн с прахом умерших’,
ковид + свина́**рня** ‘здесь *перен.*: грязное место’,
ковид + голуба́**тня** ‘здесь *перен.*: грязное место’,

в результате чего слова *ковидарий, ковидарня, ковидятня* получают помимо значения ‘помещения для ковидных больных’ коннотации грязного, неблагополучного места (*ковидарня, ковидятня*) или места, в котором многие умирают (*ковидарий*).

Общий игровой характер всего материала позволяет рассматривать приоритет многозначной интерпретации словообразовательной игры над узуальностью регулярной модели.

Для образования прилагательных помимо самого продуктивного в русском языке суффикса **-н** (*ковид**н**ый, коронавирус**н**ый, корон**н**ый*) и суффикса **-ов** (*ковид**ов**ый, ковид**ов**ский, коронавирус**ов**ый*), использовались и такие суффиксы, как

-ист: *ковид**ист**ый, корон**ист**ый*,
-аст: *ковид**аст**ый*,
-ат: *ковид**ат**ый*,

которые авторами монографии также были обозначены как регулярные и частотные.

Наиболее частотными приставками при образовании имен существительных, как и в монографии [Земская и др. 1981], являются

-анти: ***анти****ковид, **анти**коронавирус, **анти**корона*,
-сверх: ***сверх****ковид*,
-супер: ***супер****ковид, **супер**коронавирус*,

при образовании имен прилагательных

-не: ***не****ковидный, **не**коронавирусный*,
-бес: ***бес****ковидный, **бес**коронавирусный*,
-противо: ***противо****ковидный, **противо**коронавирусный*,

а при учете регулярности темпорального значения *ковидный, коронавирусный* ‘происходящий, осуществляемый в период пандемии коронавирусной инфекции’ закономерным оказывается использование приставок *до-, пред, после-, пост-*:

-до: ***до****ковидный, **до**коронавирусный, **до**коронный*,
-пред: ***пред****ковидный, **пред**коронавирусный*,
-после: ***после****ковидный, **после**коронавирусный*,
-пост: ***пост****ковидный, **пост**ковидовский, **пост**коронавирусный*.

При образовании глаголов системно использовались традиционные для разговорной речи суффиксы **-ну-, -ану-, -ова(ть), -нича(ть)** и приставки: **пере-, за-, о-, об-,** в результате чего появилось достаточно много для двух новых корневых основ разговорных глаголов:

ковидеть, ковидить, ковидиться,
коронавирусеть, короновать, короноваться,
ковидовать, коронавирусовать,
ковидничать, ковидствовать,
ковиднуть, ковиднуться, коронавируснуть,
заковидеть, заковидить,
оковидиться,
обковидеть, обковидить,
отковидить, отковидиться, откоронавирусить,
перековидеть, перековидить, перекоронавирусить,
сковидиться.

Аффиксальными способами образовано около четверти всей пандемийной неологии, зафиксированной в словаре. Несмотря на то что это меньшая часть неологии словаря, она позволяет сделать ряд самостоятельных выводов. Во-первых, материал полностью подтверждает наиболее регулярные, частотные, универсальные схемы образования новых слов, основные модели которых были перечислены в монографии «Разговорная речь». Во-вторых, такая лексика хоть и продуцируется системно и носит универсальный разговорный характер, а ее состав в своей основе *воспринимается* как узуальный, важно обратить внимание на то, что она вся была *создана в кратчайший момент времени* и что ее состав, при задействованности небольшого

количества преимущественно разговорных аффиксов, демонстрирует в принципе высокий словообразовательный потенциал узуального словообразования: как отмечалось выше, при помощи аффиксов в общем составе новой лексики с корнями *ковид- и корона-* образовано не менее 800 единиц. И в-третьих (вывод основывается также на наблюдении, что в составе словаря по-настоящему узуальных слов единицы), использование регулярных словообразовательных моделей не вело к появлению узуальных (в том числе и разговорных) слов, а было также формой своего рода языковой игры с целью придать таким словам статус настоящих слов русского языка, при этом специфика (узость) семантики корневых слов не позволяла полностью для каждого аффикса реализовать его словообразовательное значение.

Сложение

Наиболее масштабно языковая игра, свойственная в большей степени письменным формам разговорной речи, проявилась в создании сложных слов. Сложением образовано около 3390 слов из 4200[3].

Так, самыми продуктивными формантами, по материалам словаря, являются:

антиковид- (около **150** слов, напр.: *антиковид-бумага, антиковид-бунт, антиковид-вакцина, антиковид-вакцинация, антиковид-вечеринка* и мн. др.),

ковид- (около **1600** слов, напр.: *ковид-авантюра, ковид-авантюризм, ковид-аврал, ковид-автомат, ковид-автор, ковид-агент, ковид-агностик, ковид-агрессивный, ковид-агрессия* и мн. др.),

ковидно- (около **130** слов, напр.: *ковидно-административный, ковидно-амбулаторный, ковидно-антипрививочный, ковидно-антирасистский, ковидно-безопасный* и др.),

ковидо- (около **300** слов, напр.: *ковидозаболеваемость, ковидозависимость, ковидозамещение, ковидо-запрет, ковидо-затвор, ковидоизоляция, ковидоинфекция* и др.),

короно- (около **400** слов, напр.: *короно-авантюрист, короноанализ, короноапокалипсис, короноатака, коронобаран, коронобезопасность, коронобюджет* и др.),

корона-[4] (около **700** слов, напр.: *коронаавто, корона-автономный, корона-ажиотаж, корона-азбука, корона-айсберг, корона-активист, коронаалармист* и мн. др.),

коронавирус- (около **220** слов, напр.: *коронавирус-апокалипсис, коронавирус-блюз, коронавирус-больница, коронавирус-бордель, коронавирус-брифинг* и др.),

---

[3] Различные научные концепции в интерпретации объема понятия оставляем за рамками данного исследования. В статье сложение понимается в самом широком смысле как сложение различных видов и типов основ, за исключением контаминации, которую рассматриваем отдельно. Однако следует подчеркнуть, что очень большой объем сложносоставной лексики с одинаковыми основами, представленный в Словаре, является редкой возможностью для объективного выявления и теоретического анализа всех видов и типов сложения в современном русском языке.

[4] Про компонент *корона* см. [Громенко 2021].

коронавирусно- (около **120** слов, напр.: *коронавирусно-бактериальный, коронавирусно-библейский, коронавирусно-больной, коронавирусно-бюрократический, коронавирусно-вакцинный, коронавирусно-валютный* и др.),

COVID- (около **680**, напр.: COVID-активный, COVID-акция, COVID-аллергия, COVID-амбулатория, COVID-амбулаторный, COVID-амнистия и др.).

Семантическая близость компонентов вела к их регулярной взаимозаменяемости и, как следствие, к возникновению широкой вариативности, напр.:

— *ковидапокалипсис, ковид-апокалипсис, ковидоапокалипсис, корона-апокалипсис, коронавирус-апокалипсис, COVID-апокалипсис,*
— *ковид-истерика, ковидоистерика, коронавирус-истерика, корона-истерика, COVID-истерика.*

Номинативно весь массив сложной лексики условно можно разделить, как минимум, на 2 группы:

денонатные слова: *корона-такси, ковид-такси, ковид-тест, корона-тест, ковид-госпиталь, ковид-ограничения, ковид-палата, ковид-пассажир, ковид-препарат,*

конситуативная (обычно оценочная) лексика: *ковидобред, ковидопаника, ковид-осада, ковид-психоз, ковид-сенсация, коронавера, коронаверсия*, *корона-монстр, коронанапасть, корона-разрушитель, коронасвинтус, коронатварь, коронахрень, короначудовище, короначума, коронашняга, коронаящур* и мн. др.

В незначительной части случаев второй компонент сложного слова оказывается приложением: ковид-враг, ковид-зараза, ковид-проказник, ковид-старуха, ковид-хамелеон, COVID-зараза, COVID-мутант, COVID-убийца и некот. др.

Из нескольких тысяч слов с компонентами *ковид-, корона-* в большинстве примеров первые части, включающие корни ключевых слов эпохи, являясь аналитическими прилагательными (которые могут быть заменены на полные формы): *антиковид (антиковидный), ковид (ковидный), корона-, коронавирус (коронавирусный),* — выступают не столько номинативно значимыми компонентами, сколько словами-маркерами, призванными актуализировать смысл высказывания, включить «контекст ситуации» в речевой поток.

Наибольшие затруднения вызывает смысловая атрибуция целого ряда сложных слов с первыми компонентами *ковидно- и коронавирусно-*, в которых первый компонент не в полной мере реализует регулярные значения соответствующего прилагательного, что позволяет их соотносить с индивидуально-авторскими сложными прилагательными в художественной речи:

ковидно-антирасистский, ковидно-визовый, ковидно-квадратный, ковидно-политический, ковидно-постковидный, ковидно-пустой, ковидно-технический, ковидно-тусовочный, ковидно-хороводный,

коонавирусно-дистанционный, коронавирусно-конспироллогический, коронавирусно-логистически-таможенный, коронавирусно-модный и т. п.

Однако не вызывает сомнений тот факт, что именно модель сложения ввиду отсутствия формальных ограничений позволила максимально широко реализовать индивидуально-авторское начало участников разговорно-письменной коммуникации пандемийного времени.

Контаминация

Особое место в массиве данной лексики, особенно в аспекте реализации лингвокреативного потенциала разговорной речи, занимает контаминация, см. подробнее [Митурска-Бояновска 2021]. Этот способ окказионального словообразования наиболее ярко подтверждает намеренность языковой игры, языковой шутки при создании слова.

Всего в словаре зафиксировано около 200 слов, образованных данных способом, контаминантов с основами *ковид* и *корона* фиксируется 109 единиц:

ковид + ...: *ковидарность, ковидарный, ковидео, ковидец, ковидиада, ковидианин, ковидианство, ковидивный, ковидимо-невидимо, ковидимость, ковидиот, ковидна, ковидло, ковидокост, ковидонавт, ковидономика, ковидоцид, ковидра, ковизор, ковиниал*,

коронавирус + ...: *коронавасия, коронавидение, коронавирусистика, коронавт, коронагностик, коронадурок, коронакалипсис, коронаквашино, коронакост, коронаоке, коронапокалипсис, коронасомния, коронафицированный, коронафицировать, коронаштейн*, *коронизм, короноик.*

Из различных моделей блендинга при создании ковидного лексикона использовались преимущественно 1) тип «частичной контаминации», при которой соединяются начальная основа первого слова и конец второго слова:

ковидарность: ковид + солид**арность**,
ковидонавт: ковид + косм**онавт**, астр**онавт**,
ковидра: ковид + **гидра**,
коронакалипсис: корона(вирус) + апо**калипсис**,

или 2) гаплология (сложение двух основ с наложением их друг на друга) [Митурска-Бояновска 2021: 410–411]:

ковидео: ковид + **видео**,
ковидивный: ковид + **дивный**,
ковидимо-невидимо: ковид + **видимо-невидимо**,
коронавирусистика: коронавирус + **русистика**.

Использование контаминации в период пандемии, можно сказать, стало носить фактически регулярный характер. Возможно, стимулом для активизации и широкого использования данного способа послужило появление в начале пандемии одного из «модных» интернационализмов пандемийной эпохи — английского заимствования ***ковидиот*** (англ. covidiot), использовавшегося для обозначения противника соблюдения противоэпидемических мер, так и для обозначения

сторонника их соблюдения. Мода на контаминацию способствовала своего рода узуализации этого способа традиционно окказионального образования, вплоть до того, что ряд новообразований типа *ковидло, ковидарня, ковидарий, ковидятня* в равной степени могут быть интерпретированы и через аффиксальный способ, и через контаминацию.

Интродукция

Особым типом креативной номинаций ковида, имеющим «простонародный» генезис, следует считать обозначения *ковида* в виде псевдособственных имен по модели: имя нарицательное → имя / отчество / имя отчество / имя сказочных персонажей, за тем исключением, что имена используются вымышленные, но обязательно — с необходимыми для периода корнями: *ковид, корона*. Так, *ковид* в текстах СМИ и Интернета шутливо именовался *Ковид Ковидыч, Короныч, Отец Ковидий; Ковидище Поганое, Змей Ковидыч, Змей Короныч, Змей Корыныч, Ковид Горыныч* и некот. др. Этот тип «фонетически» обусловленной деривации, традиционный для народной, фольклорной и жаргонной речи, Е. С. Отин назвал *интродукцией*, под которой исследователь понимал «включение какого-либо общенародного или жаргонного слова с главным и актуальным для конкретного речевого акта значением в другое слово — апеллятив или оним. Это “поглотившее” его слово сохраняет свою формальную целостность, но наполняется семантикой включенной в него лексемы, тем самым превращаясь в своеобразный жаргонный омоним по отношению к продолжающему употребляться в речи слову-реципиенту» [Отин 2006: 361].

* * *

Креативный потенциал речетворчества в пандемийный период реализовывался и на других языковых уровнях. Новые прилагательные *ковидный и коронавирусный* ввиду очень широкой сочетаемости стали в течение одного-двух месяцев многозначными словами: в их смысловой структуре стало выявляться от 9 до 11 регулярных значений, которые нашли отражение в Словаре. Многозначными стали такие новые слова, как *антиковид, антиковидник, антиковидный, заковидеть, ковидёнок, коронавт* и мн. др.

Особый стимул широкой семантической языковой игре придало наличие в русском (и в ряде других языков) омонима *корона* ‘головной убор, являющийся символом царской власти’, и оно стало активным компонентом идиоматики, напр.: *поймать, словить, схватить, подцепить корону* ‘заболеть ковидом’; *носить корону* ‘болеть ковидом’), границы которой формально уже не ограничены.

Слова *корона(вирус) и ковид* стали базовыми компонентами новых поговорок и антипословиц: *COVID по осени считают, Ковид бояться — в подъезд не ходить, Ковид гриппа не слаще, Не ковидом единым, Не так страшен ковид, как идиотские меры борьбы с ним; Корона, что дышло — куда чихнёшь, туда и вышла, Кто не курит и не пьёт, от короны не помрёт; Защите время, а коронавирусу час, Не всё то коронавирус, что чихается* и т. д. и т. п.

И очевидно, что креативный потенциал данных слов на этих уровнях языковой системы еще менее ограничен, чем на словообразовательном.

Заключение

Речетворчество проявляется на различных уровнях языковой системы и, безусловно, обусловлено как контекстом внеязыковой ситуации, так и стремлением участников коммуникации не только «к использованию шаблонов», но и «к свободному построению речевых единиц».

Поскольку основной массив неологии пандемийного времени представляет собой лексику конситуативную, однодневную, создаваемую в потоке и в процессе речевой (речеписьменной) коммуникации, к которым относится интернет-коммуникация и — в своей основе — язык медиа, то представляется возможным практически всю такую лексику считать речевой неологией. Количественные показатели приводились в статье для демонстрации масштабов происходящих при образовании новой лексики процессов, и они не представляются логически закономерными.

Лингвокреативный потенциал корней ***ковид-*** и ***корона-*** в период пандемии оказался, по сути, *безграничен*: с корнем *корона-* зафиксировано около 1300 слов, с корнем *ковид-* — около 2200. Этому особенно способствовали «контекст внеязыковой ситуации» (пандемия коронавирусной инфекции), потенциал регулярных словообразовательных моделей (который широко использовался для создания множественной конситуативной лексики), техническая безграничность создания смысловых комбинаций при использовании способа «сложения».

Однако теоретически нельзя не предположить, что некоторые практические ограничения такого потенциала все-таки были, и свидетельством этому является то, что лишь несколько слов периода (*ковид, корона, коронавирус, ковидный, коронавирусный*) вошли в литературный язык, и эти ограничения обусловлены, прежде всего, ограниченностью круга вовлеченных в ситуацию понятий и техническими возможностями языковой системы.

Литература

Громенко Е. С. Новые сложные слова с компонентами *корона-* и *ковид-* в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) // Русская речь. 2021. № 5. С. 40–54. (а)

Громенко Е. С. Корона как ключевое слово русского языка коронавирусной эпохи // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 101–112. (б)

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1981. 296 с.

Ильясова С. В. Лавинообразное словотворчество и его роль в языке современных СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 83–87.

Колокольцева. Т. Н. Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8. С. 102–108.

Котелова Н. З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.

Кронгауз М. Лытдыбр от блогера, или Как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка // Русский мир. 2009. Июнь. С. 40–43.

Левина С. Д. Новая глагольная лексика в русском языке периода пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 419–429.

Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы). М.: Макспресс, 2011. 304 с.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.

Митурска-Бояновска Й. «Пандемийные» контаминанты // Русский язык коронавирусной эпохи. / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 406–418.

Отин Е.С. Из историко-этимологического словаря жаргонных слов и выражений (*бодун, с бодуна; кимарить, кумарить; мой Батый — Бухарин; тырить*) // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 358–365.

Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. / Под ред. А. А. Холодовича. М.: Иностранная литература, 1960. 499 с.

Приемышева М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи. / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 16–51.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 238 с.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.

M. N. Priemysheva
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)
mn.priemysheva@yandex.ru

THE LINGUO-CREATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH (BASED ON THE MATERIAL OF THE "DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE COVID-19 ERA")

The article provides a brief overview of the word-building linguo-creative potential of the neologisms of the COVID-19 pandemic period presented in the "Dictionary of the Russian language of the COVID-19 era" (Saint Petersburg, 2021) and its forthcoming reissue. It is quantitative parameters that are relevant for understanding the scale of

the above-mentioned potential: for instance, the dictionary comprises about 3500 language and speech neologisms selected from the media and the Internet in the period between 2020 and 2021 and thematically related to the pandemic, while the forthcoming dictionary reissue contains approximately 7200 words and phrases of such type which entered the Russian language from 2020 to 2022. The sample of units selected for analysis only includes the lexemes built with the root words *covid-* (about 3000 items) and *corona(virus)-* (about 1300 items). New words with these roots were formed with the help of affixation (about 800 units), compounding (over 3000 units), blending (109 units), and conversion / zero-derivation nominalization (about 20 units). Compounding and blending belong to the word-formation types that help realize the creative potential to the fullest while coining the situational context vocabulary. Other forms of language creativity are also used within the framework of the pandemic discourse. A brief overview of the word-formation types (including the occasional ones) conducted in the research allows us to consider the linguo-creative potential of colloquial speech to be theoretically unlimited. However, in practice the limitations do exist due to the very context of the extralinguistic situation, the limited range of concepts involved in this situation, as well as the capabilities of the language system.

Keywords: the Russian language, colloquial speech, word formation, language game, "Dictionary of the Russian language of the COVID-19 era"

References

Gromenko E. S. *Korona kak kljuchevoj slovo russkogo jazyka koronavirusnoj jepohi* [Corona as a key word of the Russian language of the coronavirus era] // Russkij jazyk koronavirusnoj jepohi. // Eds. M. N. Priemysheva. St. Petersburg ILI RAN, 2021. pp. 101–112. (a) (In Russ.)

Gromenko E. S. *Novye slozhnye slova s komponentami korona- i kovid- v russkom jazyke (slovoobrazovatel'nyj i normativnyj aspekty)* [New Compounds with Corona- and Covid in Russian Language (Word-Formation and Normative Aspects)]. Russkaja rech'. 2021. no. 5. pp. 40–54. (b) (In Russ.)

Il'yasova S. V. *Lavinoobraznoe slovotvorchestvo i ego rol' v jazyke sovremennyh SMI* [Avalanche-like word creation and its role in the language of modern media]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*. 2010. no. 12. pp. 83–87. (In Russ.)

Kolokol'ceva. T. N. *Razgovornaja rech' i razgovornyj stil' internet-jepohi* [Spoken language' and spoken style' of the Internet Age] *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. No. 8. Pp. 102–108. (In Russ.)

Kotelova N. Z. *Izbrannye raboty*. [Selected works.] St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2015. 276 p.

Krongauz M. *Lytdybr ot blogera, ili Kak internet-jazyk delaet pis'mennuju rech' formoi sushhestvovaniya razgovornogo yazyka* [Lytdybr a bloger, or an internet-based language, is a form of language-based communication]. *Russkij mir.* 2009. No. 6. pp. 40–43. (In Russ.)

Levina S. D. Novaja glagol'naja leksika v russkom jazyke perioda pandemii [New verbal vocabulary in the Russian language of the pandemic period] // Russkij jazyk

koronavirusnoj jepohi. / Eds. M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021. pp. 419–429. (In Russ.)

Litnevskaja E. I. Pis'mennye formy russkoj razgovornoj rechi (k postanovke problemy). [Written forms of Russian colloquial speech (to pose the problem)]. Moscow, Makspress Publ., 2011. 304 p. (In Russ.)

Lopatin V. V., Uluhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennogo russkogo jazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p. (In Russ.)

Miturska-Bojanovska J. *«Pandemijnye» kontaminanty* ["Pandemic" contaminants]. Russkii yazyk koronavirusnoi epohi. / Eds. M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021. pp. 406–418. (In Russ.)

Otin E. S. *Iz istoriko-etimologicheskogo slovarya zhargonnyh slov i vyrazhenij (bodun, s boduna; kimarit', kumarit'; moj Batyj — Buharin; tyrit')* [From the historical and etymological dictionary of slang words and expressions] // Slovo v slovare i diskurse: Sb. nauch. statej k 50–letiyu Harri Val'tera. Moscow, 2006. pp. 358–365. (In Russ.)

Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1937. (Russ. Ed. Paul' G. Principy istorii yazyka. [Principles of language history]. / Eds. A. A. Holodovich. Moscow, Inostrannaja literatura Publ., 1960. 499 p.)

Priemysheva M. N. *Kovidnyj leksikon russkogo jazyka: tendencii dinamiki leksiko-semanticheskoj sistemy v period pandemii koronavirusnoj infekcii COVID-19* [Covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexico-semantic system during the COVID-19 coronavirus pandemic]. Russkii yazyk koronavirusnoi epohi / Eds. M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021. pp. 16–51. (In Russ.)

Russkaja razgovornaja rech'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest. [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. A gesture]. / Eds. E. A. Zemskaja. Moscow, Nauka Publ., 1983. 238 p.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epohi [Dictionary of the Russian language of the COVID-19 era] / Eds. M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021. 550 p.

Zemskaja E. A., Kitajgorodskaja M. V., Shirjaev E. N. *Russkaja razgovornaja rech'. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech'. General questions. Word formation. The syntax.] / Eds. E. A. Zemskaja. Moscow, Nauka Publ., 1981. 296 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.23

Е. В. Пурицкая
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
purichi@list.ru

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются принципы описания диалектной лексики в толковых словарях русского литературного языка большого и среднего типа второй половины XX — начала XXI в. и рассматривается функционирование слов, маркированных в словарях пометой *обл*., в современных источниках различных типов и жанров (художественная литература, публицистика, письма, дневники и воспоминания, научно-популярные и специальные тексты). Автор приходит к выводу, что словари реагируют на изменение статуса диалектной лексики, отмечая ее устаревание или переход в литературный язык: вместо пометы *обл*. используются пометы *прост*., *разг*., *сельхоз*., *ист., устар*., а также их сочетания, ремарки в толкованиях и др. Было выявлено, что часть слов, маркированных пометой *обл*., зачастую либо совсем не употребляется в современных текстах, либо используется для стилизации речи прошедших эпох, другая часть, наоборот, активно функционирует в литературе, что свидетельствует о переходе такой лексики в нижние пласты разговорной речи или в специальные сферы. Всё это говорит о генетическом характере пометы *обл*. и необходимости ее пересмотра в словарях современного литературного языка.

Ключевые слова: российская лексикография, толковый словарь, русский литературный язык, Большой академический словарь русского языка, диалектная лексика, словарная помета

Диалектная лексика — один из самых сложных и противоречивых объектов описания в академических толковых словарях русского языка. Принципы лексикографической подачи диалектных слов обсуждаются в научной литературе начиная с 1960-х гг. В центре дискуссии такие проблемы, как место диалектной лексики в системе национального языка и ее отношение к литературному языку и литературной норме и, соответственно, статус пометы *обл*. (территориальная, функционально-стилистическая, нормативная) [Филин 1957; Сорокин 1967; Сороколетов 1978; Скляревская 1995 и др.]; динамика этого пласта лексики: устаревание диалектных

слов и их переход в литературный язык [Мызников 2017; Скитова 1973 и др.]; нечеткость принципов включения диалектной лексики в словари и несоответствие традиционной пометы «*обл*.» (т. е. характерное для какой-либо региона и неизвестное в других) практике современной лексикографии, где помета *обл*. скорее равна помете *диалектное* [Порохова 1975; Самотик 2010; Емельянова 2012]; колебания в терминологии (словарный диалектизм, полудиалектизм, слово диалектного происхождения).

Академические толковые словари литературного языка большого и среднего типа второй половины XX — начала XXI в. включают достаточно большой массив лексики с пометой *обл*. При этом принципы описания диалектных слов постепенно менялись. Так, если в БАС-1 помета *обл*. сопровождает слова, «не имеющие общелитературного употребления» [БАС-1, 1950, т. 1: XIII], то в МАС указано, что слова с пометой *обл*. «находятся за пределами литературного языка» и включаются в словник, если лексема «часто встречается в художественной, научно-популярной литературе или обозначает предметы, явления, понятия и т. д. народного быта, обихода, не имеющие для своего обозначения соответствующего литературного слова» [МАС-1, 1957, т. 1: X; МАС-2, 1982, т. 1: 9]. Концепция БАС-2 подчеркивает уже не областной, а диалектный характер описываемых слов: «Помета *обл.* (областное) ставится при тех словах и значениях слов, употребление которых ограничено рамками одного или нескольких местных говоров русского языка. При использовании в художественной литературе эти слова сохраняют свой диалектный характер» [БАС-2, 1991, т. 1: 10]. Такой же позиции придерживаются создатели АТоС: «Слова, относящиеся к какой-либо разновидности языка, которая отличается от кодифицированного литературного языка, могут иметь пометы... *обл.* (= областное, то есть диалектное)» [АТоС, 2016, т. 1: 19]. В Предисловии к БАС-3 ставится акцент на переходе диалектных слов в нижние слои разговорной речи: «областные слова, широко распространенные в разных говорах или в фольклоре и оттуда проникающие в художественную литературу, иногда теряя свой диалектный характер и обнаруживая тенденцию к переходу в литературный язык» [БАС-3, 2004, т. 1: 8]. Такой подход был сформулирован еще при подготовке «Проекта нового академического словаря»: «Весь массив диалектной и полудиалектной лексики может быть обобщенно представлен как совокупность лексических средств, сохраняющих как локальные диалектные черты, так и размытые, отражающие опосредованную связь с диалектом. Такая лексика маркируется пометой “*Обл*.”» [Скляревская 1995: 101].

Для понимания современного статуса лексики, сопровождаемой в словарях пометой *обл*., необходимо рассмотреть ее функционирование в литературном языке конца XX–XXI вв. Данные были получены на широкой базе произведений литературы разных жанров: художественной, научно-популярной, публицистической, мемуарной, автобиографической и т. п.

Большинство словарных проектов подразделяют диалектную лексику на два типа: слова, обозначающие предметы, явления, понятия народного быта, обихода

и т. п., как правило, не имеющие аналогов в литературном языке, и слова, «характерные для народных говоров» («имеющие диалектный характер», «сохраняющие диалектные черты»). Однако слова обоих типов в словарях обычно сопровождаются пометой *обл*., напр.:

«НАВИ́ЛЬНИК, а, *м*. *Обл.* **1.** Большие вилы с широко разведенными зубьями. <...> **2.** Охапка сена, соломы и т. п., поддетая на вилы» [БАС-3].

В БАС-1, БАС-3, МАС-1 это слово имеет помету *обл*., в МАС-2 дано без пометы. При этом, как кажется, оба значения требуют дополнительных комментариев, поскольку слово не является общеупотребительным, хотя и зафиксировано в источниках начала XXI в., репрезентирующих современную жизнь: *Бабы и девки сгребали зеленые копна. Молодые парни в потных рубахах метали стог, подавали вверх на деревянных* ***навильниках*** *сыпучие ворохи.* (А. Проханов, Политолог, 2005)[1]; *Шапка понималась Сергеичем с большой буквы, как нечто заглавное.. Шло ли его* [Сергеича] *чувство исстари, из сказок ли, баек. А может, еще откуда — из родственности последнему* ***навильнику****, завершающему зарод, из наивысшего почета, оказываемого голове*. (М. Тарковский, Фундамент, 2009)[2]; [Пашка] *понес* ***навильник*** *сена от небольшого зарода к стайке. Остановился на полпути, выдернул и откинул пучок сена*. (Р. Амосов, Второй ход, 2013)[3]; *— Знаешь, у меня здесь всё по старинке, всё больше личный, ручной труд использую. Накидаю, свалю в плетень всяческий сор, ржавые вёдра, кухонные отходы, пахучие экскременты и норовлю охапками да* ***навильниками*** *ботвы, сорняков, усохших стеблей укрыть слоем потолще это добро*. (Ю. Бычков, На дороге стоит — дороги спрашивает, 2010)[4].

Согласно данным диалектных словарей, существительное *нави́льник* характерно для народных говоров: оно демонстрирует широкую географическую распространенность, большое количество синонимов (*нави́лень, нави́льни, нави́лье*) и разнообразие семантики (ʻрукоятка вилʼ, ʻжелезные наконечники деревянных вилʼ, ʻвершина стогаʼ) [СРНГ 19], что может служить дополнительным аргументом для включения слова в словник. Однако для описания статуса слова в словаре литературного языка важна не столько «характерность» его для народных говоров, сколько актуальность для современных текстов. Так, напр., слово *па́рина* ʻполе, оставленное не засеянным для улучшения почвы; паровое полеʼ распространено в народных говорах [СРНГ 25] и в БАС-1, БАС-3 сопровождается пометой *обл*. Однако, как показывают источники, данное слово встречается лишь в источниках XIX в. — начала XX в. (в произведениях Н. Лескова, П. Якушкина, Л. Андреева), для более позднего периода оно не актуально (не случайно оно отсутствует в словнике МАС). Практически единственный случай употребления — в повести

[1] *Проханов А.* Политолог. М.: Центрполиграф, 2016. С. 89.

[2] *НКРЯ*.

[3] *НКРЯ*.

[4] *Бычков Ю.* На дороге стоит — дороги спрашивает. М.: Пробел-2000, 2010. С. 251.

К. Воробьева «Мой друг Момич» (1965), в которой изображена жизнь 1920-х гг.: *Мы с Момичем справили вместе не одну и не две работы: вывезли с его двора навоз, и в поле я приезжал на повозке, а обратно верхом на жеребце, уцепившись за седелку; потом* ***взметали*** *два* ***загона парины*** *— один его, а второй наш, и все время я ходил по борозде сзади Момича.* (К. Воробьев, Мой друг Момич, 1965)[5]. Данный контекст насыщен лексикой, которую современные читатели вряд ли могут понять без обращения к словарю. При этом словари по-разному маркируют эти слова: существительное *загóн* 'полоса, участок пашни, поля, луга и т. п.' в БАС-1, БАС-2, БАС-3, МАС-1, МАС-2 дано без помет, глагол *взмéтать* 'вспахать (пар или целину) таким образом, чтобы поднимаемый плугом пласт ложился на ребро под углом (а не переворачивался полностью)' в БАС-3 пометы не имеет, но в МАС-1, МАС-2 и АТоС сопровождается пометой с.-*х.*(«сельскохозяйственное»).

В некоторых случаях в словарях используется сочетание помет: «**ВЫ́ГРЕБ,** -а, *м.* **2.** *С.-х.* и *обл.* Открытый выступ у основания закрома, через который выгребают ссыпанное в закром зерно. [*Демка*] *кидал пшеницу лопатой к* ***выгребу*** *закрома.* М. Шолохов. Поднятая целина» [АТоС].

Еще одним способом подчеркнуть этнографические особенности слова является толкование. Так, слово *полáти* в словарях дано без помет, но слово *изба* в толкованиях служит указанием на сферу его бытования: 'настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной' [МАС-2]; 'широкие нары для спанья в избах, расположенные под потолком между печью и противоположной ей стеной' [БАС-1, БАС-3]. В то же время, напр., из толкования существительного *пря́сло* 'часть изгороди от столба до столба' [МАС-1, МАС-2, БАС-3] не следует, что слово характерно именно для деревенского обихода, это проясняет только цитата: «*От одного из сараев отходила обычная деревенская изгородь из* ***прясел****, приколоченных к кольям.* Лавренев, Железный крест» [МАС-2]. И хотя БАС-1 маркирует это слово как просторечное, источники показывают, что современными авторами, такими как Р. Сенчин, Б. Екимов, А. В. Иванов, А. Проханов, А. Варламов [НКРЯ] оно используется исключительно для описания деревенских реалий. Для слов, обозначающих ушедшие понятия и явления, в словарях используются ремарки или комбинация помет: *заи́мка* 'в старину — занятие кем-л. свободного участка земли по праву первого владения; участок, занятый таким образом' [БАС-3]; *заи́мка ист*. и *обл*. [МАС-1, МАС-2].

Анализ источников показывает, что многие слова, маркированные пометой *обл*., для современных текстов утратили актуальность, другие же, наоборот, широко употребляются, особенно в массовой литературе. Признаком утраты актуальности может служить как отсутствие слов в текстах конца XX — начала XXI вв., так и использование их писателями для стилизации речи прежних исторических периодов. Так, напр., слова *вы́мочка* 'место на поле с погибшим от избытка влажности посевом', *ле́ме́ш* 'часть плуга, лемех', *межеви́к* 'тот, кто занимается межеванием;

[5] НКРЯ.

землемер' [БАС-3] не встречаются в текстах позднее 1980-х гг., а существительные *га́шник* 'поясок, шнурок, продергиваемый в верхнюю часть штанов для их подвязывания', *вспо́лье* 'окраина деревни или города, граничащая с полем', *изба́ина* 'остатки семян масличных растений после выжимания из них масла' [БАС-3], широко употреблявшиеся в литературе вплоть до конца XX в., в современный период встречаются только в стилизациях. Чаще всего это исторические произведения Б. Алмазова, О. Гончарова, Л. Юзефовича и др. [НКРЯ], но есть и поэтические тексты. Так, в стихотворении Н. Галкиной «Городской романс» (2011)[6]: «*И у дома деревянного в безымянном тупике Меня встретила румяная с моей кепочкой в руке. Приусадебными* ***вспольями*** *В дом вела она меня, Самоварными угольями безоружного пленя*» имитируется речь жителей городской окраины первой трети XX в. Возможно, в тот период оно относилось к городскому просторечию, но в контекстах, репрезентирующих современность, не встречается.

Другие слова, маркированные в словарях пометой *обл.*, напр., *гоноши́ть* 'заниматься какими-л. хозяйственными делами; хлопотать, суетиться, устраивать', *ка́жинный* 'каждый', *мозгля́* 'слабый, хилый, тщедушный человек' [БАС-3], активно употребляются в современной литературе, в контекстах, отражающих современность, иногда при этом приобретая эмоционально-оценочные коннотации или образуя переносные значения. О переходе диалектных слов в литературный язык может также свидетельствовать их специализация. Существительное *гайно́* 'логовище, гнездо зверя, зверька' [БАС-3] встречается в литературе по зоологии и охотничьему делу, где оно, как правило, разъясняется и сопровождается литературным синонимом: *Снаружи шарообразное беличье гнездо —* ***гайно*** *— иногда замаскировано листьями* (И. Акимушкин, Мир животных, 1971)[7]; *Длина прыжка у голодной белки доходит до 40 см, а у сытой, возвращающейся в* ***гайно****, наполовину короче.* (Ю. Герасимов, Справочник егеря, 1988)[8]. В то же время в художественных текстах (в том числе и в исторических стилизациях) *гайно́* употребляется в переносных значениях, характерных для литературных слов *гнездо, логово*: 'место нахождения врага' — *Отдайте добром инока Макария! Выпустите из темницы неповинного! Огнем спалим ваше все* ***гайно*** *непотребное!* (С. Афоньшин, Сказы и сказки нижегородской земли, 1976)[9]; *А ведь под озером спрятано ведьмино* ***гайно*** *— суперсекретный минно-торпедный завод тридцатых годов постройки* (Б. Мисюк, На пеньке, 2012)[10]; 'жилище человека, обычно неприглядное' *И кабы не женщины, облепившие Мизгирева, давно бы одумался он и повернул назад, в свое угрюмое* ***гайно****, чтобы в одряхлевшем гнезде, в мире привычных вещей и воспоминаний кончить дни*. (В. Личутин, Любостай, 1987)[11].

---

[6] *Галкина Н.В.* Забытый раёк: книга стихов. СПб.: Магна-Принт, 2011. С. 16.

[7] *Акимушкин И. И.* Мир животных. В 6 тт. М.: Молодая гвардия, 1971–1981. Т. 2. С. 17.

[8] *Герасимов Ю.А.* Справочник егеря. М.: Агропромышленное издательство, 1988. С. 94.

[9] *Афоньшин С.В.* Городецкий пряник: Сказы и сказки. М.: Современник, 1981. С. 300.

[10] *Мисюк Б.* На пеньке. Рассказ // Дальний Восток. 2012. № 2. С. 89–97.

[11] НКРЯ.

Для маркирования переходных случаев некоторые словари используют комбинации помет и ремарок: «**ГЛЯДЕ́ЛКИ... 1.** *Прост.* и *обл.* Глаза» [АТоС] (БАС от такой комбинации помет отказался); «**ЗАТА́ЙКА...** *Обл.* и *в проф. речи*. Место, где подтаял снег; проталина. *Снег осел. Возле одиночных деревьев к югу раздались глубокие* ***затайки****.* А. Стрижев, Фенологич. сезоны года» [БАС-3].

Итак, словари в целом стремятся показать изменение статуса диалектной лексики, ее устаревание или переход в литературный язык: наблюдается изменение пометы *обл.* на *прост.*, *разг.*, использование помет *сельхоз.*, а также *ист., устар.*, сочетаний помет и ремарок в толковании. Однако помета *обл.* в словарях литературного языка по-прежнему указывает на диалектное происхождение слова, не определяя его статус в современном языке, что говорит о необходимости пересмотра пометы *обл.* в академических толковых словарях, совмещающих черты нормативного словаря и исторического словаря-справочника. Для определения нормативного статуса слов диалектного происхождения необходимо учитывать время создания текста, а также его стилистические и жанровые особенности, употребительность и частотность слова в диалекте и в литературных источниках, его эмоционально-оценочные коннотации и метафорические употребления.

Литература

АТоС — *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1–2. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2016. (издание продолжается)

БАС-1 — *Словарь современного русского литературного языка*: в 17-ти тт. Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1–6. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Рус. яз., 1991–1994.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

Емельянова О. Н. Лексика диалектного происхождения в толковых словарях русского языка // Siberia Lingua. 2012. № 1. С. 20–26.

МАС — *Словарь русского языка*: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 1-е изд. [МАС-1]; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 [МАС-2].

Мызников С. А. Просторечная и областная лексика в академической лексикографии в исторической ретроспективе // Диалектная лексика 2017. СПб.: ИЛИ РАН, 2017. С. 35–39.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Порохова О. Г. Областная лексика в словарях русского литературного языка // Современная русская лексикография: Сб. статей / Отв. ред. А. М. Бабкин. Л.: Наука, 1975. С. 111–120.

Самотик Л. Г. Диалектизмы и толковые словари литературного языка. // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 2. С. 252–256.

Скитова Ф. Л. Природа и закономерности семантических изменений при переходе областных слов в лексику литературного языка // Проблемы лексикологии. Минск: БГУ, 1973. С. 152–160.

Скляревская Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом академической словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 90–103.

Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Современность и словари: Сб. статей / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1978. С. 4–19.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб., 1965–2021 (издание продолжается).

Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. Вып. 1. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. С. 36–57.

E. V. Puritskaya
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)

DIALECTAL LEXIS IN EXPLANATORY DICTIONARIES AND ITS FUNCTIONING IN MODERN LANGUAGE

The author analyzes the principles of description of dialectal lexis in explanatory dictionaries of the Russian literary language of large and medium type of the second half of the 20th — early 21st centuries and considers the functioning of words marked in dictionaries with the label “regional” in modern sources of various types and genres — literary fiction, opinion journalism, letters, diaries and memoirs, non-fiction popular science and specialised texts. The author concludes that dictionaries react to changes in the status of dialectal lexis, noting its obsolescence or transition into the literary language: instead of the “regional” label, “colloquial”, “agricultural”, “historic”, “obsolete”, as well as their combinations, remarks in interpretations and peculiarities of interpretations of lexical meanings of words are used. The author has revealed a regularity: some of the words marked with the “regional” label are either not used at all in modern texts or are used to stylize the speech of the past. Another part of the marked words, on the contrary, actively functions in literature, which testifies to the transition of such vocabulary to the lower strata of colloquial speech or to special spheres. All the above-mentioned points to the genetic character of the “regional” label and the necessity of its revision in dictionaries of the modern literary language.

Keywords: Russian lexicography, explanatory dictionary, Russian literary language, The Great Academic Dictionary of the Russian Language, dialect lexis, dictionary mark

References

Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 1, 2 [Academic explanatory dictionary of the Russian language] / L. P. Krysin, ed. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2016.

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Great academic dictionary of the Russian language]. Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) Vol. 1–27. Moscow; St. Petersburg: Nauka 2004–2021(the publication continues). (In Russ.)

Emelyanova O. N. [Lexis of dialect origin in explanatory dictionaries of the Russian language]. *Siberia Lingua*, 2012, no. 1, pp. 20–26. (In Russ.)

Filin F. P. [Notes on lexicology and lexicography (some issues of word selection for the large Dictionary of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences)]. *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection]. Vol. 1. Moscow, 1957. pp. 36–57. (In Russ.)

Myznikov S. A. [Vernacular and regional vocabulary in academic lexicography in historical retrospect]. *Dialektnaya leksika 2017* [Dialect Lexis 2017]. St Petersburg, 2017, pp. 35–39. (In Russ.)

Porokhova O. G. [Regional lexis in dictionaries of the Russian literary language]. *Sovremennaya russkaya leksikografiya* [Proc. Modern Russian lexicography]. Leningrad, 1975, pp. 111–120. (In Russ.)

Samotik L. G. [Dialectisms and explanatory dictionaries of the literary language]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2010, 2: 252–256. (In Russ.)

Skitova F. L. [The nature and patterns of semantic changes during the transition of regional words into the vocabulary of a literary language]. *Problemy leksikologii* [Problems of Lexicology]. Minsk, 1973, pp. 152–160. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. [Functional and stylistic characteristics of vocabulary in the New Academic Dictionary]. *Ocherednyye zadachi russkoy akademicheskoy leksikografii*. St. Petersburg, 1995, pp. 90–103. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) Vol. 1–52. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka 1965–2021 (the publication continues). (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Evgenyeva A. P. (ed.). In 4 vol. Moscow: Russkiy yazyk, 1982–1984. (In Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. / Chernyshev V. I., Barkhudarov S. G., Vinogradov V. V., Filin F. P. (eds.) Vol. 1–17. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 1948–1965

Sorokoletov F. P. [Lexico-semantic system and dictionary of the national language]. Proc. *Modernity and dictionaries*. Leningrad, 1978, pp. 4–19. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.24

Александра Раскина
Независимый исследователь
(США, Новый Орлеан)
sasha.raskina@gmail.com

«ВАМ НАСЛАЙСАТЬ ИЛИ ПИСОМ?»

Статья посвящена англоязычным вкраплениям в русскую речь российских иммигрантов в США в 21-ом веке.

Автор стремится описать как можно больше разнообразных моделей таких вкраплений и, по возможности, предложить объяснения тех или иных закономерностей, характерных для этих моделей.

Наблюдения показывают, что характер этих вкраплений во многом зависит от образования иммигранта, его «культурности», от того, сталкивался ли он с английским языком ранее, от возраста, в котором он приехал, среды, в которую он попал по приезде.

Легко объясняется включение в речь английских слов (в их русифицированном фонетическом облике и морфологическом оформлении) для обозначения вещей, с которыми иммигрант на родине не имел дела. Отсюда не «налоги», а «таксы», не «акции», а «стоки» или даже «стаки», не «наличные», а «кэш», не «страховка», а «иншуранс», и т. п. Сюда же относятся названия для национальных меньшинств в США: негров, латиноамериканцев, китайцев, индийцев и т. д. По-разному справляются с этим русские иммигранты.

Менее понятны мотивы предпочтения английских вариантов русским в случае, когда речь идет о вещах, хорошо известных говорящему по его жизни в России: «ка́зин» вместо «двоюродный брат», «роч» (английское “roach”), а не «таракан», и т. п.

Автор также приводит примеры заимствований, которые не полностью объясняются или даже никак не объясняются какой-либо известной ему моделью. Возможно, в будущем автору удастся продвинуться вперед в этом направлении.

Ключевые слова: «русские американцы», русскоязычные иммигранты, письменная и устная речь, заимствование, фонетическое и морфологическое оформление, присвоение рода, давление окружающей речи, компьютерщики, проникновение англицизмов

Русскоязычные иммигранты в США оказываются погружены в английский язык. Неудивительно, что они вставляют английские слова (в русском фонетическом и морфологическом оформлении) в свою устную русскую речь. Я имела возможность наблюдать это.

К сожалению, эти наблюдения не были систематичны, например, различные формы одного и того же слова могли быть услышаны от разных людей. Применение методов «полевой лингвистики» здесь большей частью затруднено: опрашиваемый обидится: «Что же я, не знаю, как говорить по-русски?» или «Что ж я, английского языка не знаю?»

О том, как говорят русские в Америке, писал еще в 1925 году Маяковский в стихотворении «Американские русские» [Маяковский 1957]:

Я вам, сэр, назначаю апойнтман.
Вы знаете, кажется, мой апартман?
Тудой пройдёте четыре блока,
Потом сюдой дадите крен.
А если стриткара набита, около
Можете взять подземный трен.

Стихотворение кончалось (почти кончалось) словами:

Скоро только очень образованный француз
Будет кое-что соображать по-русски.

И сейчас, почти столетием позже, русские в Америке говорят и «апойнтмент», и «апартмент» (может быть, в несколько другом фонетическом обличье, чем у Маяковского), и «блок» (английское “block”) в смысле «квартал». Вот «стриткару» я не слышала никогда, но даже «стриткар» мне не доводилось слышать, хотя в Новом Орлеане трамвай называется “streetcar” (в разных городах — по-разному); впрочем, как раз в 1920-ые годы трамваи начали снимать с улиц американских городов. (Новый Орлеан — один из немногих городов, где трамваи остались, хотя число трамвайных линий уменьшилось с десятка до двух-трех. Нет больше трамвая «Желание», попавшего в пьесу “Streetcar Named Desire” Теннесси Уильямса. Трамвай назывался так по конечной остановке на улице Desire, которая, в свою очередь называлась по имени дочери местного богача, Désirée — ну, нам, простым американцам непонятны эти французские слова, и стали называть улицу простым американским словом Desire. Мы видели на этой улице оставшиеся в мостовой рельсы давно упраздненного трамвайного маршрута.)

В 1990-ые годы в русском районе Нью-Йорка меня спрашивали (считая, что каждый встречный должен понимать по-русски) не про трамвай: «Вы не знаете, как найти карсервис?» Я не разобрала, мне показалось, что спрашивают почему-то про консервы. (Потом друзья объяснили мне, что это “car service” — одна из разновидностей такси.) «Трен» в смысле «поезд» (“train”) сейчас, по крайней мере, не говорят — возможно, преувеличение Маяковского. Говорят «поезд» или, иногда,

«трэйн». Неизвестно, почему Маяковский оставил русское слово «подземный» — из поэтических соображений, или же русские иммигранты с этим словом еще не расправились.

Требовать, чтобы наши иммигранты полностью исключили из своей русской речи русифицированные английские слова, нереально (скорее нужно пожалеть их, ведь им приходится барахтаться в двух языках, ни одного из которых они, может быть, в нужной мере не знают). Имеется несколько частично взаимосвязанных причин вкрапления английских слов в русскую речь: а) то, что обозначаемый ими предмет или действие не встречались говорящему на родине; или б) он кое-что слышал раньше, но чрезвычайно редко, а тут это на каждом шагу; или в) здешнее явление немного похоже на что-то отечественное, но, как считает говорящий, на самом деле совершенно другое; г) русское слово или выражение гораздо длиннее и более громоздко, чем соответствующее английское слово; д) русское слово просто не пришло говорящему в голову.

Примеры:

а) хайвэй (английское “ĥighway” — в значении “expressway”, что может быть передано как «дорога скоростного движения»; отличительная черта — отсутствие перекрестков; в СССР таких не было, кроме кольцевой дороги вокруг Москвы); Valentine’s Day (никогда не «Валентинов день»); Thanksgiving Day (очень редко «День благодарения»); Халуин (праздник Halloween).

б) Харике́йн или даже харике́йн (английское “ĥurricane” «ураган»); кэш (наличные деньги, в противоположность деньгам на банковском счету); таксы (налоги, taxes); иншуранс (страховка); стоки/ стаки (акции, stocks); инчи (дюймы), паунды (фунты).

Сюда же относятся названия американских национальных меньшинств. Здесь большей частью используются кальки американских слов (причем часто не самых «политически корректных»): «черные» (вместо традиционного русского «негры»), «желтые» (про китайцев, вьетнамцев и т. п.); мексы (мексиканцы), латиносы (уроженцы Латинской Америки). Мне пришлось слышать: «здесь много чернушки» (то есть негров — при разговоре о том, покупать ли в этом районе дом).

Также названия городов, штатов, которые мы могли знать в их русифицированном варианте: столицу США иммигранты называют Вашингто́н, но одноименный штат у них будет Washington, с ударением на первом слоге; вместо традиционных русских «Техáс», «Огайо», «Виргиния», «Миссури» говорят, воспроизводя американское произношение: «Тэ́ксас», «Охайо», «Вирджиния», «Мизури»; не привычные русские «Босто́н» и «Флори́да», а «Бо́стон» и «Фло́рида».

в) Госпиталь (не назовешь то, что называется в Америке hospital, больницей: обычно это больница вместе с поликлиникой и всякими подсобными вещами. Если ты скажешь «Я провел ночь в больнице», тебя поймут, но спросят: «А в какой же госпиталь тебя отвезла скорая?» Могут сказать «скорая»,

а могут сказать и «амбуланс» или «эмбьюланс»); риси́т (“receipt”, что соответствует русскому «чек» (выдаваемый покупателю при покупке), но в Америке “check” значит совершенно другое: чек на банковский счет); Christmas, а не Рождество (конечно, американское Christmas имеет мало общего с русским Рождеством, даже дата другая). Наш иммигрант в интеллектуальном разговоре спрашивает: «Я не понимаю: зачем баптайзали Христа?» (от английского слова “baptize” «крестить»; но, видимо, для говорящего «крестить» было что-то, что делают темные бабки с внуками тайком от своих партийных зятьев, и никак не могло быть применено к Jesus Christ). Но надо сказать, что сами американцы с фигурой Христа обращаются запросто. Например, на бампере машины можно увидеть наклейку с надписью: “My boss is a Jewish carpenter” («Мой босс — еврейский плотник»). Или однажды утром 25 декабря мы включили радио и не поверили своим ушам. Пели на известный всем мотив:

Happy birthday to you,
Happy birthday to you,
Happy birthday, dear Jesus,
Happy birthday to you!

Иногда русские неправильно понимают американские слова, которые они вставляют в свою речь. Например, говорят: «Это будет на немецкий счет» (то есть, скажем, в ресторане каждый платит за себя); это вроде калька с английского “Dutch treat”, только английское “Dutch” значит не «немецкий» (Deutsch), а «голландский». С тем же “Dutch”: мне объясняли, что остров Аруба (в Карибском море) принадлежит Дании (понимая “Dutch” как «датский»). Мне же объясняли, что канадская двухдолларовая монета называется “loon”, потому что она желтая, как луна; но слово “loon” по-английски не значит «луна», а значит оно «гагара» — птица, изображенная на этой монете (мы это знали, проведя год в Миннесоте, где гагара — официальная птица этого штата).

г) Уже упоминавшееся «хайвэй»: пока ты будешь выговаривать «дорога скоростного движения», спрашивающий дорогу махнет рукой и уйдет.
д) «Уберите, пожалуйста, хит.» — Я не сразу поняла, что от меня требуется. Оказалось, что «хит» — это английское “heat”, то есть отопление. Видимо, это русское слово не пришло говорящей в голову; кроме того, на приборе было написано HEAT.

Теперь насчет того, какую форму приобретают английские слова у русских иммигрантов.

Некоторые заимствованные слова получают разную форму в зависимости от того, усвоены они из написанного («Я обучался азбуке с вывесок, листая страницы железа и жести»), или из устного общения. Так, имя John будет «Джон», если говорится о президенте Кеннеди (о котором мы много читали), и может передаваться как «Джан», если речь идет о нашем здешнем знакомом. В смысле «работа», “job”,

говорят «джаб» (у Маяковского: «с джабом завозитесь в течение дня»; у людей, узнавших это английское слово из письменного источника, это было бы «джоб»). Еще одно слово, воспринятое из устной речи и которое трудно понять людям, привыкшим узнавать слова из письменных источников: «па́ри». Это — заимствованное “party” («вечеринка»). Дело в том, что в наиболее распространенном американском (не британском!) произношении интервокальное “t” произносится, как “d”, а в соседстве с “r” — как “r” (как и в данном случае). Помню, как американец произнес при мне слово, звучащее, как «ма́рэр», и я долго не могла понять, что это “martyr”, «мученик».

Еще один пример, на этот раз заимствования определенно из написанного: «Мы точно такую игрушку в Яусе купили.» — То есть в магазине игрушек торговой сети “Toys Я Us”, где буква “R” читается, как глагол “are” (то есть «Игрушки это мы»), причем в вывеске эта заглавная буква, для большей умилительности, вывернута, как это иногда делают маленькие дети; то есть получается, как русская буква «Я». Отсюда «Яус». А почему вдруг в американской вывеске появилась буква русского алфавита — этим ненужным вопросом наш иммигрант не задавался.

Еще один пример заимствования из письменной речи. Наши только что приехавшие иммигранты в Пенсильвании переходили улицу и кричали друг другу: «Валк, валк!» Моя знакомая, окончившая филологический факультет МГУ, английское отделение, сначала не могла понять, что́ они кричат, но потом всё же догадалась: на маленьком светофорчике, управляющем пешеходами, загоралось то зеленым “Walk”, то красным “Don’t walk”.

Особенно заметны в русской речи «русские» глаголы, образованные от английских, потому что русские глаголы имеют гораздо более богатое морфологическое оформление по сравнению с английскими. Например: «проспелать» или «проспелыть» (от английского spell — произнести по буквам: этому учат в английской школе, а в русской — нет): «Проспелай это слово», «Мне сказали это проспелыть».

При заимствовании существительных возникает вопрос — к какому роду их отнести. Если речь идет об обозначениях людей — всё понятно; для других существительных большей частью берется род соответствующего русского слова (выражения). Так, род упомянутого ранее слова «амбуланс» скорее всего будет женским (русское «скорая» или «скорая помощь»). В случаях, когда соответствующее русское слово не приходит или не сразу приходит в голову, род назначается по последнему звуку английского слова: если английское существительное кончается на согласную, то при заимствовании ему обычно присваивается мужской род, а если на гласную (любую), то женский. Например: «Надеюсь, вы не упустите эту опортунити?» (opportunity, благоприятная возможность); «хайвэй» и «иншуранс» скорее всего будут мужского рода.

Подчас употребление английских слов в русском разговоре приводит к непониманию. — Были наняты рабочие, чтобы укрепить фундамент дома, накачав туда с водой песка. — «Захожу я на кухню, а там сплошной мат!» — «А что, разве рабочие

были русские?» — «Да нет, почему?» — Оказалось, что говорящая имела в виду “mud”, «грязь».

Иногда американские слова вставляются в русскую речь без всякой определенной нужды — вероятно, просто из-за давления постоянно слышимой английской речи: «роч» (от американского “roach” «таракан»; но вы поглядели бы на наших луизианских тараканов: по сравнению с русскими это просто гиганты, да еще в жаркие ночи и летают немного); «забукать» (зарезервировать: от английского глагола “to book”); «поюзанный» (“used”, «уже использованный»; но это в устах компьютерщика, в языке которых и в России чрезвычайно много английских слов). Фразу «Вам наслайсать или писом?» («Вам нарезать или куском?»), взятую названием этого доклада, я услышала от продавца в русском продовольственном магазине в Нью-Йорке.

Так же не нужны были английские слова одной моей знакомой, сказавшей: «А я и не знала, что в этом магазине продаются не только буксы, но и гифты» (подарки, сувениры). Юмор здесь в том, что название этого нью-йоркского магазина — «Русская книга». А продаются там — «буксы». Но эта форма вполне в духе таких давнишних заимствований, как «рельсы» — множественное число от заимствованного “rails” — множественного числа, понятого, как единственное (или «кекс» — от английского множественного “cakes”).

На самом деле приведенные в докладе примеры — это только верхний слой активного проникновения англицизмов в русский язык. Сходный процесс идет сейчас и в России. Интересно было бы рассмотреть, в чем сходство и в чем различие этих двух процессов.

Литература

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 7. 1957. С. 80–82.

Alexandra Raskina
Independent researcher (New Orleans, USA)
sasha.raskina@gmail.com

“VAM NASLAĬSAT’ ILI PISOM?”

The paper is about English inclusions in the Russian speech of Russian immigrants in the USA in the 21st century.

The author’s aim is to discern as many various models of such inclusions as possible, and try to give explanations of some patterns of these models.

Observations show that the character of these inclusions depends much on the immigrants’ education, on their level of culture, on whether they have previous contact with English language, on the age at which they emigrated, on the entourage they came into at their arrival to the US.

Inclusion of English words (in their Russified phonetic guise and morphological get-up) in Russian speech is easily explained in the case that these words denote things that the immigrant has not come across in the old country: “taksy” (taxes), “stoki” or “staki” (stocks), “kesh” (cash), “inshurans” (insurance), etc. (even though their Russian equivalents do exist). The same applies to names of ethnic minorities in the USA: Afr**i**can Americans, Latinos, Chinese, Indians, etc. Russian immigrants deal with this in various ways.

Less understandable are the motives of preference for English words over Russian ones in the case when it’s about things that are well known to the speaker from their life in Russia: “kazin” (cousin), “roch” (cockroach), etc.

The author also gives examples of borrowings that are not explained fully, or not explained at all, by any available model. She hopes to advance in this field in the future.

Keywords: “Russian Americans”, Russian-language immigrants, written and oral speech, borrowing, phonetic and morphological get-up, assignment of grammatical gender, pressure of surrounding speech, computer geeks, infiltration of Anglicisms

References

Mayakovskiĭ V. V. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t.* [Complete works: In 13 volumes]. Moscow. Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955–1961. Volume 7. — 1957.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.25

Н. Н. Розанова
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ninarozanova13@yandex.ru

«ИМЕНА СИТУАЦИИ» КАК ОСОБЫЙ ТИП НОМИНАЦИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Номинации, связанные с разного рода типовыми ситуациями непринужденного неофициального общения, составляют важную часть повседневных речевых практик носителей разговорной речи. Особая группа синкретичных наименований типовых ситуаций получила название «имя ситуации». Семантическое своеобразие таких имен состоит в том, что они не являются номинацией какого-л. лица, предмета, свойства, действия и т. п., но «втягивают» в себя целый ситуационный контекст. Яркое свойство таких имен — их необычная сочетаемость, обусловленная их высокой конситуативной зависимостью, «встроенностью» в ситуацию. В большинстве случаев их употребление в качестве имени ситуации окказионально. Особого внимания и словарного представления заслуживают синкретичные наименования типовых ситуаций, имеющие отношение к повседневным речевым практикам людей и понятные им вне погружения в конкретные обстоятельства по принципу «здесь и сейчас». Это, например, такие лексемы, как КАРТОШКА (*Мы весь сентябрь не учились/ нас посылали на* ***картошку***), ОБЕД (*Касса закрыта/ у них* ***обед***//); ДИПЛОМ (*У нас сейчас занятий нет/ мы на* ***дипломе***//; *— Когда у тебя* ***диплом****? — В мае*//) и др. Определенные трудности вызывает выделение абстрактно-событийной семантики у таких номинаций, а также их лексикографическое толкование. В работе рассматриваются особенности сочетаемости имен ситуаций в различных разговорных контекстах.

Ключевые слова: лексикография, лексическая семантика, разговорная речь, городской стереотип, пропозиция, имя ситуации, событийная лексика

1. Введение

Номинации, связанные с разного рода типовыми ситуациями непринужденного неофициального общения составляют важную часть повседневных речевых практик носителей разговорной речи. Каждая типовая ситуация имеет свой набор лексических средств и актуальных значений. При этом многие общеупотребительные

слова, «встраиваясь» в стереотипную ситуацию, приобретают совершенно новое, специфическое значение, изменяются их сочетаемостные возможности. Ср., например функционирование глаголов *уступить* в ситуации рынка (*будете брать/* ***уступлю***//); *разойтись* при расчете с покупателем в магазине или на рынке (*Ой/ а помельче* [купюры] *нету? А то мы с вами не* ***разойдемся***//) и т. п. В ТСРР при описании подобных слов обычно отмечаются особенности коммуникативной ситуации, в которой реализуется данное значение. Ср., например, словарную статью лексемы УСТУПИТЬ:[1]

УСТУПИ́ТЬ

DEF: продавая товар, уменьшить его стоимость (обычно по просьбе покупателя). *На рынок стоит ходить за всякой огородиной, которую продают бабульки — они и* ***уступят****, и товар у них всегда хороший, безнитратный* (ЖЖ, 30.06.2016); *— Почём яблоки? — Прошу сорок// Будете брать/* ***уступлю***// (Запись устной речи, 2017). <...>

MORPH: сов.; несов. уступать.

SYNT: *что* или *без доп*.

SYN: сбавить (во 2 знач.), сбить цену (*см.* цена), сбросить (во 2 знач.), скинуть (в 4 знач.), скостить (в 1 знач.), ...

ANT: взвинтить (в 1 знач.), вздуть[2], загнуть (в 4 знач.), задрать (во 2 знач.), заломить[2], накинуть (в 1 знач.), ...

PRAGM: обычно употребляется в ситуации купли-продажи на рынке.

Некоторые слова могут иметь несколько разговорных значений, типичных для разных сфер употребления. Ср., например, значения существительного *хвост*: 1) ‘задняя часть движущегося транспортного средства’ (*Пойдем в* ***хвост***// *У нас выход из заднего вагона*//); 2) ‘длинная очередь’ (*Давай не будем стоять/ давай пойдем отсюда/ смотри* ***хвост*** *какой!*); 3) ‘не сданный вовремя зачет или экзамен по какому-л. предмету’ (*— Ну всё/ сессию сдали// — Это ты сдала/ а у меня еще* ***хвост*** *по матанализу*//) и др.[2]

2. Имена ситуации в РР

Особая группа слов, связанная с различными типовыми ситуациями, это слова — наименования таких ситуаций. Л. А. Капанадзе, впервые исследовавшая этот тип разговорных номинаций, назвала их **«именами ситуации»** [Русская разговорная речь 1973: 436]. Значение подобных лексем связано не с каким-либо предметом, лицом, действием и т. п., но «втягивает» в себя целый ситуационный контекст. Довольно часто в роли наименований различных событий, действий или процессов выступают имена конкретной семантики, которые, попадая в необычные контекстные условия, приобретают синтаксические свойства абстрактных существительных *Из-за* ***пальца*** *ничего не могу делать/ прям мучение*// (т. е. из-за

[1] Дается в сокращении, автор статьи — Е. Г. Жидкова

[2] В ТСРР у данного слова выделяется 10 значений.

пореза пальца); — *Ты когда мне рубашку погладишь? — Давай после* ***магазина****/ ладно?* (т. е. после похода в магазин); *Когда же твоя* ***поликлиника*** *закончится?* (походы в поликлинику на процедуры).

Нужно заметить, что случаи приобретения конкретными существительными семантико-синтаксических свойств отвлеченных имен характерны не только для РР. Н. Д. Арутюнова исследовала синтаксические условия, при которых предметные существительные приобретают абстрактное (пропозитивное) содержание, отмечая при этом смысловую неопределенность высказываний типа *Я задержался* ***из-за книг***. Понимание такого сообщения «в большой степени зависит от осведомленности или догадливости адресата», т. к. сам текст допускает разные варианты его интерпретации: *Я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / отдавал книги в переплет* и др. [Арутюнова, 1976: 123][3].

В разговорной речи подобных случаев существенно больше. Смысл имени ситуации будет понятен собеседникам только если он включен в данный ситуационный контекст. Л. А. Капанадзе приводит такой пример: *Надоели же вы со своим* ***кофе***, где *кофе* является обозначением ситуации, участники которой постоянно ведут разговоры о том, что необходимо починить сломавшуюся кофеварку [Русская разговорная речь, 1973: 437]. Но это же слово *кофе* в другом случае могло бы стать обозначением совсем иной ситуации, в которой говорящий укоряет кого-л. за то, что тот (или те) постоянно проливают кипящий кофе на плиту и пачкают ее и т. п.

Значение таких лексем всегда тесно спаяно с конкретной ситуацией и опирается на общность апперцепционной базы собеседников, поэтому возникает вопрос: нужно ли включать такие номинации в словарь, если они целиком и полностью зависят от конкретной ситуации и их употребление окказионально? Большая часть подобных словоупотреблений, действительно, не нуждается в лексикографическом описании. Однако есть значительное число слов, которые являются синкретичными наименованиями каких-либо событий, процессов, обстоятельств повседневной жизни, они хорошо известны членам социума и регулярно используются в качестве имен ситуаций. Это, например, такие лексемы, как КАРТОШКА (*Мы весь сентябрь не учились/ нас посылали на* ***картошку***), ОБЕД (*Касса закрыта/ у них* ***обед***//); ДИПЛОМ (*У нас сейчас занятий нет/ мы на* ***дипломе***//; — *Когда у тебя* ***диплом****? — В мае*//) и др. Подобные наименования, тесно связанные с речевой повседневностью и широко распространенные в РР, целесообразно включать в ТСРР. Однако лексикографическое описание таких лексем вызывает определенные трудности. Исследователи отмечали, что «имена ситуации выступают в РР как лексические выразители, с одной стороны, языкового текста и, с другой стороны, внеязыковой ситуации» [Указ соч.: 438]. Т. е. при описании значений подобных слов необходимо учитывать такие важные ситуативные параметры, как

[3] Ср. также: «Там, где конкретная лексика занимает место имен пропозитивного значения (названий качеств, свойств, действий, состояний и пр.), т. е. используется во вторичной функции, она оказывается менее эксплицитной и в некотором роде менее конкретной, чем слова отвлеченной (пропозитивной) семантики» [Указ. соч.: 122–123].

пространство, время, участники, объекты[4]. Ср., например, следующее толкование одного из значений слова КАРТОШКА в ТСРР[5]. «Событийный» смысл передается предикатным словом *сбор,* модель управления которого включает объектный актант — *овощ (картошка, морковка, капуста...* и субъектный актант[6] (*студенты, жители, рабочие...*)

КАРТО́ШКА.

DEF: организованный сбор урожая картофеля городскими жителями, в основном студентами. *Студентов каждый год гоняли на* ***картошку//*** *Не только студентов/ гоняли и инженеров/ гоняли и рабочих//* (Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2002); *Мы на первом курсе начали учиться с октября// А весь сентябрь у нас* ***картошка*** *была// Вот во время* ***картошки****-то/ мы там все и перезнакомились//* (Запись устной речи, 1990); *Фабрично-заводской люд превосходил по численности колхозно-совхозный, но отвлекать на* ***картошку*** *тысячные массы квалифицированных рабочих казалось нелепостью* (А. Азольский. Лопушок); *А осенью, как было положено, поехал со своим курсом на* ***картошку****, в псковскую глубинку* (Русский репортер, 4–11.10 2007); *Они начали приглядываться друг к другу еще на* ***картошке****, сразу на первом курсе* (С. Таранов. Черт за спиной).

MORPH: *ж.; мн.* нет.

SYNT: обычно в конструкциях *на картошку* и *на картошке.*

3. Имя ситуации и его лексико-грамматическое окружение

Как отмечали исследователи РР, «речевым сигналом имени ситуации выступает необычное лексико-семантическое окружение слова, появление новых связей слов» [Указ соч.: 437]. Эта особенность связана с тем, что имена конкретной семантики, становясь обозначением типовой ситуации, приобретают некоторые не свойственные предметной лексике, но характерные для абстрактно-событийных имен семантико-синтаксические свойства. О сочетаемостных возможностях слов пропозитивной семантики писали многие исследователи [см., например: Арутюнова, 1976; 1988; Гак, 1977; Гольдин, 1997, Падучева, 2009; Шатуновский, 1984 и др.]. Н. Д. Арутюнова, отмечая общую тенденцию к согласованию лексического значения слова с его синтаксической функцией, упоминала, в частности, о том, что «темпоральные и логические предлоги, соотносимые с союзами, управляют именами событийной (пропозитивной) семантики» [Арутюнова, 1976: 122].

Обратившись к материалам РР, также можно обнаружить немало примеров, в которых существительные конкретной семантики в роли имени ситуации сочетаются с некоторыми логическими предлогами. Наиболее распространены контексты

---

[4] Ср.: «Для семантически точного (адекватного) толкования значения слова разговорного языка необходим полный анализ типовой ситуации, для называния которой используется данное слово» [Русская разговорная речь, 1983: 162].

[5] Автор словарной статьи — М. Я. Гловинская.

[6] Имеется в виду семантический субъект (Агенс).

с причинным предлогом *из-за*: — *Ну что/ сдала* [часы в ремонтную мастерскую]? — *Там было закрыто* ***из-за обеда****/ а ждать я не могла//*; *Не могу пойти с тобой в театр* ***из-за гостей****//.*

Имена ситуации встречаются и в других лексико-грамматических контекстах, характерных для абстрактно-событийной лексики. Такие имена могут употребляться, например, с временными предлогами: (Разговор посетителей учреждения в очереди:) — *Я слышал у них в два часа обед// — Ну мы* ***до обеда*** *никак не успеем пройти//*; *На меня однажды такой чих напал/ прям* ***во время контрольной****//*; *Я еще долго лечила свой гайморит* ***после*** *этой* ***картошки****// Так что она мне боком вышла//* Интересные наблюдения содержатся в работе [Гольдин, 1997], посвященной семантическим особенностям имен речевых событий. Для выявления «ситуативного» характера подобных номинаций В. Е. Гольдин предлагает следующий тест: «Событийность значения соответствующих имен проверяется возможностью подстановки этих имен во фразу *Это случилось во время Р»* [Указ соч.: 27]. Имя ситуации *картошка* легко вписывается в данный контекст: *Мы с моим будущим мужем познакомились на первом курсе еще/* ***во время картошки****//* [т. е. тогда, когда студентов первого курса посылали в колхоз собирать урожай картофеля][7].

На процессуальный характер имен событий указывает и то, что они управляются фазовыми глаголами. Ср.: (Разговор родителей во время детского новогоднего утренника) — *Не знаете/ когда* ***ёлка закончится****? — Ну часа два-то она* ***продлится****/ вот и считайте//.*

Ситуация может быть связана с нахождением или перемещением субъекта в каком-л. пространстве, что нередко выражается формами *предл.* или *вин.* с предлогом *на*. Ср.: *Марины сейчас нет/ она* ***на обеде****//*; (Записка на витрине торговой палатки:) *Ушла* ***на обед***; — *Проректор сейчас* ***на госах****//*; *Ты сколько раз ходишь* ***на музыку****?*

Событийное содержание подобных номинаций ярко проявляет себя в составе синтаксической конструкции. *У меня <у него, у них...> N_1*, где имя ситуации легко разворачивается в пропозицию: *Завтра у меня* ***диплом*** = Завтра я **защищаю дипломную работу**; — *А где дети? — Они ушли/ у них сегодня* ***ёлка****//* = Они **ушли на новогодний праздник**; *Я не могу пойти в кино//. У меня сегодня* ***музыка****//* = Я сегодня **занимаюсь музыкой с преподавателем**. Данные примеры по своему содержанию напоминают бытийные предложения с событийными именами (*У него совещание; У тебя концерт*), которые Н. Д. Арутюнова относит к отдельному семантическому типу бытийных конструкций: «Обычно предложения этого разряда имплицируют, что лицо, определяющее микромир (сферу бытия), принимает то или другое участие в событии» [Арутюнова, 1976: 242]. Однако если в бытийных конструкциях этого типа в позиции N_1 находится имя конкретной семантики, то

[7] Ср. также замечание В. Е. Гольдина: «Комплексность события ослабляет его акциональные характеристики, но делает удобным темпоральным ориентиром: *во время референдума, после свадьбы, до презентации* и под.» [Указ соч.: 28].

высказывание в целом относится уже к другому семантическому типу, оно сообщает «о владении, обладании предметом или о том, что предмет находится в распоряжении некоторого лица» [Там же: 234]. Ср.: (Разговор студента с научным руководителем:) — *У вас* ***диплом*** *с собой? Надо его отнести в деканат//*; — *Вы ёлку купили? — Да/ и нарядили уже// У нас замечательная* ***ёлка****/ приходи/ увидишь//*; *У меня полно всякой* ***музыки*** [музыкальных записей]*/ и рок/ и джаз/ и классика//.*

4. Слово ДАЧА как имя ситуации

Имена конкретно-предметной семантики, становясь обозначением целой типовой ситуации, приобретают новые синтаксические свойства, характерные для абстрактно-событийных имен. В качестве иллюстрации рассмотрим особенности употребления слова *дача* в некоторых разговорных контекстах. В словарях выделяется несколько его значений. Ср, например, словарную статью в [Шв], где первая и вторая лексемы относятся к именам конкретной семантики, а третью с пометой *разг.* можно отнести к группе абстрактно-событийных имен: 1. Загородный дом, обычно для летнего отдыха. *Снять дачу.* 2. *ед.* Загородная местность, где находятся такие дома, где они снимаются. *Жить на даче. Детский сад уехал на дачу.* 3. Жизнь летом в загородной местности (*разг.*). *Скоро лето, опять дача, езда.* В ТСРР представлено именно это, третье значение, типичное для повседневного речевого обихода носителей современной РР.

Дача 3, являясь свернутым обозначением типовой ситуации, концентрирует в себе целый комплекс современных представлений об образе жизни типичных горожан. Многие из них являются владельцами загородных домов, обычно с небольшим приусадебным участком, на котором они выращивают различные виды сельскохозяйственной продукции. Пребывание на даче охватывает довольно длительный период — обычно с мая по сентябрь. Дача — это место не только отдыха, прогулок по окрестностям, но и напряженной работы на приусадебном участке. Выращивание и заготовка овощей и фруктов на своем дачном участке были особенно актуальными в советское время при хроническом дефиците продуктов[8]. Семантические особенности слова *дача* в этом значении определяют его лексико-грамматические связи на текстовом уровне.

Оно сочетается: с логическими предлогами: Муж год оставался без работы. *Выжили* ***благодаря даче*** *— я выращивала то, что нужно для жизни* (7 дней. ру, 01.09.2016), *Многие стали забывать что* ***за счет дачи*** *многие и выжили в 90-е, когда целым семьям зарплату на заводах и предприятиях не платили. Или платили, но инфляция всё съедала...* (ВКонтакте, 20.05.2021); с фазовыми глаголами: *А в конце апреля* ***дача начинается****/ так это всё/ выходные все заняты*

[8] «В советское время <...> дача стала важным источником продовольствия, вплоть до того, что почти вся земля раскапывалась под огород, на котором выращивался даже картофель, и засаживалась плодовыми культурами; обработка земли и дачные заготовки солений и варений стали занимать большую часть времени отдыхающих, что подавалось как “смена рода занятий”» [Беловинский, 2015].

напрочь//, (Шутливые стихи по случаю окончания дачного сезона:) *Поздняя осень.* ***Закончилась дача****. / Спущена в погреб морковка, картошка* (ЖЖ, 17.10.2017); с группой предикатов «пропозиционального отношения»[9]: *Я эту* ***дачу возненавидел****/ когда постарше стал// Меня там пахать заставляли/ то копка/ то мусор убери/ то еще что-нибудь//; Я тоже мечтал* ***забыть о даче****. После понял — это все хорошо, просто не нужно рвать организм. Сажаешь только ради поесть свежего, отдохнуть, ну и коньячок под шашлычок вкусно очень* (Блоги, 2019); *Чтоб всю зиму* ***помнить дачу****, / я в рюкзак секретик спрячу — / стеклышко цветное, / что нашел весною. / Никому не покажу / своего секрета. / А в стекляшку погляжу — / и увижу лето!* (Т. Полежаева. Секретик).

Употребление слова *дача* в позиции подлежащего в связочных предложениях с указательным местоимением *это* и наречием или существительным в роли сказуемого также требует его «событийного прочтения»: *— Ну/ а чем плоха дача? —* ***Дача****/ это* ***прекрасно****!* (Из беседы с рок-музыкантами группы «Пикник» на р/с «Русское радио-2» // Из коллекции НКРЯ, 2005); *Помните,* ***дача*** *— это не только* ***пахота****, она дарит нам возможность общения с природой. С наступившим сезоном, дорогие садоводы и огородники!* (АиФ, 13.04.2022).

Другая синтаксическая особенность данной лексемы — это возможность согласования с каузативными глаголами эмоционального или физического воздействия. Ср.: *Нас в девяностые тоже* ***кормила дача****. Как и многие, сажали картофель на свободных участках земли. Однажды приехали копать, а там уже роются любители чужой картошечки. Отобрали, прогнали* (В девяностые дача спасала от голода // Форум, 2023); (Мать уговаривает сына-студента съездить в субботу на дачу:) *— Тёма/ ну на полдня всего/ вечером уедешь/ грядки вскопаешь/ и уедешь// — Ладно// Меня эта* ***дача*** *ваша/ уже* ***достала****!*; *Все* ***деньги сосет*** *эта* ***дача****! А помимо денег, ещё и* ***силы сосёт****!* (Woman.ru, 31.05.2023)[10].

Интересны также случаи употребления ситуативной номинации *дача* в форме *твор.*, управляемой глаголом *жить* в значении ‘поддерживать свое существование’. Устойчивое сочетание *жить дачей* особенно часто встречается в рассказах о повседневной жизни горожан в 90-е гг. 20 в.: *Денег не было, зарплаты задерживали. Многие, наша семья тоже,* ***жили дачей*** [т. е. тем, что «давала дача»]*, соленья и прочее* (Ужасы 90-х // Форум, 2014). Попутно заметим, что в сходных контекстах

[9] Как отмечает Н. Д. Арутюнова, эта группа семантически неоднородна. К ней относятся, например, глаголы говорения, суждения, памяти, знания, эмоциональных переживаний, оценочного суждения и др.: «Попадая в поле подобных глаголов, любая лексическая единица должна получить событийное прочтение» [Арутюнова. Указ соч.: 128]

[10] В [Морковкин и др.] в словарной статье ДАЧА в зоне сочетаемости слова отмечаются возможные сочетания лексемы со следующими предикатами: Дача <...> снижает напряжение, дает заряд бодрости, требует чего-л., утомляет... Подчеркнем, что такая сочетаемость возможна, если слово *дача* употребляется в абстрактно-событийном значении: ‘работа / отдых на даче’.

слово дача может заменяться синонимичным выражением *шесть соток*, которое тоже имеет событийную семантику: *полстраны своими **шестью сотками живет**/ а этот выискался/ не надо ему!* (Из материалов Ульяновского университета, 2007).

Ситуативное содержание лексемы *дача* наиболее очевидно, когда она оказывается в перечислительном ряду с другими именами, также требующими событийного прочтения: (О том, как люди проводят выходные дни в начале мая:) *А в данный момент времени/ когда этого* [празднования 1 мая] *уже не стало/ только ассоциации/ «мир/ труд/ май»/ это **дача**/ это **картошка**/ это **посадка на дачных участках**//* (Фонд «Общественное мнение», Воронеж, 2003); *Ну/ вот сейчас значит моё основное занятие **чтение**/ **квартира**/ **три кота**/ ну а сейчас летом — **дача**// Я не скучаю сама с собой//* (Рассказ женщины о своей жизни // Из коллекции НКРЯ, 2011); *Ну/ какие бывают увлечения? **Охота**/ **рыбалка**/ **дача**//* (Итоговая программа дня «Местный час», 2006)[11].

Слово *дача* в рассмотренных выше примерах требует пропозитивного прочтения. Во многих лексико-грамматических контекстах, типичных для РР, оно является обозначением ситуации, формирующей образ жизни горожанина и определяющей его социальное поведение, эмоциональное и физическое состояние[12]. Все это послужило основанием для представления в ТСРР лексемы ДАЧА как имени ситуации в виде отдельной словарной статьи[13]:

ДАЧА.

DEF: образ жизни за городом летом, на собственной или снятой даче. *Ой вообще/ эта **дача**/ знаешь/ это дырка в голове/ вот такого размера// У всех//* (Запись устной речи, 1991); *Дача — это свобода. **Дача** — это счастье. Наверное, многие с детства помнят то всеобъемлющее чувство радости, которое сопутствовало первым сборам на дачу (как правило, весной, по едва установившемуся теплу)* (Е. Козьминская. Территория солнца // «Homes & Gardens», 30.04.2004); *Марго признавалась мне, что она на даче устает еще больше, чем в городе, т. к. всё время надо чистить грибы, и варить варенье, и доставать творог и сметану, она сбивается с ног. Что касается меня, то я ненавижу **дачу*** (В. Панова. Времена года. Из летописей города Энска).

MORPH: ж.; мн. нет.

---

[11] Однако если слово *дача* входит в перечислительный ряд с другими предметными объектами, то оно также выступает в данном контексте как существительное конкретно-предметной семантики (‘загородный дом, обычно с прилегающим к нему земельным участком, для летнего отдыха городских жителей’). Ср.: (Из разговора подруг:) *Ну он вообще богатый жених-то// У него и **квартира**/ и **машина**/ и **дача**// Весь джентльменский набор//.*

[12] Ср.: «Дача давала возможность не коллективной жизни, которой хватало и которая была всем поперек горла, а обычной частной жизни. Там ты чувствовал себя тем, кем захочешь: агрономом или отдыхающим в гамаке. Кто-то играл в волейбол, кто-то в крокет, дети бегали своими компаниями. Это была совершенно особая, очень вольная жизнь» (mir24.tv > articles, 29.08.2019).

[13] Автор словарной статьи — Р. И. Розина.

5. Заключение

Имена ситуации представляют собой свернутые в одно слово обозначения сложных комплексных событий повседневной действительности. Для того, чтобы «расшифровать» содержание подобных номинаций, нередко требуется достаточно развернутый комментарий. Это создает определенные трудности при их лексикографическом толковании. Кроме того, обычно имена ситуации относятся к существительным конкретной семантики, однако, становясь «заместителями» имен абстрактно-событийного значения, они приобретают новые синтаксические свойства, не характерные для предметных имен.

Возможность приобретения существительными конкретной семантики семантических свойств имен отвлеченной семантики характерна не только для РР, но и для КЛЯ. Однако в повседневной разговорной речи таких номинаций существенно больше. Многие из них образованы по разговорным словообразовательным моделям.

Чаще всего новые разговорные наименования образуются путем стяжения словосочетаний: перерыв на обед — *обед*; написание, защита дипломной работы (диплома) — *диплом*; работа на уборке картофеля (картошки) — *картошка*; государственные экзамены — *госы* и др. Эти номинации, образованы из сочетаний, в составе которых есть имена с абстрактно-событийной семантикой (*перерыв, написание, защита, экзамен, работа*), которую «втягивают» в себя образовавшиеся из словосочетаний имена ситуации.

Некоторые имена стереотипных ситуаций являются отглагольными дериватами. Так, номинация *чёс* образована от одного из значений разговорного предиката *чесать* — ‘давать незапланированные концерты, ездить на гастроли с целью дополнительного заработка’. Ср. фрагмент словарной статьи в ТСРР:

> **ЧЁС.**
>
> DEF: серия гастролей представителей творческих профессий (артистов, писателей, музыкантов и т. п.) или политиков в разные места с целью заработка, саморекламы и т. п. (Шутливо о знакомых писателях-юмористах:) — *Сейчас на большой* ***чёс*** *ребята поехали/ деньгу зашибать// Сибирь/ Дальний Восток...* (Запись устной речи, 1977); (*Кандидат в президенты Михаил Прохоров начал предвыборный «****чёс****» по регионам с Казани* (РБК Дейли, 23.01.2012); *Я вынужден был поначалу регулярно зарабатывать деньги «****чёсами****» (так в артистической среде называют сверхкоммерческие гастроли) — в изнурительных поездках по Дальнему Востоку, в Магадан, Петропавловск, с лёгкой программой и вместе с эстрадными артистами* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий)[14].

Стереотипные ситуации отличаются высокой динамичностью. Изменение реалий повседневной жизни влечет за собой изменение или исчезновение самой ситуации и, соответственно, сопровождающего эту ситуацию лексического окружения.

[14] Автор словарной статьи — Н. Н. Розанова

Так, к деактуализированному пласту лексики относятся многие слова, характерные для советского речевого быта. Ушло из речевого обихода слово *картошка* как имя соответствующей ситуации. Такая же судьба постигла и слово *распродажа* как определенный способ распределения товаров в период дефицита. Подобные изменения ранее актуальной лексики обычно получают отражение в зоне PRAGM.

Ср., например, словарную статью РАСПРОДАЖА как имя типовой ситуации периода товарного дефицита[15].

РАСПРОДА́ЖА

DEF: в условиях товарного дефицита: разновидность закрытой торговли для отдельных групп населения (работников предприятий, учреждений, ветеранов, жителей микрорайона и т. п.) часто по талонам. *У нас в институте в конце месяца* ***распродажа*** *будет// Сказали обувь в основном//; — Я такие фужеры чешские на* ***распродаже*** *отхватила! — Где? — В универмаге// Это у нас в доме талоны распределяли//*

MORPH: *ж.*

STYL: *ист.*

PRAGM: слово характерно для речевой практики советского времени, особенно в периоды тотального дефицита. Значение слова противоречит его внутренней форме. Глагол *распродавать* — ‘продавать всё многим’ (соответственно и сущ. *распродажа*) предполагает обозначение открытой формы торговли, обычно по сниженным ценам. Такое значение реализуется в современном (с начала XXI века) употреблении слова *распродажа*, ср. широко употребительный иноязычный синоним sale.

Завершая, необходимо еще раз подчеркнуть, что имена ситуации представляют собой достаточно многочисленный, динамичный и актуальный вид разговорных номинаций, требующий тщательного изучения. Их своеобразие в том, что они тесно спаяны с текущим моментом коммуникации и их значение определяется конкретными конситуативными условиями. Особого внимания и словарного описания заслуживают такие имена типовых ситуаций, которые имеют отношение к повседневным речевым практикам членов социума и понятны им вне погружения в сиюминутные обстоятельства по принципу «здесь и сейчас». Определенные трудности вызывает выявление абстрактно-событийной семантики у таких номинаций, а затем их лексикографическое толкование. К сожалению, ситуативные значения некоторых разговорных дериватов не всегда учитываются в ТСРР. Ср., например, словарную статью ДИПЛОМ, в которой дается лишь «предметное» значение лексемы: ‘письменная работа, выполняемая для получения свидетельства об окончании высшего учебного заведения’. Однако приводимые в статье примеры свидетельствуют о возможности их двоякого прочтения. В одних

[15] К сожалению, по техническим причинам эта словарная статья не попала в ТСРР, она опубликована в [Толковый словарь, 2010: 131]. Автор словарной статьи — М. В. Китайгородская.

случаях слово *диплом* является существительным с конкретным значением (*А какая тема вашего* ***диплома****?* [письменной дипломной работы]), в других — имеет событийный смысл и должно быть развернуто в пропозицию (*Последний курс я не успела закончить, оставалось два экзамена и* ***диплом*** [оставалось сдать два экзамена и написать, а потом защитить дипломную работу]; *Как же все-таки жаль, что моя мама <...> совершенно не интересуется <...> как мой* ***диплом****, как я себя чувствую* [как продвигается моя работа над дипломом]). По-видимому, целесообразно у слова *диплом,* помимо предметного, выделить еще и событийное значение: ‘защита квалификационной работы с целью получения свидетельства о высшем образовании’. Данные лексемы различаются не только семантически, но также и своими сочетаемостными возможностями. Ср. типичные контексты для слова *диплом* как имени конкретной семантики: *Написал хороший, интересный, неудачный диплом; прочитал твой диплом, получил отличную оценку за диплом*. Слово *диплом* как имя ситуации встречается в другом лексико-грамматическом окружении, где его легко можно заменить абстрактно-событийным именем *защита*: *— Когда у тебя диплом* [защита]? *— В среду//; Я так волнуюсь/ боюсь провалиться на дипломе* [на защите]//.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. / Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева (отв. ред.). М.: Наука, 1977. С. 230–293.

Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи / В. Е. Гольдин (отв. Ред.). Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23–34.

Падучева Е. В. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // Е. В. Падучева. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 317–334.

Русская разговорная речь / Е. А. Земская (отв. ред.). М.: Наука, 1973. 486 с.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская (отв. ред.). М.: Наука, 1983. 238 с.

Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект / Л. П. Крысин (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2010. 346 с.

[ТСРР] — Толковый словарь русской разговорной речи / Л. П. Крысин (отв. ред.). Вып. 1–5. М.: Изд. дом ЯСК, Нестор-История. 2014–2022.

Шатуновский И. Б. Номинализация предикатных существительных // Предикация и текст. Пермь, 1984.

[Шв] — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н. Ю. Шведова (отв. ред). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

N. N. Rozanova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ninarozanova13@yandex.ru

"NAME OF SITUATION" AS A SPECIAL TYPE OF NOMINATIONS IN RR AND PROBLEMS OF THEIR VOCABULARY DESCRIPTION

Nominations associated with different kinds of typical situations of casual informal communication form an important part of everyday speech practices of speakers of colloquial speech. A special group of syncretic names of typical situations is called "situation name". The semantic peculiarity of such names consists in the fact that they are not a nomination of any person, object, property, action, etc., but "draw in" the whole situational context. A striking property of nominative names is their unusual combinability due to their high consituative dependence, their "embeddedness" in the situation. In most cases, the use of such words as situation names is occasional and depends on the immediate situation. Syncretic names of typical situations that are relevant to people's everyday speech practices and understandable to them beyond immersion in specific circumstances on the principle of "here and now" deserve special attention and vocabulary representation. These are, for example, such lexemes as КАРТОШКА (*Мы весь сентябрь не учились/ нас посылали на* ***картошку***), ОБЕД (*Касса закрыта/ у них* ***обед***//); ДИПЛОМ (*У нас сейчас занятий нет/ мы на* ***дипломе***//; *— Когда у тебя* ***диплом****? — В мае*//) etc. Certain difficulties are caused by the allocation of abstract-event semantics in such nominations, as well as their lexicographic interpretation. The paper considers the peculiarities of combinability of situation names in various colloquial context.

Keywords: lexicography, lexical semantics, colloquial speech, urban stereotype, proposition, situation name, event lexicon

References

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Proposal and its meaning]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 383 p.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt.* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988.

Gak V. G. [Toward a typology of linguistic nominations]. *Yazykovaya nominatsiya: Obshchie voprosy. / B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva (otv. red.).* [Linguistic nomination: General questions. / B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva (eds.)]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 230–293. (In Russ).

Goldin, V. E. [Names of speech events, deeds and genres of Russian speech] *Janry rechi*. Saratov: Izd-vo GosUNC "College", 1997. Pp. 23–34. (In Russ).

Paducheva E. V. [Predicate names in the lexicographic aspect]. *E. V. Paducheva. Stat'i raznyh let* [Articles of different years]. Moscow. YaSK Publ., 2009. Pp. 317–334. (In Russ).

Russkaya razgovornaya rech' [Russian colloquial speech / E. A. Zemskaya (ed.)]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 486 p.

Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Lexicon. Gesture / E. A. Zemskaya (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1983. 238 p.

Shatunovsky I. B. [Nominalization of predicate nouns] *Predikatsiya i tekst* [Predication and text]. Perm, 1984.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi: Prospekt. / L. P. Krysin (otv. red.) [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech: Prospect. / L. P. Krysin (ed.)]. Moscow. IRYA RAN Publ., 2010. 346 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi / L. P. Krysin (otv. red.) [The explanatory dictionary of Russian colloquial speech / L. P. Krysin (ed.)]. Vyp. 1–5. Moscow: YASK, Nestor-Istory Publ. 2014–2022.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / N. Yu. Shvedova (otv. red). [The explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / N. Y. Shvedova (ed.)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.26

Р. И. Розина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rarozina@yandex.ru

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ: МЕЖДОМЕТИЯ И ГЛАГОЛЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена части речи, по поводу которой в русистике ведется многолетняя дискуссия, в результате чего эта часть речи до сих пор не имеет общепризнанного названия. В отношении слов, которые она включает, используют термины «сказуемостные междометия», «глагольные междометия», «морфологические формы глагола» и т. п. Эти термины объединяют две различных по своему происхождению группы единиц: единицы, соотносимые с первичными междометиями, например, *бабах* (*...вдруг пришло ему в голову:* ***бабах*** *в милиционера!*), и с глаголами, например, *шастать — шасть* (*...она приезжает,* ***шасть*** *под кровать*). В связи с этой частью речи возникает ряд проблем: а) какие именно группы первичных междометий могут быть источниками глагольных значений; б) как возникают глагольные значения: под влиянием контекста (точка зрения А. В. Исаченко) или в результате развития цепочки «междометие — глагол — глагольное междометие» (С. О. Карцевский); в) какие именно группы глаголов способны быть основой для возникновения междометий. Значения глагольных междометий полностью соответствуют значениям лежащих в их основе глаголов, что по мнению автора статьи, доказывает правомерность точки зрения С. О. Карцевского. Глагольные междометия, как соотносимые с первичными звукоподражательными междометиями, так и образованные от глаголов, могут в свою очередь мотивировать междометия, сигнализирующие быструю смену ситуаций, например, *Полетела шторка по сквозняку/* ***бабах*** *загорелась*//; *... думал выпить молока, люблю можайское,* ***хвать****, а его нет.*

Ключевые слова: разговорная речь, междометия, глагольные междометия, многозначность, С. О. Карцевский, А. В. Исаченко, словообразование

Статья посвящена части речи, до сих пор не получившей в русистике общепризнанного названия: слова, которые относят к этой части речи, называют сказуемостными междометиями, глагольными междометиями, междометиями в функции сказуемого, глагольно-междометными словами, глаголами ультрамоментального действия, морфологическими формами глагола и т. п. Не так давно появилось еще

одно предложение — назвать их нарративными предикатами, так как они употребляются исключительно в таком виде дискурса, как нарратив, причем преимущественно в разговорной речи [Кор-Шаин 2008: 152].

Под этими названиями объединяют две группы лексических единиц:

а) единицы, соотносимые с рядом первичных междометий, например:

бабах*!* 1. *...часовой приложился и —* ***бабах****! — ковырнул человека прямо в лужу* (Ю. Домбровский); 2. *Тот мимо едет, и вдруг пришло ему в голову:* ***бабах*** *в милиционера!* (Вс. В. Иванов);

и б) единицы, соотносимые с глаголами, например, *шастать — шасть*: *Сейчас самое время такое, что надзиратели* ***шастают*** *по баракам* (А. Солженицын); *...она приезжает,* ***шасть*** *под кровать, и тоже куколку вытаскивает* (ЖЖ, 26.09.2020).

Несмотря на то, что эти лексические единицы не раз привлекали внимание лингвистов, существует целый ряд проблем, которые требуют рассмотрения:

1. Источники и способ образования единиц первой группы — в частности, какие именно группы междометий могут быть источниками глагольных значений.
2. Вторая проблема. Как возникают глагольные формы — под влиянием контекста, как считал А. В. Исаченко, или же они образованы от глагола, производного от междометия, как считал С. О. Карцевский?
3. Третья проблема. Какие именно тематические группы глаголов могут быть источниками единиц второй группы — глагольных форм типа *шасть*?
4. Полная цепочка с первым звеном-междометием имеет вид *бабах* (междом.) — *бабахнуть* (глаг.) — *бабах* (глаг. форма) — *бабах*, где четвертое звено, междометие, синонимично междометию *раз* в его употреблении при обозначении быстрой смены ситуации, ср.: *Сначала будет все замечательно/ а потом* ***бабах*** *и все*// (Самара, 2004). Таким образом, может идти речь о четырехчленной парадигме междометно-глагольных форм, в связи с чем возникает вопрос, в каких случаях парадигмы могут быть неполными, т. е. когда и почему выпадает одно из звеньев, например, четвёртое в цепочке *чих* (междом., звук чихания: — *После таких переживаний... чих! — чихает папа, надо подкрепиться. Чих*!..); — суффиксальный глагол *чихнуть* и *чих* (глагольная форма, действие чихания: *Она меня спрашивает что-то, а я только* ***чих, чих, чих,*** *как заведенный).*

Полная цепочка с первым звеном — глаголом имеет вид *глянуть — глядь* (глаг. форма) — *глядь* (междом.) где третий член также указывает на быструю смену ситуации, ср.: *Приехал/* ***глядь****/ а у того дочка/ как груша/ налилась*// (к/ф «Даунхаус», 2001); *Ах/ какой же ты этот/ как его/ начал с одного/ закончил/* ***глядь****/ уже совсем другим/ давай поговорим по телефону*// (Беседа Д. Диброва с И. Охлобыстиным в эфире телепередачи «Антропология», НТВ 1999).

Рассмотрим каждую из этих проблем в отдельности.

В своей книге Е. В. Середа пишет, что в принципе любое междометие может выступать в роли сказуемого [Середа 1995: 81]. Материал нашего словаря[1] позволяет утверждать, что это не так. В функции сказуемого не выступают эмоциональные междометия[2], например, *ай, ах, жесть!, зашибись!, кайф! тю!* и др. В качестве противоречащего примера обычно приводят цитату из «Евгения Онегина» «*Татьяна — Ах!, а он реветь*», но по мнению Е. В. Середы, можно предположить, что это пример прямой речи, в которой опущен вводящий ее глагол, о чем свидетельствует и неустойчивость оформления таких случаев — с кавычками и без. В нашем материале встретились подобные примеры с междометиями *ой* и *ха-ха*:

Неряха жуткая. Может в грязных джинсах или футболке гулять пойти, я ей говорю, что грязно же, переоденься, а она — ***ой****, а я и не заметила* (Наши дети: Подростки // Форум, 2004); *У людей авария, а он «****Ха-ха****!»; Большой говорит: — Гулять пойдешь?. Та* [собака] *хвостом виляет, а он —* ***ха-ха-ха*** (примеры из блогов).

В пользу предположения о том, что это примеры неоформленной прямой речи, говорит то, что это примеры из разговорной речи, которой свойственно не оформлять прямую речь по правилам литературного языка, либо опуская вводящие прямую речь глаголы, например:

Мне один объяснял, что это [говорить «люблю»] грубо отстало, что зачем слова, когда есть дела, то есть поцелуи и так далее. ***А я ему****: «Нет. Дело ещё ничего не доказывает. А слово — всё!»* (ЖЖ, 18.12.2010),

либо, особенно в современном употреблении, заменять их словом *такой* ср.:

Он мне ***такой****/ «Ну/ отмени поездку»// А я говорю/ «Я просто чего-то так настроилась/* ***Он мне****/ «Конкурс/ это клево!»// А я* ***така****я/ «Да ну чего там клевого»// А он мне говорит/ «Ну а чего/ плохо что ль выиграть»//* (Праздные разговоры // Из коллекции НКРЯ, 2006).

В функции сказуемого не используются некоторые междометия, обслуживающие сферу волеизъявления, например, *ша! тсс!*

Не используются в функции сказуемого междометия, имитирующие звуки, которые издают животные, за исключением *ку-ку* в значении ‘ исчезнуть’ и *хрю-хрю* в значении ‘невнятно и неразборчиво говорить’, например:

А денежки-то ***ку-ку****! Спёрли! Испарились! Такие вот фокусы с мобильным//* (Запись устной речи, 2016);

Вячеслав, что ты всё ***хрю-хрю*** *да* ***хрю-хрю****, даже не интересно* (Про шаверму и поребрик // Форум, 2020).

---

[1] Толковый словарь русской разговорной речи.

[2] Данная работа опирается на классификацию междометий в Грамматике-80.

Не используются в функции сказуемого междометия, которые сопровождают активные действия человека, например, *оп-па, опля, оба-на* и т. п.

Известно, что самые продуктивные источники глагольных форм — звукоподражательные междометия типа *бах, бух, плюх* и т. п., но даже из их числа есть немногие исключения, например, междометие *динь-динь.*

Теперь обратимся к другой проблеме:

А. В. Исаченко объясняет появление глагольной формы схемой из двух шагов:

1. Употребление междометия в сочетании с глаголом*: Он подошёл и — **трах! Ударил** его по голове.*
2. Замена глагола междометием: *Он подошёл и **трах его по голове**.*
   [Исаченко 2003: 507]

Иными словами, условие появления глагольной формы — использование звукоподражательного междометия в сочетании с глаголом действия, а затем выпадение этого глагола из предложения и выражение того же значения, которое выражал глагол, междометием. При этом междометие получает то же управление, что глагол, т. е. становится глагольной формой, а словообразовательное гнездо выглядит следующим образом:

междометие — **суффиксальный глагол**
междометие — **глагольная форма**

В книге А. В. Исаченко приведён только один пример такой трансформации; к тому же он демонстрирует образование глагольной формы от междометия только в одном значении, а глагольным формам свойственна многозначность, например, та же форма *трах* имеет значение ‘убить выстрелом’ , ср.

*Рулит, глядь, два сохатых у дороги. Он ружье из-под сиденья вытащил — **трах** одного. Вылез на обочину — **трах** другого. И поехал дальше. Туши на обратном пути заберу* (А. Терехов. Воскресенье).

Проверить правомерность предположения А. В. Исаченко можно, проведя эксперимент: попробовать помещать другие звукоподражательные междометия, которым соответствуют глагольные формы, в контекст, подобный предложенному А. В. Исаченко.

Такой эксперимент был проведен с междометием и соотносимой с ним по форме глагольной формой *шлёп.* У нее можно выделить 10 значений, упрощенно представленных виде ниже[3]:

Синопсис ШЛЁП:

1. Ударить ладонью по мягкому: ***шлёп** по заднице*; 2. Ударить ладонью по твердому: ***шлёп** ладошками по полу;* 3. Убить ударом или из оружия: ***шлёп-шлёп** мух хлопушкой;* ***шлёп** его из гранатомёта*; 4. Кинуть: ***шлёп** стерлядку за борт*; 5. Резким движением с размаху поместить «мягкое» на твердую по-

[3] Синопсис значений *шлёп* составлен на основе моей расширенной словарной статьи в ТСРР.

верхность: *он партбилет* ***шлёп*** *на стол*; 6. Движением сверху крепко прижав, поставить на мягкое: ***шлёп*** *банку на спину*; 7. Ходить по мокрому, жидкому или густому: ***шлёп-шлёп*** *по лужам*; 8. Чем-л. производить звук при ходьбе: ***шлёп-шлёп*** *шпорами*; 9. Упасть с высоты: *гадюка* ***шлёп*** *на тебя с дерева.*

Взрослым носителям русского языка было предложено оценить приемлемость 8 предложений, взятых из реальных текстов, каждое из которых было преобразовано по примеру преобразования, сделанного А. В. Исаченко:

1. *Шухов раствора бросает ровно столько, сколько под один шлакоблок. Хватает из кучки шлакоблок, и еще раствор мастерком разровняв —* ***шлёп****! Бросает туда шлакоблок!*
2. *Вызовут его на завод, он партбилетишко черный, затасканный, с отклеившейся карточкой —* ***шлёп****! Кидает на стол.*
3. *Если верить россказням-страшилкам, идешь по улице, а гадюка —* ***шлёп****! Падает на тебя с дерева!*
4. *Барсик, например, черный, грациозный. А она лапой его по морде —* ***шлёп****! Ударила и весь разговор.*
5. *Купила себе снаряд на ручке и —* ***шлёп***, ***шлёп****! Мух убивает одну за другой.*
6. *4 декабря, 6-30 утра. Как сейчас помню —* ***шлёп****!* ***шлёп****! Бродим по лужам.*
7. *Семь специалистов даже не подняли глаза на ребенка!* ***Шлёп****! Поставили печать «Здоров».*
8. *Увидел издали немца и из винтовки —* ***шлёп****! застрелил его.*

Участников эксперимента было 14. 6 из них были филологами и математиками; 8 — магистрантами-лингвистами. Предложения оценивались по шкале от 1 до 3, где 1 ставился, если предложение оценивалось как полностью приемлемое; 2 — как относительно приемлемое; 3 — как неприемлемое. Вот результаты:

	Приемлемо	**Относительно приемлемо**	**Неприемлемо**
Предложение			
1	7	4	3
2	4	8	2
3	5	8	1
4	8	4	2
5	7	4	3
6	9	4	1
7	12	2	—
8	5	6	4

По результатам понятно, что приемлемость всех предложений, кроме 7-го, вызывала сомнения. Как наиболее сомнительное было оценено второе предложение: *Вызовут его на завод, он партбилетишко черный, затасканный, с отклеившейся карточкой — шлёп! Кидает на стол.* Как самое приемлемое респонденты оценили предложение 7 — *Семь специалистов даже не подняли глаза на ребенка! Шлёп!*

Поставили печать «Здоров». Так как все эти предложения без добавленных в них глаголов, синонимичных глагольным формам, представляют собой цитаты из текстов и безусловно были бы оценены как абсолютно приемлемые, эксперимент позволяет прийти к выводу, что гипотеза Исаченко об использовании междометия в сочетании с полнозначным глаголом, предшествующим появлению глагольной формы**,** как минимум, сомнительна.

Этот вывод подтвердил и такой же эксперимент с междометием и глагольной формой *хлоп*.

С. О. Карцевский предположил, что все глагольные формы образованы от глаголов, производных от междометий [Карцевский 1984: 132–133]. Эту гипотезу просто проверить, сопоставив значения глагольной формы *шлёп* с значениями суффиксальных глаголов *шлёпнуть, шлёпать* и *шлёпнуться*:

значение	**шлёп**	**шлёпнуть**	**шлёпать**	**шлёпнуться**
ударить ладонью по мягкому	***шлёп*** *по заднице*	***шлёпнуть*** *по заду*		
ударить по твердому	***шлёп*** *ладошками по полу*	***шлёпнуть*** *кистью по фанере*		
убить ударом или расстрелять из оружия	***шлёп*** *муху хлопушкой;* ***шлёп*** *козла из гранатомета*	***шлёпнуть*** *фрица и герой*		
кинуть	***шлёп*** *стерлядку за борт*	***шлёпнуть*** *ложку капусты в тарелку*		
поместить резким движением мягкое на твердую поверхность	***шлёп*** *партбилет на стол*	***шлёпнуть*** *на стол раскрытую книгу*		
крепко прижав, поставить на мягкое	***шлёп*** *банку на спину*	***шлёпать*** *банки на спину*		
прижав к поверхности, оставить отпечаток	***шлёп*** *печать «здоров»*	***шлёпнуть*** *штамп в паспорт*		*штамп* ***шлёпнулся*** *в паспорт*
упасть с высоты (о мягком) на твёрдое	*гадюка* ***шлёп*** *на тебя с дерева*	*сниж. Яблоко* ***шлёпнуло*** *в канаву*		***шлёпнуться*** *в яму, на землю*
ходить	***Шлёп-шлёп*** *по лужам*		***шлёпать*** *по лужам*	
перен. выпить алкогольный напиток	***Шлёп*** *водки*	***шлёпнуть*** *рюмку /* ***шлёпнуть*** *водки*		
перен. Построить		*по всей России соборы строят, и у нас* ***шлёпнули***		
упав, удариться обо что-л.				***шлёпнуться*** *об землю* ***шлёпнуться*** *спиной*

значение	**шлёп**	**шлёпнуть**	**шлёпать**	**шлёпнуться**
(о мягком) прийти в контакт с чем-то твердым				*тряпка* ***шлёпнулась*** *о стекло*
сесть с размаху				***шлёпнуться*** *на стул*
перен., жарг. потерпеть неудачу, провалиться				*актер* ***шлёпнулся*** *по-крупному*
перен. Резко понизиться в цене				*евродоллар* ***шлёпнулся***

Из таблицы следует, что значения глагольной формы *шлёп* соответствуют значениям глагола *шлёпнуть*, кроме его переносного значения ‘построить’; значению глагола *шлёпать* и некоторым значениям глагола *шлёпнуться*, совпадающим со значениями глагола *шлёпнуть*. Таким образом, подтверждается точка зрения Карцевского на происхождение глагольных форм — их источник: суффиксальные глаголы, образованные от междометий.

Но при этом С. О. Карцевский считал, что глагольные формы — результат усечения. Усечения, как правило, произвольны, а в случае глагольных форм граница отсекаемой части проходит точно по морфемному шву, так что глагольная форма совпадает с междометием, ставшим словообразовательной основой глагола. Поэтому представляется, что имеет место обратное словообразование, которое, хотя и не всегда описывается в исследованиях способов словообразования в русском языке, реально имеет в нем место [Камчатнов 2022:106].

Рассмотрим теперь другой вопрос: от каких глаголов образуются глагольные формы, которые не соотносятся со звукоподражательными междометиями. Все глаголы, от которых образованы глагольные формы, относятся к классу глаголов действия. Это глаголы движения, в том числе:

— разнонаправленного движения по горизонтали: *шастать, шмыгать, шнырять*;
— мгновенного проникновения куда-л.: *юркнуть*;
— движения вверх: *прыгать, скакать*;

Глаголы физического воздействия, в том числе:

— глаголы удара: *фигакнуть*, *хватить* (по голове), *хренакнуть*, *херакнуть, шарахнуть, шваркнуть*.
Глаголы издавания звука: *шушукаться, ширкать* и его варианты *шоркать* и *шуркать*.
Глаголы присвоения: *схватить, цапнуть, цопнуть*.
Ментальный глагол: *хватиться*.

Несколько примеров:

...встретишь девушку, влюбишься, внутри загорится всё, планы начнёшь строить, мечтать, а потом ***фигак*** *— она робот* (В. Семёнов. Рассветы над Вавилоном)[4];

*В моем доме теперь слышатся ... звуки: «хрусь-хрусь-хрусь» кормом и «****шорк-шорк-шорк****» лапами по наполнителю. ... Порой в ночи я просыпаюсь от слаженного «****шорк-шорк-шорк****» во всех трех лотках* (ЖЖ, 2017);

Вот и жена бывшая, если что не по ней, ***юрк*** *в ванную голову мыть...* (Н. Стеркина. Репетитор);

Увел одну танцевать, потом захожу в туалет умыться — меня ***цоп*** *под ручки!* (Д. Каралис. Автопортрет)[5].

Вслед за А. М. Пешковским принято считать, что от этих глаголов образованы усеченные формы *шасть*, *шмыг*, *шнырь* и т. п. [Пешковский 1956: 198]. Между тем представляется, что так же, как в случае с глагольными формами, образованными от междометных глаголов, эти формы — результат обратного словообразования, способа словопроизводства, наряду с другими использующегося в русском языке [Камчатнов 2022]. Одно из доказательств того, что эти формы — результат обратного словообразования — то, что они наследуют все значения многозначного глагола.

Результатом обратного словообразования может быть омонимия, ср.:

От глагола *хватить* ‘ ударить’ с тем же значением, что производящий глагол, образована глагольная форма *хвать*[1]: *Вдруг муж вскакивает, хватает топорик для разделки мяса — и* ***хвать*** *жену в темя!* (М. Кантор. Честный англичанин).

От глагола присвоения *схватить* образована глагольная форма *хвать*[2]: *А скворец взлетел и к нему на шляпу сел. Прохожий —* ***хвать*** *его рукой и держит* (Е. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока).

А от ментального глагола *хватиться* ‘ вспомнив о чем-то нужном, обнаружить его отсутствие’ — междометие *хвать*[3]: *Пошел к столу, думал выпить молока, люблю можайское,* ***хвать****, а его нет, доктор спер* (А. С. Черняев. Дневник).

Последний вопрос: от каких междометий невозможно образовать междометие, сигнализирующее о резком изменении ситуации.

Междометия, выражающие удивление говорящего резким изменением ситуации, образованы двумя способами:

1. от первичных — непроизводных междометий, ср.: *Полетела шторка по сквозняку/* ***бабах*** *загорелась*// (Беседа об истории семьи, 2014); *Проснешься*

[4] Пример из словарной статьи Е. Н. Никишиной.

[5] Пример из словарной статьи Л. П. Крысина.

утречком — и ***опаньки****: / Погода, климат — мрак и шняга! / Нуждается Россия в допинге, / Тут без него не ступишь шага* (Д. Быков. Наша Маша)[6];

2. от вторичных междометий, образованных от глаголов, ср.: *Пошел к столу, думал выпить молока, люблю можайское,* ***хвать****, а его нет, доктор спер* (А. С. Черняев. Дневник); *Ах/ какой же ты этот/ как его/ начал с одного/ закончил/* ***глядь****/ уже совсем другим/ давай поговорим по телефону//* (Беседа Д. Диброва с И. Охлобыстиным в эфире телепередачи «Антропология», НТВ 1999).

Но на образование этой группы междометий есть ограничения. В их основе — междометия, воспроизводящие шум от падения или удара — *бах*, *бабах, бац, тарарах, шарах, шандарах* и другие. Но междометия, сигнализирующие о быстрой смене ситуации или выражающие удивление говорящего не образуются, если звук специфицирован, т. е. связан с ударом о твердую поверхность мягкого тела или, наоборот, ударом твердого о мягкую, жидкую или вязкую поверхность или массу. Иными словами, междометия *шлёп, шмяк, плюх* не могут использоваться для сигнализации о быстрой смене ситуации. Зато междометия, выражающие крайнюю степень удивления, образуются от глагольных форм удара и от «пустых» глагольных форм, которые не указывают ни на способ действия, ни на его направленность: *фигак* и *херак*.

Ограничения касаются и глагольных форм. Не могут быть основой для образования междометий этой группы глагольные формы, описывающие движение по горизонтали — *шмыг, шнырь* и мгновенное перемещение куда-л. (*юрк*); глагольные формы, описывающие способ действия — способ перемещения — *прыг, скок* или способ присвоения объекта: *цап, цоп* или способ воздействия *цап-царап*, *пырь*. Между тем, междометия этой группы возникают на основе глагольной формы *хвать* от ментального глагола *хватиться* и *глядь* от глагола зрения *глянуть*.

Литература

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть 1, 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.

Камчатнов А. М. Введение в изучение русского исторического словообразования. М.: Direct Media, 2022. 390 с.

Карцевский С. О. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. № 6. 1984. С. 127–137.

Кор-Шаин И. Плюх! — плюх — плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикативов в свете корпусных данных // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Slavica Helsingiensia Series. Вып. 34. Helsinki. 2008. С. 152–162.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 864 с.

[6] Пример из словарной статьи Н. Н. Розановой.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 824 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 680 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 5. М.: СПб.: Нестор-История, 2022. 760 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Том 1. 783 с.

Середа Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М. 1995. 300 с.

R. I. Rozina
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
rarozina@yandex.ru

CHAINED TO EACH OTHER: INTERJECTIONS AND VERBS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

The article is devoted to a part of speech, which has been under discussion in Russian studies for many years, as a result of which this part of speech still has no universally recognized name. The terms “predicate interjections”, “verbal interjections”, “morphological forms of the verb”, etc. are used for the words it includes. These terms bring together units of two different origins: those correlated with primary interjections, e.g. *бабах* (*...вдруг пришло ему в голову:* ***бабах*** *в милиционера!* [...suddenly it occurred to him: **babakh** at the policeman!]), and those related to verbs, e. g. *шастать — шасть* [*shastat — shast’*] (*...она приезжает,* ***шасть*** *под кровать* [...she has come, **shast’** under the bed]). A number of problems arise in connection with this part of speech: a) which groups of primary interjections can be sources of verb meanings; b) how verb meanings arise, under the influence of context (A. V. Isachenko’ s point of view) or as the result of the development of the chain “interjection — verb — verbal interjection” (S. O. Kartsevsky); c) which groups of verbs can be the basis for the emergence of interjections. The meanings of verbal interjections fully correspond to the meanings of the underlying verbs, which, as the author of the article argues, proves the validity of S. O. Kartsevsky’ s point of view. Verbal interjections, both correlated with primary sound-imitating interjections and formed from verbs, can in their turn motivate interjections signaling a rapid change of situations, e. g., *Полетела шторка по сквозняку/* ***бабах*** *загорелась*// [The curtain flew on the draught/ **babakh** it caught fire//]; *думал*

выпить молока, люблю можайское, ***хвать****, а его нет* [I wanted to drink milk, I like Mozhayskoye, **hvat'** there' s none].

Keywords: everyday speech, interjections, verbal interjections, polysemy, S. O. Karcevski, A. V. Isachenko, word formation

References

Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morphologiya. Chast' 1, 2.* [Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology. Part 1, 2]. Moscow: YaSK Publ, 2003. 880 p.

Kamchatnov A. M. *Vvedenie v izuchenie russkogo istoricheskogo slovoobrazovaniya* [Introduction to the study of Russian historical word-formation]. Moscow: Direct Media Publ., 2022. 390 p.

Kartsevskii S. O. [Introduction to the study of interjections]. *Voprosy yazykoznaniya.* 1984. No. 6, pp. 127–137. (In Russ.)

Kor-Shain I. [Splash! — splash — to splash. The evolution of narrative predicatives in the light of corpus data]. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody. Slavica Helsingiensia Series.* 2008, no. 11, pp. 152–162. (In Russ.)

Krysin L. P. (red.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 1.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 1]. Moscow: YaSK Publ., 2014. 776 p.

Krysin L. P. (red.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 2.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 2]. Moscow: YaSK Publ., 2017. 864 p.

Krysin L. P. (red.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 3.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 3]. Moscow: YaSK Publ., 2019. 824 p.

Krysin L. P. (red.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 4.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 4]. Moscow: YaSK Publ., 2021. 680 p.

Krysin L. P. (red.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi*. Vyp. 5. [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 5]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022. 760 p.

Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveschenii* [Russian syntax in the light of theoretical linguistics]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1956. 511 p.

Sereda E. V. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Mesto mezhdometii v sisteme chastei rechi* [Modern Russian language morphology. The place of interjections in the system of parts of speech]. Moscow, Flinta Publ. 1995. 184 p.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ, 1980. 783 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.27

О. И. Северская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oseverskaya@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6277-9756

«*СЮДА Я БОЛЬШЕ... НЕ ЕДОК*?» (ОБ ЭКСПАНСИИ ИМПЕРАТИВА *ЕДЬ!* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)

Статья посвящена проблеме спонтанного восполнения дефектных парадигм глагола с использованием словоформ, отвергаемых литературной нормой. Рассматривается характерная для 2000-х годов экспансия форм повелительного наклонения *едь*, *едьте* и соответствующих форм приставочных глаголов *поехать, приехать, заехать* и др., а также анализируются причины подобной экспансии. Исследование, проведенное на материале Национального корпуса русского языка методами корпусного, контекстного, семантического, грамматического и синхронно-диахронического сравнительного анализа, доказывает регулярность использования форм *едь*, *едьте* не столько в функции речевой характеризации, сколько в разговорной и письменной речи образованных людей, в нейтральных контекстах и в различных функциональных сферах языка. Преимуществом выбора этих форм является возможность их использования при отрицании и в грамматических конструкциях с глагольным императивом в непрямых значениях, где семантически невозможно использование нормативных вариантов.

Причины быстрого распространения в речи вариантов *едь*, *едьте* объясняются наличием их протоформ в древнерусском языке, что позволяет говорить о спонтанной рекурсии нормы, возможным влиянием украинизмов вследствие развития миграционных процессов и культурного обмена в конце XX в., а также воздействием интернет-коммуникации, социальных сетей и массмедиа, превращающих рассматриваемые словоформы в факт речевой поп-культуры.

Ключевые слова: дефектная глагольная парадигма, повелительное наклонение, формы императива *едь*, *едьте*, спонтанная рекурсия нормы, смена стилистической окраски, разговорная речь

Перефразированная цитата из «Горя от ума» Грибоедова появилась в заглавии статьи не случайно. В то время как грамматики, словари и справочники продолжают настаивать на дефектности парадигмы глагола *ехать,* у которого нет собственных

форм повелительного наклонения [Еськова 2014: 19; Жеребило 2010], в разговорной речи наблюдается экспансия форм *едь, едьте* (то же касается и производных от *ехать* приставочных глаголов). Современный Чацкий, похоже, мог бы воскликнуть: «Сюда я больше не *едок!*» Попробуем обрисовать реальность словоупотребления и объяснить причины столь бурного восполнения дефектов парадигмы наклонения с заменой предписанных литературной нормой вариантов.

Дефектные парадигмы и заместительные формы

Ю. Д. Апресян, обращая внимание на дефектные парадигмы [Апресян 1995: 111–113], подчеркивает необходимость той или иной компенсации дефектности на уровне семантики [Там же: 324]. Близкую мысль высказывает и Е. В. Падучева: поскольку «языковое поведение слова (сочетаемость, неполнота грамматических парадигм и проч.) в существенной степени предопределено его значением» [Падучева 2004: 13], в случае дефектности, по ее мнению, «имеет смысл говорить также о семантической парадигме слова — как о деривационной структуре» [Там же: 149]. Разделяя неполные парадигмы на достаточные и недостаточные, Г. И. Панова так определяет последнюю: недостаточной (дефектной) парадигмой называется «система морфологических форм (словоформ) данного слова, не имеющая какой-либо морфологической формы (словоформы) данной части речи из-за традиционного запрета на ее образование; при этом данная форма необходима для полной реализации функциональных возможностей лексемы» [Панова 2023: 40–41]; семантическая деривация в этом случае допускает формообразование с использованием «некоррелятивных словоформ» [Там же: 47].

Именно это происходит с парадигмой глагола *ехать*, представляющего собой, по определению Н. А. Еськовой, «особый случай»: «Этот глагол, образующий инфинитив и настоящее время от разных основ (*ехать — еду*), не имеет в литературном языке формы повелительного наклонения ни от одной из них (встречающиеся в речи формы *ехай* и *едь* ненормативны). Глагол *ехать* и все приставочные заимствуют повелительное наклонение у глаголов на *-езжать*: форма *приезжай*, например, обслуживает не только *приезжать* («*приезжай ко мне каждое воскресенье*»), но и *приехать* («*приезжай немедленно!*»), при этом глаголы *ехать* и *поехать* имеют форму *поезжай* (как бы от несуществующего глагола **поезжать*). С отрицанием *не* форма *поезжай* обычно не сочетается: вместо **не поезжай* говорят *не езди*» [Еськова 2014: 504].

Соглашаясь с ненормативностью глагола *поезжать*, отметим тем не менее его присутствие в современном речевом обиходе *Там все знают — Белые Курочки. — Куда* ***поезжать****-то? — А вот так и* ***поезжайте****, вот по этой улице* [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]; *Клюшину командировали в столицу к председателю Мосгорисполкома Промыслову. Тот сказал, что Москва помочь не в силах. И посоветовал* ***поезжать*** *на завод-изготовитель. И Клюшина рванула в город Гусев, что в Калининградской области* [Вержба М. Как ваяли «Родину-мать» // Труд-7, 13.10.2007]; *Захарченко несколько раз менял свои планы, сам находился за рулем автомобиля и не извещал никого, в том числе телохранителей,*

*о точном маршруте своих передвижений — он просто просил «**поезжать** за ним»* [Появились новые подробности убийства Захарченко // lenta.ru, 29.08.2019][1].

У производных от *ехать* приставочных глаголов есть и другие «особенности». Например, глагол *проехать* имеет форму повелительного наклонения *проезжай* лишь в утвердительных конструкциях и в норме не употребляется с отрицанием (невозможно *не *проезжай свою остановку*!), не имея и других заместительных форм. А в узусе между тем императив с отрицанием в ненормативной форме встречается: *Кто-то мне говорит: — Смотри **не проедь** свою остановку. Я говорю: — Спасибо*... (Ю. Петкевич. Бессонница. 2003); *Смотри на красный Сережа **не проедь**. Нам не хватало, чтобы от гаишников на штраф нарваться. Сейчас всё под видеонаблюдением* (Н. Нефедоров. Однажды летом или сухарики. 2010).

Заметим также, что глаголу *ехать* нормативисты не разрешают иметь и закономерно образуемую форму императива *езжай*: ***Как правильно: «едь», или «ехай», или «езжай»? Никак!*** *Повелительная форма от глаголов «поехать» и «ехать» будет только «ПОезжай» или «ЗАезжай», «ПРИезжай» и т. п.* ***Употребление слова «езжай» без приставки считается допустимым, но нежелательным в разговорной речи*** (Пишем правильно // «Вечерний Оренбург», 2013). Той же позиции придерживаются и специалисты справочной службы «Грамота.ру» (ответ на вопрос № 241644): «Как правильно говорить ЕДЬ или ЕЗЖАЙ? — Правильно только: поезжай».

Некоторые филологи оспаривают норму, например: «А вот как будет выглядеть повелительное наклонение глагола “ехать”? Езжай, ехай, едь? <...> Я, вообще-то, всегда говорила “езжай”. Но в одной умной книге сказано, что если мы говорим о глаголах “ехать” и “поехать”, то их повелительной формой будут “поезжай”, “заезжай” и “приезжай”. <...> Но ведь “поехать” и “ехать” — два разных слова?! А если рассуждать логически? Охать — охай, чихать — чихай, нюхать — нюхать. Почему бы не говорить по аналогии: ехать — ехай?» [Фомина 2022: 78].

«Дефект» парадигмы в данном случае — один из самых частых: по исследованиям Т. С. Чабаненко, форма повелительного наклонения отсутствует у 32% глаголов, а еще у 14% она есть, но употребляется только с отрицанием [Чабаненко 2012: 71]. А поскольку необходимость в выражении смысла побуждения адресата к действию есть, носители языка восполняют лакуны в спонтанной речи, используя «ошибочные» с точки зрения системоцентрического подхода к определению парадигм формы.

М. В. Русакова и С. С. Сай в своем исследовании таких форм в спонтанной речи утверждают: «основной ситуацией, в которой возникают ошибки в образовании словоформ, является ситуация, когда необходимая словоформа не извлекается в готовом виде из лексикона, а конструируется в процессе речи, “он-лайн”», при этом основой формирования индивидуальной парадигмы становится «словоформа, которая окказионально выступает в роли базовой» [Русакова, Сай 2008: 206].

[1] Здесь и далее примеры приводятся в соответствии с Национальным корпусом русского языка [НКРЯ] и с сохранением орфографии и пунктуации источника цитирования.

Базовой же они считают словоформу наиболее частотную и первую в онтогенезе [Там же], отмечая наибольшую продуктивность форм инфинитива и 1-го / 3-го лица единственного числа. Именно от таких форм образованы ненормативные варианты императива глагола *ехать — ехай* (от инфинитива) и *едь* (от *еду*, *едет*). Раз употребленные в диалоге, они начинают воспроизводиться и становятся регулярными, встраиваясь в парадигму мотивирующего глагола.

И в данном случае срабатывает потенциал системы. Рассуждая с позиций «грамматической лексикологии», Э. А. Балалыкина называет группы глаголов, которым лексическое значение «запрещает» иметь формы повелительного наклонения (глаголы, называющие признаки неодушевленных предметов, действия, которые не могут совершаться по воле субъекта, действия, субъектом которых не может быть лицо [Балалыкина 2006: 74]), — ни к одной из этих групп глагол *ехать* не принадлежит, и формы *езжай, ехай* и *едь* нельзя назвать «тупиковыми».

Езжай, *ехай* или *едь*? Результаты корпусного исследования

Проведенное на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) исследование показывает, что формы императива *ехай* и *едь* достаточно распространены, хотя и значительно пока уступают нормативной форме *поезжай* и разговорной *езжай* (Табл. 1):

Табл. 1. Распределение употреблений форм повелительного наклонения глагола *ехать* по корпусам

Глагольная форма	Основной корпус	Центральные СМИ	Региональные СМИ	Социальные сети	Устный корпус	Мультимедийный корпус
поезжай	2161	225	11	158	150	117
езжай	652	385	22	363	46	67
ехай	99	15	—	100	4	15
едь	26	25	6	157	10	4

В совокупности в НКРЯ обнаружено 228 примеров употребления *едь*, 233 *ехай,* цифры эти почти равнозначны, однако у *едь* есть одно неоспоримое преимущество перед *ехай*.

Форма *ехай* осознается как просторечная, несмотря на отдельные примеры ее нейтрального использования в СМИ в речи журналистов: *Загородные трассы вообще поражают своей тишиной и свободными от машин асфальтовыми пространствами.* ***Ехай*** *— не хочу!* (В. Викторов. Держитесь, славяне! // Труд-7, 12.01.2007), и на интернет-форумах: ***Ехай*** *в свой Лондон. будешь там таксистом работать как бэ ло эмигранты в Париже* (Наш космос 2. 2018–2021); ***ехай*** *да* ***ехай***, *без кондюка когда то на десятке катался там, а сейчас с кондюком. так вообще сложности не вижу* (Нужна помощь! 2022). В выявленных контекстах форма императива *ехай* преимущественно встречается в художественной литературе

в характеризующей функции — в речи малообразованных персонажей и, как правило, в сочетании с другой просторечной лексикой: *«**Ехай** скорее, — писал Шариков, — на нефтяных приисках делов много, а мозговитых людей мало»* (А. Платонов. Сокровенный человек. 1928); *Цельный день собирались. Теперь вот ночью **ехай**. А по такой дороге и в день — не сахар* (Н. Дубов. Мальчик у моря. 1966); *— Еду в город заниматься эки... ров... экипировкой. Оденусь. — Люба спокойно, чуть усмешливо, но с едва уловимой грустью смотрела на него. Молчала, как будто понимала нечто большее, чем то, что ей сказал Егор. — **Ехай**, — сказала она тихо* (В. Шукшин. Калина красная. 1973), ср. с газетной публикацией, в которой журналист явно дистанцируется от своих героев: *Я научилась в магазине просить не «сахар», а «песок». И поняла смысл глагола «**ехай**». Я живу в шумном, то ли европейском, то ли азиатском, похожем на лоскутное одеяло городе* (Люди второго сорта // Коммерсант, 31.03.2001).

Достаточно много контекстов, в которых эта форма получает отрицательную оценку, имплицитную: *Очень часто, даже от культурных людей слышу вдруг «**ехай**...»* (В. Недошивин: «Чтение стихов, на мой взгляд, — дело интимное» // Известия, 03.11.2002), или эксплицитную — в литературе: *[Она] Откуда у тебя эти «**ихний**», «**ехай**»? [Он] Темные мы, **неграмотные**...* (М. Рощин. Валентин и Валентина. 1970); в СМИ: *Страна говорит на чудовищной смеси мата, блатного жаргона, не к месту заимствованных иностранных слов и просторечных выражений. «**Ехай** сегодня вечером на тусу. Будем колбаситься!»* (Ликбез-2003 // Известия, 08.09.2003); в соцсетях: *Все знают, что «**ехай**» — это страшная безграмотность* [vk (04.12.2015)]. Есть и примеры замены говорящим просторечной формы на разговорную: [Валентин] ***Ехай** себе... то есть **езжай** себе спокойно...* (М. Рощин. Валентин и Валентина. 1970).

В корпусе Социальные сети встретились показательные дискуссии о стилистическом статусе ненормативных форм императива глагола *ехать*: *«**Ехай**» — это просторечие, а формы «**едь**» вообще нет в словарях* (vk (04.12.2015)); *На самом деле форма «**ехай**» даже менее страшна, чем «**едь**»* (vk (04.12.2015)). Почему форма *едь* «страшнее»? Можно предположить, что причина такой ее оценки — в неочевидности образования: не от «базового» инфинитива (по регулярной модели), а от форм настоящего времени (по модели, регулярностью не отличающейся).

Между тем, форму *едь* нельзя назвать продуктом новейшего времени. Поиск в Основном корпусе дает примеры из литературы XIX в. (где, впрочем, имеет место стилизация, но утверждать, что имитируется просторечие, нельзя): *— Здесь ли, — спрашивает Царь-Царевич, — Владимир Князь, с своими могучими богатырями?.. — Нет здесь Владимира Князя, — говорят ему хмельные люди, — **едь** к нему в Новгород или садись вкруговую, добрый молодец! у нас здесь не ратуют, а песни поют полюбовные!.. выбирай по сердцу девицу!* (А. Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира. 1837); и эпистолярного наследия того же времени: *А для тебя ружье готово, а дичи полное болото! **Едь**! Я ничего не смыслю в ружьях, но биография «твоего» такова: «Берданка, 500 шагов пуля, 350 дробь, в 1 1/2 аршина»* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову.

1881). В Поэтическом корпусе *едь* встречается в классике советской литературы, при этом — в сочетании с производящей, «базовой» формой, в речи от первого лица: *Куда хочешь, туда и* ***едь****, / то есть, в общем,* ***ехать*** *некуда. / Размышлять в то же время некогда / и не будет времени впредь. / Куда хочешь, а я не ведаю. / Я не знаю, куда хочу. / Все же шпорю коня. Все же* ***еду*** *я / и в какую-то пропасть лечу* (Б. Слуцкий. Психология перекрестка. 1970–1975).

Примеры употребления формы *едь* в XX в. единичны, что можно объяснить хорошей работой корректоров, приводивших письменные тексты к литературной норме. Рост ее использования начинается в постперестроечный период, на рубеже XX–XXI вв.

Примеры есть в художественной литературе, в произведениях известных авторов, использующих эту форму императива как разговорную в нейтральных контекстах: *Была б сейчас налегке —* ***едь****, куда хочешь* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы. 1980–2006); ***Едь*** *куда хочешь — хоть и в Белозерск* (Е. Водолазкин. Лавр. 2012); в некоторых случаях (впрочем, единичных) можно заподозрить речевую характеризацию персонажа: *Еду. — А-а, ну* ***едь-едь****. Вчера один тоже так ехал* (А. Геласимов. Разгуляевка. 2008).

В СМИ *едь* используется преимущественно при передаче прямой речи героев публикации: *Как выяснилось, эта поездка для подростка — далеко не первая. Он увлекается так называемым «зацепингом» — рисковыми путешествиями на подножках, поручных и крышах всевозможных поездов. «Он собрался ехать. Я ему говорил: без страховки* ***не едь****», — рассказывает товарищ юного экстремала. Сергей Ступко к совету своего приятеля не прислушался* (Крыша поехала: от смерти зацепера спасло только чудо // Vesti.ru, 02.04.2012); *— Садись, красавица, за 150 рублей подброшу! — подмигивает таксист. — За сколько?! — А чего хотела? — из вежливого водитель резко превратился в хамло. — Мы тут одни — монополисты. Хочешь дешевле —* ***едь*** *на автобусе. Собственно говоря, так я и поступила* (А. Зайцева. Лузский ЛПК остановился в 2008 году, а горожане до сих пор не пришли в себя // «Комсомольская правда», 21.02.2011); или косвенной речи: Мать сунула ей десятку — ***едь*** куда хочешь! (А. Москов. В Красноярске шестилетняя девочка ушла от мамы в знак протеста // Комсомольская правда, 15.02.2011) (впрочем, в последнем примере косвенную речь персонажа трудно однозначно отделить от речи журналиста). Встречается в СМИ форма *едь* и в нейтральных контекстах, в авторской речи очеркиста*: **Едь** себе и **едь** на север, это летом дорог нет, а пока за Енисейском открыт зимник* (А. Тарасов. Голдобины // НГ, 28.03.2016).

Множество случаев употребления спорной формы зарегистрировано в корпусе Социальные сети: *Жутко страшно и боязно... но таковы для нас поставлены условия в нашем регионе... либо* ***едь****, либо гибни...* [Чем вам нравится и не нравится Воронеж? (2022)]; *Это в совке людей не выпускали никуда насильно, а нынче* ***едь*** *куда хочешь* (Крым — обсуждение. 2017–2021); ***Едь*** *с такой скоростью, чтобы ты видела все знаки, светофоры и пешеходов, позволяя себя обгонять* (Автокурсы! Куда пойти учиться? 2004–2021); Хочешь *на своем моноколесе кататься 50–80 —* ***едь*** *по дороге* (Rozetked telegram. 22.01.2021), при этом авторов

публикаций нельзя назвать носителями просторечия: в большинстве своем это образованные люди.

В НКРЯ зарегистрирован и зафиксированный СМИ пример появления спорного императива в городской среде (где обычно тексты утверждаются авторитетными комиссиями): *Троллейбус украсили словами: «**Не едь** за мной, я тоже заблудился»* (М. Горячева. Какая жизнь — такая и машина // Труд-7, 01.07.2002).

Возможно, потому что часто *едь* употребляется в свойственном 2-му лицу обобщенно личном значении, форма множественного числа *едьте* сильно проигрывает форме единственного в частотности. Но примеры ее употребления есть, этот императив в 2000-х годах используется в художественной литературе — как речевая характеристика персонажа, при наличии в контексте других вульгаризмов и диалектизмов: *Таксист опять хмыкнул. «Ага, из Вашингтона, — буркнул он. — Отса-сити, штат Небраска». — «Вы, мужчина, не встревайте, — сказала вдруг светленькая довольно взвинченно. — **Едете** себе, ну и **едьте**». — «Ему тоже хочется, — заметила темненькая и рассмеялась. — Вот и чипляется». У нее оказался низкий влажный голос. Она вздохнула и жестом примерной ученицы сложила руки на коленках — справа и слева от бутылки шампанского, промявшей короткую юбку* (А. Волос. Недвижимость. 2000); в СМИ — в авторской речи: *<...> если вдруг решите когда-нибудь побывать в Испании, ни в коем случае **не едьте** в Барселону*. (Крымский урок для Мариано Рахоя // Парламентская газета, 2017.09.30); в большом количестве — в интернет-коммуникации: *Если вы — тот самый мужчина, у которого портится настроение без традиционного утреннего сна, то наш вам совет: садитесь на поезд в обратном направлении, **едьте** до новой конечной станции и начинайте спать оттуда* (vk (14.03.2015); *Если кому надо, **едьте** в мск*) (telegram Rozetked Discuss. 06.08.2021); *По крайней мере, сотрудники других Россельхознадзоров говорят, мол, если у Вас написано ехать туда-то — значит, **едьте** туда, а не к нам* (telegram Cyprus Animals. 19.09.2022*); Не тяните, **едьте** в РД, в котором рожали, они за вас в ответе даже после выписки, зачем вам нужны осложнения?* (Форум воронежских родителей. 2020) и др.

Форму *едьте* можно окказионально оценивать и как «простонародную» и «деревенскую» — в контекстах, подобных тому, что встретился в Диалектном корпусе НКРЯ: *Мы <...> сказали ему, этому деду: «Мы не можем ничего сделать, у нас ничего нет, а **едьте** в город, найдёте врача, и чтобы была сыворотка»* (Отправление на финскую войну; Малая Локня, Суджановский район, Курская область, 1997).

Встретился и случай употребления *едьте* как отрицательного примера — в контексте, где форма явно отнесена к просторечию, а также есть указание на причины ее распространения (к которым мы вернемся позже): (*Мария Морозова (nick)) Вспоминается сцена: «Не ложьте зеркало в парту, а они ложат!» Сейчас, к сожалению, эти всевозможные «ложьте» и «**едьте — заедьте**» звучат повсеместно, **даже в хороших фильмах, на разных телеканалах, из уст очень даже приличных актеров и других деятелей*** (Форум: Обсуждение фильма «Доживем до понедельника» (1968). 2007–2010).

Что касается производных глаголов *выехать, въехать, заехать, отъехать, поехать, подъехать, приехать*, *проехать,* то «неправильные» формы императива в НКРЯ у них также отмечаются, хотя они и более редки (Табл. 2).

Табл. 2. Распределение форм приставочных глаголов, производных от *ехать,* по корпусам

Глагольная форма	Основной корпус	Газетный корпус	Устный корпус	Мультимедийный корпус	Социальные сети	Всего
выедь	—	—	1	—	2	3
въедь	1	2	—	—	—	3
заедь	—	3	1	—	17	21
отъедь	5	3	—	1	1	10
поедь	7	2	—	—	5	14
подъедь	1	6	—	—	4	11
приедь	11	12	1	—	30	54
проедь	4	1	3	—	9	17

Как можно заметить, больше всего встретилось форм, образованных от глаголов с высокой (*приехать* — imp. 310,176) и средней (*проехать* — imp. 28.642; *заехать* — imp. 25.0047) частотностью.

Что касается конкретных употреблений, то обращает на себя внимание то, что в них реализуются как прямые, так и переносные значения глагольных форм. В частности, глагол *заехать* представлен императивом *заедь* в прямом значении ‘приехать ненадолго, побывать где-л. по пути, мимоходом, с какой-л. целью’[2]: ***Заедь*** *в сервис эта регулировка стоит не больше 200 р и делов то на 5 мин* (Помощь нужна! 2022), и в переносном *разг.* ‘ударить’: *Ты прикидывайся знаешь перед кем? — Перед кем? — У-у, еще и смеешься. Так бы и* ***заехала****. —* ***Заедь****. — Ладно уж. Нарвешься — пусть другая* ***заедет****...* (В. Лихоносов. Что-то будет. 1965); или же глагол *въехать* в формах императива употребляется как в прямом значении ‘едучи, попасть в пределы, внутрь чего-л.’: *Возьмите билет и после поднятия стрелы шлагбаума* ***въедьте*** *на привокзальную территорию* (Парковка аэропорта Ижевск. 2024), так и в переносном *разг.-сниж.* ‘начать понимать, осознавать’: Вот и ***въедь*** теперь — кто это был и за каким шел (А. Ю. Фёдорова. Жутота и смехота села Тинзина // «Волга», 2000).

А также значительная часть примеров отражает непрямые употребления повелительного наклонения — чаще всего, условное (по классификации Русской корпусной грамматики [Императив]): ***Отъедь*** *от Москвы — и что?.. Бамбуза!* (С. Шаргунов. POSHLOST (2011) // «Московский Комсомолец»), ср. с прямым употреблением: *Не видно. —* ***Отъедь*** *назад на полметра. — Луноход назад не ездит, — сказал я* (В. Пелевин. Омон Ра. 1992); *Вы хорошо приехали, — сказала*

[2] Значения в статье приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов].

мачеха, — у нас все лето дачники жили, ***приедь*** *вы раньше на два дня — ни топчана, ни подушки бы не было, пришлось бы вам на рядне в сарае с нами спать* (В. Ф. Панова. Сестры. 1965), ср. с прямым употреблением: *Ты уж, батюшко,* ***приедь*** *похоронить-то меня...* (В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991). Встречаются и драматический (повествовательный), и условно-уступительный императив, к чему мы еще вернемся.

Отметим также, что встречаются ненормативные формы императива даже в речи тех, кто руководит образованием: *Главное — организовать обучение, у нас же не бурса, мы не обязаны требовать «с утра приедь, пожалуйста, и дежурь, и организуй это все с кафедры»* (В Минобрнауки разрешили преподавателям вузов проводить занятия онлайн // РИА Новости, 18.03.2020), — это позволяет поставить вопрос об изменении их стилистического статуса, повышении его с просторечного до разговорно-нейтрального.

Причины экспансии формы императива *едь*: лингвистические и экстралингвистические

Форма императива *едь,* как показывает статистический сервис НКРЯ, существовала в русском языке на протяжении веков постоянно, обладая наибольшей частотой отраженных на графике (Рис. 1) употреблений в первой трети XIX в. (imp. 2,52067), теряя ее, начиная с 1840-х, сохраняясь почти на нуле (с кратковременными всплесками) до 1940-х, после чего отмечаются два пика активного употребления: в 1945–1965 гг. и начиная с 2000-го, с максимумом, достигнутом в 2012 г. (imp. 0,89918), и с четко обозначившейся тенденцией к дальнейшему росту.

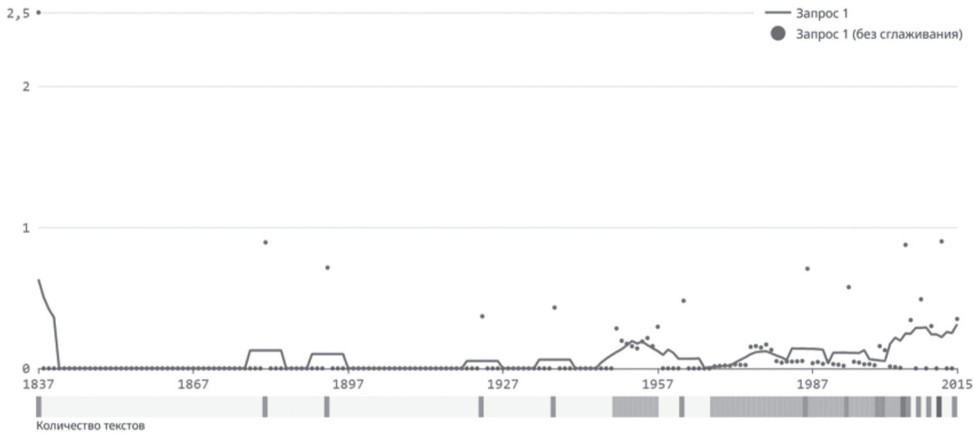


Рис. 1. Распределение результатов поиска словоформы *едь* по датам (с детализацией с 1837 по 2015)

Среди лингвистических причин распространения можно выделить системно-синхронные и диахронические.

Как представляется, на распространение форм императива *едь, едьте* влияет аналогия со словоизменением приставочных глаголов, образованных от *ехать*, в конструкциях, где употребление нормативных форм невозможно.

Речь не только о конструкциях с отрицанием, в которых императив имеет значение долженствования при однократном действии: *Смотри,* ***не проедь*** *свою остановку*, при невозможности использования формы глагола несовершенного вида: **Смотри, не проезжай свою остановку*, ср. с примером использования нормативной императивной формы глагола при обозначении им длительного, повторяющегося действия: *Можешь кататься в метро хоть весь день, только* ***не проезжай*** *свою остановку*. В формообразование в данном случае вмешивается видовая семантика глагола: *проехать* (сов. вид) — *проезжать* (несов. вид), дефект парадигмы устраняется с учетом этого различия. То же справедливо и для видовой пары глаголов *въехать — въезжать*. Фраза *Будь осторожен на дороге. Смотри,* ***не въедь*** *в яму* точно отражает смысл однократности возможного действия, тогда как императив от совершенного глагола возможен лишь при повторяемости нежелательных действий: *Будь осторожен на дороге. Смотри,* ***не въезжай*** *в ямы*.

Семантическими причинами обусловлено и восполнение парадигмы глагола *ехать*. Допустимо разговорная форма императива *езжай* произведена от глагола *ездить,* который, как и *ехать*, имеет несовершенный вид. Однако между ними есть тонкое семантическое различие, на которое обращает внимание А. В. Абдуллаев: *ехать* — глагол однонаправленный (обозначает движение к определенной цели), *ездить* — разнонаправленный (обозначает движение в разных направлениях) (Абдуллаев 2020: 97), технически их можно считать «определенным» и «неопределенным» [Там же]. Так вот именно определенность в значении глагола *ехать*, как представляется, и определяет выбор означающей однократность и однонаправленность действия формы императива *едь.* В случае приставочных глаголов подобная форма также превращается в своего рода категорический императив: *Затем смена кадра, женщина говорит по телефону, по-русски произносится только одна фраза: «Сюда, к «Европейскому»,* ***подъедь*** *быстренько...»* (Рамзан Кадыров: Жена чиновника или политика — это его вторая половинка. И он должен за нее отвечать // Комсомольская правда, 07.05.2012); *Мурашин, я никогда не просила тебя ни о чем, скажи? Никогда, но сейчас...* ***приедь****, Мурашин, а? Иначе я сдохну* (А. Самарка. Стрекоза и муравей // «Октябрь», 2013) и под. (ср.: *быстро подъезжай* / *приезжай* — противоречия нет, однако нет и категоричности просьбы, скорость желаемого приезда тоже ниже).

Конструкция «возьми (да) и... + V imp» со значением драматического императива не допускает выбора нормативных вариантов *въезжай, заезжай, поезжай, приезжай, проезжай*, тогда как формы на *-едь* здесь органичны: *Машину подарили, а он возьми и не* ***приедь*** (Ф. Искандер. Сандро из Чегема. 1989), ср.: * *Машину подарили, а он возьми и не* ***приезжай.***

Органичнее выглядят такие формы и в конструкциях с условно-уступительным: *Часто задавал себе вопрос: не встреть случайно Федорова на конке,* ***не поедь***

к нему в гости, не злоупотребляй он своими коварными насмешками надо мной при интересных барышнях — стал бы я затрачивать столько энергии и сил, чтобы попасть в Императорское Техническое училище? (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 1930–1935); ***приедь*** *«неотложка» в село Новоживотинное с опозданием, последствия для здоровья пожилой женщины были бы печальнее* (Петропавловский В. «Неотложка» по срочному тарифу // Труд-7, 01.08.2002), или условным императивом: ***Подъедь*** *милиция, что нас бережет, — он, народ, распоряжение под нос: вот что тут написано!* (Агишева Г. Тишины, Юрий Михайлович! // Труд-7, 22.08.2007).

Легкость встраивания в систему и органичность «ненормативных» форм объясняется диахронически. Панхронический корпус НКРЯ показывает регулярность форм, предшествующих современному *едь,* начиная с древнейших времен: *Изѧслав <...>· рекъ брате* ***ѣди*** *к митрополиту и съзови Кыѧнꙑ всѣ* (Суздальская летопись. 1111–1305); *ѿ҆ѣ҆де* ***єди*** *въ києвъ коли тобѣ годно* (Киевская летопись. 1119–1199); ***ѣдь*** *к ростиславичемь рци же имъ. не ходите в моєꙑѧ воли* (Киевская летопись. 1119–1199); ***ѣдь*** *молви горожаномъ...* (Волынская летопись. 1262–1292); *Сыну, егда на рать съ княземъ едеши, то съ храбрыми напред* ***еди****, да и роду своему честь наедеши и себѣ добро имя*)Наставление отца к сыну; вторая половина XIV в. — первая половина XV в.); *Нынѣ же* ***ѣди*** *с Богомъ, а злата елико хощеши от казны моея емли с собою!* (Повесть о семи мудрецах; начало XVII в.) и т. д. Первые примеры с нормативным *поезжай* датируются второй половиной XVIII в.: *Бывало я хочу ехать, да повидаться с тем, кто мне надобен, а он свое несет,* ***поезжай*** *с ним туды, где не только молодую бабу, и старика разумного одурь возьмет* (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой. 1750); ***Поезжай*** *вперед и не давай себя объехать...* (М. П. Загряжский. Записки. 1770–1811).

Кроме того, в некоторых примерах спорное *едь* появляется в ряду украинизмов: *Уж занадто выряжают хаплыво... и особенно торопит, видимо, этот присланный нибыто от пана войта атаман, уже что-то очень торопит... И знаешь, ни его самого, ни его вершныков я никогда и в глаза не видела, это не наша, не мийская стража, и богом клянусь, что все они розбышаками дывляться. — Ой няню, я не поеду с ними! — перепугалась Галина. — И то правда, лучше и не* ***едь****... разве вот... чтобы тебя сейчас домой отвезли, а дома я сама выберу надежных людей... — Так, додому скорее!.. Я пойду к матери игуменье. — Пойди, пойди...* (М. П. Старицкий. Первые коршуны. 1893). Показателен и пример, в котором воспроизводится «одесский русский»: ***Поедь*** *уже, как все нормальные люди, которые не могут нормально наловить, в рыбхоз и купи там слева щуку и толстолобика* (Т. Соломатина. Мой одесский язык. 2011).

Возможно, одной из причин экспансии формы императива *едь* в 2000-х годах стало как раз влияние украинского языка: автоматический перевод русским формам *езжай, езжайте* / *поезжай, поезжайте* сопоставляет один вариант — *їдь, їдьте*; формам *заезжай*, *заезжайте — заїдь, заїдьте*, а форме *приезжай — приїдь* и *приїжджай*. Влиянию могли способствовать как миграционные процессы, так и трансляция до 2022 г. некоторыми российскими телеканалами («Домашний»,

«Пятница» и др.) развлекательных программ, фильмов и сериалов, произведенных украинскими телекомпаниями и снятых на русском языке с чертами регионолекта.

Вместе с тем, и собственно российское кино не чуждо этой формы: в Мультимедийном корпусе НКРЯ есть примеры употребления *едь* в фильмах «Восхождение» (1976), «Белые росы» (1983), «Дом под звездным небом» (1991), «Путешествие с домашними животными» (2007). Достаточно посмотреть, например, 10 сезон сериала «Склифосовский», идущий по каналу Россия-1 (а его аудитория — это 99% населения Российской Федерации), чтобы обнаружить в речи героев все варианты: *ну* ***едь****,* ***поедь*** *туда,* ***заедь*** *в аптеку,* ***приедь*** *уже наконец...* И, безусловно, это способствует их «легализации» в разговорной речи, если не «навязыванию» аудитории новой нормы.

Заключение

Проведенное корпусное исследование доказало наличие и распространенность формы императива *едь*, не входящей в число допускаемых литературной нормой, но эффективно восполняющей в реальной речевой практике дефект парадигмы глагола *ехать* в компоненте наклонения. Как можно было заметить, эта форма присутствует в разных функциональных областях — художественной литературе и публицистике, СМИ, в интернет-публикациях официальных сайтов компаний, на интернет-форумах и в социальных сетях, при этом используется не как средство речевой характеризации, а в стилистически нейтральных контекстах, и, в отличие от формы *ехай*, не воспринимается как просторечная. В перспективе видится возможность обретения формой *едь* допустимо разговорного статуса.

«Легализация» пока еще ненормативного словоупотребления желательна, поскольку формы *едь*, *едьте* (а также соответствующие формы приставочных глаголов того же корня) в некоторых случаях оказываются единственно возможными: при обозначении однократного законченного (или однократного однонаправленного) действия и в грамматических конструкциях типа «*возьми (да) и...* + V imp» со значением драматического императива, «*не* + V imp» со значением долженствования при однократном действии и при использовании этих форм в значении каузации возможных последствий того, о чем идет речь, т. е. как императива условия.

Кроме того, наличие форм ***ѣди / ѣдь*** в древнейших памятниках русской письменности и сохранение их вплоть до XVII в. позволяет увидеть в современных *едь, едьте* и их производных рефлекс исторической грамматической системы русского языка, что включает их в ряд других уже описанных [Северская 2017; 2019] спонтанных возвратов к языковому прошлому на рубеже XX–XXI вв. Относящиеся к XIX в. примеры использования в русской литературе формы *едь* в ряду украинизмов и этимологическая связь с императивом *їдь* ‘езжай, поезжай’ могут объяснить легкость условного «вторичного заимствования» русским языком этой формы под влиянием миграционных процессов и региональных особенностей русского языка Украины, отразившихся в вещании некоторых телеканалов.

Быстрому распространению форм императива *едь(те), заедь(те), подъедь(те), приедь(те)* и др. способствуют как скорость и объем интернет-коммуникации

(наибольшее число употреблений отмечено на сайтах, форумах и в социальных сетях), так и распространяемая сериалами в телеаудитории «серийная ошибочность».

Как бы то ни было, будучи закономерной до XVII в., проявляясь в XIX в., *едь* практически исчезает в XX в., «воскресая» на рубеже XX–XXI вв. И уже не как просторечие, а как разговорная форма, имеющая тенденцию к нормализации (во всяком случае — в речевой поп-культуре). Ее статус в рамках этого активного процесса и предстоит оценить.

Литература

Абдуллаев А. В. Русские глаголы движения // Проблемы педагогики. 2020. № 3 (48). С. 97–98.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Балалыкина Э. А. К вопросу о грамматической лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплине // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 68–76.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/2728/парадигма_глагола.

Императив // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Императив#48.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка. М.: Юрайт, 2023. 564 с.

Русакова М. В., Сай С. С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник СПбГУ. Серия 9. Язык и литература. 2008. № 2. Ч. II. С. 205–213.

Северская О. И. «Через время, через расстояние»: стилистическая ошибка, эллипсис или рекурсия нормы? Труды ИРЯ РАН. 2017. № 3 (13). С. 145–152.

Северская О. И. «Речевая память» языка и спонтанная рекурсия стилистической нормы // Stylistyka. 2019. No. 28. S. 41–52.

Фомина Н. Русский язык для тех, кто забыл правила. М.: АСТ, 2022. 320 с.

Чабаненко Т. С. Парадигма русского глагола: критерии выделения, объем, уровни описания // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64). № 1. Часть 2. С. 69–75.

O. I. Severskaya
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oseverskaya@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6277-9756

«SYUDA YA BOL'SHE... NE *YEDOK*?» (ABOUT THE EXPANSION OF THE IMPERATIVE *YED'* 'GO' IN COLLOQUIAL SPEECH OF THE XXI CENTURY)

The article is devoted to the problem of spontaneous completion of defective verb paradigms using word forms rejected by the literary norm. The author draws attention to the expansion of imperative forms of the 2000s, *yed', yed'te* 'go' and the corresponding forms of prefixed verbs *poyekhat', priyekhat', zayekhat'*, etc., with the goal of identifying its causes. The corpus study on the Russian National Corpus using the methods of corpus, contextual, semantic, grammatical and synchronic-diachronic comparative analysis, proves the regularity of the use of the forms *yed', yed'te* not so much as a function of speech characterization, but in the spoken and written speech of educated people, in neutral contexts and in various functional areas of language. The advantage of choosing these forms is the possibility of using them in negation and in grammatical constructions with a verbal imperative in indirect meanings, where the use of normative options is semantically impossible.

The author explains the reasons for the rapid spread of the variants ed, edte in speech by the presence of their prototype forms in the Old Russian language, which allows us to talk about spontaneous recursion of the norm, the possible influence of Ukrainianisms due to the development of migration processes and cultural exchange at the end of the 20th century, as well as the impact of Internet communication, social networks and mass media that turn the word forms in question into a fact of speech pop culture.

Keywords: defective verbal paradigm, imperative, forms of the imperative *yed', yed'te*, spontaneous recursion of the norm, change of stylistic nuance, colloquial speech

References

Abdullaev A. V. [Russian verbs of motion]. *Problemy pedagogiki*, 2020, no. 3 (48), pp. 97–98. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vol. II. *Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and system lexicography]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1995. 767 p.

Balalykina E. A. [On the issue of grammatical lexicology as an independent linguistic discipline]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta, Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2006, no. 2, pp. 68–76. (In Russ.)

Chabanenko T. S. [The paradigm of the Russian verb: selection criteria, volume, levels of description]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta*

im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii», 2012, Vol. 25 (64), no. 1, part 2, pp. 69–75. (In Russ.)

Es'kova N. A. *Slovar' trudnostey russkogo yazyka. Udareniye. Grammaticheskiye formy* [Dictionary of difficulties of the Russian language. Emphasis. Grammatical forms]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2014. 536 p.

Fomina N. *Russkiy yazyk dlya tekh, kto zabyl pravila* [Russian language for those who have forgotten the rules]. Moscow, AST Publ., 2022. 320 p.

[Imperative] *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: http://rusgram.ru/Imperative#48 (accessed: 12.02.2024). (In Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Available at: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (accessed: 12.02.2024). (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 608 p.

Panova G. I. *Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Morphology of the modern Russian literary language]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 564 p.

Rusakova M. V., Sai S. S. [Verb paradigm in individual systems of Russian speakers and the problem of grammatical aspect]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Yazyk i literature,* 2008, no. 2, part II,. pp. 205–213. (In Russ.)

Severskaya O. I. [Cherez vremya, cherez rasstoyaniye 'Through time, through distance': stylistic error, ellipsis or recursion of the norm?] *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute,* 2017, no. 3 (13), pp. 145–152. (In Russ.)

Severskaya O. I. ["Speech memory" of language and spontaneous recursion of the stylistic norm]. *Stylistyka*, 2019, no. 28, pp. 41–52. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edition, rev. and additional. Nazran, Pilgrim, 2010. Available at: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/2728/verb_paradigm (accessed: 12.02.2024).

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.28

И. В. Фуфаева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
iriel@inbox.ru

О. Г. Згировская
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
olga.slovo42@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РАЗГОВОРНЫХ ФЕМИНИТИВОВ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с лексикографическим описанием разговорных единиц, включенных в новый «Словарь феминитивов» (рабочее название) под ред. М. А. Кронгауза. В него входят феминитивы, образование и употребление которых отличается от стандартного, при отборе феминитивов учитывается их частотность. Отражена проблема кодификации новых образований, характерных для феминистического дискурса (например, *авторка, редакторка*) и их конкуренции с давно существующими феминитивами, в том числе разговорными (*авторша, редакторша*). Описана проблема фиксации в словаре феминитивов, которые впервые появились в XVIII–XIX вв., затем были забыты, не прижились или получили негативные коннотации (*адвокатка, поэтка, партнерка* и т. д.), а в современном дискурсе, связанном с проблемами гендерного равенства, были сконструированы заново как политкорректные единицы. Рассмотрена проблема стилистической и оценочной маркированности феминитивов, возникающая как из-за нечеткости стилистических помет «разговорное» и «просторечное» и их разнобоя в разных словарях, так и из-за отсутствия в источниках прагматических помет при наличии оценочной маркированности в восприятии некоторых феминитивов частью носителей русского языка. В статье также приводятся пути решения указанных проблем при описании единиц, включаемых в словарь феминитивов.

Ключевые слова: феминитивы, словарь феминитивов, семантика, названия профессий, стилистическая маркированность

Введение

Статья посвящена проблемам, возникающим при описании разговорных единиц, включенных в словарь под рабочим названием «Словарь феминитивов», над которым работает коллектив авторов из РГГУ и НИУ ВШЭ под руководством М. А. Кронгауза.

Актуальность создания такого словаря обусловлена, во-первых, возросшей ролью феминитивов не только в дискурсе, связанном с проблемами гендерного равенства (далее — феминистический дискурс), но и в современном русском языке в целом, вниманием общества к этой теме, а во-вторых, отсутствием современных научных словарей феминитивов.

Описание феминитивов тесно связано с изучением разговорной речи, поскольку большинство феминитивов являются неофициальными обозначениями женщин, в частности по профессии, которые употребляются в основном в разговорной речи и в интернет-коммуникации.

Среди существующих лексикографических изданий, посвященных феминитивам, выделяется «Толковый словарь названий женщин» Н. П. Колесникова, содержащий научное описание таких лексических единиц. Словарь включает около 7000 феминитивов, в том числе порядка 500 названий жительниц России. Однако словарь выпущен в 2002 году, и часть информации в нем устарела, а кроме того, он не содержит многих новых феминитивов, вызывающих дискуссии о необходимости и целесообразности их использования.

В связи с интересом общества к теме гендерного равенства и интерпретации феминитивов как политкорректных единиц в последние годы возникают любительские инициативы, отражающие представления их авторов о том, в каких случаях необходимо использовать феминитивы и какими они должны быть. Представляется, что эти инициативы относятся не столько к лексикографии, сколько к феминистической правке языка, их отличает идеологическая прескриптивность и отсутствие научной основы. К таким источникам относятся различные программы, конструирующие феминитивы, — например, Феминизатор[1], а также любительские издания, в частности «Сквозь призму языкового сексизма» Р. В. Романова[2]. Как более качественный, но при этом небольшой и неакадемический источник можно отметить «Малый справочник феминитивов» Лилит Мазикиной[3].

Толковые словари также содержат феминитивы, однако их включение в эти словари в значительной мере обусловлено субъективным решением лексикографов. Так, одни и те же феминитивы в разных словарях могут помещаться в статью с соответствующим мужским коррелятом, иметь самостоятельные статьи либо вообще отсутствовать. Различия в описании нескольких феминитивов к одному мужскому корреляту могут наблюдаться и в одном словаре, см., в частности, примеры из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС):

[1] URL: https://feminitives.ru/

[2] Романов Р. В. Сквозь призму языкового сексизма. М.: ЛитРес, 2018.

[3] Мазикина Л. Малый справочник феминитивов. Издательские решения, 2019.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, -я; м. ... <**Председательница**, -ы; ж. Разг. (1–2 зн.). **Председательша (см.)**.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬША, -и; ж. 1. Разг. Женщина председатель (1–2 зн.). 2. Жена председателя.

Так, для феминитива *председательша* в словаре есть отдельная статья, а феминитив *председательница* помещен в статью «Председатель».

Аналогичные примеры можно найти в других толковых словарях (например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой) (МАС), следовательно, лексикографическая фиксация наименований женщин не является последовательной и исчерпывающей.

Одной из задач нашего исследования было определение понятия «феминитив». В различных публикациях под феминитивами (феминативами) понимаются разные явления: от любых номинаций женщин, в т. ч. *жена, баба*, где женскость выражается корнем, до исключительно модификационной словообразовательной категории: «Эта модификационная категория выделена на основании общности деривационного значения ‘лицо женского пола, принадлежащее к разряду лиц, названному мотивирующим существительным’» [Гузаерова 2019: 105]. Многие исследователи видят в феминитивах только «имена существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода, парные им» [Баданина 2017: 90].

Однако такое определение не учитывает феминитивы, образованные не от одушевленного существительного мужского рода, хотя они вполне обычны. Академик В. В. Виноградов, описывая «суффиксы, обозначающие лиц женского пола», отмечал возможности независимого образования феминитивов на *-тельниц(а), -к(а), -ячк(а)*: *очаровательница, гордячка*, а также образование слова *содержанка* от идиомы *на содержании* [Виноградов 1972: 109].

В данной работе под феминитивами понимаются любые лексемы с семантикой женскости, в том числе непроизводные или производные не от существительных мужского рода, имеющие мужские корреляты и не имеющие их. Проблемы, возникающие при лексикографическом описании таких лексем, и возможные пути их решения рассмотрим ниже.

Проблема формирования концепции словаря феминитивов

Под определение феминитивов, приведенное выше, попадает большое количество слов, обозначающих женщин. Однако при создании словаря мы не ставим перед собой задачу собрать и описать все существующие в современном русском языке феминитивы. Причиной этого стал тот факт, что на данный момент большинство феминитивов образуется стандартно. Под стандартным случаем феминитива мы понимаем номинацию женщины, удовлетворяющую следующим условиям:

1. Является производной от номинации лица грамматического мужского рода;
2. Образована с помощью феминитивного суффикса или с помощью только смены рода и склонения (например, *раб — раба, ведущий — ведущая*);

3. Выбор феминитивного суффикса полностью и однозначно определяется производящим словом;
4. Значение феминитива равно значению производящего слова с добавлением семы ‘женщина’.

Например, выбор суффикса *-ка* в слове *операционистка* полностью определяется структурой слова *операционист* (суффиксом деятеля *-ист*); суффикс *-щица* в слове *барабанщица* полностью определяется структурой слова *барабанщик* (суффиксом деятеля *-щик*); суффикс *-ка* в слове *конголезка* полностью определяется семантикой слова *конголезец* (этноним). Иными словами, частью некоторых словообразовательных феминитивных моделей являются строго определенные словообразовательные и семантические особенности производящих слов: *X-ист-ка, X-щик-ца, X(Sem: ethnonym)-ка,* и т. д.

Образования, удовлетворяющие приведенным условиям, нами не рассматриваются, потому что, во-первых, их значения интуитивно понятны всем, кто знает значение мужского коррелята; во-вторых, при необходимости они спонтанно и автоматически образуются в речи, подобно формам слова, даже если говорящий/пишущий не встречался с конкретным феминитивом раньше: *аболиционист — аболиционистка, пиарщик — пиарщица* и т. д.

Соответственно, предметом нашего исследования являются феминитивы, не удовлетворяющие стандартным условиям. К ним относятся единицы, отвечающие одному из следующих критериев:

1. Являются непроизводными или образованными не от наименования лица грамматического мужского рода: *няня, сиделка, институтка, техничка, горничная, кружевница.*

   Такие феминитивы часто являются непарными (*сиделка*). Однако мужские корреляты могут образовываться от них с помощью суффикса (*ведьмак*), путем обратной деривации (*приживал, истерик*) или смены рода и склонения (*нянь,* шутл.).

   Непарные феминитивы также могут иметь псевдопары — параллельные образования мужского рода с другим значением: *машинист* (‘рабочий, управляющий машиной’) — *машинистка* (‘специалистка, печатающая на пишущей машинке’).
2. Выбор феминитивного суффикса не полностью определяется производящим словом, т. к. оно не имеет в структуре суффикса, жестко связанного с одним соответствующим феминитивным суффиксом (*-ист, -тель, -ник, -щик* и пр.).

   Такое слово может быть заимствованием на *-лог, -ном, -соф*, *-ик* и др., не иметь в составе морфем, похожих на суффикс деятеля (*терапевт*), быть исконным бессуффиксным образованием (*языковед, парторг, повар*), иметь русские или иноязычные суффиксы, у которых нет связи ни с одним суффиксом деятеля (*конюх, знаток, потомок, нотариус*).

В результате возникает или полная невозможность образования феминитива, или образование его с редким суффиксом (*-иха, -овка, -есса, -истка: повариха, врачиха, плутовка, френдесса, стенографистка*), или затрудненность его образования и использования.

Феминитив может использоваться редко — например, *хирургичка, комикесса, вратарша,* что при этом не вызвано внелингвистическими причинами (отсутствием женщин в профессии), то есть вызвано неловкостью его употребления, ср.: *Мне вот никто не говорит «**вратарша**». Это слух режет. **Вратарша** — нет, но полузащитница, нападающая — да* [Ангелина Никитина. «Какой футбол? Пусть борщ варит!» // lenta.ru, 14.05.2019] (цит. по НКРЯ).

Могут образовываться варианты, конкурирующие в некоторых случаях больше столетия: *адвокатка — адвокатесса — адвокатша, президентка — президентша, миллионерша — миллионерка, редакторша — редактриса, поэтка — поэтесса, агентша — агентка — агентесса*.

Сюда же относятся феминитивы, ощущающиеся именно как новые и как элементы политкорректного языка: *терапевтка, экспертка, философка, философиня, фотографиня, психологиня* (хотя некоторые из них могут быть старыми — *философка*), а также конкурирующие пары и ряды, включающие старый феминитив (феминитивы) и неологизм: *докторка — докторша, режиссерша — режиссерка, авторша — авторка — авторесса* и пр. Все это феминитивы, образованные именно от «неудобных» слов. Наиболее «удобными» здесь являются производящие слова на *-ор, -ер, -ёр, -ир, -арь,* но и они теперь не связаны жестко с каким-либо одним суффиксом женскости: *режиссерша* и *режиссерка, лидерша* и *лидерка*.

Значение феминитива не равно значению производящего слова с добавленной семой ‘женщина’. Оно может быть у́же — например, сводиться только к преподаванию: *математичка* — ‘учительница математики’, математик — ‘специалист по математике’, или значительно отличаться от значения слова мужского рода: *декабрист* — ‘участник дворянского оппозиционного движения’, *декабристка* — ‘жена декабриста’. В значении феминитива также может произойти семантический сдвиг: слова *бригадирша, чиновница, советница, солдатка* и др. ранее обозначали жен мужчин соответствующих профессий, затем приобрели новое значение деятельниц.

Таким образом, концепция словаря состоит в том, чтобы описать нестандартные феминитивы в современном русском языке. Однако среди феминитивов, относящихся к категории нестандартных, мы провели еще несколько этапов отбора.

Проблема формирования словника словаря

Описанные выше нестандартные феминитивы могут быть как относительно устоявшимися элементами языка, так и единичными, окказиональными образованиями, которые не должны включаться в словарь. Поэтому для формирования словника потребовалось уточнить концепцию словаря. Помимо основного критерия —

образование и употребление феминитивов отличается от стандартного — были добавлены следующие:

— феминитивы являются наиболее частотными и употребительными в современном русском языке;
— они называют женщин по деятельности.

Таким образом, отбор феминитивов происходил в несколько этапов. На первом этапе выявлялись феминитивы, не относящиеся к стандартным. Для поиска таких единиц требовалось найти источники — словари и корпусы текстов.

О неактуальности существующих словарей для поиска материала было сказано выше. Большое количество феминитивов собрано в категории Викисловаря, называемой Nomina feminina/ru. По состоянию на 05.12.2023 в ней содержалось 3673 единицы. Это слова, имеющие внутри статей помету *женск*. Представляется, что в этой категории собраны актуальные феминитивы, т. к. Викисловарь быстро обновляется и пополняется, он отражает нужды пользователей быстрее, чем печатные издания. В первую очередь мы используем эту категорию как источник феминитивов для словника, а не как источник информации о лексемах.

На первом этапе из Викисловаря были отобраны феминитивы, которые отвечали критерию нестандартности. Их оказалось 274. Среди них были устаревшие и неактуальные единицы, а также слова, называющие женщин не по деятельности: *отроковица* (устар.), *демонесса, другиня.*

На втором этапе мы проверили частотность выбранных феминитивов по основному корпусу НКРЯ и по ГИКРЯ, а также исключили феминитивы, которые называют женщин не по деятельности.

Словник также был дополнен феминитивами из других словарей и книг, в том числе книги И. В. Фуфаевой «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция». Например: *геологиня* и *геологичка, педикюрша.*

В итоге мы получили порядка 100 единиц (не отдельных слов, а входов словарных статей — пар, троек, четверок) в словнике. Например: *авиаторша — авиатриса; авторша — авторка — авторесса — авторица; агентша — агентесса — агентка; адвокатесса — адвокатка — адвокатша.*

Проблема критериев отбора заголовочных пар/троек/четверок феминитивов (*адвокатесса — адвокатка — адвокатша*). Вопрос о сравнительной частотности использования феминитива и парного слова мужского рода по отношению к женщине

В случае формальной вариативности феминитивов необходимо было установить критерии отбора заголовочных единиц, т. к. от некоторых слов мужского рода в принципе возможно образование феминитивов с разными суффиксами женскости: *фотограф — фотографиня — фотографка — фотографша — фотографесса.* В подобных случаях основным условием использования феминитива в качества заголовочной единицы стала частотность ее употребления в НКРЯ и ГИКРЯ. Так,

среди феминитивов к слову *редактор* частотными являются *редакторша, редактриса* и *редакторка*, а феминитив *редакторесса* встречается крайне редко:

Феминитив	**НКРЯ**	**ГИКРЯ**
Редакторша	133	100+
Редактриса	13	83
Редакторка	5	15
Редакторесса	0	7

Феминитив *редакторка* используется в феминистическом дискурсе достаточно активно, однако это не характерно для большинства новых феминитивов, образованных аналогичным способом. Например, *профессорка* не является частотным и, соответственно, не выносится в качестве заголовочного. При этом подобные редкие варианты упоминаются внутри словарной статьи.

Мы также учитывали сравнительную частотность использования феминитива и парного слова мужского рода по отношению к женщине, если такое слово есть. Однако слова мужского рода, используемые в отношении женщин, не были предметом нашей работы и не использовались в качестве заголовочных единиц. В случае наличия такого слова возможны несколько ситуаций:

1. Слово мужского рода не употребляется по отношению к женщине, феминитив нейтральный и употребительный: *вожатый — вожатая, декабрист — декабристка.*
2. Слово мужского рода используется по отношению к женщине в официальных текстах, феминитив используется в неофициальных текстах, в том числе в СМИ: *советник — советница, кандидат — кандидатка.*
3. Слово мужского рода используется по отношению к женщине и является нейтральным и наиболее употребительным в этой функции, феминитив относится к разговорным или просторечным: *врач — врачиха, врачица, врачея.*

На поиск феминитивов влияет словообразовательная омонимия, например «*партнёрка* — ‘партнерская программа’ и ‘партнёрша’ (в феминистическом дискурсе)». Мы фиксировали в словаре только феминитивы, обозначающие женщин по роду деятельности, и не рассматривали их омонимы — неодушевлённые существительные.

Наиболее часто такая омонимия возникает в случае с суффиксом *-к(а)*, который образует не только феминитивы, но и универбаты, диминутивы, топонимы и др. Начиная с 2010-х годов суффикс *-к(а)* активно используется для образования феминитивов в феминистическом дискурсе: *организаторка, кураторка*. Это неизбежно приводит к омонимии: *актерка* — ‘актриса’ и ‘актерская игра’; *историчка* — ‘исторические танцы’, ‘историческая библиотека’ и ‘специалистка по истории’, ‘учительница истории’; *гинекологичка* — ‘гинекологическая клиника’ и ‘специалистка по гинекологии’. В ряде случаев омонимия предотвращается

путем использования феминитивов на *-(ш)а*: *лифтерша* (‘рабочая, обслуживающая лифты’) — *лифтерка* (‘помещение для лифтеров’), *гримерша* (‘специалистка по гримированию’) — *гримерка* (‘комната, где гримируют’).

Таким образом, в случае формальной вариативности в качестве заголовочных слов выступали наиболее частотные феминитивы, представленные в НКРЯ и ГИКРЯ. В словаре фиксируются только феминитивы, обозначающие женщин по роду деятельности, и не фиксируются их омонимы — неодушевленные существительные.

Проблема кодификации новых образований, характерных для феминистического дискурса (например, *авторка, редакторка*), и их конкуренции с давно существующими феминитивами, в том числе разговорными (*авторша, редакторша*)

В 2010-х гг. в интернет-текстах, особенно в социальных сетях, стали все чаще использоваться феминитивы нового типа: маркированные не только гендерно, но и идеологически, как элемент политкорректного языка. Идеологическая маркированность таких новых единиц отражалась, во-первых, в их употреблении только в феминистическом дискурсе, а во-вторых, в языковой рефлексии по поводу этих слов в СМИ и социальных сетях.

Часто эти единицы имеют словообразовательную специфику: они образованы с помощью суффикса *-к*(*а*) от основ с безударным последним слогом — например, *автор, директор, организатор, иллюстратор* и пр. Ранее по такой модели феминитивы в русском языке практически не образовывались. Поскольку от тех же слов уже были образованы феминитивы, обычно с суффиксом *-ш*(а), возникли пары, например: *иллюстраторша* — новое *иллюстраторка, организаторша — организаторка.*

В некоторых случаях новые феминитивы стали компонентами не пар, а троек или даже четверок. Это те немногочисленные случаи, когда от слов описанного типа, например *автор, редактор, директор, доктор*, раньше были образованы не только феминитивы на *-ш*(*а*), но и феминитивы с другими суффиксами, или же были целиком заимствованы феминитивы, соответствующие этим словам.

Так, в случае заимствования феминитивов на *-ис*(*а*): *директриса* (заимств. в нач. XIX в. из франц. *directrice*) и *редактриса* (заимств. в нач. XX в. из франц. *rédactrice*) — возникают тройки: *редакторша — редактриса — редакторка.*

От слова *доктор* феминитив на *-иц*(*а*) образовывался, видимо, не один раз, начиная с допетровского *дохтурица/докторица* ‘жена доктора’. В коломенском дневнике революционной эпохи *докторицей* называет свою жену-врача писатель Борис Пильняк. Слово встречается в советской деревенской прозе в речи персонажей, а затем, с 1970-х, в прозе городской, без какого-либо диалектного контекста. Есть устные свидетельства использования его в разговорной речи некоторыми носителями литературного языка с советского времени. Таким образом, с появлением нового феминитива возникла тройка *докторша — докторица — докторка.*

Наконец, ряд однокоренных феминитивов к словам описанного типа может включать феминитив на *-есс*(*а*). Например, *авторесса* (возможно, заимствованное

из англ. *authoress* или франц. *autoresse*) включено в «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина и «Толковый словарь названий женщин» Н. П. Колесникова (как разговорное). Слово встречается в текстах со второй половины XIX века, см. в рецензии на воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет»: «...закрывая книгу, невольно думаешь, что во всей этой семейной хронике в самом светлом и симпатичном виде выступает сама *авторесса*» [журнал «Дело», вып. 4, 1879]. В советский период слово упоминается в грамматиках как окказионализм в ряду примеров на *-есса*. С 1990-х гг. относительно регулярно, хотя и редко, используется в публицистике; в НКРЯ 25 вхождений с 1995 года, в основном в публицистике, что в пять раз меньше, чем у феминитива *авторша*. Таким образом, имеется ряд *авторша — авторесса —* новое *авторка*.

В отношении новых феминитивов, употребляющихся преимущественно в феминистическом дискурсе (например, *авторка, директорка, редакторка*), необходимо было принять решение: считать ли такие единицы фактами общеупотребительного языка, перешли ли они трудноуловимую грань между элементом языка ограниченного сообщества и словом, пусть отвергаемым, ощущающимся чужим, чуждым, но все же известным достаточно широкому кругу носителей русского языка. Мы включали в словарь подобные феминитивы при условии их соответствия критерию частотности (см. выше). Такое решение было принято по поводу 6 новых характерных для феминистического дискурса феминитивов.

Наличие идеологической окраски, дискурсивной ограниченности употребления единицы в словаре феминитивов передается с помощью выражений «употребляется в феминистическом дискурсе», «в феминистическом дискурсе рассматривается как политкорректное», а также с помощью более развернутых описаний нюансов употребления и восприятия слова. Например: «В XXI веке в феминистском дискурсе начинает употребляться еще один феминитив, *директорка*, вероятно, заимствованный из других славянских языков, ср. укр., болг., сербск. *директорка* ‘женщина-директор’; ср. в “Кратком словаре шести славянских языков” проф. Ф. Миклошича, изданном в 1885 году, перевод русского феминитива *директриса* на болгарский и сербский как *директорка.* Обозначение *директорка* в рамках феминистского дискурса рассматривается как политкорректное, за его рамками часто воспринимается негативно и иногда иронически» [Словарь феминитивов. Под ред. М. А. Кронгауза]. Кроме того, нюансы употребления таких слов передаются примерами.

В феминистическом дискурсе сейчас используются некоторые единицы, которые существовали до XXI века, такие как образованные в XVIII–XIX вв. *философка, адвокатка* или шутливые образования второй половины XX века *филологиня, геологиня* и пр.

Проблема «новых старостей»

Итак, некоторые давно существующие феминитивы были переосмыслены в современном феминистическом дискурсе как политкорректные единицы или сконструированы заново. Мы столкнулись с вопросом, каким образом лучше всего,

полнее и понятнее, описывать маркированность слов, которые в разных дискурсах имеют разные коннотации.

Так, в современном феминистическом дискурсе такие слова, как *адвокатка, поэтка, партнерка, философка, президентка* воспринимаются и используются как новые политкорректные феминитивы. Иногда они противопоставляются более употребительным вариантам как более «прогрессивные», более «молодежные», более «актуальные». Вот несколько цитат из обсуждения слова *поэтка* в социальной сети. Один из пользователь написал, что оно нравится ему больше, чем *поэтесса*, за *«оттенок хулиганистости»*. Его поддержали другие: «А по мне так очень боевое слово, созвучное с “танкетка”, “авиэтка”. То есть девушка с активной позицией»; «Если речь идет о молодежном фестивале актуальной поэзии — то там **поэтки**, а если о собрании местечкового поэтического кружка “Белая березка”, то там почти наверняка **поэтессы**» [Цит. по: Фуфаева 2020: 100]. Можно встретить утверждения, что молодежь предпочитает «современный» феминитив *партнёрка* традиционному *партнёрша*.

Заглянув в НКРЯ или исторические словари, например «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь русского языка XVIII века», можно обнаружить, что *адвока́тка, партнёрка, филосо́фка* некогда уже были образованы в русском языке. При этом в СМИ тиражируются представления, что в русском языке не было и не могло быть того или иного обозначения женщины, например, не могло быть отдельного слова для женщины-философа или женщины-президента. Эти представления схематизируют реальную языковую и социальную ситуацию.-

Так, феминитив *филосо́фка* в период своего существования — с конца XVIII века по вторую половину XIX века — в отличие от существительного *философ* — преимущественно употреблялся метафорически в отношении мудрой или философски настроенной женщины: «Она умерла как **философка**, прожив с лишком девяносто лет» [Московский Меркурий. Ежемесячный журнал, изд. П. И. Макарова. М., 1803, ч. 2]. В этом значении феминитив *филосо́фка* вошел в русское заглавие популярного приключенческого переводного романа Мари де Румье Робер «Крестьянка философка, или Приключения графини де***», изданного в Москве в 1775 году в переводе с франц. Евгения Сырейщикова. Однако феминитив мог относиться и к женщине, занимающейся философией: «Родительское сердце растерзалось, когда Вандермон ответами дочери удостоверился, что гибельные впечатления глубоко вкоренились в ум ее и в сердце: одним словом, юная **философка** избрала для себя путь материализма» [Ж. Н. Буйи. Сельское кладбище // «Вестник Европы», 1825] (цит. по НКРЯ). Наконец, по свидетельству знаменитого мемуариста Ф. Ф. Вигеля, *философкой* называли мыслительницу начала XIX века А. А. Турчанинову, которая изучала философию, переводила философские сочинения, имела философскую переписку с французскими мыслителями, то есть феминитив *философка* все же мог выступать и полноценным аналогом слова *философ*.

Со второй половины XIX века отмечаются крайне редкие употребления феминитива *философка,* которые, возможно, являются независимыми окказиональными

образованиями, например, в стихотворении Н. Н. Ушакова «Дождь и солнце... Как поймешь их» (1969):

Этой — глупенькой, неловкой —
выпал (да какой!) успех,
а вот эта ***философка***
стала дурочкой при всех.

Но на этом история слова не закончилась. С конца 2010-х гг. феминитив *философка* можно встретить в феминистическом дискурсе. Например, его содержит обзор «Топ-10 книг забытых мыслительниц», опубликованный в социальной сети Вконтакте 07.09.23; в этом тексте героини, женщины-философы именуются *философками* (4 раза), *философинями* (3 раза), *мыслительницами* (1 раз)[4]. За рамками феминистского дискурса слово в XXI в. нам не встречалось.

Таким образом, маркированность этого феминитива контекстно и дискурсивно обусловлена. В литературном языке это устаревший и забытый элемент, «при жизни» проявлявший известную семантическую асимметрию по сравнению с мужским аналогом. Одновременно это живой идеологически окрашенный элемент феминистического дискурса, то есть он употребляется только определенными людьми, а другим носителям языка не знаком или знаком, но отторгается ими, что иллюстрирует цитата из социальной сети Вконтакте: «Но как уже затрахали сумасшедшие “фемки” (не путать с адекватными феминистками), которые якобы ради равноправия коверкают русский язык, создавая такие слова как *“докторка”, “фотографка”, “философка”*» (пост от 11.10.23). Большинство и тех, кто употребляет слово, и тех, кто его отвергает, считают его новым, «созданным».

Иная ситуация сложилась с употреблением феминитива *поэтка*, появившегося в русском языке, как и галлицизм *поэтесса*, в первой половине XIX века, и могущего быть как заимствованием из польского, так и образованием на русской почве. Слово сразу стало шутливым или пренебрежительным синонимом нейтрального феминитива *поэтесса* и употребляется в этой роли до сих пор:

Я не люблю восторженных девиц...
Иная же — помилуй бог — поэтка
[И. С. Тургенев, «Параша», 1843],

Ах, разве я женщина? Я только поэтка,
Как меня назвал Ваш насмешливый брат
[Н. Г. Львова, «Почему я со страхом жду от Вас признания...», 1913],

Поэтому убежденно заявляю: «Да, Юнна Мориц — большой поэт». Хотя она сама себя в последнее время шутливо называет поэткой [Анна Губина, «НЕ БЫВАЕТ НАПРАСНЫМ ПРЕКРАСНОЕ», газета «Труд-7», 2007.06] (все примеры цит. по НКРЯ).

[4] https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=философка&w=wall-125021495_94423

Одновременно, как уже сказано, *поэтка* используется в феминистическом дискурсе без намерения выразить иронию.

Подобную сложность меняющейся во времени и зависящей от дискурса маркированности такого рода единиц (маркированности социальной, стилистической, идеологической) невозможно отразить с помощью системы помет, и это еще одна из причин, по которой мы отказались от помет и передаем информацию о ней в самой статье.

Это касается и некоторых феминитивов на *-ин*(*я*), возникших как шутливые обозначения позднее, во второй половине XX века, и употреблявшихся ограниченно, например, в дискурсах некоторых вузов или в дискурсе пациентов при их обсуждении врачей и т. д.: *филологиня, геологиня, биологиня, гинекологиня, философиня, фотографиня*.

> «Тем более что художник в силу сложившейся инерции характера не расширял своего жесткого бюджета. Деньги. А сейчас и в Европе и в Штатах он участвует в выставках, бывают и персональные. Лет десять тому он со своей **фотографиней** впервые выехал за рубеж. Но и там денег на ветер не выбрасывал» [Инна Лиснянская. Величина и функция // «Знамя», 1999] (цит. по НКРЯ).

Эти феминитивы сейчас также могут употребляться и восприниматься как новые идеологические неироничные единицы, что учитывается в их описании. В нашем словаре «новые старые феминитивы» включены в ряды *поэтесса — поэтка*, *адвокатка — адвокатесса — адвокатша*, *философка — философиня — философичка*, *партнерша — партнерка* и пр.

Проблема стилистической и оценочной маркированности феминитивов

Многие феминитивы со значением профессий, занятий и т. д. не только не используются в официальных документах как официальные названия соответствующих должностей и профессий, но и в той или иной степени являются стилистически сниженными. При этом, по-видимому, степень этой сниженности трудно определить, т. к. в разных словарях один и тот же феминитив может иметь различные стилистические пометы.

Так, феминитив *авторша* в «Русском орфографическом словаре» [Лопатин, Иванова (ред.) 2012], в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006] и в «Толковом словаре названий женщин» Н. П. Колесникова [Колесников 2002] считается разговорным, а в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (в статье «Автор») — просторечным. Феминитив *бригадирша* ‘руководительница бригады’ в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (в статье «Бригадир»), в БТС и словаре Н. П. Колесникова считается разговорным, в МАСе — просторечным. Аналогично слово *врачиха* в части словарей считается разговорным, в части — просторечным.

В нашем словаре, как уже говорилось, мы отказались от помет, стилистическая характеристика слова дается описательно, например, указывается, что феминитив характерен для разговорной речи или является неофициальным обозначением.

Отметим, что если стилистическая маркированность феминитивов так или иначе фиксируется лексикографами, то оценочная маркированность феминитивов в словарях, как правило, не отражается. При этом в языковой рефлексии встречаются утверждения, что тот или иной феминитив является пренебрежительным или насмешливым; так, в СМИ встретилось утверждение, что *кассирша* — «пейоратив». Часто как негативно-оценочное, а не просто нелитературное, воспринимается *врачиха*: «Сказать: “врачиха” — почему-то обидно» — писала в 1995 г. Л. К. Чуковская (статья «Моя грач прилетела»). При этом во многих контекстах эти единицы употребляются как нейтральные: «Посетить со словами прощания больного раком подростка, который к отзывчивой и, что уж скрывать, симпатичной **врачихе** успел прикипеть» (Д. Рузаев. Мальчик, которого мы потеряли // lenta.ru, 18.11.2016). Возникает вопрос, является ли оценочная маркированность постоянным свойством того или иного феминитива.

В ходе проведенного нами опроса 55 носительниц современного русского языка об оценочной маркированности 10 феминитивов с суффиксом *-ш*(*а*): *· блогерша; · директорша;· докторша;· кассирша;· парикмахерша;· редакторша;· репортёрша;· секретарша;·тренерша; ювелирша* — оказалось, что они действительно воспринимаются как оценочные, но лишь частью опрошенных. Корреляция восприятия феминитивов как оценочных и возраста респонденток не выявлена. При этом доля ответов, свидетельствующих о таком восприятии, и сами оттенки оценочной маркированности для разных слов различны. Например, больше 80% опрошенных воспринимает давно освоенные феминитивы *кассирша* и *секретарша* как оценочно нейтральные, но лишь половина участников опроса ощущает таким образом более новые феминитивы *тренерша* и *блогерша*. Всего треть опрошенных воспринимает как оценочно нейтральные давно освоенные феминитивы *докторша, редакторша, директорша*, причем такая же доля — примерно треть — ощущает эти слова пренебрежительными, остальные ощущают иную окраску, в том числе ироничность.

Таким образом, негативная оценочность не является постоянной характеристикой стилистически маркированных феминитивов, и мы упоминаем ее в словарных статьях только в случае очень высокой распространенности такой оценки.

Заключение

В процессе работы над словарем феминитивов мы выявили значительное количество феминитивов, имеющих семантические особенности, формальную вариативность и т. д., то есть феминитивов, отвечающих критериям нестандартности. Мы провели несколько этапов отбора, чтобы получить наиболее частотные феминитивы, не являющиеся окказиональными, придуманными «по случаю» — в связи с большим интересом к теме феминитивов в современном обществе.

Обнаружилось, что стандартные лексикографические инструменты, такие как система помет, подача омонимов в разных статьях и др., не подходят для решения стоящих перед нами задач. Так, в случае формальной вариативности в качестве заголовочных слов выступали наиболее частотные феминитивы, представленные

в НКРЯ и ГИКРЯ. В случае наличия омонимов — неодушевлённых существительных для них не предусматривалась отдельная словарная статья.

Поскольку стилистическая и прагматическая маркированность того или иного феминитива зачастую не является его устойчивым свойством, т. к. она контекстно и дискурсивно обусловлена, выбранным нами способом решения проблемы является отказ от использования помет и описание нюансов маркированности каждой лексемы внутри статьи. Это также дает возможность отразить неоднозначное отношение носителей языка к феминитивам.

Представляется, что выбранный нами подход позволяет наиболее полно и четко передать читателям информацию о такой сложной, неоднородной, переживающей динамические изменения группе лексики, как феминитивы.

Литература

Баданина И. В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Лопатина. 2017. С. 89–94.

БТС — *Большой толковый словарь русского языка*: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В. И. Даль. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. 4 т.

Гузаерова Р. Р. Блогер или *блогерша*: русские феминитивы с формантом *-ш*(*а*) в современном медиапространстве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2019, Т. 161, кн. 5–6. С. 105–116.

Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. 2006. 180 тыс. статей. [к версии AbbyyLingvo x5].

Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц / Н. П. Колесников. М.: Издательство АСТ: Издательство Астрель, 2002. 608 с.

Миклошич Ф.К. Краткий словарь шести славянских языков. СПб., М., Вена, 1885. 975 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

МАС — *Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой*: *в 4-х т.* / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1992–... — Вып. 7–...

Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; программа «Словари XXI века»; [отв. ред.

В. В. Лопатин, О. Е. Иванова; авт.: О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова]. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС [КНИГА], [2012; 2013]. 879 с.

Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2021. 304 с.

I. V. Fufaeva
National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
iriel@inbox.ru

O. G. Zgirovskaya
National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
olga.slovo42@yandex.ru

PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF COLLOQUIAL GENDER-SPECIFIC JOB TITLES

The article discusses the problems associated with the lexicographic description of colloquial units included in the new dictionary of gender-specific job titles. The dictionary includes gender-specific job titles that are formed in a non-standard way. In the process of selecting gender-specific job titles, their frequency is taken into account. The problem of gender-specific job titles used in feminist discourse (for example, *avtorka*, *redaktorka*) and their competition with long-existing gender-specific job titles (*avtorsha*, *redaktorsha*), is reflected. The problem of gender-specific job titles, which first appeared in the XVIII–XIX centuries, was described, then they were forgotten or received negative connotations (*advokatka, poetka, partnerka,* etc.), and in modern feminist discourse they were re-constructed as politically correct words. The problem of stylistic and evaluative labeling of gender-specific job titles is considered. The problem arises due to the vagueness of stylistic marks and their discrepancy in different dictionaries, as well as due to the lack of pragmatic marks in the sources of some gender-specific job titles. The article also provides ways to solve these problems when describing words included in the dictionary of gender-specific job titles.

Keywords: semantics, job titles, stylistic labeling, derivation, gender-specific job titles, feminitives

References

Badanina I. V. *Funktsionirovaniye feminativov v yazyke interneta* [The functioning of feminatives in the language of the Internet]. *Russkiy yazyk v internete: lichnost, obshchestvo, kommunikatsiya, kultura: sbornik statey I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Under the general direction. ed. A. V. Dolzhikov*. Moscow, 2017. Pp. 89–94. (In Russ.)

Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka: А–Я [Large explanatory dictionary of the Russian language: А–Я] Comp., ch. ed. Ph. D. Philol. Sciences S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. 1534 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed., rev. and meaning add., ed. edited by [and with a foreword] prof. I. A. Baudouin-de-Courtenay. St. Petersburg; Moscow: T. M. O. Wolf Publ., 1903–1911. 4 v.

Dictionary of the Russian language [Dictionary of the Russian language], ed. A. P. Yevgenyeva: in 4 vols. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.

Efremova T. F. *Bolshoy sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large modern explanatory dictionary of the Russian language]. [Internet resource]. 2006. 180 thousand articles [to version AbbyyLingvo x5]. (In Russ.)

Fufayeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsiya* [What are women called? Feminitives: history, structure, competition]. Moscow: AST Publ.: CORPUS, 2021. 304 p.

Guzayerova R. R. *Bloger ili blogersha: russkiye feminitivy s formantom -sh(a) v sovremennom mediaprostranstve* [*Bloger* or *blogersha* Russian feminives with the formant -ш(а) in the modern media space]. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Series Gumanitarnyye nauki. 2019, V. 161, book 5–6. Pp. 105–116.

Kolesnikov N. P. *Tolkovyy slovar nazvaniy zhenshchin: Boleye 7000 yedinits* [Explanatory dictionary of women's names: More than 7000 units]. Moscow: AST: Astrel Publ., 2002. 608 p. (In Russ.)

Mikloshich F.K. *Kratkiy slovar shesti slavyanskikh yazykov* [A short dictionary of six Slavic languages]. St. Petersburg, Moscow, Vienna, 1885. 975 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (eds.) *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed., add. Moscow: Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.

Russkiy orfograficheskiy slovar: okolo 200 000 slov [Russian spelling dictionary: about 200,000 words] / Resp. ed. V. V. Lopatin, O. Ye. Ivanova; author: O. Ye. Ivanova, V. V. Lopatin, I. V. Nechayeva, L. K. Cheltsova. Ed. 4th, rev. and additional. Moscow: AST-PRESS [KNIGA] Publ., [2012; 2013]. 879 p.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century] / Ch. ed.: Yu. S. Sorokin. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad department, 1984–1991. Vol. 1–6; St. Petersburg: Nauka Publ., St. Petersburg department, 1992–... Issue 7–...

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk* [Russian language] Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.29

О. А. Шарыкина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oka_2311@mail.ru

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘УПАСТЬ’ И ‘УДАРИТЬСЯ’ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

Статья посвящена проблемам словарного описания глаголов со значением/значениями ‘упасть’ и ‘удариться’, функционирующих в устной и в письменной разновидности разговорной речи. Отмечается, что подход к толкованию таких глаголов неодинаков в различных толковых словарях, что говорит о сложности их словарного представления. В «Толковом словаре русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина) данные глаголы тоже представлены по-разному. У большей части из них выделено два самостоятельных значения ‘упасть’ и ‘удариться’ (например, у *бахнуться, ляпнуться, тяпнуться, рубануться* и др.), а у некоторых приводится одно сложное многокомпонентное значение ‘упасть и удариться’ (например, у *ахнуться, гробануться, шмякнуться*). Основанием для выделения двух значений стало то, что в разных контекстах в фокусе внимания оказывается либо только падение, либо только удар (получение травмы), который может быть не связан с падением. Важную роль сыграло также разное управление данных глаголов в разных значениях. Возможность совмещения двух значений указывается в самом толковании глагола или же в особой словарной зоне «прагматика». В статье также поднимается вопрос возможности унификации словарного представления отмеченных глаголов.

Ключевые слова: разговорная речь, толковый словарь, глаголы со значением ‘упасть’ и ‘удариться’, многозначность

Работая над «Толковым словарём русской разговорной речи» (ТСРР), авторы сталкиваются с различными проблемами при описании разговорной лексики. Одна из таких проблем возникает при толковании многозначных слов, в частности многозначных глаголов, а также глаголов со сложным (многокомпонентным) и диффузным значением. Поскольку границы значений некоторых разговорных слов зачастую нечёткие и размытые, проблема их разграничения возникала в процессе разработки словарных статей достаточно часто, и авторам ТСРР требовалось искать критерии, которые позволят отделить одно значение от другого.

В настоящей статье будет затронута проблема словарного описания глаголов со значением (или значениями) ‘упасть’ и ‘удариться’ в ТСРР. Это такие глаголы, как *ахнуться, бабахнуться, бахнуться, жахнуться, гробануться, ляпнуться, рубануться, тяпнуться, ухнуться, хлопнуться, чебурахнуться, шваркнуться, шмякнуться* и др.

Многие из них в разное время были описаны в толковых словарях. В представленной ниже таблице можно проследить, как разнится подход к толкованию данных глаголов в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (СУш), в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (Шв) и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС):

Глаголы	**СУш**	**МАС**	**Шв**	**БТС**
бабахнуться	нет статьи	‘с силой и шумом упасть’	то же, что *бахнуться*	то же, что *бахнуться*
бахнуться	1) удариться, стукнуться обо что-л.; 2) упасть	‘с силой и шумом упасть’	‘с шумом упасть или удариться’	1) с силой и шумом упасть; 2) сильно удариться, ушибиться
жахнуться	нет статьи	нет статьи	нет статьи	‘сильно удариться’
ляпнуться	1) упасть, шлёпнуться; 2) ушибиться обо что-н.	1) упасть, шлёпнуться; 2) удариться, ушибиться	нет статьи	1) упасть, шлёпнуться; 2) удариться, ушибиться
трахнуться	1) упасть с шумом; 2) сильно удариться	1) упасть с сильным шумом, треском; бухнуться, грохнуться; 2) сильно удариться обо что-н., стукнуться, бахнуться	то же, что *бахнуться*	1) с размаху упасть; 2) сильно удариться обо что-л., стукнуться
тяпнуться	‘упасть, удариться обо что-н.’	‘удариться обо что-л.’	нет статьи	‘удариться обо что-л.’
ухнуться	‘упасть стремглав, сразу и с шумом стукнуться, шлёпнуться’	‘с шумом, с силой упасть, свалиться’	‘упасть, внезапно свалиться’	‘с силой, с шумом упасть, свалиться’
хлопнуться	Отсылочная к *хлопаться*: 1. Стремительно падать, валиться. || ударяться.	1) стремительно упасть; 2) удариться	нет статьи	1) с шумом упасть; 2) удариться
чебурахнуться	‘грохнуться, шлёпнуться, упасть с шумом’	‘упасть с силой или с шумом, стуком, бухнуться’	‘упасть или удариться с шумом’	‘упасть с шумом, стуком, бухнуться’

Глаголы	СУш	МАС	Шв	БТС
шваркнуться	1) упасть; 2) удариться	1) стремительно, с размаху упасть; 2) сильно удариться	нет статьи	Отсылочная к *шваркаться*: 1) стремительно, с размаху падать; 2) сильно ударяться
шмякнуться	Отсылочная к *шмякаться*: ‘падать с глухим, шлёпающим звуком’	Отсылочная к *шмякаться*: ‘падать, ударяться со звуком, напоминающим шлёпание’	‘упасть, шлепнуться’	‘упасть, шлепнуться’

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что только СУш отмечает почти у всех указанных глаголов значения ‘упасть’ и ‘удариться’. В большинстве случаев это два самостоятельных значения, и только у *тяпнуться* и *ухнуться* дано сложное (многокомпонентное) значение: ‘упасть, удариться обо что-л.’ у *тяпнуться* и ‘упасть стремглав, сразу и с шумом стукнуться, шлёпнуться’ у *ухнуться*. А у *хлопнуться* (отсылочном к *хлопаться*) при основном значении ‘стремительно падать, валиться’ дан оттенок значения ‘ударяться’.

Стоит обратить внимание также на то, что у глаголов *чебурахнуться* и *шмякнуться* в СУш отмечено только значение падения, из чего можно предположить, что значение удара у этих глаголов развилось после 1930-х гг. Это подтверждают и данные исторических словарей и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Например, глагол *шмякаться* впервые упоминается в Словаре церковнославянского и русского языка (1847)[1], где, как и в СУш, отмечено только значение падения, ср.:

> **ШМЯ́КАТЬСЯ**, каюсь, каешься; шмя́кнуться, *гл. воз. Простон.* Падать съ глухимъ звукомъ. *Бѣжавши шмякнулся со всѣхъ ногъ на полъ.*

Интересно, что данный глагол встречается в основном корпусе НКРЯ только начиная с конца 1900-х гг., и значение удара, если судить по примерам, активно развивается в 1950-х гг., ср.:

> *Воробей отлетел в сторону и* ***шмякнулся*** *о забор* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком! 1957).

Глагол *чебурахнуться* впервые упоминается только в СУш. Если обратиться к НКРЯ, то можно отметить, что до 1940-х гг. *чебурахнуться* употребляется только в значении падения, а после этого времени — и в значении падения, и в значении удара, ср.:

> ‘падение’ и ‘удар’: *Как Яшке в избу заходить, Устя натянула веревку, он и* ***чебурахнулся*** *носом в пол, аж посуда на середе забренчала* (П. Бажов. Травяная западенка, 1940);

[1] Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. Т. IV.

‘падение’: *— Много лет назад я пришел в гости к другу, — признался «КП» писатель. — Передо мной появилась его трехлетняя дочка в шубке... Нарядилась в обновку и тут же, сделав шаг, упала. А папа и говорит: «Ну вот,* ***чебурахнулась****!»* (Комсомольская правда, 21.10.2006);

‘падение и удар’: *Кто* ***чебурахнулся*** *об асфальт за пятнадцать минут до съемки стендапа... и невозмутимо пошел на съемку со струйкой крови на коленке?* (ВКонтакте, 27.06.2015).

В представленной выше таблице также можно увидеть, что толкования указанных глаголов в БТС во многом совпадают с их толкованием в МАСе: в основном это либо два самостоятельных значениях, либо, как например у глагола *шмякнуться*, выделено только значение удара. Между тем в ОШ представлены преимущественно сложные толкования (‘упасть и удариться’). Таким образом, можно констатировать, что начиная с 1930-х гг. лексикографы испытывали затруднения при описании таких глаголов и разграничении отмеченных значений.

В ТСРР, первый выпуск которого вышел в 2014 г., опираясь на накопленный лексикографический опыт и на современные разговорные примеры (из художественной литературы середины XX в. — начала XXI в., из современного интернет-общения, а также используя записи разговорной речи), предпринята попытка описать данные глаголы как можно точнее и полнее. Так, в нем впервые представлены словарные статьи ахнуться, гробануться и рубануться (в указанных значениях). Эти и синонимичные им глаголы описаны в ТСРР поразному. В одних случаях выделяется два самостоятельных значения: ‘упасть’ и ‘удариться’. Ср.:

БА́ХНУТЬСЯ.

1. Упасть, обычно с шумом. *Сами в воду не* ***бахайтесь****/ входить только по команде//* (Запись устной речи, 1980); *Я чуть с велика не* ***бахнулась****; Крови было море! Сразу металлический привкус во рту и ещё чуть-чуть и* ***бахнулась*** *бы в обморок; Утром встала закрыть за ней дверь и снова* ***бахнулась*** *на кровать;* (Блоги, 2012).

2. Сильно удариться. *Три широкие ступени с круглыми краями, чистое стекло раздвижных дверей, в которое Варвара чуть было не* ***бахнулась*** *лбом* (Т. Устинова. Подруга особого назначения); *Головой* ***бахнулся*** *об пол/ поплыло всё; В стену* ***бахнулся****!* (Записи устной речи, 2011)[2].

ЖА́ХНУТЬСЯ.

1. Неожиданно и сильно удариться обо что-л. *Похоже, сильное отравление газом, сотрясение мозга — он затылком о раковину* ***жахнулся****...* (О. Новикова. Мужской роман); *Как можно запнутся о кота и упасть так, чтобы* ***жахнуться*** *затылком об стол?* (Блоги, 2012).

[2] Фрагмент словарной статьи М. Я. Гловинской.

2. Неожиданно с размаху упасть. — *Смотри поаккуратней здесь/ я вчера поскользнулся и так* ***жахнулся****/ до сих пор задница болит//* (Запись устной речи, 1999)[3].

ЛЯ́ПНУТЬСЯ.

1. Неожиданно упасть. *Рука подвернулась, я мордой-то в снег и* ***ляпнулся*** (В. Личутин. Крылатая Серафима); *И вдруг огромное зеркало как* ***ляпнется*** *на пол и вдребезги* (Комсомольская правда, 24.12.2009); *Волейбольный мяч* ***ляпается*** *в лужи, а потом брызги на морду летят...* (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

2. Сильно удариться обо что-л. *Еще одна комната. При входе сильно* ***ляпнулся*** *о косяк...* (С. Юрский. Рождество на чужбине); *Летят, летят снежки. Некоторые свистят мимо. Вот один с мокрым всхлипом* ***ляпнулся*** *в кирпичную стену и прилип* (Л. Матвеева. Продлёнка); *Ну и порог у вас тут! Того и гляди об него* ***ляпнешься****!* (Запись устной речи, 2014)[4].

ТЯ́ПНУТЬСЯ.

1. Упасть. *Ты решила* ***тяпнуться*** *в обморок, но без зрителей было не интересно...; Шли из школы, я упала.* ***Тяпнулась*** *на колено и руками уперлась* (Блоги, 2011); *Аэроплан* ***тяпнулся****, сплошная яичница, а мы — живы. До сих пор не пойму, каким образом* (Труд-7, 26.02.2004).

2. Удариться. *Кострецов прихватил его за шиворот, вздернул и швырнул врачишку на стул около стены, о какую тот* ***тяпнулся*** *затылком* (В. Черкасов. Черный ящик); *Ехал я днями из аэропорта, и полдороги таксист объяснял, какая у него новая и хорошая машина. Так объяснял, что не заметил, как* ***тяпнулся*** *крылом в грузовик* (Блоги, 2007)[5].

Два значения отмечены также у глаголов *рубануться*, *хлопнуться, чебурахнуться, шандарахнуться, шарахнуться, шваркнуться.* Основанием для этого послужило то, что в одних примерах в фокусе внимания оказывается падение (*бахнулась на кровать*, *жахнуться в яму*, *зеркало ляпнулось на пол, тяпнулся на колено*), в других — удар, получение травмы, а также то, что травма может быть получена и не в результате падения (ср. *в темноте бахнулся об стену ногой, рубанулся носом в дверь, машина тяпнулась крылом в грузовик*).

Учитывалось также различное управление глаголов в разных значениях, ср.: *бахнуться* куда *тяпнуться* на что — падение; *бахнуться обо что, во что чем* — удар.

Однако в некоторых случаях выделение двух самостоятельных значений глагола оказалось затруднительным, поскольку оба события (падение и удар), которые описывает глагол, тесно связаны друг с другом: обычно второе является прямым

[3] Фрагмент словарной статьи Л. П. Крысина.

[4] Фрагмент словарной статьи О. П. Ермаковой.

[5] Фрагмент словарной статьи О. А. Шарыкиной.

следствием первого. Можно отметить, что преимущественно это глаголы, которые описывают падение с высоты: *грохнуться, шмякнуться, ахнуться, ухнуться*, и как правило, речь идёт о живых предметах (людях или животных). У таких глаголов обычно отмечается одно сложное значение, например:

ШМЯ́КНУТЬСЯ.

1. О человеке или животном: упасть с высоты на что-л. твёрдое и удариться или получить травму. *Травма будет считаться производственной только в том случае, если опьянение наступило по вине работодателя. Например, в офисе красили стены, а вы надышались паров, заработали себе головокружение и неудачно* ***шмякнулись*** *с лестницы* (Труд-7, 05.05.2009) [6].

ГРОБАНУ́ТЬСЯ.

3. Неожиданно для себя упасть и сильно удариться. *Я больно* ***грохнулся*** *из-за гололёда; Правда не люблю я винтовые лестницы:* ***грохнуться*** *с них можно нехило, но это, как говорится, дело вкуса ... Главное с них не* ***грохнуться*** *и шею себе не свернуть; Всегда боялся* ***грохнуться*** *со второй полки поезда, особенно, в детстве; И кажется, когда качаешься, что ты молодец, уже потому что не размозжила себе башку о крышу и не* ***грохнулась*** *с дурацких качелей* (Блоги, 2010)[7].

В то же время у некоторых глаголов достаточно чётко вычленяется и значение падения, и значение удара и отмечается, что оба этих значения могут совмещаться. Можно привести в качестве примера два таких глагола: *ахнуться* и *ухнуться*. В ТСРР они описаны по-разному. У *ахнуться* дано сложное значение, однако по примерам видно, что здесь возможно выделение отдельных значений (‘упасть’ и ‘удариться’) и совмещение этих двух значений, поскольку жизненный опыт подсказывает нам, что подобные падения зачастую приводят к довольно чувствительным ударам и травмам:

А́ХНУТЬСЯ.

Резко упасть, сильно удариться. *И даже* ***ахнуться*** *об землю он согласен, но только вместе, чтобы в последнее мгновенье ощутить ее тепло* (В. Токарева. Лавина); *Вчера в темноте об угол* ***ахнулась****/ до сих пор плечо болит//* (Запись устной речи, 2007)[8].

А у глагола *ухнуться* возможность совмещения значений отмечена в особой зоне словарной статьи — PRAGM («прагматика»), ср.:

У́ХНУТЬСЯ.

1. О человеке или о чём-л. тяжелом: упасть (обычно с большой высоты) с шумом, стремительно и внезапно. *Уже переваливается через перила кроватки башкой вниз, вчера едва успела его подхватить, так бы и* ***ухнулся***

[6] Фрагмент словарной статьи Р. И. Розиной.

[7] Фрагмент словарной статьи Е. В. Какориной.

[8] Фрагмент словарной статьи М. Я. Гловинской.

(ЖЖ, 18.07.2007); *В Курске приходит в негодность подземный пешеходный переход — рухнула часть стены. Кирпично-цементная глыба* ***ухнулась*** *прямо на ступеньки* (46ТВ, 21.06.2017).

5. С силой удариться в результате броска, падения. *Один из поручней слегка обрывается, и я зависаю над бассейном в чистом страхе пролететь мимо и* ***ухнуться*** *головой об асфальт* (ЖЖ, 08.02.2008); *Меня так резко швырнуло в пылевую глубину, что показалось — спиной* ***ухнулся*** *о каменистое дно кратера* (gmnet.ru, 25.03.2021).

PRAGM: значения ‘упасть’ и ‘удариться’ могут совмещаться[9].

Таким образом, словарное представление данных глаголов может быть разным. Прежде всего это зависит от того, могут ли они выражать значение падения и удара и является ли удар следствием падения или нет. Поэтому у одних глаголов (например, *бахнуться, жахнуться, ляпнуться* и др.) в ТСРР представлено два самостоятельных значения (‘падение’ и ‘удар’), а у других (например, *шмякнуться, ухнуться*) отмечается сложное значение ‘упасть и удариться’. Во многих случаях выделение двух самостоятельных значений обусловлено также разным предложным управлением глаголов. Несмотря на то, что большинство разговорных глаголов со значением падения и удара являются синонимами, вопрос о том, возможна ли унификация их толкования, очень непростой, и данные глаголы, безусловно, требуют дальнейшего изучения.

Литература

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 864 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 824 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 680 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 5. М.: СПб.: Нестор-История, 2022. 760 с.

Кузнецов С. А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. эн-цикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

[9] Фрагмент словарной статьи Е. В. Какориной.

O. A. Sharykina
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oka_2311@mail.ru

VERBS MEANING ‘TO FALL’ AND ‘TO BE HURT’ IN THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

The article is devoted to the problems of dictionary description of verbs with the meaning/meanings ‘to fall’ and ‘to be hurt’, functioning in oral and written varieties of everyday speech. It is noted that the approach to the interpretation of such verbs is different in different explanatory dictionaries, which indicates the complexity of their lexicographic description. In the “Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech” (edited by L. P. Krysin), these verbs are also presented differently. Most of them have two independent meanings “to fall” and “to be hurt” (for example, bakhnut’sya, lyapnut’sya, tyapnut’sya, rubanut’sya, etc.), and some have one complex multi-component meaning of “to fall and to be hurt” (for example, akhnut’sya, grobanut’sya, shmyaknut’sya). The basis for distinguishing two meanings was that in different contexts the focus of attention is either only a fall, or only a blow (injury), which may not be associated with a fall. The difference in prepositional government of these verbs in different meanings was also taken into account. The possibility of combining two meanings is indicated in the interpretation of the verb itself or in the special dictionary zone “pragmatics”. The article also raises the problem of the possibility of unification the dictionary representation of verbs under consideration.

Keywords: everyday speech, explanatory dictionary, verbs meaning ‘to fall’ and ‘to be hurt’, polysemy

References

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 1.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 1]. Moscow. YaSK Publ., 2014. 776 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 2.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 2]. Moscow. YaSK Publ., 2017. 864 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 3.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 3]. Moscow. YaSK Publ., 2019. 824 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 4.* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 4]. Moscow. YaSK Publ., 2021. 680 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi*. Vyp. 5. [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 5]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022. 760 p. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.) *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka.* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburgh: Norint Publ., 1998. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov.* [Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p. (In Russ.)

Slovar’ russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language]. Evgen’eva A. P. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1981–1984. (In Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Sov. en-tsikl.: OGIZ Publ., 1935–1940. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.30

А. Д. Шмелев
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается прагматикализация языковых единиц при их использовании в разговорной речи. Обсуждаются явления, которые часто сопровождают такую прагматикализацию: прагматическая обязательность и семантическое «выветривание», или «выхолащивание».

Явление прагматической обязательности, когда в отсутствие некоторой дискурсивной единицы высказывание может породить ложные импликатуры, проиллюстрировано на материале показателей неполной достоверности (различаются два вида неполной достоверности: неуверенность и предположение), в частности характерного для разговорной речи использования слов *вроде* и *может*.

Явление семантического «выветривания», когда семантическое содержание единицы в конкретном высказывании трудно определимо, приводит к появлению так называемых «слов-паразитов», среди которых отдельно рассмотрены единицы, выражающие установку на краткость: *значит*, *короче* и *в общем*.

Показано, что пути прагматикализации языковых единиц различны, и, соответственно, явления, сопровождающие прагматикализацию, обнаруживаются не на каждом пути. В статье делается попытка обосновать необходимость тщательного анализа каждого отдельного использования языковой единицы, «подозреваемой» в завершении процесса прагматикализации. Такой анализ может быть полезен при создании лексикографических описаний рассматриваемых единиц, в том числе их полных лексикографических портретов.

Ключевые слова: прагматикализация, дискурсивный маркер, прагматическая обязательность, «слова-паразиты», лексикографический портрет

Вступительные замечания

В последние годы термин «прагматикализация», получает все большее распространение, хотя нет никакого консенсуса среди лингвистов относительно сущности обозначаемого им явления, роли прагматикализации в появлении дискурсивных маркеров, соотношения прагматикализации и грамматикализации (ср., в частности, [Diewald 2011; Heine 2013; Degand, Evers-Vermeul 2015; Waltereit, Detges

2016]). В самом общем виде прагматикализацию можно описать как приобретение языковой единицей специфических прагматических функций.

В каком-то смысле использование каких-то форм существительного, прилагательного, глагола в роли дискурсивных маркеров уже можно считать прагматикализацией. В самом деле, функцию дискурсивных маркеров можно описать как прагматическую по своей природе. Поэтому, когда в качестве дискурсивных маркеров используются такие единицы, как *значит* (по происхождению форма 3-го лица единственного числа глагола *значить*), *кажется* (по происхождению форма глагола *казаться*), *может* (по происхождению форма глагола *мочь*), *короче* (по происхождению сравнительная степень прилагательного *короткий* или наречия *коротко*), можно заключить, что в какой-то степени прагматикализация имела место.

Однако в данной статье основное внимание будет уделено дальнейшей прагматикализации дискурсивных маркеров, которая характерна для разговорной речи. В частности, предполагается обсудить два явления, часто сопровождающих такую прагматикализацию: прагматическую обязательность и семантическое «выхолащивание». Эти явления не зависят одно от другого, хотя нередко идут рука об руку.

Прагматическая обязательность

Понятие прагматической обязательности было предложено в статье [Шмелев 2001] и иллюстрировано посредством использования частицы *вдруг* составе условных оборотов (*если вдруг...*). «Используя оборот *если вдруг...*, говорящий как бы дает понять: ‘Я сознаю, что для этого нет причин, но, поскольку произойти может все что угодно, хочу рассмотреть и эту ситуацию’. Использование слова *вдруг* в такой ситуации является прагматически обязательным, а его отсутствие в условном придаточном порождает речевую импликатуру ‘говорящий считает реализацию данного условия весьма вероятной’ (иными словами, высказывание, начинающееся словами *Если Петя позвонит, скажи ему...*, имплицирует, что говорящий считает звонок Пети достаточно вероятным, — в противном случае следовало бы сказать *Если вдруг Петя позвонит...*). Собеседник, не согласный с такой импликатурой, может возразить, используя в составе возражения слово *вдруг* (напр., *Если Петя позвонит, скажи ему... — С чего это он вдруг позвонит?*), или выразить эту же гипотезу по-иному, а именно — добавив «недостающее» *вдруг*. Ср. характерный диалог доктора Глинки и Владимира Раевского из повести Веры Белоусовой «Второй выстрел»:

> Он [доктор Глинка] понимающе кивнул и стал просить, чтобы я рассказал ему, «если чего узнаю».
>
> — Да ну, — сказал я. — Ничего у меня не выйдет. Но если вдруг — тогда конечно!» [Шмелев 2001: 276–277].

В дальнейшем понятие прагматической обязательности было подробно рассмотрено в статье [Levontina, Shmelev 2005]. Было показано, что дискурсивный маркер можно считать прагматически обязательным, если его отсутствие может

привести к утрате связности текста или породить ложную импликатуру. Мы иллюстрировали понятие прагматической обязательности на примере частицы *еще* в некоторых высказываниях о будущем (*Я еще вернусь*; *Все еще наладится*; *Ты еще пожалеешь об этом*). Общий смысл высказываний вида *еще p* с частицей *еще* в рассматриваемом значении — по мнению говорящего, адресат речи может исходить из того, что p уже никогда не будет иметь места, и он говорит адресату, что p будет иметь место, хотя, возможно, не в ближайшем будущем. Если сорвалась поездка, можно сказать: *Да ты еще 10 раз съездишь на Кипр*. Утешая человека, пережившего любовное разочарование, говорят: *Ты еще встретишь настоящую любовь*. Без частицы *еще* эти фразы звучали бы странно.

При этом существенно, что иногда прагматически обязательным оказывается само наличие дискурсивного маркера, но выбор конкретного маркера остается до некоторой степени произвольным. Так, при повторной просьбе в русском языке почти обязателен специальный маркер. Это могут быть, например, частицы *ну*, *да* или *же* [Левонтина 1999]. Например, если просьба выключить телевизор не была выполнена, то будет странно, если человек снова скажет: *Выключи, пожалуйста, телевизор*. Здесь естественно будет что-то вроде: *Да выключи же телевизор*, или *Ну пожалуйста, выключи телевизор*. Если просьба прозвучала повторно, но в ней нет никаких маркеров повторности, то связность диалога нарушается, потому что человек формулирует просьбу так, как будто до этого с нею не обращался.

Показатели неполной достоверности: неуверенность и предположение

Прежде всего следует разграничить два типа показателей неполной достоверности: показатели неуверенности и показатели предположения. Это разграничение, восходящее к пионерским работам Е. С. Яковлевой (см., в частности, [Яковлева 1983; 1994]), было подробно рассмотрено в статьях [Булыгина, Шмелев 1993ab]. Сущность этого различия заключается в следующем.

Показатели неуверенности (напр., *кажется*, *вроде*) используются, когда у говорящего есть непосредственная информация о соответствующем положении дел, но он по каким-то причинам не вполне уверен в надежности этой информации. Непосредственная информация может быть получена путем чувственного восприятия, от других людей или посредством вспоминания.

Показатели предположения используются, когда у говорящего нет непосредственной информации о соответствующем положении дел. При этом степень уверенности говорящего в своем предположении может быть различной и варьироваться от почти полной уверенности до просто допущения возможности. Ср. показатель почти полной уверенности (*несомненно*), показатели, которые используются, когда полной уверенности нет, но все же говорящий склоняется к своей гипотезе (*вероятно*, *наверно*, *должно быть*), и показатели одной из возможностей, когда говорящий готов считать альтернативные возможности не менее вероятными (*может быть*, *возможно*).

Различие между неуверенностью и предположением может быть иллюстрировано следующим примером. Предположим, мы условились о приезде ко мне аспиранта, и я слышу звук домофона. Я могу высказать предположение *Наверно, это мой аспирант*, но странно звучало бы *Вроде это мой аспирант*. Но, если я подошел к домофону, в ситуации неуверенного узнавания по голосу я могу использовать только показатель неуверенности: *Вроде (*Наверно), это мой аспирант*.

В некоторых случаях использование показателей неполной достоверности становится прагматически обязательным. Если я говорю о чьей-то диссертации *Это хорошая работа*, имплицируется, что я прочел диссертацию — хотя бы бегло. Если же я только начал ее читать или же сужу о диссертации с чужих слов, я не должен давать категорическую оценку, а должен сказать *Кажется, это хорошая работа* или *Это вроде хорошая работа* (выбор показателя неуверенности может быть разным, но какой-то показатель нужен). Если же у меня нет никаких сведений о тексте диссертации, но я знаком с какими-то публикациями ее автора, я могу сказать, используя показатель предположительности, *Это, должно быть, хорошая работа* или *Это, наверно, хорошая работа*.

В определенных случаях налагаются более жесткие ограничения на выбор показателя. Рассмотрим диалог, уже приведенный нами в [Булыгина, Шмелев 1993а: 80]. Бабушка спрашивает внука, приехавшего в гости: «Ты будешь есть?» Он отвечает: «Да *вроде* я уже пообедал». Здесь *вроде* указывает не на то, что внук почему-то не вполне уверен, пообедал он или нет, а на то, что он не вполне уверен, не принять ли предложение (напр., не обидит ли он отказом бабушку). Категорическое *Я уже пообедал* имплицировало бы решительный отказ, который, вероятно, звучал бы менее вежливо.

Именно *вроде* может функционировать в составе «фигуры скромности» (*Вы говорите по-английски? — Да вроде*). Использовать в таком качестве *кажется* невозможно.

Некоторые показатели неполной достоверности характерны именно для разговорной речи. Помимо *вроде* как показателя неуверенности, сюда относится вводное слово *может* в роли показателя предположения (не случайно и *вроде*, и *может* включены в ТСРР).

Словарная статья ***мóжет*** включена в ТСРР с лаконичным толкованием ‘может быть’ (автор словарной статьи — Е. В. Какорина). Включение этой единицы в словарь представляется вполне оправданным, поскольку она представляет собою принадлежность разговорной речи (как вариант общелитературной единицы *может быть*). Можно согласиться и с толкованием: использованная в качестве толкования единица (*может быть*) часто рассматривается как элементарный смысл, или «семантический примитив», и может использоваться в толковании без дальнейших комментариев. Однако в ТСРР не отмечен особый сдвинутый тип употребления единиц *может* и *может быть*, характерный для сниженной разговорной речи или даже просторечия. При стандартном употреблении *может быть* (и *может*) указывает на то, что у говорящего нет информации о действительном положении дел и он высказывает гипотезу, никак не настаивая на ее истинности.

Напротив того, в «сдвинутом» употреблении эти единицы могут использоваться, когда говорящий достоверно знает, что данная пропозиция истинна, а прагматика такого употребления состоит в том, чтобы упрекнуть адресата речи за то, что тот напрасно не учитывает соответствующего положения дел в качестве возможного. Помимо собственно разговорной речи, такое употребление используется при ее имитации в художественной литературе. Так, в песне Галича «Жуткое столетие», послушав «очкарика», который «строил из себя учёного», лирический герой мысленно говорит:

А я, может, сам из семинарии.
Может, шоферюга я по случаю...

Мы видим, что такое высказывание может быть произнесено не вслух, а «про себя». Однако обычно они непосредственно направлены на адресата речи и представляют собою одну из манифестаций речевой агрессии.

Такие сдвинутые употребления чрезвычайно характерны для персонажей Зощенко. Вот несколько примеров (здесь и далее выделение в примерах мое. — АШ):

А я, говорит, ***может****, в 5 часов шабашу.* ***Может****, я маляр?*
(Мещанский уклон)

— Я вашу болезнь не унижаю, товарищ. Это болезнь тоже самостоятельная. Я это признаю. А я к тому говорю, что у меня, ***может****, болезнь посерьезнее, чем ваши разные почки. У меня — рак.*
(Больные)

[Герой рассказа у входа в кинотеатр увидел бедно одетую старушку и в порыве сочувствия подал ей рубль.]
Старушка поглядела на рубль и говорит:
— Это что?
— Вот, — говорю, — примите, мамаша, от неизвестного.
И вдруг вижу — у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.
— Странно, — говорит, — я, ***кажется****, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете?..* ***Может быть****, я дочку жду — собираюсь с ней в кино пойти. Очень, говорит, обидно подобные факты видеть.*
(Мелкий случай из личной жизни[1])

Приведем более развернутый пример:

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.
И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

[1] В этом примере также обращает на себя внимание сдвинутое употребление дискурсивного *кажется*, не выражающего здесь никакой неуверенности, а служащего средством речевой агрессии.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, — говорю, — уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайте внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

*— Старуха не реагирует, но я, **может быть**, еще реагирую. И мне, — говорю, — определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.*

(История болезни)

Строго говоря, единицу *может (быть)* в таких контекстах нельзя считать прагматически обязательной в полном смысле слова: она могла бы быть опущена без нарушения связности диалога, и в целом смысл изменился бы не радикальным образом. Не случайно в переводах произведений Зощенко такое *может* иногда опускается. В рассказе «Галоша» главный герой потерял в трамвае калошу и пришел получить ее в «камере для потерянных вещей». Когда он указал ее размер (двенадцатый), ему сказали: «У нас двенадцатого номера, *может*, двенадцать тысяч. Расскажи приметы» (в английском переводе Anne Marie Jackson — “We have *maybe* twelve thousand size twelves. What does it look like?”). После того как он описал приметы, ему сказали: «У нас таких галош, *может*, больше тыщи». В английском переводе последняя фраза передана так: *We have more than a thousand galoshes like that*. Мы видим, что слово *может* в переводе опущено.

Но в большинстве случаев опущение *может (быть)* существенно изменяет прагматику высказывания. При наличии *может (быть)* это акт речевой агрессии (нечто вроде ‘сам бы мог это предположить’), а при отсутствии — просто информирующее высказывание.

Обратим внимание на то, что другие показатели предположительности, в том числе близкое по значению *возможно*, в рассматриваемой функции не используются.

Слова-«паразиты»

Другой тип дальнейшей прагматикализации дискурсивных маркеров, характерной для разговорной речи, можно обозначить как семантическое «выветривание», или «выхолащивание». Сущность его заключается в том, что некоторые носители языка начинают использовать какую-то дискурсивную единицу «на каждом шагу», как будто без видимого семантического содержания. Единицы, используемые в таком режиме иногда называют «словами-паразитами»; используют также другие термины: «упаковочный материал», «словесная шелуха» и т. п. [Веселитский 1965; Успенский 1976], свидетельствующие об отношении к подобным единицам как к балласту, не несущему никаких полезных функций, кроме, может быть, ритмической организации речи и заполнения нежелательных пауз при

устной коммуникации[2]. Многие современные исследования ясно показали семантическую и прагматическую нагруженность соответствующих единиц даже при «выхолощенном» употреблении. Однако по-прежнему бытует отношение к ним как к вредным вкраплениям в речь. Можно привести характерный зачин статьи, специально посвященной «словам-паразитам»: «Одним из явлений в жизни современного русского литературного языка в области разговорной речи, вызывающих тревогу, является широкое употребление в речи так называемых слов-паразитов, слов-сорняков. В разряд таких слов попадают те слова, которые потеряли смысловое или эмоциональное наполнение. Словами-паразитами их делает употребление “не к месту” в любой части фразы. Существенным недостатком речи становится не только употребление таких слов, но и их неоднократное повторение, часто даже в пределах одного предложения» [Литвинова 2021: 55]. Кроме того, не всегда проводится разграничение между функциями различных «слов-паразитов»[3].

Между тем пути семантического «выхолащивания», приводящие к появлению «слов-паразитов» не тождественны, и «выхолащивание» никогда не бывает полным. Часто в «выхолощенном» употреблении сохраняются следы предшествующей стадии прагматикализации, а постоянное употребление одной и той же единицы, которое может даже казаться чрезмерным, иногда свидетельствует об общей дискурсивной установке говорящего[4].

При этом даже в случаях, когда функции неоднократно повторяемых единиц могут казаться сходными, более внимательный анализ обычно позволяет выявить между ними определенные различия. Проиллюстрируем это на примере единиц, связанных с общей установкой на краткость: *значит*, *короче* и *в общем*. Эту общую установку каждая из единиц преломляет по-своему. Приведем примеры употребления этих единиц из устного подкорпуса НКРЯ.

Значит:

Они сформировали колонну. И нас/ ***значит****/ в эту колонну и куда-то погнали на запад. [Воспоминания о молодости (2019)]*

Раз мы зашли в такую маленькую таверну/ э-э... посмотреть/ там же есть... были и рестораны такие/ но мы хотели посмотреть/ и нам ***значит*** *подали/ там все сидели ели макароны. Макароны итальяни. Такая вроде пиалы*

---

[2] Ср. используемые в исследованиях разговорной речи названия таких единиц: «заполнители пауз» [Сиротинина 1974: 71]), «пустые» частицы [Розанова 1983: 36–37], «заполнители пустот» [Земская 1983: 138].

[3] Ср. цитированное в [Шмелев, 1995: 151] высказывание литературного критика Вл. Новикова: «“Как бы” — словечко-паразит, обитающее исключительно в интеллигентских языковых организмах. Это вам не простонародное “бля” (“блин”), но функция у него, должен заметить та же самая (и, конечно же, тождественная пресловутому “понимаешь”)» (Новый мир, 1998, № 1). В замечании в скобках содержался намек на тогдашнего президента России Ельцина, постоянно употреблявшего вводное слово *понимаешь* в своей речи.

[4] Гипотеза, согласно которой неоднократное употребление дискурсивной единицы в пределах небольшого речевого отрезка часто выражает общую установку говорящего, была высказана, в частности, в статье [Шмелев 1996].

знаете/ такая круглая/ подали нам... миску. Макароны там плавают в томатном соусе. Мно-о-го томатного соуса. И они ведь целиком/ они не... не это/ не... не ломаные. И мы ***значит*** *посмотрели как едят. Они замечательно умеют есть!* [Беседа в гостях, Ленинград (1971–1977)]

Рассматриваемое употребление восходит к не «выхолощенному» употреблению единицы *значит*, которое может быть истолковано так: *Значит р* ‘существующие в момент речи обстоятельства или высказывания дают говорящему основание сказать: р’ (*Боишься — значит уважаешь*)[5].

В АС дискурсивное употребление единицы *значит* описано в рамках словарной статьи глагола *значить* (автор словарной статьи — А. В. Санников). Интересующее нас «выхолощенное» значение обозначено как **значить 1.4**. Для него указаны следующие ограничения: «только в форме 3-Л ЕД НАСТ; в функции частицы; ВВОДН; обиходн., наррат.». Толкуется оно так: «*Значит А1*: Указывает на то, что А1 является частью более длинного рассказа говорящего, обычно такой, за которой следуют какие-то другие». Это значение очевидным образом производно от значения, которое подано в АС как **значить 1.3**. Для него указано ограничение «только в форме 3-Л ЕД НАСТ; ВВОДН» и приведено толкование: «*А1 значит А2*: Имеет место ситуация А1, и это дает говорящему основание делать утверждение А2». Кроме того, в АС отдельно в качестве фраземы подан оборот *значит, так*, который толкуется следующим образом: «Говорящий что-л. обдумал и сейчас скажет, к какому он пришел выводу».

Здесь можно сделать ряд уточнений.

Во-первых, лучше говорить не о значениях глагола *значить 1.3* и *значить 1.4*, которые реализуются только в форме 3-го лица ед. настоящего времени, а об особой единице *значит*: по существу мы имеем дело с дискурсивной единицей, уже оторвавшейся от глагола.

Во-вторых, единица, обозначенная как *значить 1.4*, используется не только в нарративном режиме. Ср. следующий пример из НКРЯ:

[Ольга Сергеевна Северцева, жен, искусствовед] *Мне было/* ***значит****/ пять с половиной лет или около шести...* ***Значит****/ у меня был свой режим/* ***значит****/ утром мы купались/ чтобы я не обгорела/ Наталья Алексеевна навешивала на меня какой-то рыжий тюль/ в котором я/* ***значит****/ шествовала на море и с моря.* [Беседа Д. Б. Спорова с О. С. Северцевой (2012)]

---

[5] В норме такое *значит* находится в препозиции к *р*. Но обнаруживаются и примеры, когда оно оказывается в постпозиции, как в крохотке Солженицына «Прах поэта»:

— К Полонскому нельзя. Он — в зоне. Нельзя к нему. Да чо там смотреть? — памятник ободранный? Хотя постой, — надзиратель поворачивается к жене. — Полонского-то вроде выкопали?

— Ну. В Рязань увезли, — кивает жена с крылечка, щёлкая семячки.

Надзирателю самому смешно:

— Освободился, значит ...

В этом примере имеет место не нарратив, а описание: Ольга Сергеевна Северцева вспоминает свое детство и излагает свои воспоминания в резюмирующих фразах. Однако и здесь, как и в случае нарратива, говорящий демонстрирует установку на краткое и связное изложение. Общий смысл *значит* как слова-«паразита» — говорящий представляет дело так, что он структурирует информацию и резюмирует каждый элемент получающейся структуры.

В-третьих, оборот *значит, так* не всегда предваряет сообщение говорящего о выводе, к которому он пришел на основе обдумывания. Действительно, «предваряющее» *значит, так* — самый частый, но все же не единственный случай употребления этого сочетания. Встречается и использования оборота *значит, так* для подытоживания того, о чем говорилось. Вспомним отрывок из поэмы Александра Галича «Кадиш»:

И вновь спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
«Ну, что ж, — сказали, — значит, так?»
И он ответил: «Так!»
«Ну, что ж, — сказали, — кончен бал!»
Скомандовали: «Пли!»

Реплика *значит, так?* содержит вопрос, но этот вопрос касается того, верно ли подведен итог предшествующего разговора, т. е. общая идея состоит именно в подытоживании. Приведем также пример из романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей»:

Он, конечно, мог бы успокоиться на том, что ничего за собой не чувствует. Но так же, как и все граждане Советского Союза, он отлично знал, что вот это «чувствовал — не чувствовал» ничего не стоит. Но и это сейчас пугало его не особенно. Ну что ж, раз так, ***значит****, так.*

Обратим внимание на то, что «предваряющее» и «подытоживающее» *значит, так* различаются интонационно. Впрочем, можно считать, что «предваряющее» *значит, так* представляет собою фразему (в качестве каковой она и описана в АС), а «подытоживающее» выражение *значит, так* — это свободное сочетание вводного слова *значит* со словом *так*.

Короче:

Просто/ ***короче****/ там был такой момент/ когда они/* ***короче****/ сидят там/ бились/ бились с кем-то...* [Разговор в кафе (2007)]

Они как ломанулись на... через это/ а там движение большое/ там как раз круг/ и там машин много ездит/ и они/ ***короче****/ одного насмерть сразу сбило/ а второй в больницу/* ***короче****/ загремел.* [Разговор воспоминания о школьных годах (2019)]

Общая идея дискурсивного *короче*, как ясно из его внутренней формы, состоит в том, что говорящий демонстрирует желание удержаться в рамках краткого

изложения, не увлекаясь подробностями и иногда будучи готовым даже пожертвовать связностью текста. Эта установка особенно ясно видна, когда *короче* употребляется неоднократно в течение относительно короткого рассказа. Ср. пример из устного подкорпуса НКРЯ (в нем используется также показатель *значит*):

И на ее урок все или опаздывали/ либо сачковали. Ну и она вечно жаловалась классному руководителю. А классный руководитель такая классная/ она нас не ругала/ а просто по-человечески просила посещать урок. Ну и ***короче*** *мы решили походить немного. Да и уже в принципе до окончания школы оставалось совсем чуть-чуть/ каких-то пару месяцев/ потом экзамены/ и школа окончена. И решили прикольнуться намазать ее стул мелом. У нас стулья были покрашены в бледно-голубой цвет. И практически будет незаметно/ что на стуле что-то намазано. А она еще к тому же в очках ходила для зрения. И все время ходила в черной длинной юбке.* ***Короче*** *ходила/ как дура. Ну и вот она приходит* ***значит*** *урок проводить. Сначала поругала нас/ а потом технично села на стул. И давай объяснять какую-то тему. Некоторые еле выдерживали свой смех. А она там что-то распинается/ объясняет. И* ***короче*** *становится что-то написать на доске. Поворачивается задом/ а там жопа/ вся белого цвета. Весь класс* ***короче*** *еле сдерживается. И* ***короче*** *какой-то придурошный ученик заржал как лошадь. И она просекла фишку. Ну это только потом просекла. Когда преподша другая зашла/ что-то спросить. И нас* ***короче*** *всех к директору.* [Разговоры московских студенток (2007)]

В общем:

Вот когда смотришь вот на эту картинку/ ***в общем****/ даже странно представить/ что из такой вот кучи пыли и газа вот рождаются звёзды/ рождаются планеты/ рождаются... на планетах появляются океаны/ появляется жизнь —* ***в общем****/ действительно какое-то чудо природы.* [Лев Зеленый (2010)]

Вот мы ехали в Смоленскую область/ они здорово/ ***в общем****/ уже побиты молью политических перемен. Там уже очень плохо с населением/ и... А/ сейчас митинги идут/ нехорошо.* ***В общем****/ я плохо понимаю/ откуда мы продукты питания берём/ а езжу я много.* [Игорь Исаев (2011)]

Основная идея дискурсивного *в общем* — говорящий представляет дело так, что есть способ изложить дело подробно, а говорящий передает суть лишь в общих чертах, не останавливаясь на деталях. Иногда это бывает связано с речевыми затруднениями, напр. при обсуждении деликатных сюжетов, когда говорящий явно стремится сообщить минимум деталей, как в следующем примере:

Ээ здравствуйте/ девушка/ ээ у меня к вам такая [усмешка] *странная просьба/* ***в общем****/ ээ не знаю/ вам/* ***в общем****/ у моей знакомо... у моей знакомой ээ случилась такая м... проблема/* ***в общем****/ ээ она м... забеременела от мальчика и/* ***в общем****/ не знает что делать.* [Звонок в службу доверия (2015)]

В целом мы видим, что между *значит*, *короче* и *в общем* в их ипостаси «слов-паразитов» есть много общего. Их использование выражает общее стремление говорить коротко, без излишних подробностей. Однако между ними есть различия, которые могу быть представлены следующим образом (ср. [Levontina, Shmelev 2007: 254–255]):

- *значит*: установка на связность речи и ее резюмирующий характер (говорящий показывает, что перед ним стоит задача донести до слушателей много информации и он хочет изложить ее кратко и связно);
- *короче*: идея самоограничения (человек показывает, что стремится удержать себя в рамках краткого изложения, даже жертвуя подробностями или связностью текста);
- *в общем*: человек не готов изложить все полностью и говорит только самое важное, основное.

Отдельный интерес представляет смена повторяющего «слова-паразита», сопровождающая смену дискурсивной установки. В следующем примере сначала видна установка на демонстрацию желания удержаться от излишних подробностей, ограничиться кратким рассказом, и этому соответствует «слово-паразит» *короче*. Но затем происходит переход к изложению чужих слов, и начинает использоваться *типа* как показатель отсылки к чужой речи (обратим внимание на то, что *типа* маркирует не только самое чужую речь, но и глаголы, ее вводящие)[6]:

> ***Короче****/ я думала/ что я ну отдам телефон в починку/ что я наконец-таки починю свой экран. Нашла более-менее в интернете недорогую/* ***короче****/ компанию. Вот/ и они* ***типа*** *сказали/ за пять сто мы поменяем вам экран/* ***типа*** *оригинальный/ бла́-бла́-бла и так далее. И даже ну* ***типа*** *сказали/ что вот/ если хотите* ***типа****/ наш курьер бесплатно всё заберёт.* [Разговор подруг по телефону, 2015]

Заключительное замечание

Итак, процесс прагматикализации не завершается переходом какой-то формы глагола, прилагательного или существительного в разряд дискурсивных маркеров. Дальнейшие этапы этого процесса могут включать в себя приобретение маркером в определенных контекстах признака прагматической обязательности или его семантическое «выхолащивание», когда он начинает использоваться как «слово-паразит» (может иметь место и то, и другое). При этом даже внешне похожие дискурсивные маркеры имеют разные языковые характеристики. Поэтому необходим внимательный анализ их языкового поведения в разных типах контекстов. Такой

[6] На использование *типа* в качестве маркера чужой речи было обращено внимание в [Левонтина 2010]; а в [Левонтина 2022; 143] было отмечено, что *типа* может иногда присоединяться не к самой чужой речи, а к речевому глаголу. Особенности слова *типа* как показателя чужой речи подробно исследованы в [Kolyaseva 2018].

анализ может быть полезен при создании лексикографических описаний рассматриваемых единиц, в том числе их полных лексикографических портретов, тем более что современные словарные описания соответствующих единиц во многих отношениях далеки от совершенства.

Литература

АС — Активный словарь русского языка, т. 3. / Под рук. Ю. Д. Апресяна. / Под ред. В. Ю. Апресян, И. В Галактионовой, Б. Л. Иомдина. М.; С.-Пб.: Нестор-История, 2017. 768 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993a. С. 78–82.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Коммуникативная модальность: констатация возможности, гипотезы и квазисообщения // Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация / Herausgegeben von Peter Rehder. München: Verlag Otto Sagner, 1993b. [Slavistische Beiträge; Bd. 305]. С 55–65.

Веселитский В. В. «Упаковочный материал» // Наша речь. Как мы говорим и пишем / Научн. ред. С. И. Ожегов, В. П. Григорьев. М.: Знание, 1965. С. 77–79.

Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. С. 80–118, 135–141.

Левонтина И. Б. Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура, Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность / Отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 188–200.

Литвинова Г. М. К проблеме употребления слов паразитов в современном русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 55–62.

Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. С. 5–79.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1–4. М.: Издательский Дом ЯСК, 2014–2021. Т. 5. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.

Успенский Л. В. Культура речи. М.: Знание, 1976. 96 с.

Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры / Отв. ред. И. Т. Вепрева. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 151–153.

Шмелев А. Жизненные установки и дискурсные слова // Aspekteja [Slavica Tamperensia. V]. Tampere 1996. С. 311–322.

Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай*, *если что*, *вдруг*) // Русский язык: пересекая границы / Отв. ред. М. Гиро-Вебер, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2001. С. 266–279.

Яковлева Е. С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 23 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Degand L., Evers-Vermeul J. 2015, Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a terminological issue // Journal of Historical Pragmatics. Vol. 16. P. 59–85.

Diewald G. 2011. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions // Linguistics. Vol. 49. № 2. P. 365–390.

Heine B. 2013. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? // Linguistics. Vol. 51. № 6. P. 1205–1247.

Kolyaseva A. The 'new' Russian quotative *tipa*: Pragmatic scope and functions // Journal of Pragmatics. 2018. Vol. 128. P. 82–97.

Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory / ed. by Ju. D. Apresjan and L. L. Iomdin. Moscow, Slavic Culture Languages Publishing House, 2005. P. 259–268.

Levontina I., Shmelev A. False Emptiness: Are So-called "Parasitical Words" Really Semantically Void? // Meaning — Text Theory 2007. Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007 / ed. by K. Gerdes, T. Reuther, L. Wanner [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69]. München — Wien, 2007. P. 259–268

Waltereit R., Detges U. Grammaticalization and pragmaticalization // Manuals of Romance Linguistics: Grammatical interfaces / ed. by Ch. Gabriel and S. Fischer. Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 635–658.

A. D. Shmelev
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
shmelev.alexei@gmail.com

PRAGMATICALIZATION IN EVERYDAY SPEECH

This paper deals with the pragmaticalization of linguistic units when used in everyday speech. It discusses two phenomena that often accompany the pragmaticalization, namely, pragmatic obligatoriness and semantic "bleaching."

A discourse word is regarded to be "pragmatically obligatory" in a given communicative situation if native speakers tend to use it in that situation even though they do not seek to express the associated meaning. The lack of the proper discourse word where the communicative situation calls for it every so often may lead to wrong implicatures or disrupt the coherence of the text. To illustrate the point, the paper uses markers

of insufficient or incomplete reliability (two types of incomplete reliability are distinguished: uncertainty and assumption), in particular, the use of the words *vrode* (literally, 'like') and *mozhet (byt')* ('maybe'), which is characteristic of colloqial speech.

"Semantic bleaching" takes place when a word tends to occur (especially in certain idiolects) in contexts where it apparently conveys no meaning (hence the term "parasitic words"). The paper pays special attention to the markers that express the general idea of brevity of speech, namely, *znachit* (literally, 'it means), *koroche* (literally, 'more shortly'), and v *obshchem* ('in general').

The ways of pragmaticalization are various, and, accordingly, the phenomena accompanying pragmaticalization are not characteristic of every given path. The paper makes an attempt to substantiate the need for a thorough analysis of each linguistic expression "suspected" of completing the pragmaticalization process. Such analysis may be useful in creating lexicographic descriptions of the expressions under consideration, including their lexicographic portraits.

Keywords: pragmaticalization, discourse marker, pragmatic obligatoriness, "parasite words", lexicographic portrait

References

Apresyan Yu. D. (ed.-in-chief). *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian], vol. 3, ed. by V. Yu. Apresyan, I. V Galaktionova, B. L. Iomdin. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Hypothesis as a mental and speech act]. *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya* [Logical analysis of language. Mental acts]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 78–82. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Illocutionary modality: statements of possibility, hypotheses, and quasi-assertions]. *Slavistische Beiträge*, 1993, vol. 305, pp. 55–65. (In Russ.)

Degand, Liesbeth & Jacqueline Evers-Vermeul. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a termivolnological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 2015, vol. 16. pp. 59–85.

Diewald, Gabriele. 2011. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*, vol. 49, no. 2, pp. 365–390.

Heine, Bernd. 2013. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? *Linguistics*, vol. 51, no. 6, pp. 1205–1247.

Kolyaseva, Alena, 2018. The 'new' Russian quotative *tipa*: pragmatic scope and functions. *Journal of Pragmatics*, vol. 128, pp. 82–97.

Krysin L. P. (ed.-in-chief). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Vol. 1–4. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2014–2021. Vol. 5. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022.

Levontina I. B. [Strategies of coaxing: particles in repeated requests]. *Yazyk. Kul'tura, Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'* [Language. Culture. Humanities. Scientific heritage of G. O. Vinokur today]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1999, pp. 188–200. (In Russ.)

Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without. *East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory*, Moscow, Slavic Culture Languages Publishing House, 2005, pp. 258–267.

Levontina I., Shmelev A. False Emptiness: Are So-called "Parasite Words" Really Semantically Void? // *Meaning — Text Theory 2007. Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory.* Klagenfurt, May 20–24, 2007 / ed. by K. Gerdes, T. Reuther, L. Wanner [= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69]. München — Wien, 2007. P. 259–268.

Litvinova G. M. [Filler words in contemporary Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 22, 2012, no. 2, pp. 55–62. (In Russ.)

Rozanova N. N. [Suprasegmental phonetics]. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian spoken language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 5–79. (In Russ.)

Sirotinina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern spoken language` and its features]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)

Shmelev A. D. ["Parasite words" and their role in the construction of discourse]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury* [The Russian language in the context of modern culture]. Ekaterinburg, Ural St. Univ. Publ., 1995, pp. 151–153. (In Russ.)

Shmelev A. [Life attitude and discourse words]. *Slavica Tamperensia*, V, 1996, pp. 311–322. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Some tendencies in the semantic development of Russian discourse words (*na vsyakii sluchai*, *esli chto*, *vdrug*]. *Russkii yazyk: peresekaya granitsy* [Russian language crossing the border]. Dubna, Dubna International University of Nature, Society, and Man Publ., 2001, pp. 266–279. (In Russ.)

Uspenskii L. V. *Kul'tura rechi* [Speech culture]. Moscow: Znanie Publ., 1976. 96 p.

Veselitskii V. V. ["Packaging material"] *Nasha rech'. Kak my govorim i pishem* [Our speech. The ways we speak and write]. Moscow, Znanie, 1965, pp. 77–79. (In Russ.)

Waltereit, Richard & Ulrich Detges. Grammaticalization and pragmaticalization. *Manuals of Romance Linguistics: Grammatical interfaces*, Berlin, Mouton de Gruyter, 2016, pp. 635–658.

Yakovleva E. S. *Znachenie i upotreblenie modal'nykh slov, otnosimykh k razryadu pokazatelei dostovernosti/nedostovernosti. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Meaning and usage of certainty/uncertainty markers. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1983. 23 p. (In Russ.)

Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language worldview (models of space, time, and perception)]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 344 p.

Zemskaya E. A. [Morphology]. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian spoken language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 80–118, 135–141. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.31

Е. Я. Шмелева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
eshkind@mail.ru

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ *ОК* И *АГА* В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются стилистически окрашенные утвердительные частицы *ок* и *ага*, которые едва ли не чаще используются в качестве ответных реплик выражения согласия в переписке в интернет-мессенджерах и чатах, чем нейтральная утвердительная частица *да*. Материалом статьи послужили данные Основного корпуса и подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка и переписка автора в течение последних трех лет с друзьями и коллегами в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Skype, Viber и др.) и рабочих чатах. Рассматривается история слов *ок* и *ага* в русском языке, значение и стилистическая окраска этих слов в современной русской речи, наиболее употребительные конструкции с *ок* и *ага*. Делается попытка выявить причины появления каждого из них в устной речи и в письменной коммуникации, имитирующей устную речь. Для этого проводится опрос «экспертов» — людей с высшим филологическим образованием, соблюдающих в переписке нормы орфографии и пунктуации и не использующих ни в речи, ни в переписке сниженных и жаргонных слов (за исключением редких случаев цитатного или иронического употребления).

Ключевые слова: утвердительные частицы, интернет-коммуникация, письменная / устная речь, история слов, семантика, стилистика

В русском языке существует два типа согласия: утвердительный ответ на вопрос или согласие с утверждением (*да*, *ага*) и согласие что-либо сделать (*ладно*, *хорошо*). Выбор говорящим или пишущим средств выражения согласия внутри каждой группы зависит от множества факторов: от формы коммуникации (письменная vs устная коммуникация), от типа диалога, от взаимоотношений участников коммуникации (коммуниканты равны по возрасту, социальному положению или не равны), от степени официальности общения и др.

Как известно, в последние годы появился новый этикет делового и личного общения — считается гораздо приличней договориться о встрече, узнать мнение собеседника по какому-либо вопросу, обсудить планы на будущее не устно по

телефону, а по переписке в интернет-мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Messenger, Skype и др.). Даже если вы все-таки хотите кому-то позвонить, звонок обычно предваряется письменным сообщением-вопросом: *Можно позвонить*? Диалог, который ведется с помощью письменных сообщений и имитирует устную беседу, задает правила написания сообщений. Они должны быть короткими, такими же, как реплики в устном диалоге, или даже короче — некоторые (особенно представители младшего поколения) считают, что сообщение не должно состоять из нескольких предложений, каждое предложение нужно посылать отдельным сообщением. Отвечать на такие сообщения нужно также быстро, как в разговоре, но поскольку человек обычно пишет дольше, чем говорит, в переписке чаще, чем в устной речи, используют короткие слова и аббревиатуры. Есть и другие отличия письменных сообщений от устных реплик, которые не всегда легко объяснить. Так, по моим наблюдениям, в переписке в мессенджерах в качестве ответных реплик выражения согласия чаще используются стилистически окрашенные частицы *ок* и *ага*, нежели столь же короткая нейтральная утвердительная частица *да*. При этом частицы *ок* и *ага* имеют разное происхождение, разную историю бытования в русском языке, принадлежат к разным стилям речи, да и значение их даже в качестве средства выражения согласия, отнюдь не тождественно.

Заимствованная из английского языка частица *OK* появилась в русском языке относительно недавно. Первое упоминание в НКРЯ в путевых очерках Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Одноэтажная Америка» (1936 г.):

1. *Затем, вместо оптимистических «олл райт» и «о'кей» в разговорах жителей Запада слышится не менее оптимистическое, но чисто местное «ю бет», что означает: «держу пари», но употребляется во всех случаях жизни*.

Вплоть до шестидесятых годов прошлого века это слово в основном использовалось для передачи речи иностранцев:

2. *Потом идут обоюдные стандартные слова «о'кей», «сенк ю», «карашо», «привет», «хау ду ю ду», «до свидания», на что с легкостью убивается еще минут пятнадцать времени».* (Константин Симонов. Япония. 1946)

Но уже в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века *окей* встречается в речи литературных персонажей — носителей русского языка[1]:

3. *— Ясно! — выкрикнул Рябов. — Все будет о-кей, — заверил Гаенко* (С. Довлатов. Солдаты на Невском.1965).

[1] Как это обычно бывает с новыми заимствованиями, вначале были самые разные варианты написания этого слова: через *е* и через э, слитно, с апострофом или через дефис. Затем в орфографических словарях были закреплены рекомендации писать это слово через *е* с апострофом или через дефис (см., например, [РОС 2012]), а современные орфографические словари допускают два написания — с апострофом и слитно [РОС 2023]. В цитируемых в статье примерах из НКРЯ сохраняется авторское написание.

4. *Пятнадцать суток. — О'кей! — сказал ювелир* (В. Шукшин. Как Андрей Куринков, ювелир, получил 15 суток. 1970–1974).
5. *Ты из института? Ну как коллоквиум, все о'кэй?..* (М. Рощин. Валентин и Валентина. 1970).
6. *Что на работе? — Все о'кей* (А. Гладилин. Прогноз на завтра. 1972).
7. *О-кей, сказал я себе в то первое университетское утро* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976).

Окей в то время — это модное заимствование, слово из городского жаргона стиляг, не понятное простым русским людям, ср.:

8. *О'кей, о'кей сказал Егорша, когда выпили. — Чего, чего? — не поняла Лиза. — О'кей, — сказал Егорша, но уже не так уверенно. Она опять ничего не поняла* (Ф. Абрамов. Дом. 1973–1978).

Как пишет в заметке в журнале «Русский язык» О. Северская, «в советское время *ОК* было символом свободы вместе с джинсами, жвачкой и рок-н-роллом. Против него боролись: мол, разлагает запад умы, а у нас и своего словарного запаса хватает» [Северская 2010]. Заметим, что «иностранное» происхождение этого слова до сих пор ощущается носителями русского языка, поэтому *окей* часто используется при передаче речи иностранцев, чаще всего американцев, но и испанцев, финнов, китайцев и других, а также русских, живущих за границей:

9. *О'кей — отозвался Джим, — Я не буду тебя отговаривать, хотя мне будет тебя не хватать* (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).
10. *О'кей! — финка явно обрадовалась проявленному к ней вниманию* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи. 2010).
11. *О'кей! — вежливо улыбаясь, раскланялся китаец и моментально растворился в пространстве* (Андрей Ростовский. Русский синдикат. 2000).
12. *У меня все о'кей, — ответил Илья. — Рекламная студия своя в Нью-Йорке, еще бизнес кое-какой* (А. Берсенева. Полет над разлукой. 2003–2005).

Некоторый рост употребительности *окей* произошел, судя по данным НКРЯ, в девяностые годы прошлого века, когда в русскую речь пришло много заимствованных слов, по-видимому, в связи с общей модой на англицизмы. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой появилась словарная статья:

О'КЕ́Й (*прост.*). Возглас, выражающий согласие, подтверждение, одобрение [Ожегов, Шведова 1992].

Но настоящий рост употребительности *окей* наблюдается в двухтысячные годы с появлением SMS, ICQ, форумов и социальных сетей, причем записывать это слово стали двумя кириллическими прописными *ОК* или строчными буквами *ок* (иногда, когда это начало предложения, — одной прописной, одной строчной).

Как отмечает О. Северская, «вторая волна всенародной любви к “соглашательскому” словечку совпала с бурным развитием средств связи. Интернет-общение и смс-переписка потребовали сокращения всех знаков согласия до двух букв» [Северская 2010]. Например:

13. *Дела отлично! С личной жизнью все ОК!* (Смс-сообщения старших школьников).
14. *Так логичнее. Ок, я никому не скажу!* (Форум: Горный двухподвесочный.).
15. *Не переоценивай возможности детей. Это не ок* (telegram Чат для художников)

Очень вероятно, что двухбуквенные написания встречалось и раньше, но корректоры исправляли их на *о’кей*. Так, например, написание *ОК* встречается в дневниках:

16. *Все ОК. Боюсь зачета* (М. Коган. Дневник. 1992).
17. *Так, что за нас и нашу дражайшую отчизну не беспокойтесь. У нас все ОК!* (Л. Остерман. Дневник. 1993).

Но написание *ОК* было непривычным, недаром у Л. Петрушевской оно сопровождается пояснением *о’кей*:

18. *Все было сделано ОК, о’кей* (Л. Петрушевская. Детский праздник. 1998–1999)

Примерно после 2010 года написания *ОК*/*ок*, по-видимому, стали настолько массовыми и привычными для глаза, что корректоры перестали их исправлять:

19. *ОК, так и сделаю — просто из любви к искусству* (В. Пелевин. S.N.U.F.F. 2011).
20. *Сначала все шло ОК, а потом вроде как Наташа зарвалась* (А. Иванов. Ёбург).
21. *Написал сослуживец, коротко, по-армейски: «как оно?» Я ответил «ок», решил, на самом деле не совсем «ок»* (С. Кубрин. Розовый танк. 2015. 2014).
22. *Ок, — ответила Ася, скрыв негодование под непроницаемо-холодной маской* (А. Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019).

Конечно, и в интернет-коммуникации встречаются «правильные» написания *окей* / *о’кей*, но гораздо реже, например, в подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ за 2022 год *ок*/*ОК* встречается в 1353 текстах, 1396 примеров употребления, а *окей*/*о’кей* — в 263 текстах, 301 пример (причем в ряде примеров речь идет о магазине «О’КЕЙ», интересно, что в этом случае слово *окей* склоняется: *продукты первой необходимости в линии и окее*; *брала в Окее по скидке*).

Написание *ок* привело к тому, что говорить стали тоже [ок] (в молодежной речи есть еще варианты [оки], [оке] и даже [окс]). Сейчас можно сказать, что существует старшая и младшая нормы произношения этого слова, при том, что в переписке представители и старшего, и младшего поколения пишут его одинаково, двумя буквами (например, в моих материалах переписки в мессенджерах ни разу не встречается написание *окей*, только *ОК*/*ок*). В словарях русского языка ни новое написание, ни новое произношение пока не фиксируется.

ОК в интернет-коммуникации имеет то же значения, что и *окей* — «нормально, хорошо, все в порядке», может быть как словом-предложением, так и частью сказуемого, ср. словарные толкования *окей*:

> **О’КЕ́Й** [*о* слабоударяемое], *частица* и *в знач. сказ.* (прост.). Выражение согласия, подтверждения, одобрения; всё хорошо, всё в порядке [Ожегов, Шведова 1999].

> **ОКЕ́Й**; **О’КЕ́Й** [*англ.* o'key]. I. *частица*. Выражает согласие, одобрение. *Выйдем на рассвете. — Окей. Сделаешь? — О'кей.* II. *в функц. сказ*. Хорошо, отлично. *У нас всё окей* [Большой толковый словарь 2019].

В значении сказуемого встречается как утвердительная, так и вопросительная конструкции:

23. *С интернетом все ок* (telegram tvOS (AppleTV4/4K)).
24. *да ничего, хотел спать пойти (3 часа сна в сутки это не ок)* (telegram Чат для художников).
25. *ну вот это опять логика — но можно сделать это это и это и все будет ок, в то время как у айфона уже все ок* (telegram Rozetked Discuss).
26. *С тобой все ок?* (telegram Чат для художников).
27. *Почему не ок?* (telegram Cyprus Animals.).

Частица *ок* также бывает вопросительной и утвердительной. Вопросительное *ок*? после предложения что-либо сделать — это просьба подтвердить согласие собеседника с этим предложением; то есть *ок?* выступает в той же функции, что вопросительные *хорошо*? *ладно*?[2] Например:

28. *Поделитесь впечатлениями, ок?* (Форум Детские развлечения).
29. *Давайте кино обсуждать, а не на личности переходить, ОК?* (Форум: Обсуждение фильма «Доживем до понедельника»).
30. *можно всё не повторять что я говорю ок?* (telegram Чат для художников).
31. *Я выйду не на долго ок?* (telegram Чат для художников).

---

[2] Пару лет тому назад в сети появился мем *окда* (*ок*, *да*), имеющий два значения: 1) понятно, да? *Мне неинтересно твое мнение, окда?* 2) *ирон*. это и так понятно *Ты у нас самый умный, окда*. Но, похоже, его уже забыли.

Утвердительная частица *ок* чаще всего используется как согласие с предложением что-либо сделать:

32. *В любом случае, не сегодня. — Ок, когда скажешь. Завтра, пойдет?* (А. Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019).
33. *Только я бы предложил кондитерскую там. — Ок, — ответил Аркадий, — кондитерская так кондитерская* (А. Клепаков. Опекун // «Волга», 2016)
34. *если надумаешь-скажи. — Ок* (Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг)

Очень часто в этом случае используется конструкция *ну ок*:

35. *Не понимаешь украинский ну ок если тебе так интересно можно перевести* (telegram Чат для художников)
36. *не дешево, ну ок, можно обойтись более дешевым вариантом* (telegram Rozetked Discuss).

В качестве утвердительного ответа на вопрос обычно неуместно использовать *ок*. Например: *Ты придешь завтра в институт? — *ОК*; *Вы смотрели этот фильм? — *ОК*; *Вы сдали экзамен? — *Ок*. В этом случае правильно ответить *да* или *ага*, а *ок* используется в качестве ответа на те вопросы, на которые отвечают «хорошо, ладно», то есть в ответ на вопросы-просьбы: *Повесите информацию на сайте? — Ок* [повешу]; *Ты сможешь за меня подписаться? — Ок* [подпишусь] или на утверждения, поданные в форме вопроса:

37. *Не хочешь сейчас? Ок, мы сделаем это вечером, завтра, послезавтра* (Е. Кириллова. Психология)

Таким образом, *ок* заменяет в письменной коммуникации не короткое слово-предложение *да*, а более длинные *хорошо*, *ладно, конечно*, *правильно* и др.

Приведем теперь данные, полученные на основе анализа моей обширной переписки в чатах и мессенджерах в 2022–2024 гг. Среди моих корреспондентов есть люди разного возраста и с разным уровнем образования. Эти данные дают информацию об узусе, а для выявления нормы нужен опрос «экспертов» — «образованных, грамотных людей, знающих, что по данному поводу говорится в словарях и справочниках, но способных критически оценить соответствующие рекомендации» [Шмелев 2014: 275]. Поэтому среди моих корреспондентов была выделена группа людей с высшим филологическим образованием (далее «эксперты») — 23 человека старше 50 лет, 5 человек младше; среди них 13 кандидатов филологических наук, 9 докторов филологических наук, два член-корреспондента РАН, два академика РАН. Во всей переписке встретилось всего четыре примера использования *ок* в функции сказуемого, мои корреспонденты, в том числе и не из группы «эксперты», как ни странно, предпочитают использовать более длинные выражения «у тебя все в порядке / все нормально?» — «да, более-менее / все

хорошо». Также практически отсутствуют примеры с вопросительной частицей *ок* после утверждения (всего 2): *Я завтра, наверно, не приду, по зуму буду выступать, ок?* Ни разу не встречается конструкция *ну ок*. Зато больше половины корреспондентов используют утвердительную частицу *ок* в качестве выражения согласия с предложением что-либо сделать и в качестве ответа на просьбу, выраженную в форме вопроса:

Я сейчас свои ответы на вопросы пришлю — Ок, спасибо!
Давайте завтра вместе обсудим этот вопрос — ОК
Можем завтра подписать? — Ок, конечно
Посидишь вместо меня на секции? — Ок

Я задала «экспертам» вопрос: *Используете ли Вы в речи ок в качестве ответной реплики на предложение или вопрос говорящего? В переписке в мессенджерах? Почему?* Были получены следующие ответы (ответили 22 из 28 человек): 8 человек ответили: *нет, ни в речи, ни в переписке*; 4 человека — *да, и в речи, и в переписке*; 10 человек — *в речи почти не использую, в переписке использую*. Было получено три примерно одинаковых комментария: «говорю *хорошо*, *согласен*/*согласна*, пишу *ок*, потому что короче». Таким образом, можно сказать, что с точки зрения образцовых носителей современной литературной нормы *ок* до сих пор не стало нейтральным словом, но оно менее маркировано в переписке, чем в речи, поскольку всем понятно, что в переписке удобнее использовать короткие слова.

Совсем другая и, как кажется, более удивительная история произошла со старой русской утвердительной частицей *ага*, у которой еще в Толковом словаре Владимира Даля отмечено два значения — выражение согласия и междометия:

Агá нареч. *зап*., эге *малорос*. (буква *г* произн. по-южному, съ придыханіемъ) да, такъ, конечно, ладно. *Ти быв ён тамацки?* «Ага» *смол*. || **Ага**, **агату** мжд. изумления *смол*. а, ах, ба. || **Ага** мжд. торжества а-а! [Даль 1935].

Практически те же значения выделяют у слова *ага* и современные толковые словари:

АГА́ [*ahá*] **1**. *межд*. Восклицание с торжествующей интонацией *Ага*! *попался*! **2.** *частица*. То же, что да[1] (в первом знач.) (прост.) *Видишь? — Ага, вижу* [Ожегов, Шведова 1992].

АГА́ [ahá]. I. *межд.* Выражает злорадство, торжество, замешательство и т. п. *Ага, дрожишь! Ага, не уйдёшь!* II. *частица.* Разг.-сниж. Употр. для выражения согласия, подтверждения; да, хорошо, так. *Встретились? — Ага* [Большой толковый словарь 2019].

Междометие *ага* отмечено еще в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1755 г.: «Знаменованием междуметия суть — радостные: га, ага; печальные: охъ, ахъ, горе, бѣда, ахти мнѣ; удивительные: тото, тото на, вотъ тото, исполать; внезапность значащие: ба, баба; презрения: фе, фу, а; запрещения: цыть, сть; боязни: ой,

уу; отзывающегося: ось, гой, что». Оно встречается как в классической, так и в современной литературе:

38. *Ага! — подумал я, — лист-то оборачивается: не отец, а дочка деспот в доме.* (И. Лажечников. Гримаса моего доктора. 1813).
39. *— Ага, слуга в барина: каков поп, таков и приход, а малина разве растет у меня на дубах?* (А. Пушкин. Дубровский. 1833).
40. *«Ага, брат! — подумал в свою очередь Пандалевский, — давно ли ты здесь распоряжался барином, а теперь вот как пришлось выражаться!»* (И. Тургенев. Рудин. 1856).
41. *Не знаешь? Ага! То-то!* (М. Булгаков. Театральный роман. 1936–1937).
42. *— Ага! — скажет бдительный читатель. — Вот до чего договорился!* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. 1976).
43. *Он обыскал человека — и торжественно вытащил у него из брюк нож. — Ага!.. — сказал он.* (А. Слаповский. Гибель гитариста. 1994–1995).
44. *Я лучше курагу. — Ага! На диете, значит, сидите* (М. Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха // «Домовой», 2002).

Слово *ага*, так же, как и *да*, — это утвердительный ответ на вопрос собеседника. Но *ага*, в отличие от нейтрального *да*, слово стилистически окрашенное, недаром во всех словарях современного русского литературного языка оно имеет помету *просторечное*, *разговорно-сниженное*, так говорят не очень образованные люди или дети:

45. *— Сельские? — полюбопытствовал профессор. — Ага, сельские. Из деревни* (В. Шукшин. Печки-лавочки. 1970–1972).
46. *— Домой я собрался, харя твоя улыбучая. — Ага, езжай* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза. 2015).
47. *Привет, — сказала она кому-то в телефон. — Ага, я. Это мой новый номер.* (А. Клепаков. Опекун // «Волга», 2016).
48. *Нарочно ласково Дмитриев говорит с дочкой, обняв ее: «Как, мартышка, довольна, что пришла к бабушке?» — «Ага».* (Ю. Трифонов. Обмен. 1969).
49. *— А ты, стало быть, Павлик? — Ага! — Ну, здорово, Павлик* (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы. 1971).

Есть даже такой просторечный глагол *агакать* — произносить «ага», выражая согласие. *Ты мне не агакай!*

Особый тип употребления — это вопросительное *ага*, которое добавляют в конце высказывания, чтобы получить от собеседника подтверждение сказанному. Например:

50. *Супруге своей я что скажу, что деньги на гостиницы профукал, ага?* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней, 2001)
51. *Так маму нельзя оставить. — Не пускает, ага?* (В. Быков. Болото. 2001)
52. *Нас с этого класса будут звать по фамилиям, совсем как взрослых, ага?* (М. Черепанов. Космос, истребитель, девушка. 2014)

Хотя общее значение частицы *ага* — согласие с собеседником, она может иронически употребляться в значении возражения — *ну, конечно*! *как же*!

53. *«Ну, тогда спросят!» — «Ага, спросят!»* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение. 1968)
54. *А она мне в ответ: ага, говорит, размечтался, говорит, губищи, говорит, раскатал, ха-ха-ха!* (А. Волос. Недвижимость // «Новый мир», 2001).
55. *Тебе еще и приметы перечисли? Ага. Счас...* (С. Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016)

Легко видеть, что во всех приведенных примерах *ага* стилистически окрашенное слово, причем оно даже несколько длиннее, чем нейтральное *да*. Однако в последние годы его стали активно использовать как в личной, так и в деловой переписке в мессенджерах: *Мы сможем во вторник обсудить несколько рабочих вопросов? — Ага*; *Мне нужен ваш совет, можно позвонить*? *— Ага*. Вначале меня это очень удивляло, но вскоре я сама стала воспринимать *ага* как стандартный утвердительный ответ в письменной коммуникации. На того, кто в первый раз сталкивается с ответом на вопрос *ага* в деловой переписке, это производит сильное впечатление. Так, моя мачеха была возмущена, что на ее вопрос «*Мне завтра прийти на прием в 12 часов, как в прошлый раз?*», заданный по WhatsApp, врач, доктор медицинских наук ответила сообщением: *Ага*. Но после того, как я ей объяснила, что врач не хотела ее обидеть и теперь так принято писать, она сама часто отвечает на мои сообщения — *Ага*.

Приведем теперь данные, полученные на основе анализа моей переписки в мессенджерах за 2022–2024 гг. Мои корреспонденты практически не используют в переписке междометие *ага*, вопросительное *ага* и ироническое *ага*. Однако большинство корреспондентов, в том числе «эксперты», используют утвердительную частицу *ага* в качестве ответа на вопрос и выражения согласия с утверждением или предложением что-либо сделать. Я задала «экспертам» вопрос: *Используете ли Вы ага в качестве ответа на вопрос или в качестве согласия с утверждением собеседника в устной речи? В переписке в мессенджерах?* Были получены следующие ответы (ответили 23 из 28 человек): 4 человека ответили: *нет, ни в речи, ни в переписке*; 1 человек — *да, и в речи, и в переписке*; 18 человек — *в речи не использую или использую крайне редко, в последние годы стал(а) активно использовать в интернет-коммуникации*. На вопросы: *Почему Вы не используете ага в устной речи, а используете в переписке*? *Почему Вы используете ага, а не да*? были получены следующие ответы: 1) это типичное интернет-слово, в речи оно какое-то

слишком разговорное; 2) *ага* как бы вежливей на письме, чем *да*; 3) *ага* — это какое-то заинтересованное согласие, дружелюбное; *да* слишком сухо; 4) ответить *да* — это как будто тебе не интересно общаться; 5) *да* как будто ничего не значит, чтобы сделать *да* более выразительным, его нужно удлинить: *дадада,* тогда это прямо такое согласие-согласие.

Таким образом, по мнению «экспертов», в устной речи у частицы *ага* сохраняется разговорно-сниженная стилистическая окраска, но в переписке в мессенджерах ее вполне допустимо и даже желательно использовать.

Литература

Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. Пекин: The Commercial Press, 2019.1481 с.

Даль В. И. Толковый словарь. Т. 1. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. 723 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ» Ltd, 1992. 955 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Северская О. И. ОК, *окей* или *о'кей*? // Русский язык. 2010, № 11. https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201001110

Шмелев А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 2. С. 274–285.

E. Ya. Shmeleva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
eshkind@mail.ru

AFFIRMATIVE PARTICLES *OK* AND *AGA* IN INTERNET COMMUNICATION

This article deals with the colloquial affirmative Russian particles *ok* and *aga*. It is based on the data of the Main Corpus and the subcorpus "Social Networks" of the National Russian Corpus and on the author's correspondence with friends and colleagues in instant messengers (WhatsApp, Telegram, Skype, Viber, etc.) and work chats from 2022 to 2024. The article discusses the history of the words *ok* and *aga* in Russian, the meaning and stylistic coloring of these words in modern Russian as well as the most common constructions with *ok* and *aga*. It identifies the reasons for the appearance of each of these words in speech and in written communication imitating oral speech. For this purpose, the author interviewed several "experts," that is, professional philologists who respect the norms of standard Russian and do not use colloquialisms and jargon words either in

speech or in correspondence. One can conclude that *ok* and *aga* are much more frequent in instant messengers than in oral conversation.

Keywords: affirmative particles, internet communication, written communication, oral speech, word history, semantics, stylistics

References

Dal' V. *Tolkovyi slovar'*. T. 1. [The Explanatory Dictionary. Vol. 1] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura» Publ., 1935. 723 p.

Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Beijing, The Commercial Press Publ., 2019. 1481 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language**]**. Moscow, Az Ltd Publ., 1992. 955 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.

Severskaya O. [*OK*, *okey* or *o'key*?]. *Russkii yazyk*, 2010, no. 11. https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201001110

Shmelev A. D. [A common mistake or a new norm: how to distinguish one from the other?]. *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 2, pp. 274–285.

Научный журнал

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

2024 г., № 3 (41)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 25,0
Тираж 300 экз. Заказ №